

А.Н.ГЛИНКИН

Дипломатия Симона Боливара

Симон Боливар – Освободитель (вместо предисловия)

О Боливаре надо говорить с вершины горы, чтобы гремел гром и ослепительно сверкали молнии...

Хосе Марти

В этих словах героя кубинского народа Хосе Марти отражен романтический пафос жизни Симона Боливара, выдающегося руководителя борьбы латиноамериканских народов за независимость в первой четверти XIX века. На огромных просторах от Мексики до Огненной Земли под ударами восставших народных масс рушились устои трехсотлетнего колониального господства Испании и Португалии. Мощный революционный поток увлек и Симона Боливара.

Боливар жил и боролся в бурную эпоху смены феодального общества капитализмом. На формирование его личности большое влияние оказали война за независимость английских колоний в Северной Америке, завершившаяся образованием Соединенных Штатов Америки, и Великая французская революция 1789 года. Одаренный блестящими способностями и глубоким аналитическим умом, он рано преодолел присущий его среде богатых креолов-аристократов консерватизм, возвысился до понимания объективных потребностей общественного развития и встал во главе освободительной борьбы народов севера континента. Под его знамена собирались городские низы, крестьяне, пастухи-индейцы, рабы-негры.

Свержение испанского колониального гнета потребовало многих лет тяжелой борьбы. Успехи и блестящие победы патриотов над войсками колонизаторов чередовались с поражениями. Пятнадцать лет неустанного ратного труда, 472 сражения, покорение во главе армии высочайших горных цепей – такова дорога воинской славы Боливара, солдата и полководца. Главным результатом этой борьбы явилось завоевание независимости и создание в Латинской Америке суверенных национальных государств. Этому великому делу Боливар посвятил всю жизнь. Не только на его родине – в Венесуэле, но и во всем испаноамериканском мире Боливара именуют Освободителем. В его честь названа последняя территория, освобожденная от испанского господства, – республика Боливия.

Общественно-государственное устройство молодых латиноамериканских наций, как мечтал Боливар, должно было основываться на высоких этических и моральных республиканских принципах, на торжестве просвещения и патриотических идеалов. Важное значение он придавал роли государства в развитии экономики и в охране природных богатств. До последних дней своей жизни Боливар настойчиво добивался уничтожения рабства во всей Латинской Америке. Так же энергично боролся он за освобождение коренного населения Южноамериканского континента. Социальное и политическое равенство он называл «законом всех законов» и считал необходимым обеспечить обездоленным доступ к образованию. Боливар не просто проповедовал воззрения, прогрессивные для своего времени, но и старался претворять их в жизнь. И не его вина, что многие изданные им законы остались на бумаге, а революционные по духу начинания не получили развития, встретив ожесточенное сопротивление олигархических сил.

Жизненный путь Боливара не был усыпан розами. «Симон Боливар был и остается великим освободителем нашего народа. Его жизнь полна гениальных находок и столь же

больших ошибок. Ему удалось познать славу, но пришлось испытать и горечь поражения»¹, – сказал о нем Пабло Неруда.

О жизни и деятельности Боливара написано множество книг. Историческая масштабность его свершений и необыкновенная одаренность личности, сверкавшей талантами полководца, политика, законодателя, мыслителя, оратора, привлекают внимание историков, философов, писателей и поэтов. Полярностью точек зрения, контрастностью оценок – от восторженно-апологетических до уничижительно-отрицательных – роли этого выдающегося деятеля и его драматической судьбы отмечены многие книги, образующие обширную «боливариану».

Огромный интерес и острые идейные баталии вызвал исторический роман лауреата Нобелевской премии Габриэля Гарсия Маркеса «Генерал в своем лабиринте», посвященный последним годам жизни Боливара. Одни считают этот роман новым творческим достижением выдающегося колумбийского писателя, смелой попыткой гуманизировать Боливара, противопоставить живой образ человека бесстрастию бронзовых бюстов. Другие называют февраль 1989 года, дату появления романа, «черным днем» для истинных почитателей Боливара.

Не остался незамеченным цикл лекций советского историка А. Ф. Шульговского о политическом проекте Освободителя, прочитанный в Боготе и Кали по случаю 200-летия со дня рождения Боливара. Интерпретация А. Ф. Шульговского вызвала полемику среди специалистов, выплеснувшуюся на страницы колумбийских, венесуэльских и советских периодических изданий и книг. Дебаты продолжаются, и они свидетельствуют прежде всего об одном – Боливар современен, он интересен людям, живущим на пороге XXI века.

В обширной «боливариане» относительно скромное место занимают книги, посвященные дипломатической деятельности Боливара, хотя внешнеполитические проблемы постоянно находились в центре его забот. Так уж повелось в человеческой истории, насчитывающей из пяти с половиной тысячелетий лишь 292 мирных года, что памятники чаще воздвигались полководцам, чем дипломатам. Гром литавр по случаю побед оружия заглушал негромкое эхо успешных дипломатических акций. Лишь в последнее время наблюдается рост интереса к изучению дипломатии Боливара. В серии работ, изданных в Венесуэле в связи с 200-летием со дня рождения Освободителя, были опубликованы фундаментальный сборник документов «Боливар и Европа», включающий архивные и другие малоизвестные материалы из хранилищ пятнадцати европейских государств, и краткий популярный очерк «Боливар-дипломат», принадлежащий перу известного венесуэльского дипломата и историка Армандо Рохаса².

Между тем с полным основанием можно утверждать: если бы слава полководца и государственного деятеля не затмила другие проявления талантов Боливара, то он бы вошел в историю как выдающийся дипломат и теоретик международных отношений – столь много сделано им в этой сложнейшей области человеческой деятельности.

На развалинах испанской колониальной империи образовалось не одно большое государство, как мечтал Боливар, а целая группа суверенных государств. Молодые латиноамериканские страны оказались втянутыми в водоворот событий на международной арене, и во внешнеполитической области им пришлось решать сложные задачи, имевшие жизненное значение. Необходимо было добиться признания завоеванной независимости со стороны бывшей метрополии, получить дипломатическое признание «великих держав» и защитить свой суверенитет от их посягательств. Успешно решить эти важные задачи можно было, по убеждению Боливара, лишь объединив усилия латиноамериканских стран,

---

¹ [1] Неруда П. Слово к советскому читателю//Лаврецкий И. Симон Боливар. – М., 1958. – С. 4

² [2] См. Bolivar y Europa en las cronicas, el pensamiento politico y la historiografia. – Vol. I. – Siglo XIX. – Caracas, 1986 (далее – Bolivar y Europa...); Rojas A. Bolivar diplomatico. – Caracas, 1983

связанных общностью исторической судьбы, языка, культуры и традиций. В таких делах решающее слово принадлежало дипломатии.

На протяжении всей пятнадцатилетней героической эпопеи войны за независимость борьба велась одновременно на двух фронтах – военном и дипломатическом, и успехи на каждом из них приближали день окончательной победы. Боливар прекрасно понимал значение внешнеполитического фактора и верил в искусство дипломатии. Международные вопросы органически вплетены в ткань многих его прокламаций, декретов, заявлений, писем. До конца своих дней он проявлял живой интерес к дипломатической деятельности. «Если правительство захочет использовать меня на посту посланника в Мексике, я буду рад этому», – писал он в последние годы жизни.

Автор предлагаемой читателю книги исходит из широкого толкования понятия «дипломатия». Предметом изучения являются не только средства решения внешнеполитических задач и применяемая при этом «техника», но и сама внешняя политика, ее движущие силы, стратегия, концепции и доктрины, рассматриваемые на широком международном фоне и во взаимосвязи с внутривнутриполитическим положением.

Выполняя миссию Освободителя, которую он считал своим призванием, Боливар гениально сумел подчинить все достижения главной задачи – завоеванию народами континента независимости. В дипломатии национального освобождения воплощено то новое, что привнесено им в теорию и практику международных отношений. Для него не были безразличны и общечеловеческие интересы. «Свобода Нового Света – надежда Вселенной»,³ – провозглашал Боливар, дерзко бросая вызов союзу монархов Европы, задумавших перекрыть дорогу революционному обновлению общества. Оставленное Боливаром внешнеполитическое наследие имеет непреходящее значение.

Клятва на Монте- Сакро

Больше всего на свете я хочу отдать свои силы для блага Венесуэлы.

Симон Боливар

КАСА НАТАЛЬ

Почти в самом центре Каракаса, в двухстах метрах от Пласа Майор – главной площади, по соседству с устремленными ввысь небоскребами банковских контор, в начале тихой улочки стоит внешне ничем не примечательный старинный особняк. Это – Каса Наталь (отчий дом), являющийся сегодня, пожалуй, самым посещаемым мемориалом Венесуэлы, а возможно, и всей Латинской Америки. Толстые стены из камня, сложенные на века (каракасцы помнили о страшном землетрясении 1641 г.), анфилады комнат, внутренние галереи, где можно укрыться от полуденного солнца, и в центре – патио, зеленое каре традиционного испанского внутреннего дворика. В этом доме 24 июля 1783 г. родился, провел свое детство и юношеские годы Симон Боливар. Он был четвертым, и последним, ребенком одного из самых богатых и знатных семейств колониальной Венесуэлы, насчитывавшего уже шесть поколений предков.

Посетители Каса Наталь могут увидеть макет баскской деревушки в горах Бискайи, откуда в XVI веке в Венесуэлу прибыл первый из Боливаров, устремившийся с потоком испанских конкистадоров на завоевание Америки по пути, открытому Христофором Колумбом. Испанская корона щедро одаривала удачливых конкистадоров, служивших в

---

³ [3] Bolivar S. Obras completas. – Vol. III. – La Habana, 1950. – P. 737 (далее – Bolivar S.)

колониальной администрации, которую всегда возглавляли представители метрополии – испанцы не только по крови, но и родившиеся в далекой Испании. Симон Боливар рано потерял родителей, но не остался бедным сиротой. Семейство Боливаров владело крупными серебряными и медными рудниками, многочисленными ранчо, плантациями сахарного тростника, индиго и какао. На этих плантациях под палящими лучами тропического солнца, под свист плетей надсмотрщиков гнули спины две тысячи негров-рабов.

Знатность рода и богатство не только обеспечивали принадлежность к высшему, привилегированному слою колониального населения, но и гарантировали благосклонное отношение генерал-капитана – наместника испанского короля в Венесуэле. Перед Боливаром открывалась перспектива блестящей карьеры или беспечной жизни, полной радости и наслаждений, когда время заполняется охотой, балами, зваными обедами, карточной игрой, поклонением прекрасному полу и путешествиями в далекую и дорогую сердцу Испанию. Креолы, или мантуанцы (название произошло от мантильи, неперменного атрибута женского костюма креольской аристократии в колониальную эпоху), как называли в те времена белых потомков испанских завоевателей, хотя и родились на американской земле, тысячами нитей были связаны с родиной своих предков. С ней их сближали генетическая память, язык, культура, общая религия, традиции и, наконец, преклонение перед авторитетом монарха Испании.

Казалось, судьба Симона Боливара была предопределена. Однако он избрал другой путь. «Я хочу быть гражданином, чтобы жить свободным»⁴ – таково было его жизненное кредо. Что же влекло молодого, наделенного блестящими способностями и пламенным сердцем юношу на неизведанную, полную опасностей дорогу борьбы против колониального гнета? Ведь он знал, что испанская корона безжалостно расправляется с вольнодумцами и бунтарями: их ждали страшные казематы испанской тюрьмы, галеры, виселица или четвертование.

Может быть, на него повлияли слова отца, Хуана Висенте Боливара-и-Понте, который, как гласит семейная легенда, сказал при крещении сына: «Он должен прославить наш род не менее нашего первого предка Симона. Я предчувствую, что мой сын будет освободителем Венесуэлы»⁵.

Глава семейства умер, когда мальчику было два с половиной года. Боливар прожил сравнительно недолгую, но богатую драматическими событиями, невероятными опасностями и счастливыми спасениями жизнь. Немало документов, свидетельств того времени, сохранил для историков один из адъютантов Боливара – Даниэль О'Лири, ставший впоследствии его первым биографом. Изюм в день он с дотошностью архивариуса собирал все, что относилось к жизни и деятельности Освободителя. 34 тома мемуаров О'Лири – бесценное собрание подлинных документов, характеризующих жизненный путь Боливара⁶. Однако «белые пятна» встречаются, и их не может «закрыть» обширнейшая биографическая литература о Боливаре. На этой почве возникают легенды и мифы – неизбежные спутники каждой выдающейся личности. Великое множество их сложено и о Боливаре, и это не удивительно. Проникая на страницы биографий и специальных исследований, посвященных великому каракасцу, мифы и легенды порой обретают видимость достоверности и вызывают острую полемику между историками различных поколений и школ. Висенте Лекуна, один из наиболее авторитетных венесуэльских историков, посвятил специальный трехтомный труд очищению биографии Боливара от подобного рода наслоений, назвав его «Каталогом ошибок и клеветнических утверждений в истории

---

⁴ [4] Bolivar y la opinion publica. – Caracas, 1983. – P. 62

⁵ [5] Цит. по Лаврецкий И. Указ. соч. – С. 16

⁶ [6] См. O'Leary D. Memorias. – Vols. 1-34. – Caracas, 1981

Боливара»⁷.

То, что Хуан Висенте произнес при крещении сына пророческие слова, похоже на легенду, которая хорошо вписывается в биографию героя. Однако сохранился один документ, свидетельствующий о том, что подобный факт мог иметь место. За год до рождения сына Хуан Висенте вместе с двумя другими знатными креолами 24 февраля 1782 г. обратился с письмом к Франсиско Миранде, известному предтече борьбы за независимость, в котором содержался призыв начать восстание против испанских властей⁸.

Несомненно, выполнить такой завет отца – великое дело. Но решающую роль, по всей вероятности, сыграло все-таки то, что Симон Боливар был сыном своего времени, на знамени которого было начертано: «Долой тиранов! Да здравствуют свобода, равенство, братство!» Конец XVIII – начало XIX века подарили человечеству плеяду выдающихся философов и литераторов, блестящих полководцев, общественных и политических деятелей, охваченных страстным стремлением изменить окружающий мир. Джефферсон и Вашингтон, Вольтер, Руссо и Робеспьер, Радищев и декабристы, Риго и Миранда звали угнетенные народы на штурм бастилий колониального рабства и феодально-абсолютистских монархий. Симон Боливар принадлежал к этому поколению деятелей новой эпохи – эпохи революционной смены феодализма буржуазным обществом. Вне связи с ней нельзя понять его жизнь и деятельность.

Многие биографы Боливара обращали внимание на тот факт, что в год рождения Симона победно завершилась война за независимость в Северной Америке. Из 13 английских колоний образовалось новое суверенное государство – буржуазная республика Соединенные Штаты Америки. Некоторые усматривают в этом даже своеобразное знамение. Совпадение, конечно же, случайное, но оно, безусловно, оказало влияние на формирование личности Симона Боливара. Война за независимость в Северной Америке прозвучала для него набатным колоколом.

Декларация независимости США явилась самым высоким и ярким взлетом свободомыслия молодой американской буржуазии. Эта первая декларация прав человека опровергала общепринятое тогда «божественное право» королей. Она утверждала идеи народного суверенитета и право каждого народа изменить свое государственное устройство. В силу схожести статуса английских и испанских колоний в Америке североамериканская революция конца XVIII века была понятной и близкой латиноамериканцам. Она звала к смелым революционным действиям и вселяла веру в возможность одержать победу над могущественной метрополией.

Не менее волновали жителей испанских колоний в Америке известия из Старого Света. Во Франции под натиском восставшего народа пала монархия, «помазанник божий» – король Людовик XVI казнен, революционная армия санкюлотов под звуки Марсельезы одерживает блестящие победы над войсками коалиции, объединившей чуть ли не всех монархов Европы. Испанскому королю пришлось в 1796 году заключить договор об оборонительном и наступательном союзе между монархической Испанией и революционной Францией. Все эти события волновали умы, будили бунтарский дух. Приближалась гроза небывалой силы.

Пока же в Венесуэле, как и в других испанских колониях, царило обманчивое спокойствие и устои колониальных порядков казались незыблемыми. К началу XIX века испанская корона владела самой большой в мире империей. Ей принадлежали земли в северо-западной части Африки, острова в различных морях и океанах (Филиппины, Канарские, Антильские, Каролинские), огромные территории в Америке, простиравшиеся от Миссисипи на севере до Огненной Земли на юге. Для удобства управления испанская

---

⁷ [7] См. Lecuna V. Catalogo de errores y calumnias en la historia de Bolivar. – Т. 1-3. – Н. У., 1958 (далее – Lecuna V. Catalogo...)

⁸ [8] Ibid. – Т. 1. – Р. 204

Америка была разделена на четыре вице-королевства: Новая Испания (Мексика и Центральная Америка), Перу, Новая Гранада (Колумбия, Эквадор и Панама), Рио-де-Ла-Плата (Аргентина, Парагвай, Уругвай и Боливия). Несколько территорий имели полуавтономный статус и назывались генерал-капитанствами (Венесуэла, Гватемала, Куба, Чили). Население испанской Америки в то время составляло от 14 до 16 млн. и в полтора раза превышало число жителей в Испании ⁹.

Социальный строй и система колониального управления были копией порядков в феодально-абсолютистской Испании. Высшая власть в колониях принадлежала вице-королям и генерал-капитанам. Им были подчинены губернаторы отдельных провинций и другие чиновники, управлявшие городами и сельскими округами. Как правило, эти должности занимали отпрыски обедневших аристократических семейств Испании, отправившиеся в заморские колонии, для того чтобы, как говорили в те времена, «позолотить свои гербы». Представители населения колоний, в основном крупные землевладельцы-креолы, допускались лишь на низшие ступеньки колониальной администрации и в городские органы самоуправления – кабильдо или аюнтамьенто, занимавшиеся вопросами местного значения. Это было общество строгого сословно-кастового деления, жесткой регламентации материальной и духовной жизни, подчиненной контролю колониальных властей и католической церкви. Трудовой люд – метисы, мулаты, индейцы, негры-рабы были бесправными и подвергались жесточайшей эксплуатации.

Население колоний платило многочисленные налоги в королевскую казну, а также католической церкви и местным крупным землевладельцам-латифундистам. Вся экономическая жизнь испанской Америки была подчинена интересам метрополии. Короля и испанских грандов интересовали только драгоценные металлы и продукты тропического плантационного хозяйства, которые можно было выгодно сбывать в Европе. В Венесуэле, например, где не было месторождений золота и серебра, выращивались кофе, какао, табак, сахар, разнообразные фрукты.

Все это грузилось на корабли и отправлялось в далекую Испанию. Основную торговлю держали в своих руках королевское казначейство (государственная монополия на продажу соли, спиртных напитков, гербовой бумаги) и испанские купцы. Торговый обмен с иностранными государствами был строго запрещен, однако эти запреты не могли сдержать развития контрабандной торговли, так как в колониях ощущался острый дефицит многих товаров.

Любые проявления недовольства колониальными порядками, будь то восстания негров-рабов и индейцев-крестьян или же выступления креолов, жестоко подавлялись. «Три столетия Америка стонала под гнетом этой тирании, – скажет с негодованием Боливар. – Самой жестокой из всех тираний, которые порабощали человека» ¹⁰.

Колониальные власти всеми средствами пытались закрыть дорогу в испанскую Америку революционным идеям Просвещения, пресечь распространение мятежных сочинений среди ее населения, но были бессильны. Идеи, как и птицы, не знают границ и путешествуют без виз. Несмотря на все запреты, книги французских просветителей и программные документы французской и североамериканской революций тайно провозились в испанские колонии. Их жадно читали и горячо обсуждали, передавали из рук в руки, переводили на испанский язык. Новогранадец Антонио Нариньо в 1793 году перевел на испанский язык и тайно издал Декларацию прав человека и гражданина. И хотя колониальные власти жестоко расправились с ним, сослав на десять лет в Африку, у Нариньо

---

⁹ [9] Гумбольдт А. Страны Центральной и Южной Америки. Остров Куба. – М., 1969. – С. 18; Townsend Ezcurra A, Bolivar: Alfarero de Republicas. – Caracas, 1979. – P. 109

¹⁰ [10] Bolivar S. – Vol. I. – P. 63

нашлись последователи. В Венесуэле его подвиг повторил Хуан Мариано Пикорнель – один из идеологов местных патриотов. Другой венесуэлец – Хосе Мануэль Вильясенио перевел на испанский язык Конституцию США, аргентинец Мануэль Бельграно – Прощальное обращение Джорджа Вашингтона, а новогранадец Мигель де Помбо – американскую Декларацию независимости.

Революционные идеи встречали горячий отклик у просвещенной части населения Венесуэлы и других испанских владений. Здесь уже накопился огромный «горючий материал», зрело и прорывалось наружу недовольство колониальным режимом, его экономической политикой, растущими поборами в связи с нескончаемыми «династическими войнами» Испании, торговой монополией и многочисленными ограничениями хозяйственной деятельности, обскурантизмом и жестокостью наместников короля. Более того, происходил активный процесс формирования национального самосознания, собственной освободительной идеологии. В конце XVIII – начале XIX века во всей испанской Америке как зарницы грядущего великого освободительного пламени вспыхивали волнения и народные восстания, возникали тайные патриотические общества, множились заговоры и открытые проявления неповиновения колониальным властям. Все эти события объясняют смысл часто цитируемого высказывания Симона Боливара: «Не от Руссо, не от Вашингтона идет наша Америка. Она – продукт своего собственного развития» ¹¹.

Венесуэльцы чтут своих национальных героев. Памятник борцам за независимость в Каракасе – один из самых впечатляющих монументов. На фронте одной из скульптурных композиций начертаны слегка поблекшие от времени слова: «Народ – предтеча независимости» и четыре имени: Франсиско Миранда, Хосе Леон Чиринос, Хосе Мария Эспанья, Мануэль Гуаль. Какими делами и подвигами они заслужили благодарную память потомков?

Уроженец Каракаса Франсиско Миранда начинал свою карьеру в 80-х годах XVIII в., как и многие отпрыски местной креольской знати, со службы офицером в испанской королевской армии, а затем, после участия в неудавшемся антииспанском заговоре на Кубе, был вынужден бежать в Европу. По словам русского посла в Лондоне С. Р. Воронцова, лично знавшего Миранду, его отличала неумная страсть «освободить отечество свое Америку от ига гишпанскаго» ¹². Миранда был первым глашатаем независимости испанских колоний в Америке и подчинил свою жизнь достижению этой великой цели. Предтеча независимости Венесуэлы был непосредственным участником двух великих революционных битв конца XVIII века – войны за независимость США и Великой французской революции. Тайные агенты испанской короны следовали за Мирандой по пятам по всей Европе, имея приказ похитить его и живым доставить в Мадрид. Избегая их ловушек, Миранда в эмиграции – в Англии и США – развил бурную деятельность, собирая средства, оружие и корабли с целью снарядить освободительную экспедицию в Южную Америку и зажечь факел народной борьбы за независимость своей родины. Успех не сопутствовал ему, и экспедиция в Венесуэлу в 1806 году закончилась неудачей.

Жизненным дорогам легендарного Миранды и молодого Боливара суждено было пересечься в 1810 году в Лондоне, где Миранда находился последние годы перед возвращением на родину. Но к этому мы вернемся позже.

Такой же легендой овеяно имя Чириноса, вожака восстания негров-рабов, к которым примкнули свободные негры, метисы, мулаты и белые поденщики-крестьяне, в 1795 году в районе города Коро. Восставшие объявили об отмене рабства и снижении налогов. В сельской местности они захватывали и сжигали усадьбы латифундистов. Подавив восстание,

---

¹¹ [11] Simon Bolivar. Libertador de la America del Sur por los mas grandes escritores americanos. – Madrid – Buenos Aires, 1914. – P. 191 (далее – Simon Bolivar. Libertador de la America del Sur...)

¹² [12] Цит. по Латинская Америка. – 1987. – № 7. – С. 73

колониальные власти жестоко расправились с Чириносом и его сподвижниками.

Республиканский заговор во главе с Мануэлем Гуалем и Хосе Мария Эспаньей 1797 года носил уже иной характер. Это был не стихийный протест, как восстание в Коро или смелое выступление борца-одиночки Миранды, а организованное антиколониальное движение. Его участники осознавали цели борьбы, имели свою программу и стремились донести освободительные идеи до широких слоев населения. Они не ограничились привлечением в свои ряды только креолов, а обратились к неграм, метисам, мулатам, индейцам.

Осуществить задуманное участниками «заговора Гуаля и Эспаньи», как именуют венесуэльские историки это движение, не удалось. В последний момент предатель выдал их колониальным властям. В делах королевской аудиенсии, творившей суд над 72 патриотами, сохранились их программные документы. В «Ордонансах» и воззвании «К свободным жителям Испанской Америки» излагались основные требования восставших, содержался страстный призыв к борьбе против испанского деспотизма. В них подчеркивалась необходимость принятия конституции, установления «суверенитета народа» и декларировалось «естественное равенство между всеми жителями и... всеми индивидуумами нашей республики»¹³. Сохранились также тексты «Американской песни» и «Американской карманьолы» – популярное изложение первых двух документов для народа, не знавшего грамоты. В «Американской песне» были такие слова: «Все короли на белом свете- тираны, и один из худших среди них – ничтожный Карлос»¹⁴. Представляются справедливыми слова венесуэльского историка Хиля Фортоуля: «Программа 1797 года содержит в зародыше то, что осуществили патриоты в 1810- 1811 годах»¹⁵.

Мощные толчки нарастающего народного недовольства в Венесуэле все чаще прорывались наружу, предвещая крушения, казавшегося незыблемым здания колониальных порядков.

Очистительные ветры эпохи проникали сквозь толстые каменные стены Каса Наталь, где текла обычная жизнь богатых людей, собиралось местное «светское общество», регулярно давались балы. Об этом есть свидетельство самого С. Боливара. В 1824 году, беседуя в Перу с офицером военно-морского флота США Х. Полдингом, он рассказывал ему: «С детских лет я думал о независимости: меня восхищала история Греции и Рима. Революция в Соединенных Штатах произошла недавно и послужила примером. Личность Вашингтона зажгла в моей груди желание следовать путем борьбы. Испанцы, которые держали в своих руках судьбы Колумбии в эпоху подчинения королю, были не только тиранами, но и являлись олицетворением самых грязных пороков»¹⁶.

Не представляет большого труда проследить путь формирования личности Боливара, определить истоки его идейного развития. Много времени в свои юные годы Боливар посвятил чтению исторических, философских и естественнонаучных книг. Шумным играм со сверстниками он часто предпочитал тишину личной библиотеки его дяди, одной из богатейших в Каракасе. Через всю жизнь Боливар пронес любовь к книге, никогда не переставал обогащать свои знания, стал одним из образованнейших людей своего времени. В

---

¹³ [13] Bolivar y Europa... – P. 295

¹⁴ [14] Цит. по Pino Iturriete E. A. La mentalidad venezolana de la emancipacion. – Caracas, 1971. – P. 73

¹⁵ 2 [15] olivar y Europa... – P. 298. В Венесуэле и в других испанских колониях борцов за независимость называли патриотами, так как они ставили интересы родной земли выше интересов испанской короны. В отличие от роялистов, сохранявших верность монарху Испании. По традиции и современные историки нередко используют этот термин

¹⁶ [16] Lecuna V. Catalogo... – T. 1. – P. 204-205

письме к Сантандеру, одному из руководителей освободительной борьбы в Колумбии, Боливар вспоминал в 1825 году о своих «университетах»: «...неверно, что я не получил систематического образования. Моя мать и опекуны сделали все возможное для моей учебы – для меня были наняты лучшие учителя страны... Потом меня отправили в Европу, чтобы я продолжил математическое образование в академии Сан-Фернандо. Иностранным языкам меня учили прекрасные педагоги Мадрида». Далее Боливар рассказывает о том, сколько дней и ночей было отдано изучению сочинений Локка, Кондильяка, Бюффона, д'Аламбера, Гельвеция, Монтескье, Мабли, Филанджери, Лаланда, Руссо, Вольтера, Роллена, Бертолле и классиков античности – философов, историков и поэтов, а также современных классиков Испании, Франции, Италии и в значительной степени Англии. «Я пишу все это Вам сугубо доверительно, чтобы Вы не думали, что Ваш бедный президент получил... плохое образование...»¹⁷. Этот рассказ Боливара правдив от первого до последнего слова. И лучшее доказательство тому мы находим в его многочисленных манифестах и воззваниях периода войны за независимость, в беседах с гражданскими и военными руководителями Венесуэлы, Новой Гранады, Эквадора, Перу, Боливии, в десятитомном собрании его эпистолярного наследия. В них почти всегда присутствуют ссылки на исторические события и имена деятелей всех эпох, встречаются образы героев мировой литературы. Историзм мышления был неотъемлемой чертой личности Освободителя.

Мир молодого Боливара – это героический эпос Древней Греции и Рима, это мир мыслителей века Просвещения, мир современных ему великих людей, таких как Наполеон, Вашингтон, Миранда.

Еще большую роль в идейном формировании Боливара играли общение с его наставниками, выдающимися педагогами и мыслителями своего времени – Симоном Родригесом и Андресом Бельо, а также путешествия в Европу, где рушились феодально-абсолютистские порядки и возникали контуры нового, более свободного и человеческого мира.

После смерти матери Боливара заботу о юном Симоне взял на себя его дядя, Карлос Паласиос-Бланко. Даже если бы он сознательно хотел воспитывать своего племянника бесстрашным бунтарем, вряд ли можно было найти ему лучшего наставника, чем Родригес. Некоторые исследователи считают Родригеса представителем утопического социализма в Латинской Америке, другие видят в нем горячего последователя Жан Жака Руссо. Общение на протяжении пяти лет юного Боливара с этим человеком необычной судьбы, который порвал со своей семьей, отличавшейся фанатичной религиозностью, и провел несколько лет в Европе, оставило неизгладимый след в душе будущего Освободителя. Родригес познакомил Боливара с «Общественным договором» и другими трудами великого женева. Читая в знаменитом романе «Эмиль» строки «мы приближаемся к состоянию кризиса и веку революций», Симон верил, что гениальное пророчество Руссо относится не только к Европе, но и к испанской Америке.

Двадцатилетнего Родригеса и тринадцатилетнего Боливара связала тесная и трогательная дружба, зародившаяся в поместье Сан-Матео, где они проводили дни в прогулках, походах, душевных беседах. Эта дружба не прервалась и после того, как Родригес, обвиненный в участии в республиканском заговоре Гуаля и Эспаньи в 1797 году, был вынужден срочно уехать в Европу. Много лет спустя, вспоминая дни юности, Боливар с присущей ему патетикой напишет Родригесу: «Вы открыли для моего сердца свободу, справедливость, великое, прекрасное. Я следовал по указанному Вами пути»¹⁸.

Новым наставником Боливара стал Андрес Бельо, ученый и литератор, человек энциклопедических знаний, прекрасно владевший французским и английским языками. Под

---

¹⁷ [17] Боливар С. Избранные произведения. 1812-1830. – М., 1983.- С. 124

¹⁸ [18] Bolivar S. – Vol. I. – P. 881

его влиянием Боливар стал приобщаться к миру классической поэзии и литературы, познакомился с бессмертными творениями Гомера, Данте, Вергилия, Сервантеса.

Наверное, все полученные знания могли остаться мертвым грузом, если бы «вторым я» Боливара не стало постоянное «общение с самим собой» – каждодневные размышления о прочитанном и познанном, из которых постепенно складывались его убеждения и взгляды.

Годы ученичества завершались. В 1799 году опекуны Боливара по традиции богатых креольских семей направили юношу в Мадрид для завершения образования.

ПОЗНАНИЕ МИРА

19 января 1799 г. испанский корабль «Сан-Ильдефонсо», стоявший на рейде венесуэльского порта Ла-Гуайра, поднял якоря и, наполнив паруса попутным ветром, взял курс на Испанию. На его борту находился Симон Боливар. Это был его первый выход во внешний мир, познание новых горизонтов «нашей Америки» (предстояли остановки в Мексике и на Кубе) и далекой Европы.

Миниатюра неизвестного художника сохранила облик Симона Боливара времен его первого путешествия в Испанию. Стройный юноша, одетый изящно и с долей щегольства, лицо, еще сохраняющее мальчишескую округлость, копна черных волос, полукружья густых бровей и большие, широко распахнутые глаза, пылливо вглядывающиеся в окружающий мир.

Юноша жадно впитывал новые впечатления. Но не только этим была знаменательна первая зарубежная поездка. Боливар не был создан созерцателем, его влекло действие. Он любил повторять слова Руссо: «...Если человек, способный сделать что-нибудь полезное для человечества, остается в бездействии, он заслуживает осуждения»¹⁹. Однако еще не пришло время для выхода кипевших в нем сил. И обуревавшие Боливара мысли, чувства, дерзкие мечты проявлялись в неординарных поступках.

Полуторамесячное пребывание в Новой Испании (Мексика) позволило С. Боливару познакомиться с историческими памятниками и богатейшей культурой одной из самых многочисленных народностей коренного населения Америки – индейцев-ацтеков. Не эти ли юношеские впечатления Боливара побудили его позднее осмыслить вклад индейцев, которых в те времена далеко не все причисляли к категории «людей», в формирование наций Латинской Америки и стать поборником прав коренных жителей?

Рекомендательные письма и заботы родственников открыли Боливару доступ во дворец вице-короля Новой Испании. На званом обеде произошел эпизод, который можно считать первым публичным заявлением Боливара о своих взглядах. Когда речь зашла о политической обстановке в Европе, молодой каракасец, одетый в форму младшего лейтенанта королевской армии, столь смело и открыто выразил свое восхищение Французской революцией, что вызвал смущение присутствовавших, не привыкших слышать во дворце подобные речи, и явное неудовольствие вице- короля Х. Асансы²⁰. Последний поспешил принять меры к тому, чтобы поскорее отправить юношу в Испанию.

В Мадриде Боливара опекали его дядя Эстебан Паласиос и выходец из Венесуэлы гвардейский офицер Мануэль Мальо, пользовавшийся благосклонностью королевской фамилии. Пребывание Симона в столице Испании обогатило его множеством впечатлений. Значительную часть своего времени он посвящал систематическим занятиям науками, но не замыкался в классных комнатах. Боливара привлекают интересные люди. В беседах с ними он ищет ответы на волнующие его вопросы. Симон – частый гость во дворце маркиза Устариса, уроженца Каракаса, давно жившего в Мадриде и игравшего немалую роль в

---

¹⁹ [19] Ibid. – Vol. II. – P. 83

²⁰ [20] См. Archivo historico diplomatico mexicano. – Mexico. – N 21. – 1927. – P. 8

политической "кухне" испанской монархии. Поклонник французских энциклопедистов и приверженец политики просвещенного абсолютизма, маркиз Устарис познакомил Боливара со многими известными учеными, писателями и художниками Испании, разрешил Симону работать в своей богатейшей библиотеке ²¹.

Интеллектуальному развитию Боливара способствовали долгие беседы с Устарисом, человеком эрудированным, отличавшимся широким кругозором и философским складом ума. Этим беседам не мешала большая разница в возрасте. Можно предположить, что умудренный знаниями и жизненным опытом маркиз угадывал в молодом человеке необычайную одаренность. Он заботливо и тактично шлифовал попавший в его руки алмаз. До конца своих дней Боливар сохранил признательность престарелому маркизу за жизненные уроки и вспоминал о нем с глубоким уважением и теплотой. По свидетельству О'Лири, одной из тем, вызывавших жаркие дискуссии, был вопрос об отделении испанских колоний от метрополии. Не отвергая такую перспективу, Устарис тем не менее говорил об огромных трудностях, которые могут возникнуть при этом. Однако слова маркиза вызывали в душе Боливара не пессимизм, а жажду борьбы.

Было бы неверным представлять, что в Мадриде Боливар жил затворником, погруженным в занятия, чтение и обсуждение «вечных вопросов». Ничто человеческое ему не было чуждо. После провинциально тихого Каракаса, насчитывавшего 44 тыс. жителей, великолепие столицы Испании ослепляло, и Симон закружился в вихре светской жизни. Ему было семнадцать лет. Он любил и умел танцевать. Богатство, знатность и высокое покровительство обеспечили ему благосклонность королевского двора. Его неоднократно приглашали во дворец в Аранхуэсе, допускали к играм с инфантами в прекрасных садах, окружавших королевский дворец. Однажды здесь и произошел эпизод, которому молва придала символическое значение. Во время игры в мяч с наследным принцем Фердинандом Симон Боливар с огромной силой метнул мяч и угодил им принцу в лоб. Последний сначала опешил, а затем вспыхнул гневом и хотел проучить неучтивого креола. Королеве Марии Луизе не без труда удалось восстановить мир ²². Знал бы Фердинанд, которому вскоре предстояло занять трон, что его партнер четверть века спустя лишит королевскую корону ее самых ценных бриллиантов, не миновать бы Боливару страшных казематов кадисской тюрьмы. Но только богам, а не простым смертным подвластно приподнимать завесу будущего.

На пороге XIX века Испания еще продолжала числиться в ряду великих держав, но то, что предстало взору молодого каракасца, потрясло его. По соседству, за Пиренеями, Франция да и почти вся Западная Европа уже вступили в новую эпоху, а здесь, на Иберийском полуострове, продолжало царить средневековье. Управляемая династией испанских Бурбонов, одной из самых древних в Европе, некогда могущественная и богатейшая держава переживала глубокий упадок. Господство феодальной знати и католической церкви душило живые силы страны.

Богатства, притекавшие из заморских владений, не приносили благополучия. Они уходили «в песок» – тратились на содержание двора, правительства, привилегированных классов и князей церкви. Эта камарилья была неспособна что-либо предпринять для экономического и духовного прогресса нации.

Ни один посетитель мадридского Прадо не пройдет мимо полотна «Семья короля Карлоса IV». Эта картина является одной из вершин изобразительного искусства и одновременно политическим произведением необычайной силы. Гениальная кисть Франсиско Гойи обнажила степень вырождения правившего семейства испанских Бурбонов острее, чем все исторические трактаты. На фоне сверкающих мундиров, орденов и

---

²¹ [21] O'Leary D. Op. cit. – Vol. 27. – P. 10

²² [22] См. Guasch J. Bolivar. El eterno traicionado. – Barcelona, 1901. – P. 23-24, 25

драгоценностей, всех этих земных атрибутов божественной власти, зримо выступает человеческое ничтожество носителей наследственного королевского титула. Тучный, одолеваемый подагрой, безвольный и недалекий король. Стареющая некрасивая королева с пронзительно-хищными глазами. Ее облик излучает злую несокрушимую волю и решимость урвать у жизни все возможные земные наслаждения. В группе инфантов выделяется наследный принц Фердинанд, отмеченный печатью тайных пороков и скудоумия. Для полноты картины не хватает только Мануэля Годоя, всесильного фаворита королевы. Неприязнь к нему испанцев не знала границ. Нажитое им состояние, по остроумному замечанию французского посла, точно соответствовало размерам государственного долга Испании. Заняв в 1797 году пост главы правительства, Годой своей недальновидной политикой торил дорогу к национальной катастрофе. За два года до приезда Боливара в Мадрид некогда непобедимый испанский флот был разгромлен англичанами, что создало немалые трудности для поддержания связей с заморскими владениями.

«И этот развратный и бессовестный двор купается в роскоши, создаваемой трудом порабощенных американцев!»²³, – восклицал потрясенный Симон Боливар.

Но в один прекрасный день все отступило на задний план. Весной 1800 года романтическое сердце Боливара пленила очаровательная Мария Тереса, единственная дочь богатого уроженца Каракаса Бернардо Родригеса де Торо. Молодым людям, решившим соединить свои судьбы, пришлось выдержать испытание: Боливара отправили на четыре месяца в Париж. Кроме того, ему предстояло получить согласие своей семьи на брак. Эти детали можно было бы опустить, если бы не одно примечательное обстоятельство.

По мнению некоторых исследователей, Симон, опасаясь, что его молодость может послужить препятствием, добился этого согласия, проявив впервые в жизни недюжинные способности дипломата. В послании старшим членам семьи он не изливал переполнявшие его страстные чувства и не выказывал охватившее его нетерпение. Он логично, ненавязчиво и убедительно доказывал, что его женитьба абсолютно необходима для благополучия всей семьи и преумножения ее богатств. Мастерски написанное письмо Боливара сравнивают с известным любовным посланием Бисмарка.

Но все позади, и 26 мая 1802 г. Симон Боливар сочетался в Мадриде браком с Марией Тересой Родригес. Счастье их было недолгим. В январе 1803 года, через шесть месяцев после приезда молодой четы в Каракас, Мария Тереса скончалась от желтой лихорадки. Потрясенный горем юный вдовец поклялся никогда больше не жениться. И Боливар сдержит эту клятву, хотя любовь еще не раз овладеет его сердцем.

Личное счастье не состоялось, и мысли Боливара вновь обращаются к политике. «Если бы я не овдовел, возможно, моя жизнь сложилась бы иначе, я бы не стал ни генералом Боливаром, ни Освободителем. Хотя нужно согласиться, что моим призванием не было служить алькальдом Сан-Матео. Смерть моей жены очень рано вывела меня на дорогу политики»²⁴. В конце 1803 года, доверив управление своим состоянием старшему брату – Хуану Висенте, охваченный скорбью Боливар вновь отправляется в Европу. После кратковременной остановки в Мадриде он в мае 1804 года приезжает в Париж.

В пестром калейдоскопе событий и стран (Испания, Франция, Австрия, Германия, Бельгия, Голландия, Италия, США), встреч и расставаний, светских развлечений и глубоких раздумий, новых дружеских связей и разочарований в кумирах прошло около трех лет.

Во время пребывания Боливара во Франции в Париже в декабре 1804 года состоялась коронация Наполеона. Поворот от революции к империи во Франции вызвал бурю в душе Боливара. «Я боготворил Наполеона как героя республики, как блестящую звезду Славы, как

---

²³ [23] Bolivar. 1783-1983. – Caracas, 1983. – P. 13

²⁴ [24] Peru de Lacroix L. Vida publica y privada del Libertador Simon Bolivar. – Medellin, 1967. – P. 69, 71

гения Свободы...»²⁵, – говорил он. В преклонении перед Наполеоном молодой креол не был одинок. Стендаль писал о восторге, который пробуждала слава первого полководца французской республики «во всех благородных сердцах». Давид и Беранже, Байрон и Мицкевич, Гейне и Лермонтов прославляли Наполеона. Для них его имя ассоциировалось с борьбой за свободу, с революцией.

Убежденный республиканец, Боливар не мог простить своему кумиру измены. Он отклонил приглашение испанского посла присутствовать на церемонии в соборе Нотр-Дам и осудил Наполеона так же решительно и бесповоротно, как это сделали Руже де Лиль, автор «Марсельезы», предсказавший в письме к императору Франции его бесславный конец, или Бетховен, в гневе разорвавший ноты «Героической симфонии» с посвящением Наполеону. «Для меня он с этого дня лицемерный тиран!» – воскликнул Боливар. И вновь обращаясь к этому событию, он сказал: «Даже его слава мне представлялась исчадием ада с того момента, как Наполеон облачился в императорскую мантию»²⁶.

Некоторые биографы Освободителя ставят здесь точку, считая вопрос исчерпанным. Но так ли это? Боливар вряд ли стал бы великим деятелем, если бы ограничивался в оценке исторических событий только дихотомией «добро – зло» и воспринимал окружающую многокрасочную действительность в контрастном черно-белом изображении. Находясь в Букараманге, в один из редких в его жизни моментов отдыха, Боливар рассказывал в 1828 году сопровождавшему его полковнику Луису Перу де Лакруа о своих размышлениях по поводу коронации Наполеона, которая поразила его не столько помпезностью церемонии, сколько демонстрацией любви к герою Франции со стороны огромной массы народа (в ходе плебисцита 3 млн. 572 тыс. голосов были поданы за провозглашение Наполеона императором и 2579 – против (Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. – М., 1980. – С. 452)). Сколь же велико воздействие знаменитости, «распространяющееся почти на весь континент и, можно сказать также, на весь мир»?

Боливару одолевали мучительные раздумья о противоречиях истории, крутых поворотах общественного развития, сложном взаимодействии между личностью и массами, о диктатуре и демократии. Как мог французский народ, задавал он себе вопрос, ненавидящий тиранию и жаждавший равенства, безучастно лицезреть попрание завоеванной свободы? «Корона, которую водрузил Наполеон на свою голову, мне казалась жалкой и старомодной, а истинно великими представлялись всеобщее одобрение и интерес, вызываемые его личностью. Это, должен признаться, побудило меня размышлять о рабском состоянии моей родины и о славе того, кто ее освободит»²⁷. Не здесь ли истоки клятвы на Монте-Сакро?

Позднее, когда и Наполеон, и Боливар уже завершат свой жизненный путь, многие историки будут сравнивать их роль в исторических судьбах народов двух континентов – Европы и Южной Америки, проводить между ними параллели, изучать, как каждый из них выдержал испытание славой и властью, оценивать проявление присущих им талантов в военной, идеологической, политической и дипломатической областях, их личные качества. Среди тех, кто отдавал пальму первенства Наполеону, был и К. Маркс, весьма категорично и, можно сказать, резко высказавшийся по этому поводу в одном из своих писем к Энгельсу²⁸. Приверженцы Боливара считают, что их герой превосходил Наполеона своими высокими моральными и нравственными качествами, столь редким в истории бескорыстием.

Чтобы закончить вопрос об отношении Боливара к Наполеону, необходимо отметить,

---

²⁵ [25] O'Leary D. Op. cit. – Vol. 27. – P. 17

²⁶ [26] Ibid. – P. 15

²⁷ [27] Peru de Lacroix L. Op. cit. – P. 57, 70

²⁸ [28] См. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – Т. 29. – С. 229

что Боливар до конца дней изучал опыт этого великого деятеля, хотя еще в 1804 году в душе сверг с пьедестала своего кумира. За два года до смерти Боливар признавался друзьям: «Все, что касается Наполеона, является для меня самым привлекательным и самым полезным чтением. Вот у кого следует учиться военному искусству, искусству политики и государственного управления»²⁹. Постигая «уроки» жизни Наполеона, Боливар сделал для себя важный вывод: нельзя идеализировать и слепо преклоняться перед личностью, какой бы великой она ни была. В противном случае неизбежны не только горькие разочарования, но и серьезные политические ошибки.

Вопросы о судьбах испанских колоний в Америке и перспективах их освобождения Боливар неоднократно обсуждал с известным немецким географом Александром Гумбольдтом, которому он был представлен в Париже, и с французским ботаником Амадео Бонпланом. Эти ученые после пяти лет путешествий по Южной Америке вернулись в Европу, убежденные в неизбежном крушении колониальных порядков. В числе новых знакомых каракаса в Париже были великий трагик Тальма, писатель и дипломат Шатобриан, ученый Гей-Люссак, известный своими историческими трудами аббат Прадт.

В начале 1805 года состоялась встреча Боливара с его юношеским наставником Симоном Родригесом, находившимся в Австрии. Два друга решили предпринять путешествие в Италию, к ним присоединился Фернандо Торо.

Милан, Венеция, Болонья, Флоренция и, наконец, 15 августа 1805 г. – Рим. Римский папа удостоил Боливара аудиенцией. Визит к главе католической церкви едва не закончился конфузом: молодой каракасец отказался пасть ниц перед Пием VII согласно установленным канонам и приложиться губами к кресту, вышитому на папской туфле³⁰.

Друзья много бродили по Риму. «Вечный город», одна из колыбелей цивилизации, вызывал ощущение приобщенности к античным мифам и героям. Однажды ученик и учитель поднялись на Монте-Сакро (Святой холм). В Древнем Риме человек, укрывшийся на этом холме, считался неприкосновенным. Поэтому холм служил прибежищем для плебеев, бежавших от непереносимого гнета римских патрициев. По ассоциации мысли Боливара обратились к родной Америке. «Клянусь богом моей семьи, – произнес Боливар, упав на колени и сжав руку Родригеса, – клянусь моими родителями и честью..., что душа моя не обретет покоя, пока не будут разорваны цепи, которыми испанская корона опутала мою родину»³¹.

История подтвердила, что это был не только страстный и благородный порыв юного романтика, а глубоко осознанное и выстраданное решение о своем жизненном призвании. Выбор сделан, и теперь скорее домой, на родину.

На обратном пути в Венесуэлу Боливар сделал остановку в США, где провел около двух месяцев, устраивая дела своих племянниц. Документальных свидетельств о его пребывании в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии и Вашингтоне почти не сохранилось. Американский историк Г. У. Ван Луун в книге «Джефферсон и Боливар – поборники свободы в Новом Свете» выразил сожаление, что правители США недальновидно упустили шанс приветить человека, которому предстояло стать Освободителем Южной Америки, ибо в этом случае отношения между Северной и Южной Америкой могли сложиться более благополучно³². Эта курьезная сентенция относится к числу «гениальных мыслей»,

---

²⁹ [29] Peru de Lacroix L. Op. cit. – P. 113

³⁰ [30] См. O'Leary D. Op. cit. – Vol. 27. – P. 23

³¹ [31] Цит. по Leturia P. S. Relaciones entre la Santa Sede e Hispanamerica. – Т. II (Epoca de Bolivar 1800-1835). – Caracas, 1959. – P. 18; Lecuna V. Op. cit. – Т. I. – P. 151, 372-373

³² [32] См. Van Loon H. W. Jefferson and Bolivar. New World Fighters for Freedom. – L., 1966. – P. 158-160

которые, как говорят французы, приходят в голову «на лестнице», то есть тогда, когда беседа закончена и ничего нельзя вернуть. Сам Боливар свои впечатления от пребывания в США выразил так: «Впервые в жизни я видел рационалистическую демократию». Среди историков до сих пор не утихают споры: чего больше в этой оценке – уважительности или отмежевания.

В феврале 1807 года Боливар вернулся в Венесуэлу. Через несколько месяцев ему исполнилось 24 года. Несмотря на молодость, ему уже пришлось пережить жестокие душевные потрясения. Казалось, рок преследовал его близких. Боливар потерял родителей, умерла одна из его сестер, ушла из жизни горячо любимая жена. Пережил он и горькие разочарования, утратил многие иллюзии. Однако его сильный характер не был сломлен ударами судьбы. Испытания, выпавшие на его долю, лишь закалили волю и обострили ум. Пришла пора от слов переходить к делу.

Миссия в «туманный Альбион»

Дипломату следует проявлять сдержанность, казаться загадочным и быть себе на уме.

Симон Боливар

КАРАКАС ПОДНИМАЕТ ЗНАМЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

В общей сложности Боливар не был на родине долгих семь лет. За это время обстановка в стране его детства и юности изменилась. Недовольство колониальным режимом стало всеобщим, и достаточно было искры, чтобы вспыхнуло пламя борьбы за независимость.

Вернувшись в Венесуэлу, Боливар обосновался в одном из своих поместий и активно включился в подготовку антииспанского выступления. Для поверхностного наблюдателя он вел жизнь богатого латифундиста, мантуанца, и людская молва причисляла его к «золотой молодежи» Каракаса. Но это была лишь маскировка.

Вскоре вокруг Симона и его старшего брата – Хуана Висенте объединилась группа молодых патриотов, сторонников независимости: Хосе Феликс Ривас, Исидоро Лопес-Мендес, Мариано Монтильо и др. Они часто собирались в загородном доме Боливаров близ Каракаса. Приглашались также некоторые старшие представители креольской знати, родственники покойной жены Боливара – маркиз Торо и его брат Фернандо, учитель Боливара Андрес Бельо. На этих встречах чтение переводов из Тацита, Вергилия, Вольтера перемежалось страстными речами, бурными спорами о том, что нужно предпринять, чтобы завоевать свободу. Молодые патриоты образовали радикальное крыло освободительного движения.

Большинство креольских сепаратистов в Венесуэле придерживались умеренных позиций. Они хотели сменить у руля управления представителей испанской короны, но стремились достичь своей цели путем диалога с властями.

Они страшились участия в борьбе народных масс, опасаясь за судьбу своих огромных земельных владений.

Открытое выступление патриотов против колониальных властей в Венесуэле было ускорено событиями в метрополии. Вынужденный союз с Францией не спас испанских Бурбонов. Наполеон Бонапарт решил прибрать к рукам страну, переживавшую упадок. В марте 1808 года французские войска вторглись в Испанию и вскоре заняли Мадрид. Однако испанский народ поднялся на борьбу против французских захватчиков. Народное выступление послужило прологом первой буржуазной революции в Испании (1808-1814 гг.). Король Карл IV вынужден был отречься от престола в пользу своего сына Фердинанда.

Вскоре все королевское семейство, включая старого и молодого короля, оказалось в плену у Наполеона, а на трон Испании был посажен брат французского императора – Жозеф Бонапарт! Французские эмиссары отправились в заморские владения Испании, имея наказ утвердить там власть Жозефа.

Тем временем народная война в Испании против французских оккупантов продолжалась под руководством возникшей в 1809 году Центральной хунты и ряда местных хунт, действовавших от имени Фердинанда VII. Буржуазные деятели Центральной хунты объявили о созыве Учредительных кортесов в Кадисе для принятия Конституции и проведения реформ. Населению колоний предоставлялись равные права с жителями метрополии, и их представители приглашались участвовать в Учредительных кортесах. «С этого момента вы, латиноамериканцы, обретаете статус свободных людей..., – говорилось в обращении Регентского совета, заменившего Центральную хунту в качестве верховного органа власти. – Ваши судьбы больше не зависят от министров, вице-королей и губернаторов, они в ваших руках» ³³.

Колониальные власти в испанской Америке попали в сложное положение. Они оказались на распутье, не зная, кому присягать на верность – королю Жозефу, находившемуся в Мадриде, или Фердинанду VII, пребывавшему на положении пленника в Байонне. Запутанность ситуации усугублялась тем, что к началу 1810 года почти вся территория Испании оказалась в руках французов, а власть сторонников короля распространялась лишь на клочок испанской земли вокруг Кадиса.

Когда весной 1810 года известия об этих событиях достигли Венесуэлы, сторонники независимости поняли, что пришло время решительных действий. Первая попытка воспользоваться крушением испанской монархии была предпринята венесуэльцами еще в 1808 году, вскоре после отречения Карла IV от престола. Население Каракаса, воодушевленное патриотическими чувствами, изгнало французских эмиссаров, прибывших в Венесуэлу с предложением признать власть короля Жозефа I. Затем группа креольской знати – плантаторов, торговцев и адвокатов – направила в ноябре 1808 года генерал-капитану Хуану Касасу петицию с требованием создания в Каракасе хунты из представителей местного населения по образцу испанских хунт. В ответ колониальные власти бросили за решетку всех 48 человек, поставивших свои подписи под петицией ³⁴. Так же неудачно закончились несколько попыток начать борьбу за независимость в 1809 году.

В начале 1810 года произошел подъем освободительного движения. В Каракасе началась подготовка к свержению власти испанского генерал-капитана. По свидетельству документальных источников, Боливар выступал «одним из главных вдохновителей революции 19 апреля» ³⁵. Его поместье Сан-Матеос под Каракасом превратилось в центр подготовки восстания. Этой же цели служил принадлежавший ему загородный дом – Куадра Боливар. (Сегодня дом находится уже в черте города, поглощенный быстро растущей столицей Венесуэлы.) Здесь также проходили встречи сторонников независимости. «Мы объявили войну Испании, – говорил Боливар, – и обращаем наши взоры к будущему» ³⁶.

Другая группа патриотов объединилась вокруг одного из активных участников заговоров предыдущих лет – капитана М. Матоса. Богатые мантуанцы образовали свой «фронт» во главе с маркизом Торо. Миранда, поселившись после 1806 года в Лондоне,

---

³³ [33] Цит. по McKinley M. P. Pre-Revolutionary Caracas. Politics, Economy and Society 1777-1811. – L. – N. Y., 1985. – P. 156

³⁴ [34] Ibid. – P. 151

³⁵ [35] Guasch J. Op. cit. – P. 55

³⁶ [36] Цит. по Mijares A. El Libertador. – Caracas, 1987. – P. 183

поддерживал тайную связь с патриотами, направлял им послания, воодушевлял на смелые действия.

Выступление патриотов было назначено на 1 апреля 1810 г., но сохранить его подготовку в тайне не удалось. Генерал-капитан В. Эмпаран принял превентивные меры. Часть участников движения, и в их числе Симон Боливар, были высланы из Каракаса в свои поместья в провинциях. Но было уже поздно. 19 апреля 1810 г. в Каракасе вспыхнуло восстание. Выразителем требований восставших стал городской совет – кабилдо. Колониальная администрация капитулировала без борьбы, и власть в свои руки взяла Верховная правительственная хунта, объявившая себя «хранительницей прав Фердинанда VII».

Легкость одержанной победы превзошла все ожидания. Не было пролито ни единой капли крови. Через несколько дней после 19 апреля девять высших чиновников и офицеров колониальной администрации во главе с Эмпараном были препровождены на корабль в Ла-Гуайре и отправлены за океан. Верховная правительственная хунта Каракаса получила признание всех провинций генерал-капитанства (кроме провинции Маракайбо и округа Коро), а также со стороны католической церкви, что упрочило положение и авторитет новой власти. Архиепископ Каракаса призвал священников служить молебны во славу нового правительства. Присягнув на верность Фердинанду VII, Верховная хунта формально признала вассальную зависимость Венесуэлы от Испании. Это была серьезная уступка влиятельным сторонникам монархии среди богатой части местного населения. Однако на деле произошел разрыв с метрополией.

Документальных свидетельств непосредственного участия Боливара в событиях 19 апреля не обнаружено, хотя в мемуарах некоторых современников упоминается о том, что Боливар за несколько дней до восстания нелегально вернулся в Каракас. В исторической литературе в этой связи приводятся различные толкования. Высказывается мнение, что Симон Боливар хотя уже получил известность как поборник независимости, однако не входил в число признанных лидеров патриотов, то есть был одним из многих, и поэтому в то время остался в тени. Упоминается также о том, что у него были дружественные отношения с генерал-капитаном Эмпараном, человеком либеральных взглядов, которому после возвращения в Испанию пришлось пострадать за свое «мягкое» поведение. Висенте Лекуна выдвинул гипотезу, что Боливар расхотелся с руководителями движения 19 апреля в вопросах будущего государственного устройства Венесуэлы, и это обстоятельство решающим образом повлияло на его позицию³⁷. Скорее всего дело в том, что уже в это время происходило размежевание в рядах патриотов и представители радикального крыла освободительного движения оказались оттесненными на задний план умеренными деятелями, утвердившими свою руководящую роль. Им принадлежало абсолютное большинство в Верховной правительственной хунте, состоявшей из 23 человек, в то время как радикально настроенные патриоты получили всего три места³⁸. Что же касается отношения Боливара, то для него не возникало вопроса, на чьей стороне выступать. Он был поборником независимости и был готов сражаться с ее врагами, служить ей на дипломатическом или любом другом поприще.

Примеру Венесуэлы последовали другие испанские колонии в Америке. В мае – сентябре 1810 года испанское господство было свергнуто в Ла-Плате, Новой Гранаде, Кито, Новой Испании и Чили. Только в вице-королевстве Перу, где были расквартированы крупные отряды королевской регулярной армии, а также в Центральной Америке испанцам удалось сохранить власть. Началась война за независимость, продолжавшаяся полтора десятилетия.

---

³⁷ [37] См. Lecuna V. Catalogo... – Т. 1. – Р. 208

³⁸ [38] McKinley M. P. Op. cit. – Р. 161

В Верховной правительственной хунте Каракаса преобладали умеренные деятели, и многие из них надеялись уладить дело с метрополией полюбовно. Однако напряженность обстановки в стране и сохранение в руках роялистов нескольких важных опорных пунктов не позволяли почивать на лаврах, упиваясь одержанной победой. Установление власти патриотов положило начало осуществлению в Венесуэле наиболее неотложных реформ. Хунта провозгласила свободу торговли с иностранными государствами, объявила о запрете работоторговли, уменьшила поборы, взимаемые с крестьян-индейцев, и отменила некоторые налоги.

Известия, поступавшие из Испании, вызывали тревогу. В феврале 1810 года испанская Центральная хунта самораспустилась, передав свои полномочия Регентскому совету. В нем верховодили деятели клерикально-роялистской реакции, мечтавшие вернуть Испанию и ее заморские колонии к положению, существовавшему до начала антифранцузского восстания и буржуазной революции. Венесуэле нужно было готовиться к борьбе, искать союзников, закупать оружие для своей защиты.

27 апреля 1810 г. каракасская хунта обратилась ко всем кабилидо испанской Америки с призывом последовать примеру венесуэльских патриотов. В этой первой внешнеполитической декларации независимого правительства Венесуэлы открыто осуждались узурпатор Франции и деспот Карл IV, утверждалось суверенное право населения колоний распоряжаться своей судьбой, заявлялось, что сотрудничество с испанцами возможно только на основе равноправия. В заключение все кабилидо призывались «внести вклад в великое дело создания испано-американской конфедерации»³⁹. Таким образом, уже через неделю после свержения испанского гнета Венесуэла провозгласила себя решительной сторонницей латиноамериканского единства.

Для установления отношений с иностранными государствами Верховная правительственная хунта направила своих эмиссаров к англичанам на остров Кюрасао и на Ямайку. Однако эти шаги не дали результатов. Одновременно было решено направить официальные дипломатические миссии в Вашингтон и Лондон для «расширения торговли и сотрудничества с дружественными или нейтральными государствами». Руководство первой миссией из трех человек, отбывшей в США в мае 1810 года, было поручено Хуану Висенте Боливару. 6 июня 1810 г., через шесть недель после прихода к власти, Верховная правительственная хунта утвердила состав дипломатической миссии в Лондон. Ее возглавил Симон Боливар, получивший официальный ранг первого депутата и чин полковника. Вторым депутатом был назначен Луис Лопес-Мендес, а секретарем – Андрес Бельо.

Конечно, не случайно ответственное и сложное дипломатическое поручение хунта возложила на двадцатисемилетнего Боливару, хотя и известно, что он сам предложил свою кандидатуру для миссии в Англию. Симон знал Европу не по книгам и имел там влиятельных друзей. Он слыл высокообразованным человеком, свободно говорил по-французски, знал английский, хотя и не пользовался им в разговоре. О его выдающихся способностях ходили легенды. Необыкновенная память Боливару хранила тысячи имен, дат, событий. Бегло прочитав книгу, он мог без труда цитировать целые страницы, почти не отклоняясь от оригинала. И еще одно обстоятельство, сыгравшее далеко не последнюю роль: правительство Венесуэлы не имело денег, а Симон Боливар был богатым человеком и получал большой доход от своих поместий. Как и его старший брат Хуан Висенте, он мог без труда взять на себя большую часть расходов, связанных с дипломатической миссией.

БОЛИВАР В ЛОНДОНЕ

Дипломатическая миссия во главе с Боливаром отбыла в Лондон 9 июня 1810 г. из

---

³⁹ [39] Restrepo J. M. (Ed.) Documentos importantes de Nueva Granada, Venezuela y Colombia. – Т. I. – Bogota, 1969. – P. 274

Ла-Гуайры на борту английского корвета «Веллингтон» (корвет – легкий трехмачтовый военный парусный корабль водоизмещением 400-600 т, предназначенный для разведки, посыльной службы и выполнения других вспомогательных задач. Артиллерия (от 12 до 32 орудий) размещалась на верхней палубе). Дело не только в том, что военный корабль был в те беспокойные времена самым надежным видом морского транспорта и на такие корабли не осмеливались нападать многочисленные пираты, бороздившие просторы Карибского моря. Важнее было другое. Не только Каракас стремился быстрее установить отношения с Лондоном, но и английские политики проявляли встречный интерес к контактам с новыми властями Венесуэлы. Командир корвета Мак-Джордж вручил Верховной правительственной хунте послание вице-адмирала А. Кокрейна, командующего английским флотом в Карибах. В этом послании Кокрейн ставил в известность правительство Венесуэлы о своей готовности незамедлительно доставить в Англию любое послание хунты или ее эмиссаров. Можно ли было не воспользоваться такой любезностью, тем более что она вселяла надежду на успех миссии?

В начале XIX века дорога морем из Каракаса в Лондон занимала целый месяц. У Боливара и его спутников было достаточно времени, чтобы не торопясь обсудить все вопросы, касающиеся предстоящих переговоров в Лондоне, и изучить полученные правительственные инструкции.

Пост министра иностранных дел в первом правительстве Венесуэлы, образованном Верховной хунтой 25 апреля 1810 г., занял Хуан Херман Россио. Выходец из средних слоев колониального общества, высокообразованный юрист, Россио с 1798 года возглавлял кафедру гражданского права в университете. Он принадлежал к радикальному крылу освободительного движения. Россио много потрудился над подготовкой миссии в Лондон. Как юрист, он стремился обосновать направление представителей Венесуэлы в Англию, опираясь на дипломатический кодекс того времени. Поскольку, однако, подходящих прецедентов ему найти не удалось, Россио решил зачислить ее в категорию «миссии секретных эмиссаров», хотя поездка Боливара и его коллег не была тайной. Через два дня после их прибытия в Англию лондонские газеты «Таймс» и «Морнинг кроникл» напечатали сообщения об этом событии.

Перед посадкой на корабль Боливар получил от Россио пакет, содержащий четыре документа.

В верительных грамотах говорилось, что направляемые дипломатические представители уполномочены представить королю Англии исчерпывающую информацию о политических изменениях, происшедших в Венесуэле, и установить взаимовыгодные отношения между двумя странами.

Основной документ – нота Верховной правительственной хунты Георгу III – был посвящен обоснованию законности мер, принятых населением Венесуэлы для защиты своих суверенных интересов в связи с печальным развитием событий в метрополии, подвергшейся французскому нашествию. В ноте заявлялось, что Верховная правительственная хунта выступает от имени Фердинанда VII и ее цель заключается в обеспечении «интегрального единства заморских территорий с сувереном, на верность которому мы присягнули». Венесуэльское правительство предлагало Англии заключить «сердечный союз» против общего врага – французского узурпатора и выражало надежду на высокое покровительство со стороны Георга III.

Вторую ноту Верховная хунта адресовала английскому министру иностранных дел маркизу Р. К. Уэлсли, уверяя его в сердечных, дружественных чувствах венесуэльцев к Англии.

Заключительный документ представлял собой детальные инструкции, разработанные Россио. Верховная хунта считала важной политической задачей миссии представить в истинном свете правительству и общественному мнению Англии развитие событий в Венесуэле, завершившихся отстранением от власти представителей испанской короны и созданием правительства, отражающего свободное волеизъявление местного населения.

Поручалось также объяснить сложные взаимоотношения, возникшие в этой связи у Венесуэлы с испанской Центральной хунтой и Регентством, выступавшими от имени Фердинанда VII. Кроме общеполитической задачи ставились конкретные цели: осуществить закупку оружия на благоприятных условиях, просить англичан обеспечить их флотом для защиты венесуэльской торговли и добиваться указаний Лондона о том, чтобы администрация английских колоний в Вест- Индии оказывала поддержку венесуэльскому правительству. В случае если этого потребуют обстоятельства, предписывалось искать посредничества Англии для примирения с Испанией. Поскольку огромное расстояние не позволяло поддерживать регулярные связи между Каракасом и Лондоном, руководителю миссии предоставлялось право самостоятельно принимать решения, «руководствуясь личным самосознанием и патриотическими чувствами»⁴⁰.

Внимательно изучив полученные документы, Боливар, обладавший острым аналитическим умом, не мог не обратить внимания на фундаментальное противоречие в установках Каракаса. Официально провозглашая себя «защитницей прав Фердинанда VII», венесуэльская Верховная хунта фактически хотела получить от Англии такую помощь и поддержку, которая не позволила бы испанской короне осуществлять эти права. Это противоречие проявлялось и в конкретных указаниях. Нетрудно было предвидеть, что Боливара и его коллег ждет в Лондоне встреча с Мирандой. В инструкциях Россио напоминалось, что Миранда в 1806 году пытался поднять восстание в Венесуэле против королевских властей и за его голову было назначено вознаграждение в 30 тыс. песо (для сравнения можно упомянуть, что Андресу Бельо как секретарю миссии полагалось жалованье 100 песо в месяц). Поэтому предписывалось рассматривать Миранду как мятежника против Фердинанда VII. Вслед за этим, однако, говорилось нечто противоположное: если Миранда по воле случая вступит в контакт с членами миссии и будет в состоянии помочь им, то не следует отказываться от его содействия. Не слишком ли тонкая дипломатия? – думал Боливар. Наивно полагать, что англичане, опытейшие политики и дипломаты, не заметят этих противоречий и не используют их в своих интересах. Да, было бы много лучше 19 апреля провозгласить полную независимость Венесуэлы от метрополии.

Посланцы Венесуэлы вступили на английскую землю в Портсмуте 10 июля 1810 г. и, получив запрошенные паспорта, без промедления направились в Лондон. Их приезд в английскую столицу не был неожиданным, более того, их там ждали. В Англии с большим вниманием следили за событиями в испанской Америке. В памяти английских правителей еще были свежи приятные воспоминания о войне за «испанское наследство» в начале XVIII века. Австрия, Савойя и Англия поделили между собой европейские владения Испании. Англичанам тогда достались Гибралтар и остров Минорка, а также «асиенто» – исключительное право ввоза негров-рабов в американские колонии Испании. Какие сказочные состояния были нажиты на работорговле! Не пришло ли время второго дележа «испанского наследства»? Первая попытка уже была предпринята англичанами. В 1806-1807 годах военной экспедиции под командованием капитана Попэма удалось на время захватить Буэнос-Айрес и Монтевидео. Однако закрепиться на Ла-Плате англичане не смогли. Они были изгнаны взявшимся за оружие местным населением. Поражение умерило завоевательский пыл английских тори. Кроме того, европейские дела не позволяли отвлекать силы на колониальные авантюры. Тем не менее следовало, по мнению тори, не упускать из виду испано- португальскую Америку и использовать благоприятные возможности для расширения английской торговли, а если удастся, то и присоединить новые территории к своим колониальным владениям.

За три недели до появления венесуэльской миссии в Лондоне лорд Ливерпуль, возглавлявший министерство по военным и колониальным делам, получил от губернатора

---

⁴⁰ [40] Все документы, относящиеся к миссии Боливара в Лондон, были собраны и опубликованы историком К. Мендосой (см. Mendoza Cristo- bal B. Las primeras misiones diplomaticas de Venezuela. – Vol. I. – Caracas, 1962. – P. 229-417)

английской колонии Кюрасао подробный доклад о событиях 19 апреля в Каракасе и политике Верховной правительственной хунты. Вслед за этим поступили донесения от губернаторов других английских владений в Карибах. Поэтому сент-джеймский кабинет, как в то время часто именовали английское правительство, был в курсе дела.

Министр иностранных дел Англии маркиз Уэлсли известил венесуэльскую миссию о начале переговоров 18 июля 1810 г., что было на руку Боливару и его коллегам – можно на месте подготовиться к переговорам, разобраться в хитросплетениях взаимоотношений европейских государств и основных правилах дипломатической игры, понять внешнеполитическую стратегию Англии. Для членов миссии это было чрезвычайно важно, так как Боливар, Лопес-Мендес и Бельо были новичками на дипломатическом поприще и им остро не хватало глубокого знания «кухни» мировой политики.

Помимо этого, Венесуэла, как и другие испанские колонии, была отрезана от торгово-экономического, политического и культурного взаимодействия с Европой. Уровень интеллектуальной жизни даже в столичных городах периферии испанской колониальной империи был на несколько порядков ниже европейских стандартов. До начала борьбы за независимость время в Каракасе текло медленно, известия о событиях в мире поступали с огромным опозданием и были неполными, университетское образование делало лишь первые шаги. Единственное периодическое издание – «Гасета де Каракас» появилась только в 1908 году. Это был орган колониальной администрации, где главным образом печатались различного рода постановления и распоряжения да официальные сообщения о жизни королевской четы метрополии. Дополнительными источниками информации служили контрабандно ввозимые от случая к случаю газеты из английских и французских колоний и письма соотечественников, путешествовавших по миру.

Лондон же являлся важнейшим центром мировой политики, идеальным местом для тех, кто хотел постичь закономерности и тайные пружины сложной системы международных отношений в Европе. Для Боливара, Лопес-Мендеса и Бельо дело облегчалось помощью со стороны Миранды, с радостью взявшего на себя роль советника и опекуна соотечественников.

По соседству с шумной и сверкающей Пиккадилли проходит скромная Графтон-стрит, где под номером 27 значится трехэтажный дом традиционной английской архитектуры. Известный венесуэльский историк Х. Сальседо-Бастардо назвал его «кузницей латиноамериканизма»⁴¹. Правительство Венесуэлы недавно выкупило этот дом в центре Лондона и разместило здесь свой культурно-информационный центр, для того чтобы сохранить для потомков исторический памятник, связанный с именами Франсиско Миранды и Симона Боливара. В этих стенах Миранда провел последние шесть лет своего длительного пребывания в Англии, и здесь произошла первая встреча двух национальных героев Венесуэлы. «Мой дом в этом городе, – говорил Миранда, – был и всегда будет опорным пунктом независимости и свободы континента Колумба»⁴² И это была истинная правда – дом Миранды, как магнит, притягивал борцов против испанского деспотизма.

Андрес Бельо в своих мемуарах рассказывает о том, что члены венесуэльской миссии после приезда в Лондон немедленно установили самое тесное сотрудничество с Мирандой, продолжавшееся на протяжении более двух месяцев их пребывания в английской столице. Немало страниц в мемуарах посвящено дружеским беседам и горячим обсуждениям их дел в гостеприимном доме Миранды. Бельо назвал эти дискуссии «симпозиумами на Графтон-стрит»⁴³. Они не напоминали приятное времяпрепровождение за чашкой кофе или

---

⁴¹ [41] См. Salsedo Bastardo J. L. Crisol del americanismo. La casa de Miranda en Londres. – Caracas, 1981. – P. 1

⁴² [42] Archivo del General Miranda. – Т. XXIII. – La Habana, 1950.- P. 368

⁴³ [43] Obras Completas de Andres Bello. – Т. XI. – Caracas, 1954. – P. 19, 66

бокалом вина, а представляли собой напряженную совместную работу по подготовке к переговорам с английским министром иностранных дел. На протяжении всей своей жизни, день за днем, Миранда вел дневники, которые являются бесценным историческим источником. В них имеется такая запись: «От имени выдающихся деятелей моей родины ко мне обратились с просьбой содействовать переговорам с Англией и рассматривать их как мое собственное дело»⁴⁴. И Миранда с радостью делился с молодым Боливаром и его коллегами своими знаниями и богатейшим опытом общения с сильными мира Европы и Америки.

Немного найдется исторических фигур начала XIX века, которые могли бы соперничать в этом отношении с Мирандой. За 27 лет скитаний по миру «полномочный посол народов и городов испанской Америки», как сам себя именовал Миранда, лично встречался или имел контакты с ближайшим окружением Дюмурье, Лафайета и Наполеона во Франции, Шеридана и Уильяма Питта-младшего – в Англии, Томаса Пейна, Адамса, Гамильтона и Вашингтона – в США, Екатерины II, Потемкина и Воронцова – в России. Ему было о чем рассказать. Молодой Боливар с восхищением и глубоким уважением относился к Миранде, который по возрасту годился ему в отцы, быстро постигал с его помощью расстановку политических сил в Англии и континентальной Европе. По заключению Сальседо-Бастардо, Боливар за время пребывания в Лондоне «успешно прошел курс академии на Графтон-стрит»⁴⁵. Какой же представлялась его пытливому взору европейская система международных отношений с ее сложной структурой разнообразных связей?

Как уже отмечалось, в ту эпоху Европа являлась центром всемирного могущества. Генерируемые ею экономические, политические и военные импульсы достигали всех континентов земного шара. Огромные пространства океанов не служили преградой, и европейская экспансия на знала границ. В то время как Новый Свет вступил в эпоху национально-освободительных войн, страны Старого Света, ожесточенно соперничая друг с другом, устремились в Азию и Африку в погоне за колониями, держа под прицелом также и Западное полушарие. В самой Европе существовало несколько центров силы и притяжения, ни один из которых не мог прорваться к господству на континенте. Общая картина мировой политики складывалась на основе сложного и противоречивого взаимодействия двух типов международных отношений. Старые закономерности «дипломатической игры» эпохи господства феодально-абсолютистских монархий расшатывались, подрывались и постепенно замещались шедшими им на смену новыми принципами взаимоотношений буржуазных обществ и наций.

На протяжении веков участниками международной жизни были монархи, коронованные особы, а круг основных забот их послов отражал стремление каждого из «помазанников божьих» к расширению своих границ и влияния и концентрировался на вопросах династических связей и союзов, придворных интригах, провоцировании раздоров между потенциальными противниками и т. д. Английская и Великая французская революции, так же как выход на мировую арену Соединенных Штатов Америки, послужили импульсом к развитию международных отношений нового времени, утверждению принципов государственных интересов, народного суверенитета, регулирующей роли международного права, равноправия всех стран независимо от их местонахождения, размеров, религиозной принадлежности.

Эти прогрессивные принципы обогатили теорию международных отношений, но до практического их воплощения было еще очень далеко.

Постоянный поиск и обеспечение «баланса сил», или «европейского равновесия», составляли главную ось международной политики. Известный знаток европейской

---

⁴⁴ [44] Robertson W. S. The Life of Miranda. – Vol. II. – Chapell Hill, 1929. – P. 82-83

⁴⁵ [45] Salsedo Bastardo J. L. Op. cit. – P. 54

дипломатии XIX века А. Дебидур так определял суть «европейского равновесия»: «Это такой порядок, при котором все государства сдерживают друг друга, чтобы ни одно из них не могло силой навязать другим свою гегемонию или подчинить их своему господству»⁴⁶.

В Европе господствовала горстка великих держав. Понятие «великая держава» досталось в наследство от XVIII века, когда оно прочно утвердилось в сознании правительств, дипломатов и общественности. В ранг великой державы зачислялась страна, которая была в состоянии одна, в одиночку выдержать войну с другой сильной державой. В начале XIX века «клуб великих держав» составляли Англия – «промышленная мастерская мира», наполеоновская Франция, господствовавшая над половиной Европы, Австрийская империя и Россия, возвысившаяся как мировая держава при Петре I. Испания, хотя еще и причисляла себя к великим державам, на деле таковой не являлась, так как растеряла свое бывшее могущество. В то же время уже примеривались постучаться в двери «клуба» США, а также Пруссия, главный очаг будущего милитаризма, мечтавшая возглавить объединенную Германию.

В силу несовпадения циклов возвышения и упадка великих держав в мировой истории в каждом историческом промежутке времени выделяются одно или несколько государств, которые в данный момент способны претендовать на лидерство или даже абсолютное господство в международной системе. Первые полтора десятилетия XIX века – эпоха наполеоновских войн. Это высшая точка многолетнего соперничества Франции и Англии. Пространственной сферой столкновения их интересов служили Европа, Азия, Африка и Америка. Практически в мире не было уголка, где бы не пересекались претензии этих двух держав. Англию и Францию разделяли острые и непримиримые противоречия. Наблюдая за битвой двух гигантов, видный русский дипломат того времени Ф. В. Ростопчин писал, что Британия «своей завистью, пронырством и богатством была, есть и будет не соперница, но злодейка Франции»⁴⁷. Это была «схватка века». Ее исход подведет черту под этапом в развитии международных отношений, известным как «эпоха французского преобладания», и откроет период восхождения к вершинам могущества Джона Буля, когда Англия приобретет титул «владычицы морей».

Таков был общий ход борьбы, разделившей Европу на два лагеря. Когда венесуэльцы в 1810 году обратились за помощью к Англии, Альбукерк и Трафальгар были уже позади, франко-испанский флот покоился на дне. Это означало, что Лондон мог не опасаться вторжения многотысячной французской армии, собранной Наполеоном в Булони. Однако строившийся мост через Темзу, недалеко от здания парламента, еще не носил названия «мост Ватерлоо». До решающего сражения в районе бельгийской деревни аналогичного названия, где великому французскому полководцу второй раз после разгрома в России предстояло испытать горечь сокрушительного поражения, еще оставалось долгих четыре года. Пока же Наполеон пытался поставить на колени Джона Буля, сжимая тиски континентальной блокады. Он не отказался также от дерзновенного замысла нанести удар по английскому могуществу, прорвавшись в Индию. Исход смертельной схватки был неясен, и к ней были прикованы все силы и внимание английского правительства.

Такой расклад, и Боливар понял это, оставлял мало надежд на успех венесуэльской миссии. К тому же после вторжения наполеоновских войск в Испанию и начала освободительной войны испанского народа Англия и Испания стали союзницами. В январе 1809 года между сент-джеймским кабинетом и испанской Центральной хунтой был заключен договор о мире и союзе. Англия обязалась своими вооруженными силами поддерживать войну Испании против французского узурпатора и предоставлять ей финансовую Помощь. 30-тысячный английский экспедиционный корпус под командованием

---

⁴⁶ [46] Дебидур А. Дипломатическая история Европы. – Т. I. – М., 1947. – С. 24

⁴⁷ [47] Русский архив. – Т. I. – СПб., 1878. – С. 104

генералов Дж. Мура и Артура Уэлсли (будущий лорд Веллингтон, победитель Наполеона под Ватерлоо) сражался вместе с испанскими и португальскими патриотами против французской императорской армии на Апеннинском полуострове.

Эти обстоятельства сыграли решающую роль при определении английским правительством своей позиции в отношении борьбы за независимость, вспыхнувшей в испанской Америке. До 1808 года Лондон лелеял грандиозные и, как показало поражение на Ла-Плате, неосуществимые планы расширить свои владения в Америке за счет «испанского наследства». Не скупилась англичане и на поддержку Миранды и других предтеч борьбы за независимость колоний. После вторжения Наполеона в Испанию правительство Англии пересмотрело свой курс. Сент-джеймский кабинет опасался, что успехи освободительного движения в испанской Америке приведут к прекращению поступления материальных ресурсов, необходимых Испании для продолжения войны с Наполеоном. Более того, испанская монархия могла направить часть своих войск через океан, для того чтобы подчинить власти короля мятежные колонии ⁴⁸.

За десять дней до приезда в Лондон Боливара и его коллег министр по военным вопросам и делам колоний лорд Ливерпуль в ноте и секретных инструкциях, направленных 29 июня 1810 г. губернатору Кюрасао Дж. Лейарду, впервые подробно изложил принципиальные установки новой политики сент-джеймского кабинета. Английским колониальным властям в Карибах в отношениях с восставшими испанскими колониями в Америке предписывалось руководствоваться следующими соображениями. Англия заинтересована в том, чтобы Испания направляла все свои силы на борьбу против общего врага, и поэтому целью Англии является оказание Испании помощи в сохранении «независимости испанской монархии во всех частях света». Следует противодействовать такому развитию событий, которое может «привести к отделению испанских провинций в Америке от матери-родины в Европе», и одновременно поддерживать их усилия по отражению попыток Франции навязать им свое господство. В отношениях с Каракасом следовало тщательно избегать любых шагов, которые могли бы быть истолкованы как формальное признание нового правительства Венесуэлы. Предписывалось принять эффективные меры к тому, чтобы английские подданные не поставляли оружие и боеприпасы восставшим колониям. Заявлялось также, что Англия не претендует на какие-либо территориальные приобретения за счет испанских владений в Америке, надеется на их сердечное согласие с Мадридом и не намерена участвовать совместно с испанцами в военных действиях, направленных против Венесуэлы. В то же время такая политика не должна препятствовать интересам взаимной торговли.

Если «высокий» дипломатический стиль ноты и инструкций лорда Ливерпуля, характерный для начала XIX века, перевести на язык точных определений, можно сказать, что Англия провозгласила политику непризнания восставших колоний и содействия их примирению с метрополией, исходя из нежелательности вооруженного конфликта между ними с точки зрения английских интересов. Этому курсу Лондон следовал до окончания наполеоновских войн в Европе.

Боливар не знал о решении английского правительства, но он догадывался, что его ожидает холодный прием. Министерство иностранных дел Англии отказалось рассматривать посланцев Венесуэлы в качестве официальной дипломатической миссии независимого государства и вести с ними официальные переговоры на правительственном уровне. Глава английского МИД согласился принять их в частном порядке и при условии присутствия на их беседах дипломатических представителей испанской короны ⁴⁹. Обстановка в Европе оставалась напряженной, и «коварный Альбион» на этот раз хотел соблюсти все

---

⁴⁸ [48] См. Bolivar y Europa... – P. 388-390

⁴⁹ [49] См. Villanueva C. Historia diplomática de la primera república de Venezuela. – Caracas, 1969. – P. 150-151

обязательства перед своим союзником – Испанией. Любопытная особенность ситуации состояла также в том, что в 1810 году в Лондоне испанские интересы одновременно представляли два посла, признанные сент-джеймским кабинетом. Герцог Альбукерке являлся послом испанской Центральной хунты в Севилье, а адмирал Х. Р. Аподака – Регентского совета в Кадисе. Оба посла решительно протестовали против «незаконных» переговоров английского министра иностранных дел с венесуэльскими «мятежниками».

Начало выглядело обескураживающим, и у членов миссии Каракаса вполне могли опуститься руки. Но Боливар не собирался пасовать перед обстоятельствами. В Лондоне в полной мере проявился его бойцовский характер. Боливар горел желанием даже в сложной, в чем-то безнадежной ситуации сделать все возможное для обеспечения интересов Венесуэлы, ориентируясь не только на сегодняшний день, но и на будущее. Чем больше, находясь в Лондоне, он вникал в политическую жизнь Англии, тем реальнее виделись перспективы англо-венесуэльских отношений.

Об англичанах того времени говорили: закон спроса и предложения стал их евангелием, ткацкий станок и локомотив – их божеством, а Манчестер (центр английской промышленности) – их священным городом. Английские промышленники и торговцы требовали от правительства открыть обширные рынки испанской и португальской Америки, куда доступ английским товарам был заказан. Оказывая помощь португальцам в войне против Наполеона, Лондону уже удалось в 1810 году заключить с Португалией договор, который гарантировал доступ английским товарам при минимальных пошлинах в Бразилию и другие владения королевского дома Брагансы.

Испанская Центральная хунта и Регентский совет оказались менее сговорчивыми. Правда, им тоже пришлось пойти на некоторые торговые уступки англичанам, но время их действия было ограничено периодом войны с Наполеоном. Союзник Англии, несмотря на свое отчаянное положение, проявлял строптивость. В то же время английский деловой мир увидел в декрете Верховной правительственной хунты Венесуэлы об открытии всех портов этой страны для свободной торговли с дружественными и нейтральными нациями начало крушения испанской торговой монополии в Южной Америке.

Через два дня после прибытия миссии Боливара в английскую столицу маркиз Уэлсли направил своему брату, сэру Генри, занимавшему в 1810 году пост английского посла при Регентском совете в Кадисе, депешу, рекомендуя использовать это обстоятельство в интересах Британии ⁵⁰. Поддерживая неофициальные отношения с посланцами Венесуэлы, Лондон рассчитывал побудить испанских правителей в Кадисе стать более покладистыми.

Английская пресса, члены парламента и общественное мнение открыто выражали симпатии к испаноамериканским патриотам. Одна из первых статей по этому вопросу увидела свет при содействии Миранды. Она называлась «Освобождение Южной Америки». Ее напечатал литературно-общественный журнал «Эдинбург ревью» еще в 1809 году. С тех пор кампания английской печати в поддержку антиколониальной борьбы в испанской Америке не стихала. Особенно часто и решительно выступали газета «Морнинг кроникл» и печатный орган бразильско- португальской антимонархической эмиграции в Лондоне «Коррейо Брасиленсе». В марте 1810 года Миранда начал издавать свой собственный журнал на испанском языке «Эль Коломбиано», ставший рупором идей освобождения испанской Америки.

Приезд венесуэльской дипломатической миссии в Лондон вызвал сенсацию в английской столице. Боливара и его коллег принимали как посланцев огромного континента, сулившего заманчивые перспективы. В гостиницу «Морин», где остановились каракасцы, потянулись высокопоставленные английские визитеры. На устраиваемых приемах Боливар с присущим ему красноречием раскрывал перед ними картины великолепного будущего

---

⁵⁰ [50] См. Mandil! J. Bolivar y la emancipacion de las colonias espanolas des- deorigenes a 1815. – Т. 11. – Bogota, 1944. – P. 59

Америки, освободившейся от испанского ига, В одном из сообщений, направленных в Каракас, он докладывал: «Ежедневно мы встречаемся с проявлениями сердечного интереса к нашему делу со стороны многих уважаемых граждан». Используя свои связи, Миранда помогал соотечественникам получить доступ во влиятельные политические и дипломатические круги английской столицы.

Вновь, как и десять лет назад в Париже, Боливар принят в высшем свете. Дневники Миранды хранят записи о визитах, званых обедах, светских раутах и беседах. Упоминаются имена племянника короля Георга III герцога Глоусестера, герцога Графтона, брата адмирала Кокрейна графа Борнингтона, члена парламента, сына министра иностранных дел Ричарда Уэлсли, бывшего министра финансов Николаса Ванситтарта.

Жизнь английской аристократии напоминала картины кисти Ватто – роскошная сервировка столов, прогулки в открытых колясках, пикники на лоне аккуратных парковых ландшафтов. В газетах в разделах светской хроники можно было прочитать: на обеде у лорда-хранителя печати подавали лебедя, очень белого и нежного, начиненного трюфелями. Иногда мелкая деталь может быть красноречивее пространных описаний. В архиве Миранды среди множества документов, касающихся пребывания Боливара в Лондоне, находится записка от Джона Турнбула: «Я преисполнен надежды, что Ваши друзья-эmissары окажут мне честь, приняв дыню из нашего сада, которая, можно полагать, их не разочарует». В Англии того времени контакты на политическом поприще открывали двери великосветских салонов. В свою очередь, общение с избранными приносило политические дивиденды.

Круг лиц, с которыми Боливару и его коллегам удалось при содействии Миранды установить деловые контакты, расширялся. В их числе были такие выдающиеся общественные деятели, как страстный обличитель рабства и работорговли Уильям Уилберфорс и известный педагог Дж. Ланкастер, первым применивший систему взаимного обучения, журналист Иполито де Коста, финансисты Пейлер, Лоунгхем и т. д. На этих встречах Боливар приобретал новых друзей и единомышленников. Близкие отношения с Ричардом Уэлсли сохранились на многие годы. В доме Миранды Боливар познакомился с молодым французом Пьером Антуаном Лелье, ставшим его личным секретарем в Лондоне. Воздействие личности Боливара на него было столь сильным, что Лелье отправился сражаться за свободу Венесуэлы.

Информацию о деятельности венесуэльской миссии помимо «Морнинг кроникл» публиковали газеты «Экзэминер», «Эспаньол», еженедельники «Белл» и «Кобет».

Прорыв в политическую жизнь Англии – таков был первый позитивный результат миссии Боливара еще до начала переговоров с английским министром иностранных дел. На встречу с маркизом Уэлсли Боливар отправлялся, имея влиятельных союзников. Он мог рассчитывать на поддержку английских капиталистов, учитывая торговые интересы Англии, политический расчет части правящего класса, мыслившей категориями посленаполеоновской эпохи, и сочувствие демократической оппозиции политике тори, отстаивавшей «естественное право» испаноамериканских патриотов освободиться от колониального гнета.

ПЕРЕГОВОРЫ В АСПЛЕЙ-ХАУС

Во вторник, 24 июля, Боливару исполнилось 27 лет. В Англии он выкраивал время, чтобы позировать художнику Чарлзу Хилу. Лондонский портрет Боливара – один из немногих, написанных с живой модели. По сравнению с предшествующим портретом Боливар выглядит здесь значительно повзрослевшим. Ставшие более послушными волосы открывают высокий лоб, на верхней губе проступает ниточка усов, вдоль лица, придавая ему удлиненную форму, начинают спускаться бакенбарды, огромные черные глаза смотрят вопрошающе строго. Модный сюртук с широкими обшлагами и высоким стоячим воротником подчеркивает стройность фигуры, шею прикрывает белоснежное жабо. По рождению и воспитанию Боливар принадлежал к кругу высшей аристократии. В Лондоне ему не приходилось наскоро учиться хорошему вкусу и изящным манерам. На лондонском

портрете Боливара привлекает внимание висящая на шелковом шнурке большая медаль. Если взглядеться, можно прочесть слова: «Без свободы нет нации».

С кем же предстояло Боливару скрестить шпаги на дипломатическом помосте в Лондоне? Личные качества, а также его величество случай играют в дипломатии, как и в жизни, далеко не последнюю роль. При взаимном расположении и симпатиях партнерам на переговорах легче находить компромиссные решения, не поступаясь при этом своими принципами и не нарушая письменных инструкций. Маркиз Уэлсли был почти в два раза старше Боливара, в июне 1810 года он отметил свое пятидесятилетие. За его плечами – огромный опыт парламентской деятельности и колониального управления. В Лондоне говорили, что Уэлсли-старший въехал в 1809 году в здание министерства иностранных дел на белом коне генерал-губернатора Индии. Его семилетнее пребывание на посту главы колониальной администрации в богатейшей английской колонии было ознаменовано завоеванием Май-сора и подрывом влияния махараджей. Составители всемирно известной Британской энциклопедии не пожалели красок, рисуя нелицеприятный портрет этого деятеля, на короткий срок взявшего в свои руки бразды правления английской внешней политикой: «Разгульная жизнь в тропиках наложила печать на проявления его энергии и лени. Нерадивость, некомпетентность и непомерная амбициозность (за семь лет обладания фактически королевской властью он начисто избавился от самоконтроля) создавали такой характер, что коллеги Уэлсли вздохнули с облегчением, когда он удалился в отставку в феврале 1812 года»⁵¹. Судьба могла бы быть более благосклонной к Боливару, выбирая ему партнера на переговорах.

Маркиз Уэлсли решил принять Боливара и других членов венесуэльской миссии в своей загородной резиденции, дворце Асплей-хаус, находившемся напротив знаменитого «угла» Гайд-парка, ставшего позднее витриной британской демократии, где каждый англичанин может и сегодня, взгромоздившись на самодельную платформу, проповедовать под охраной блюстителей порядка любые взгляды (кроме оскорбительных высказываний в адрес королевских особ). Первые две встречи состоялись 18 и 19 июля 1810 г.

В исторической литературе можно встретить несколько версий относительно первой встречи венесуэльских посланцев с маркизом Уэлсли в Асплей-хаус. Обстоятельства их появления заслуживают внимания. Они позволяют увидеть, как рождаются легенды из жизни великих людей.

Первую версию выдвинул известный чилийский историк XIX века Мигель Луис Амунатеги, автор подробного жизнеописания Андреса Бельо. Он беседовал с Бельо, когда тот был уже в преклонном возрасте, и опубликовал записанный с его слов рассказ о том памятном событии. Вот этот рассказ: «Как только они предстали перед английским министром, Боливар, слабо искушенный в дипломатическом искусстве, совершил необдуманный поступок и вручил Уэлсли не только свои верительные грамоты, но и пакет, содержащий текст инструкций. После этого он обратился к Уэлсли со страстной речью на французском языке, в которой содержались оскорбительные намеки в адрес испанской монархии и подчеркивалось стремление к полной независимости Венесуэлы от Испании.

Уэлсли выслушал все это с холодным и невозмутимым вниманием, присущим дипломатам, но, как только Боливар закончил, он заметил, что идеи, которые были высказаны, явно противоречат документам, полученным им несколько минут назад из рук самого Боливара. Действительно, верительные грамоты выдала хунта, которая управляла Венесуэлой от имени Фердинанда VII, а инструкции, переданные английскому министру, не только не содержали ни малейшего разрешения касаться вопроса о независимости, но и категорически предписывали эмиссарам добиваться посредничества Великобритании в целях избежать разрыва с испанской монархией.

На это возражение Боливар не нашелся, что ответить. Содержание документов об

---

⁵¹ [51] Encyclopedia Britanica. – Vol. 23. – L., 1973. – P. 393

аккредитации миссии полностью соответствовало тому, что говорил его собеседник. Дело в том, что молодой человек отправился на переговоры, не прочитав полученные инструкции.

После замечания Уэлсли Боливару не оставалось ничего другого, как по крайней мере в официальном разговоре отказаться от своих претензий относительно «помощи в пользу независимости». Именно это он и сделал, продолжая беседу в рамках предписаний, содержащихся в инструкциях»⁵².

Столь обширная цитата может показаться читателю излишней. Однако без нее будет непонятна аргументация, Историки более позднего времени (Кристобаль Мендоса, Карлос Вильянуэва, Педро Грасес и Висенте Лекуна) выступили с опровержением версии Амуратеги, получившей широкое хождение в литературе благодаря авторитету ее автора. Последуем за их рассуждениями.

Аргумент первый. Абсолютно невероятно, чтобы Боливар, находившийся в течение целого месяца в ограниченном пространстве кают-компания и верхней палубы трехмачтового парусника, пересекавшего Атлантику, не нашел времени ознакомиться с полученными от Россио инструкциями и другими документами, касавшимися миссии в Лондон.

Аргумент второй. Также абсолютно невероятно, чтобы Боливар, будучи главой миссии, не обсуждал во время путешествия и в первую неделю в Лондоне со своими коллегами, а также с Мирандой предстоявшие переговоры в свете указаний каракасской хунты.

Аргумент третий. Реплика маркиза Уэлсли выглядит неправдоподобной, так как он не владел испанским языком и поэтому не мог ознакомиться на месте с содержанием документов, врученных Боливаром.

Аргумент четвертый. Тщательные поиски в архиве министерства иностранных дел Англии не обнаружили текста инструкций на испанском языке, якобы врученных по ошибке Боливаром Уэлсли, хотя там в соответствующем месте находятся в целости и сохранности все другие документы (верительные грамоты, ноты Георгу III и Уэлсли и т. д.), касающиеся переговоров с миссией Боливара. Текст инструкций, но не на испанском, а на английском языке, был найден в архиве министерства по военным вопросам и колониальным делам с пометкой, что документ поступил с Кюрасао. Оказалось, что Верховная правительственная хунта Венесуэлы, следуя дипломатии национального освобождения, вела «игру с открытыми картами». В инструкциях, по сравнению с другими документами, наиболее полно, детально и аргументированно излагались цели венесуэльской политики в отношении Англии, и поэтому Каракас направил этот документ, переведенный на английский язык, в Лондон через английского губернатора Кюрасао, с которым поддерживались дружественные связи.

Аргумент пятый. В рассказе, приведенном Амуратегой, неубедительно звучат слова об оскорбительных высказываниях Боливара в адрес метрополии. Венесуэльская Верховная правительственная хунта в своих декларациях в апреле – мае 1810 года, присягая на верность Фердинанду VII, одновременно в самых сильных выражениях осуждала скандальное поведение членов королевского дома. В них без всяких обиняков говорилось о деспотизме и бездарности Карла IV, амурных похождениях любвеобильной королевы Марии Луизы, унижительно-лицемерных поздравлениях, направленных Фердинандом VII Жозефу Бонапарту по случаю его восшествия на испанский престол, и т. д. Каракас отказался подчиняться Регентскому совету, считая, что тот не является «законным носителем испанского суверенитета». Можно заключить, что Боливар только повторил в своей речи, обращенной к Уэлсли, официальные заявления своего правительства. При этом в своем первом, программном выступлении в Асплей-хаус он вполне мог выйти за рамки инструкций и открыто заявить о стремлении Венесуэлы добиться полной независимости от испанской монархии. Таково мнение многих исследователей жизненного пути Освободителя. Миссия в Лондон предоставляла уникальную возможность обосновать объективную необходимость и

---

⁵² [52] Цит. по Villanueva C. Op. cit. – P. 167-168. " Salsedo Bastardo J. L. Op. cit. – P. 53

историческую неизбежность суверенного решения Венесуэлы о провозглашении своей независимости. Такой случай было бы непростительно упустить. По мнению Х. Сальседо-Бастардо, речь Боливара носила характер политической декларации, «в которой излагалась разработанная в Лондоне при участии Миранды новая венесуэльская стратегия»²².

Последнее слово в жарких дискуссиях историков принадлежало документу. В Национальном архиве Колумбии была обнаружена протокольная запись хода переговоров в Лондоне, составленная Бельо 15 сентября 1810 г. Подлинность документа подтвердил химический анализ состава бумаги. Этот документ был опубликован историком К. Мендосой. Протокольная запись вместе с тремя краткими сообщениями о ходе переговоров, направленными в Каракас миссией Боливара, позволила восстановить достоверную и полную картину происходившего в стенах Асплей-хаус.

Первая аудиенция (18 июля 1810 г.) открылась заявлением маркиза Уэлсли. В категорическом тоне и жестких формулировках он изложил позицию английского правительства. Тесный союз между Лондоном и Регентским советом в Кадисе не позволяет Англии предоставить миссии Боливара официальный статус и исключает возможность прямых сношений между правительством Англии и венесуэльскими дипломатами. Единственная цель неофициальных переговоров заключается в том, чтобы посланцы Каракаса могли убедиться в решающем значении, которое испанская сторона и ее английский союзник придают сохранению целостности различных частей испанской империи в интересах объединения всех сил для войны против Франции. Непризнание Венесуэлой власти Регентского совета рассматривается английским министерством иностранных дел как отделение от метрополии и тяжелый удар по Испании. Уэлсли настойчиво советовал Каракасу признать Регентский совет с учетом согласия последнего осуществить необходимые реформы колониального управления и готовности Англии выступить гарантом по этому вопросу.

В своем ответе Боливар представил краткий анализ событий в Венесуэле, последовавших за отречением Карла IV и провозглашением Фердинанда VII королем Испании. В частности, доказывалась законность образования Верховной правительственной хунты в целях «ограждения провинции от посягательств общего врага». Поэтому, сказал Боливар, события 19 апреля в Каракасе не следует рассматривать как отделение от метрополии.

Упорное стремление сент-джеймского кабинета укрепить положение Регентского совета в Испании не явилось неожиданностью для членов венесуэльской миссии. В одном из своих сообщений хунте о ходе переговоров в Лондоне Боливар писал, что Регентский совет – это во многом детище англичан. Его созданию способствовали маркиз Уэлсли, занимавший в 1809 году пост английского посла в Испании, и «его брат сэр Артур Уэлсли, который сегодня, получив титул лорда Веллингтона, командует английскими армиями в Испании и Португалии и осуществляет на деле руководство всей кампанией на этом театре военных действий». С реальными обстоятельствами приходилось считаться. Однако, основываясь на полученных инструкциях, Боливар отклонил предложение английской стороны относительно примирения Венесуэлы с Регентским советом, поскольку «процедура формирования и форма организации этого правительственного органа... не опираются на законные основания и открыто нарушают права Америки».

«С этого момента, – отмечалось в протокольной записи, – беседа приняла достаточно напряженный характер и свелась к повторению сторонами своих аргументов лишь в иной словесной форме». Уэлсли недвусмысленно дал понять членам миссии, что надежды Каракаса получить дипломатическое признание Англии, хотя бы даже в косвенной форме, в ближайшее время нереальны. Он отклонил также их просьбу о содействии в закупках оружия и боеприпасов в Англии, напомнив, что английские законы запрещают экспорт вооружений и аналогичная просьба Испании в свое время не была удовлетворена. Английский министр иностранных дел не смягчил своей позиции и тогда, когда венесуэльцы

попытались заинтересовать Лондон торгово-экономическими перспективами. Уэлсли согласился с мнением членов миссии о том, что независимость Каракаса отвечает интересам английской торговли. Однако он тут же пояснил, что такой интерес представляет преходящую и ограниченную ценность, в то время как целостность и самостоятельность испанской империи теснейшим образом связаны с долгосрочными и фундаментальными интересами Великобритании.

На этом первая встреча закончилась, и стороны согласились продолжить дискуссию на следующий день.

Вторая аудиенция (19 июля 1810 г.) проходила в более спокойной атмосфере. Изложив накануне в жесткой форме политику Англии и встретившись с твердой позицией венесуэльской миссии, Уэлсли, видимо, решил направить переговоры по другому руслу. Так, английский министр иностранных дел от имени Георга III выразил глубокое удовлетворение высказанными венесуэльцами чувствами уважения в адрес Великобритании. Более того, Уэлсли заявил, что, независимо от разногласий между Венесуэлой и Регентским советом, английское правительство намерено считать венесуэльцев дружественной нацией, готово предоставлять им защиту от французов и согласно играть роль посредника между правительством Испании и венесуэльской хунтой при том условии, что последняя обязуется предоставлять «матери-родине» всестороннюю помощь в борьбе против общего врага.

Эмиссары Венесуэлы согласились с таким подходом, и было решено, что они изложат свои соображения в форме ноты английскому правительству.

Венесуэльская нота от 21 июля 1810 г. является одним из самых значительных документов лондонских переговоров⁵³. В ней отмечалось, что Венесуэла как интегральная часть испанской империи подвергается угрозе со стороны Франции и для обеспечения своей безопасности нуждается в военно-морской защите Англии. Венесуэла стремится также получить от английского правительства в приемлемой для него форме другие средства, необходимые для борьбы против общего врага. «Жители Венесуэлы, – говорилось в ноте, – добиваются высокого посредничества Великобритании для сохранения мира и дружбы со своими братьями в Старом Свете». При этом выражалась готовность Венесуэлы при посредничестве Англии достичь договоренности с «матерью-родиной» о продолжении дружественных отношений, торгового обмена, морского сообщения и предоставлении ей помощи.

Венесуэла просила английскую сторону направить необходимые инструкции командующим военно-морскими соединениями и губернаторам английских колоний на Антильских островах, с тем чтобы они содействовали развитию связей между гражданами двух стран, особенно торговым отношениям, при том что английским подданным предоставляются права наиболее благоприятствуемой нации. Желая укрепить позицию своих посланцев на переговорах в Лондоне, венесуэльская Верховная правительственная хунта 3 сентября 1810 г. снизила на 25% пошлины на все английские товары.

Конкретная программа, предложенная венесуэльской миссией, поставила в затруднительное положение английское министерство иностранных дел. Оно долго молчало, изыскивая хитроумную дипломатическую формулу, позволявшую и волкам быть сытыми, и овцам остаться целыми. Ведомство Уэлсли хотело свести до минимума обязательства Англии, умиротворить испанских послов, усиленно интриговавших в надежде сорвать англо-венесуэльские переговоры, и не оттолкнуть от себя Каракас, представлявший немалую ценность с точки зрения стратегии будущей борьбы за влияние в Южной Америке. Чтобы облегчить себе задачу, маркиз Уэлсли поручил своему сыну Ричарду подготовить с помощью его венесуэльских друзей специальную записку о событиях 19 апреля в Каракасе и их возможных последствиях для государственных интересов Англии⁵⁴.

---

⁵³ [53] См. Restrepo J. M. (Ed.) *Op. cit.* – Т. 1. – P. 292-293

⁵⁴ [54] См. Bolívar y Europa... – P. 391-393

Обеспокоенные затянувшейся паузой, венесуэльские посланцы решили добиваться новой встречи с хозяином Асплей-хаус. В эти дни произошли два важных события, оказавших влияние на англо-венесуэльские переговоры. В Лондон поступило сообщение: Регентский совет объявил о военно-морской блокаде всех венесуэльских портов. И хотя в тот момент Регентский совет не располагал военными средствами для осуществления своего решения, политический смысл этой акции был очевиден. Такое заявление означало объявление войны мятежной колонии. Оно адресовалось не только венесуэльцам, но и жителям других частей испанской Америки. Камарилья, действовавшая от имени Фердинанда VII, намеревалась сражаться до последнего испанского солдата за сохранение своего неограниченного права собирать колониальную дань с народов Америки. Воинственный жест Регентского совета осложнял положение английской дипломатии, ограничивая ее возможности маневрирования. Объективно он ущемлял торговые интересы союзника Испании. Маркизу Уэлсли не оставалось ничего другого, как заверить представителей Венесуэлы в том, что сент-джеймский кабинет приложит все усилия для отмены блокады и постарается предотвратить возникновение вооруженного конфликта.

Если первое событие вызвало тревогу Боливара и его коллег, то второе, напротив, воодушевило их. 6 августа 1810 г. в Лондон прибыл Матиас Иригойен, дипломатический эмиссар Правительственной хунты Буэнос-Айреса. Он привез известие о победе майской революции в Ла-Плате (25 мая 1810 г. волей населения Буэнос-Айреса испанский вице-король был низвергнут и власть взяла Временная правительственная хунта) и образовании независимого аргентинского правительства, обратившегося к Англии с просьбой о помощи и защите. Поступали также сообщения о близкой победе патриотов в Мексике, Чили и Эквадоре. Освободительное движение в испанской Америке обрело континентальный размах, что укрепляло позиции венесуэльцев на переговорах в Лондоне. В Англии начинали осознавать историческую неизбежность крушения испанского господства в Америке и серьезные последствия этого события для всей системы международных отношений.

Переговоры в Асплей-хаус возобновились 4 августа. Постепенно туман общих деклараций начинал рассеиваться, и появились очертания первых конкретных результатов. Уэлсли вручил эмиссарам Венесуэлы ответ на их ноту от 21 июля 1810 г. Сент-джеймский кабинет, не отвергая предложений Венесуэлы, выставил свои условия: в обмен на поддержку Англии Каракас должен сохранять «модус вивенди» с метрополией. Подчеркивалось, что как военно-морская защита Венесуэлы со стороны Англии против возможных нападений Франции, так и согласие на развитие торговых и других отношений между английскими колониями в Карибах и Венесуэлой предоставляются, исходя из понимания необходимости для Венесуэлы сохранять верность Фердинанду VII и сотрудничать с Испанией и Англией в борьбе против общего врага. Такую же направленность имело согласие Лондона выступить посредником в урегулировании конфликта между метрополией и ее подданными в Америке.

Боливар и его коллеги получили еще один документ, носивший длинное и весьма красноречивое название – «Меморандум о состоявшихся переговорах между маркизом Уэлсли и эмиссарами [Венесуэлы], врученный им и испанским послом 9 августа 1810 г.». Министерство иностранных дел Великобритании, предпринимая шаги, придававшие отношениям с Венесуэлой постоянный характер, всячески «умиротворяло» своего испанского союзника. Эта игра не ввела в заблуждение испанских послов. Адмирал Аподака отправлял в Кадис одну депешу за другой, обвиняя «жоварный Альбион» чуть ли не в измене союзническому долгу. С немалой долей самокритики он признавался: «Все предпринятые мною усилия... на благо нашей любимой родины и ее американских владений не дали того эффекта, которого я желал»⁵⁵.

Переговоры в Асплей-хаус подходили к концу. Уэлсли поставил в известность своих

венесуэльских партнеров о решении правительства Англии касательно будущих отношений. Один или два эмиссара Каракаса могут остаться в Лондоне с целью поддержания контактов между двумя странами. Остальным членам миссии Боливара для возвращения на родину предоставлялся английский военный корабль.

Однако по различным причинам отъезд затягивался, и теперь, когда самое трудное осталось позади, можно было найти время для знакомства с Лондоном, величайшим в то время городом мира, насчитывавшим больше жителей, чем вся Венесуэла. И здесь помощь Миранды была неоценимой.

Лондон восхищал и кружил голову. Однако Боливар не был праздным туристом. Его привлекало в первую очередь все то, что могло быть полезным для Венесуэлы, которой необходимо было сделать скачок из средневековья в цивилизацию.

Огромный интерес Боливара вызывала уникальность английского политического опыта. Он стремился постичь суть политических институтов Британии.

Англия не имела конституции или билля о правах, который защищал бы ее граждан. Парламент был формой правления аристократической земельно-буржуазной олигархии. Правом голоса пользовались лишь крупные собственники. Но страна быстро развивалась, уверенно продвигаясь к зениту своего экономического могущества и международного влияния. Величие Англии как государства, приходил к выводу Боливар, проистекало не из ее природных богатств, которые незначительны, не из исключительной предприимчивости англичан, хотя они умеют «делать деньги», и не из небывалой храбрости английских солдат, а из эффективности ее общественных и политических институтов. Изучение английской системы оказало большое влияние на формирование воззрений Боливара по вопросам государственного и конституционного устройства. Он являлся решительным противником слепого подражания или копирования чужих учреждений, будь то Англии, США или Франции, и был убежден в уникальности условий и исторического опыта испанской Америки. Формы государственного устройства должны основываться на этих факторах. И тем не менее во многих проектах Боливара можно заметить английские «следы».

Боливара интересовала не только «вершина пирамиды». С увлечением он знакомился с различными сторонами английского образа жизни, психологией, общественным поведением и мировоззрением англичан. Его «туристский» маршрут включал Лондонскую ратушу, Королевскую академию наук, Английский банк, Королевскую биржу, астрономическую обсерваторию в Гринвиче, Королевский госпиталь, приют ветеранов военно-морского флота. Запись в книге регистрации Британского музея свидетельствует о том, что Боливар посетил его библиотеку и собрание редких рукописей. Он присутствовал на лекции Дж. Ланкастера, в которой известный педагог разъяснял свой метод, и посетил «Борроу скул», где ученики проходили курс взаимного обучения. И эта крупица английского опыта не была забыта Боливаром. Двенадцать лет спустя, будучи президентом Великой Колумбии, он пригласил Ланкастера, для того чтобы основать под Каракасом первую в Южной Америке школу, работающую по методу взаимного обучения.

В конце августа 1810 года Боливар и его коллеги получили извещение английского министерства иностранных дел: восемнадцатипушечный корвет «Сафайр» готов принять их на борт. Тогда же в лондонских газетах был опубликован полный текст декрета, изданного Регентским советом 1 августа 1810 г., о блокаде всех венесуэльских портов и запрещении другим колониям в Америке поддерживать отношения с венесуэльскими мятежниками. Безрассудный шаг союзника вызвал негодующую реакцию в Лондоне. Посланцы Каракаса решили отложить отъезд и использовать сложившуюся политическую обстановку в интересах закрепления договоренностей с Англией. Они попросили о новой встрече с маркизом Уэлсли, чтобы, как сообщал Боливар в послании к России, «получить подтверждение обещаний, которые были нам даны от имени короля Великобритании» ⁵⁶.

Последний раунд переговоров в Асплей-хаус состоялся 9 сентября 1810 г. Уэлсли заявил посланцам Венесуэлы, что блокада – безрассудный односторонний акт Кадиса. Англия не одобряет этот шаг и не признает блокаду. Поэтому английской таможне не отдано указаний задерживать торговые корабли, направляющиеся в Каракас. Боливар более отчетливо, чем раньше, увидел, что за фасадом англо-испанского союза скрываются серьезные противоречия, которые неизбежно выйдут наружу, как только изменится военная обстановка в Европе. В сообщении, направленном России в Каракас, он писал: «У этого правительства просматриваются очень благоприятные для нас подходы».

Миссия в Лондон была завершена. 22 сентября 1810 г. Боливар поднялся по трапу на корвет «Сафайр», который взял курс к берегам Венесуэлы. Лопес-Мендес и Бельо остались в Лондоне для поддержания связей с правительством Англии.

Дипломатическая миссия Боливера в Лондон получила противоречивые оценки современников и историков последующих поколений. Немало исследователей считали, что она провалилась и истраченные ею денежные средства были выброшены на ветер. Даже такой неизменный защитник Боливера, как венесуэльский историк В. Лекуна, обронил фразу о том, что «на данный момент практический результат миссии был равен нулю»⁵⁷. Бежавший из фашистской Германии в США немецкий историк Герхард Масур, автор одной из лучших биографий Боливера на английском языке, пришел к заключению, что «ни Испания, ни Венесуэла не получили ровным счетом ничего от миссии Боливера, выигрыш достался Англии... Британская дипломатия умело использовала Боливера в своих целях»⁵⁸. Вместе с тем известный венесуэльский дипломат Армандо Рохас и историк Кристоаль Мендоса, опубликовавший все документы, связанные с миссией Боливера в Лондон, считают ее вполне успешной²⁹. На чьей же стороне истина?

Если подходить с точки зрения осуществления конкретных внешнеполитических задач, возложенных на миссию Боливера, она действительно завершилась неудачей. Сент-джеймский кабинет отказался признать Верховную правительственную хунту Венесуэлы. Уэлсли отклонил настойчивые попытки посланцев Каракаса получить официальный ответ в письменной форме на обращения и ноты венесуэльского правительства, считая, что это явилось бы актом его признания де-факто. Не удалось также закупить в Англии оружие и боеприпасы. Ценность союза с Испанией для борьбы против главного английского противника – наполеоновской Франции в тот момент перевесила все другие соображения и возможные выгоды от активных отношений с Южной Америкой, поднявшейся на борьбу за независимость.

Однако можно ли в оценке ограничиваться только конкретными, непосредственными результатами? Попробуем взглянуть на вопрос шире и обратимся прежде всего к документам. Как Миранда, так и Боливар сообщали в Каракас об успехе миссии. В протокольной записи, например, утверждалось: «Приезд дипломатических эмиссаров и их переговоры с лордом Уэлсли... изменили образ мыслей и действий британского правительства». Кто осмелится утверждать, что два таких выдающихся исторических деятеля, как Миранда и Боливар, страдали не столь уж редкой среди дипломатов слабостью сообщать в центр только то, что там хотят услышать? Тем более, что их оценки подтверждены лондонскими газетами «Таймс» и «Морнинг кроникл». По их сообщениям, посланцы Каракаса возвращались на родину, удовлетворенные результатами переговоров. В газетных комментариях подчеркивались открывшиеся возможности взаимовыгодной торговли и отмечалось намерение Англии не вмешиваться во внутренние дела испанских владений в Америке, в их взаимоотношения с метрополией, придерживаться политики строгого нейтралитета в этих вопросах, развивая дружественные отношения с обеими

---

⁵⁷ [57] becuna V. Catalogo... – Т. 1. – Р. 214

⁵⁸ [58] Masur G. Simon Bolivar. – Caracas, 1987. – Р. 91

сторонами. Отклики английской печати – своего рода «моментальный снимок» непосредственной реакции, вызванной миссией Боливара в общественном мнении и правительственных кругах Великобритании.

Главным осязаемым результатом дипломатической миссии Боливара явился прорыв в Европу – установление канала постоянной связи с крупнейшей западной державой, игравшей важнейшую роль в мировой политике, потенциальным союзником латиноамериканских наций, обретавших независимость. Это имело историческое значение. Следует напомнить, что абсолютные монархи континентальной Европы считали испаноамериканских патриотов мятежниками, закрывали перед ними свои границы, арестовывали и высылали за пределы территорий своих стран их дипломатических эмиссаров.

Значение дипломатической миссии Боливара далеко выходит за рамки ее конкретных достижений. Дипломатический опыт, приобретенный им за время пребывания в Англии, послужил отправным моментом для разработки внешнеполитической стратегии, отвечающей интересам окончательной победы над Испанией. Конечно, формирование внешнеполитических воззрений Освободителя не единовременный акт, а весьма длительный процесс. Концепция дипломатии национального освобождения сложилась как законченная система взглядов Боливара только в 20-х годах на основе опыта многолетней войны с Испанией и государственного руководства республикой Великая Колумбия. Но первые кирпичи в фундамент этой концепции закладывались в Лондоне. Сальседо-Бастардо отмечал, что «по своей значимости два месяца пребывания в Лондоне несравнимы ни с каким другим двухмесячным периодом в жизни Боливара»⁵⁹. В этом высказывании можно усмотреть полемическое преувеличение, но по существу оно верно.

Попробуем выстроить нашу версию достижений лондонского этапа. Боливар многое понял в тогдашних международных отношениях. Расстановка политических сил в Европе накануне второго десятилетия XIX века не давала надежды повторить блестящий маневр восставших английских колоний в Северной Америке. Молодой американской дипломатии удалось использовать в своих интересах рознь между французами, испанцами и англичанами и добиться заключения союза с Францией и Испанией, которые вступили в войну с Англией при благоприятном нейтралитете России Екатерины II. Иная международная обстановка требовала совершенно другой внешнеполитической стратегии. Продираясь сквозь хитросплетения многочисленных претендентов на испано-португальское наследство в Америке, Боливар пришел к выводу, что Англия больше, чем какое-либо другое государство, и не из альтруистских побуждений или сочувствия к борьбе колоний, а из соображений практического интереса и реальной политики, сможет оказать поддержку молодым латиноамериканским нациям в отстаивании своего суверенитета. «Только Англия, владычица морей, – напишет позднее Боливар, – сможет защитить нас от объединенных сил европейской реакции»⁶⁰. Англия могла в будущем играть также и роль противовеса влиянию США.

Другую фундаментальную основу дипломатии национального освобождения Боливар усматривал в латиноамериканском единстве, прочном внешнеполитическом союзе стран, освободившихся от испанского господства. Видимо, мысли об этом появились у Боливара еще до Лондона. Но именно в английской столице они впервые, и это подтверждается документально, кристаллизовались в программную идею, зовущую к действиям. Боливар ощущал себя в Лондоне полномочным послом всего континента.

Испанские и португальские колонизаторы на протяжении многих десятилетий проводили политику «разделяй и властвуй», стремясь разобщить народы континента. Однако

---

⁵⁹ [59] Salsedo Bastardo J. L. Op. cit. – P. 53

⁶⁰ [60] Webster C. K. (Ed.) Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc. – Vol. 1. – L. – N. Y. – Toronto, 1938. – P. 11

им не удалось создать непреодолимых барьеров между народами Латинской Америки. Миранда и другие предтечи независимости мыслили континентальными масштабами. Так, Миранда вспоминал, что в 1784 году в Нью-Йорке у него родился план завоевания независимости и свободы всего испаноамериканского континента. Позднее, в 1791 году, в обращении к американцам, получившем широкую известность, Миранда выдвинул идею «превратить Америку в великое братское сообщество» ⁶¹.

Миранда высказывал мысли о необходимости объединения испанских колоний в рамках конфедерации или единого государства, которое он называл «Коломбия» в честь первооткрывателя Америки. Это государство, где отменялись все налоги и другие поборы, установленные метрополией, провозглашались свобода торговли и свобода совести, должно было, по замыслам Миранды, стать конституционной монархией, сохраняющей многие черты древней империи инков ⁶².

Конечно, этот проект носил утопический характер прежде всего потому, что народы колоний в то время еще не пробудились для активной борьбы. Кроме того, эти идеи не могли завоевать многих сторонников среди борцов за независимость, так как большинство из них были республиканцами. Осуществление своих замыслов автор связывал с надеждами на получение военной поддержки со стороны США или Англии, что, как показали события, оказалось нереальным. Однако при всех своих недостатках проект был свидетельством страстной преданности Миранды идеям латиноамериканского единства. Боливар решил идти дальше.

За несколько дней до отъезда на родину Боливар опубликовал в «Морнинг кроникл» статью, озаглавленную «Письмо испанского сеньора из Кадиса своему другу в Лондоне». История знает немало примеров, когда в столь невинной «упаковке» преподносились взрывные, революционные идеи. «Испанский сеньор из Кадиса» выражал в своем письме пламенную веру в скорое освобождение колоний от рабства и призывал их сплотиться в объединенную Америку. Статья была замечена теми, кому она и была адресована. 5 ноября 1810 г. «Гасета де Каракас» опубликовала испанский текст статьи Боливара ⁶³.

Закрывая последнюю страницу лондонского периода жизни Боливара, необходимо упомянуть еще об одном его деянии, имевшем непредвиденные и трагические последствия. Симон преклонялся перед жизненным подвигом Миранды и находился под обаянием этой выдающейся личности, поэтому он убедил предтечу вернуться на родину и отдать ее независимости свой политический и военный опыт. Английские власти не сразу дали Миранде разрешение отправиться домой под именем мистера Мартина, и на венесуэльскую землю он ступил через неделю после возвращения Боливара. Миранда был облачен в генеральский мундир французской армии эпохи Революции. Его приветствовали толпы каракасцев, приехавших для встречи в порт Ла-Гуайра.

Дипломатия национального освобождения

Наша родина – Америка, наши враги – испанцы, наша цель – независимость и свобода.

Симон Боливар

---

⁶¹ [61] Цит. по Григулевич И. Р. Франсиско де Миранда и борьба за независимость испанской Америки. – М., 1976. – С. 47

⁶² [62] См. Pacheco Quintero J. Congreso Anfictionico de Panama y la politica internacional de los Estados Unidos. – Bogota, 1971. – P. 21

⁶³ [63] Bolivar y la opinion publica. – P. 78

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

На венесуэльской земле Боливара ждало трагическое известие о гибели старшего брата. Назначенный, как и Симон, главой дипломатической миссии, Хуан Висенте Боливар в сопровождении второго эмиссара – Т. Ореа и секретаря миссии Х. Тиноко в июне 1810 года прибыл в США. Начало миссии было обнадеживающим, хотя США, как и Англия, отказались установить с Венесуэлой официальные отношения. Государственный секретарь США Р. Смит встретился с Хуаном Висенте Боливаром и его коллегами частным образом. Приняв верительные грамоты венесуэльской миссии, Р. Смит от имени правительства США приветствовал Верховную правительственную хунту Каракаса. Он заверил посланцев Венесуэлы в желании правительства США установить с ней дружественные отношения и развивать торговлю. Очень оперативно Вашингтон назначил Роберта Лоури торговым агентом США в Ла-Гуайре и других портах Венесуэлы, придав ему консульские полномочия. В августе 1810 года Лоури прибыл в Венесуэлу и оставался там до июля 1812 года, регулярно информируя правительство США о ходе борьбы патриотов и роялистов в Венесуэле ⁶⁴. Начало неофициальным отношениям, таким образом, было положено, но они не послужили прологом к дипломатическому признанию.

Воодушевленная первым успехом, Верховная правительственная хунта направила Хуану Висенте груз фруктов и кожи стоимостью 70 тыс. песо с поручением продать их и на вырученные деньги закупить в США 6 тыс. ружей и боеприпасы. При выполнении этой задачи венесуэльская миссия столкнулась с большими трудностями. Американские оружейные заводы были заняты выполнением полученного незадолго до этого заказа правительства США на изготовление 80 тыс. ружей, так как все имевшиеся запасы оружия закупили представители Испании ⁶⁵. 6 сентября 1810 г. Верховная правительственная хунта Каракаса через американского торгового агента Лоури заявила протест государственному департаменту США в связи с отправкой испанцами груза оружия из Филадельфии в венесуэльский порт Маракайбо, находившийся в руках испанских роялистов ⁶⁶. Это была первая нота протеста в истории венесуэльско-американских отношений.

С большим трудом Хуану Висенте Боливару и его коллегам удалось закупить полторы тысячи ружей и отправить их в Ла-Гуайру. Остальные деньги пришлось истратить на приобретение нескольких прядильных и бумагоделательных машин. Корабль, на котором Хуан Висенте Боливар возвращался в августе 1810 года домой, попал в шторм и затонул. Никому из пассажиров спастись не удалось.

Между тем обстановка в Венесуэле обострялась с каждым днем. В провинциях усиливались сепаратистские настроения. Роялисты сохраняли в своих руках контроль над половиной территории провинции Маракайбо и над округом Коро неподалеку от столицы. Они поддерживали тесный контакт с испанским населением Каракаса, где жило более 2 тыс. испанских крупных торговцев, офицеров и чиновников упраздненной колониальной администрации, и готовились перейти в наступление. Надежды умеренно настроенной креольской аристократии поладить миром с испанской монархией, получив автономию и расширив свои права, не оправдались. В ноябре 1810 года уполномоченный Регентского совета в Карибах Антонио Кортабарриа потребовал от венесуэльской Верховной правительственной хунты допустить в Каракас нового генерал-капитана, назначенного

---

⁶⁴ [64] См. Villanueva C. Op. cit. – P. 83

⁶⁵ [65] Gil Fortoul J. Historia constitucional de Venezuela. – Vol. 1. – Caracas, 1942. – P. 189

⁶⁶ [66] См. Manning W. R. (Ed.) Op. cit. – Vol. 11. – P. 1145

Кадисом, восстановить королевскую аудиенсию (верховный судебный орган) и распустить трехтысячный отряд народного ополчения, созданного после событий 19 апреля. Естественно, подобные требования были отклонены, и в январе 1811 года Кортабарриа начал военно-морскую блокаду морского побережья Венесуэлы. Непримиримые роялисты из Регентского совета жаждали взять реванш.

Возвращение Боливар и Миранды в Венесуэлу усилило активность радикального крыла антиколониальных сил. Сторонники полной независимости от Испании объединились вокруг Патриотического общества по развитию сельского хозяйства и экономики, основанного в августе 1810 года. Первоначальное «хозяйственное» предназначение Патриотического общества не помешало ему вскоре превратиться в своего рода якобинский клуб. Боливар и Миранда, вступив в ряды Патриотического общества, быстро выдвинулись в число его руководителей. К ним примкнули братья Франсиско и Фернандо Торо, пользовавшиеся большим влиянием, агитатор и трибун Хосе Феликс Ривас, вернувшийся из эмиграции, и др. Деятелей радикального крыла поддерживали газеты, издававшиеся в то время в Каракасе. «Гасета де Каракас», «Семанарио» и «Меркурио» в первой половине 1811 года развернули активную кампанию за окончательный разрыв с Испанией.

Влияние Патриотического общества в Каракасе и в провинциях росло. На его заседаниях, проходивших, как правило, по ночам, собирались радикально настроенная молодежь из богатых семей, выходцы из средних слоев и народных масс.

Политические страсти накаляли атмосферу Венесуэлы, и Боливар чувствовал значительность переживаемого момента. Наступил новый этап борьбы. С марта 1811 года в Каракасе заседал Конституционный конгресс, избранный населением Венесуэлы. Члены конгресса начали свою деятельность с торжественной клятвы защищать права «матери-родины» и Фердинанда VII. Население Каракаса ответило демонстрациями протеста 19 апреля 1811 г. В день первой годовщины изгнания колониальной администрации демонстранты обрушили свой гнев на символы испанской тирании, уничтожали портреты Фердинанда VII. Газета «Эль Патриота де Венесуэла» писала: Сегодня годовщина нашей революции. Дай Бог, чтобы этот день положил начало первому году независимости и свободы»⁶⁷. Однако на заседаниях конгресса продолжались нескончаемые споры. Большинство депутатов – выходцев из богатейших семей креольской аристократии увязли в колебаниях и сомнениях. Необходимо было предпринять решительные шаги.

4 июля 1811 г. Боливар выступил на заседании Патриотического общества со страстным призывом к немедленным действиям. В этом первом дошедшем до нас значительном выступлении уже видны мастерство аргументации и дар убеждения, умение придать мыслям законченную форму, что впоследствии сделало его, пожалуй, самым выдающимся оратором эпохи борьбы за независимость, пламенным трибуном, чье слово воодушевляло на беспримерные подвиги и обезоруживало политических противников. Боливар сказал: «В Конституционном конгрессе спорят о том, какое решение следует принять. И что же говорят нам? Что, прежде чем провозгласить независимость, следует объединиться в конфедерацию, как будто мы все не объединены против иностранной тирании! Что следует подождать, к чему приведет политика Испании. Какая разница, продаст ли нас Испания Бонапарту или будет впредь владеть нами, как рабами, если мы решим обрести свободу? Эти сомнения показывают, что мы еще находимся в плену старых представлений. Нам говорят, что важные решения следует принимать, хорошенько подумав. Разве трехсотлетнего господства испанцев было недостаточно для размышлений? Патриотическое общество с должным уважением относится к Конституционному конгрессу, но конгрессу, в свою очередь, следует прислушаться к голосу Патриотического общества, являющегося светочем прогресса и выразителем всех революционных чаяний. Заложим же

---

⁶⁷ [67] Цит. по Parra Peres C. Historia de la Primera Republica de Venezuela. – Vol. 11. – Caracas, 1959. – P. 22-23

бесстрашно краеугольный камень южноамериканской свободы! Проявить нерешительность в этом вопросе равносильно поражению»⁶⁸.

Предложение Боливара потребовать объявления независимости и с этой целью направить делегацию в Конституционный конгресс получило всеобщее одобрение.

На следующий день члены Патриотического общества и его сторонники заполнили улицу перед зданием, где заседали депутаты, и после длительного заседания за закрытыми дверями Конституционный конгресс 5 июля 1811 г. торжественно провозгласил независимость Венесуэлы. Жребий был брошен. Событие это приобрело не только национальное, но и континентальное значение. Венесуэла первой из испанских колоний в Америке разорвала цепи рабства и стала примером для других. Это обстоятельство понимали творцы первой Конституции республики Венесуэла, принятой 21 декабря 1811 г. Они протягивали руку дружбы патриотам всей Америки. В Конституции нашла отражение столь дорогая сердцу Боливара идея испаноамериканского единства. В ней говорилось, что народы «колумбийского континента» должны объединиться для совместной защиты своей религии, свободы и независимости. Решение о создании союза могут принять «их полномочные представители, собравшиеся на Генеральном конгрессе Колумбии» (испанской Америки)⁶⁹.

Это положение не случайно появилось в венесуэльской Конституции. Дипломатия национального освобождения заявила о себе. Революционное движение охватило соседнюю с Венесуэлой Новую Гранаду. Восставшее население ее столицы – Боготы в июле 1810 года свергло власть испанского вице-короля и создало Верховную хунту. Вслед за тем правительственные хунты возникли в Картахене, Сокорро, Памплоне, в других городах и провинциях. Между Венесуэлой и ее соседями установились отношения дружбы и солидарности. В послании Боготы, адресованном Верховной правительственной хунте Каракаса, содержались поздравления по поводу успеха дипломатической миссии Боливара в Лондон и высказывалась надежда, что проложенный Венесуэлой канал связи с Англией послужит интересам всей испанской Америки, освобождение которой не за горами. Хунта Сокорро обратилась к Венесуэле с просьбой о помощи оружием. «Гасета де Каракас» в январе 1811 года приветствовала решения правительственных хунт Боготы и Картахены об объявлении вооруженного нейтралитета. Обе хунты отказались выполнить приказ Регентского совета о блокаде венесуэльских портов и готовились отстаивать свое решение.

Для укрепления дружественных отношений с обеими хунтами Венесуэла в декабре 1810 года направила в Боготу дипломатическую миссию. По совету Миранды провести переговоры и заключить договор о взаимной поддержке было доверено Х. Кортес-Мадариаге. Личность Кортес-Мадариаги, так же как и многих других активных участников войны за независимость, интересна и неординарна. По меткой характеристике одного из историков, это был «католический священник, наделенный способностями свободного мыслителя»⁷⁰. Он родился в Чили в богатой аристократической семье и получил духовное образование. В Испанию Кортес-Мадариага отправился, чтобы разрешить теологический спор. Последующее пребывание в странах Европы сделало его сторонником французских философов-просветителей. В Лондоне он встречался с Мирандой. Согласно одной из версий, именно Миранда направил его в Каракас для ведения революционной пропаганды. В других источниках встречается иное объяснение: возвращаясь домой через Каракас в 1806 году, Кортес-Мадариага был покорен бурной жизнью столицы Венесуэлы, охваченной революционным брожением, и решил поменять свой чилийский приход на место каноника в каракасском соборе. Как многие священники, он обладал даром слова и умел

---

⁶⁸ [68] Bolivar S. – Vol. 111. – P. 535

⁶⁹ [69] La constitucion federal de Venezuela de 1811. – Caracas, 1959.- P. 186-187, 210-211

⁷⁰ [70] Villanueva C. Op. cit. – P. 289

убеждать.

К моменту прибытия Кортес-Мадариаги в Боготу там уже (в марте 1811 г.) была провозглашена Конституция «государства Кундинамарки», управляемого президентом при признании верховенства Фердинанда VII. После двухмесячных переговоров 28 мая 1811 г. в Боготе президент Кундинамарки Хорхе Тадео Лосано и Кортес-Мадариага подписали Договор о дружбе, союзе и федерации. Договаривающиеся стороны решили объединить усилия для защиты своей свободы и независимости. Они обязались оказывать взаимную помощь в условиях войны и мира. Кундинамарка, например, немедленно после заключения договора оказала Венесуэле финансовую поддержку.

Волна контрреволюций, вскоре прокатившаяся по Венесуэле и Новой Гранаде, поглотила многое, в том числе и документы, касающиеся миссии Кортес-Мадариаги. До наших дней дошли лишь отдельные статьи договора 1811 года, но и они позволяют прийти к выводу о характере этого документа. Первый в истории независимых латиноамериканских государств международный договор в официальной форме отразил их стремление к братскому союзу ⁷¹. В этом свете становится понятным внесение в Конституцию Венесуэлы положения о возможности присоединения к Венесуэльской федеративной республике других народов «колумбийского континента» на основе их свободного волеизъявления.

По непонятным причинам многие историки, особенно североамериканские, мало внимания обращают на эти важные обстоятельства, считая венесуэльскую Конституцию 1811 года копией Конституции США. Конечно, нельзя отрицать влияния американского образца. Венесуэла избрала демократическую и федеральную форму правления и приняла Декларацию прав человека. Она установила разделение властей и издала законы о гражданских свободах, свободе печати и др. Все это действительно напоминало политические учреждения, созданные в США после завоевания независимости. И так было не только в Венесуэле, но и во многих других южноамериканских странах. Однако необходимо видеть и существенные отличия. Главное же заключалось в степени соответствия конституционных норм и государственного устройства национальным условиям и особенностям переживаемого исторического момента.

Боливар считал федеративное устройство и слабое центральное правительство неприемлемыми в условиях внутренней политической неустойчивости и вооруженной борьбы против метрополии. «Федеративная система, даже если и признать ее самой совершенной и в наибольшей мере способной обеспечить счастье человека в обществе, – говорил Боливар в 1812 году, – больше всего противоречит интересам наших нарождающихся государств... Какая страна, будь она сколь угодно умеренной и республиканской, может в условиях внутренних распрей и войны иметь столь сложную и слабую систему правления, как федеральная? Невозможно сохранять эту систему в шуме сражения и столкновений противоборствующих сторон...

Я убежден, что, пока мы не добьемся централизации государственного управления, враги будут иметь полное преимущество; мы неизбежно погрязнем в распрях и потерпим жалкое поражение от кучки бандитов, бесчинствующих на наших землях» ⁷².

Внутреннее и международное положение молодой республики было тяжелым. В различных городах страны вспыхивали мятежи сторонников испанцев. В Каракасе обострялись противоречия между консервативным крылом патриотов, возглавляемым маркизом Торо, и радикалами, руководимыми Мирандой и Боливаром.

Не оправдались надежды на английское посредничество. Выполняя обязательства, взятые в ходе переговоров с Боливаром, маркиз Уэлсли в мае 1811 года дал указание английскому послу в Кадисе начать переговоры с министром иностранных дел,

---

⁷¹ [71] См. Rivas R. Historia diplomática de Colombia (1810-1834).- Bogota, 1961. – P. 13-14

⁷² [72] Боливар С. Указ. соч. – С. 21-24

представлявшим Регентский совет, об условиях осуществления Англией посреднической миссии между Испанией и ее восставшими колониями в Америке.

В дипломатической практике той эпохи посредничество широко использовалось для улаживания вооруженных конфликтов. Обычно в качестве посредника выступала одна из наиболее влиятельных держав. Руководствуясь своими интересами, она играла самостоятельную роль при налаживании переговоров между враждующими сторонами и могла при желании существенно помочь одной из них.

Предлагая посредничество, Лондон преследовал две основные цели: предотвратить втягивание Испании в вооруженный конфликт с американскими колониями, что отвлекло бы ее от войны с Наполеоном, и получить признание права Англии на свободную торговлю с испанской Америкой. Как минимум Англия добивалась заключения перемирия между метрополией и ее колониями на период военных действий в Европе. При этом английская дипломатия довольно бесцеремонно напоминала Регентскому совету о том, что Кадис находится на содержании Лондона, получая от него миллионные субсидии, и должен использовать испанские корабли, оснащенные и вооруженные Англией, не для морской блокады Мексики, Каракаса и Буэнос-Айреса, а для военных операций против Франции ⁷³.

Регентский совет, в свою очередь, помышлял только об одном: реставрировать колониальное господство Испании в Америке, не поступившись ни одной из своих привилегий. Более того, испанский министр иностранных дел Э. де Бардакси-и-Асара пытался в ходе переговоров заманить Англию в ловушку и навязать ей обязательство, в случае провала посредничества, участвовать своими вооруженными силами совместно с Испанией в подавлении мятежа в колониях.

В Каракасе информация об англо-испанских переговорах была получена от оставшегося в Лондоне Лопес-Мендеса. «Газета де Каракас» в ноябре 1811 года опубликовала его сообщение по этому вопросу, из которого следовало, что негативное отношение Англии к стремлениям патриотов порвать с Испанией усиливалось. Наполеон находился в зените славы и могущества, готовясь к походу на Москву. Все думы Лондона были прикованы только к европейскому театру. Лорд Р. К. Кэстльри, сменивший маркиза Уэлсли на посту министра иностранных дел, следующим образом в апреле 1812 года инструктировал английского посла в Испании, ведшего переговоры о посредничестве: «Договоры, связывающие двух монархов, накладывают на Великобританию основное обязательство сохранять целостность испанской монархии всеми доступными ей средствами... От этого зависят возможности войны в Европе против Франции. В случае отделения колоний богатства Америки нельзя будет использовать для дела свободы Европы. Если же они будут замирены и объединены с метрополией, их ресурсы вновь будут направлены на нашу поддержку» ⁷⁴. Естественно, правительство независимой Венесуэлы решительно высказалось против английского посредничества, заявив, что только грубой силой можно принудить венесуэльцев вновь надеть на себя колониальное ярмо.

Англо-испанские переговоры довольно быстро зашли в тупик, хотя встречи дипломатов и обмен нотами между Лондоном и Кадисом продолжались до середины 1812 года. Провал английского посредничества явился чувствительным ударом по престижу Лондона. Регентский совет, не считаясь ни с чем, отдал приказ готовить 6-тысячную карательную армию для отправки в испанскую Америку.

В это время страшный удар венесуэльской республике нанесло разрушительное землетрясение небывалой силы. В пасхальный четверг 26 марта 1812 г., когда толпы празднично одетых жителей Каракаса направлялись к собору Сан-Хасинто и другим церквям на торжественное богослужение, пугающая мгла среди бела дня окутала город, и подземные

---

⁷³ [73] См. Webster C. K. (Ed.) Op. cit. – Vol. 11. – P. 309-320

⁷⁴ [74] Ibid. – P. 310, 312-313

толчки в считанные минуты превратили Каракас, Ла-Гуайру и соседние селения в груды дымящихся развалин. Под ними оказалась погребенной почти половина жителей Каракаса, многие в панике бежали из города. Священники-мракобесы с церковных амвонов слали проклятья сторонникам республики. Божья кара, вещали они, настигла посягнувших на священные права испанской короны.

Боливар был среди тех, кто спасал раненых и пытался успокоить народ, напуганный стихийным бедствием. Заставив замолчать очередного прорицателя, сулившего прихожанам новые беды, Симон в гневе бросил ему: «Если природа против наших намерений, мы будем бороться с природой и заставим ее подчиниться»⁷⁵. Потрясенный случившимся, он у развалин древнего собора в третий раз в своей жизни произносит клятву – никогда не отступать перед обстоятельствами.

Тем временем капитан испанской королевской армии Доминго Монтеверде, сколотив в Коро отряд в 230 штыков, двинулся в наступление на столицу. В царившей неразберихе и сумятице сторонники испанцев поднимали мятежи, и венесуэльские города один за другим капитулировали перед Монтеверде.

Перед лицом угрозы конгресс республики вручил всю полноту власти Миранде и назначил его верховным главнокомандующим армией, присвоив звание генералиссимуса. Боливар, отличившийся при подавлении антиреспубликанского мятежа в Валенсии, был назначен комендантом военно-морской крепости в Пуэрто-Кабельо, служившей главным арсеналом республики. Однако защитить республику от врагов не удалось.

Крушение первой венесуэльской республики напоминает сцены классической греческой трагедии, где неумолимый рок правит свой страшный бал и обрекает героев на невообразимые страдания и смерть. Многие детали трагических событий, так же как некоторые побудительные мотивы поступков главных действующих лиц, не нашли исчерпывающего отражения в достоверных документах и остались скрытыми во мраке тех далеких дней. Неудивительно, что и сегодня среди историков разных направлений ведутся острые баталии относительно оценки этих событий.

Гарнизон под командованием Болиvara не смог удержать Пуэрто-Кабельо. Мятеж роялистов и предательство одного из офицеров поставили немногочисленных защитников крепости в критическое положение. Отчаянный призыв о помощи, направленный Боливаром Миранде, остался без ответа. Возможно, послание Болиvara прибыло слишком поздно, а может быть, генералиссимус не оценил опасности. Крепость пала. Боливару с несколькими уцелевшими офицерами удалось бежать в Ла-Гуайру.

Немало историков считают трагической ошибкой Миранды его согласие взять на себя ответственность за судьбу Венесуэлы и возглавить ее армию в критический момент. Долгих двадцать пять лет он был оторван от родины и скитался по белому свету. За четверть века Миранда сам изменился, еще больше изменений произошло в Венесуэле. Мог ли он в 62 года с легкостью, присущей только молодости, адаптироваться к новой венесуэльской действительности? По силам ли было ему привести армию к победе, если последний раз он был в огне сражения двадцать лет назад?

Ответы на эти непростые вопросы дала жизнь. Добившись успеха в первых незначительных боях с Монтеверде, Миранда не стал преследовать противника, а занял выжидательную позицию. Он непрерывно маневрировал, менял один за другим оборонительные рубежи. В войсках упала дисциплина, началось дезертирство. Дело кончилось тем, что, не вступая в решающее сражение, Миранда сдался на милость противника, хотя под его командованием находилась хорошо вооруженная армия (около 5 тыс. человек), превосходившая по численности почти вдвое силы роялистов. После недельных переговоров с Монтеверде 25 июля он подписал акт о капитуляции. Армия патриотов должна была немедленно сложить оружие. Монтеверде обещал не преследовать

---

⁷⁵ [75] Bolivar S. – Vol. III. – P. 536

республиканцев и разрешить им выезд из страны ⁷⁶.

Что толкнуло Миранду на этот шаг, граничивший, по мнению Боливара и многих других республиканцев, стремившихся продолжать борьбу, с предательством? Неверие в победу? Страх перед длительной гражданской войной и ее социальными последствиями, волнениями обездоленных крестьян и восстаниями рабов, жаждавших освобождения? Иллюзорные надежды получить без кровопролития независимость и свободу из рук испанцев в связи с принятием кортесами в 1812 году Конституции Испании, основанной на принципах равенства и народного суверенитета? Или же внезапный слом под тяжестью задач, оказавшихся не по плечу?

Бесспорных доказательств в пользу какой-либо из этих версий не сохранилось. Достоверно известно только одно: последние недели перед капитуляцией Миранду не оставляла мысль уехать в Англию и там подготовить новую армию для освобождения Венесуэлы. Генералиссимус загодя отправил свой архив и личный багаж в Ла-Гуайру и приказал погрузить их на английский корабль, стоявший в гавани. Туда же он переправил 22 тыс. песо, полученные из казны, и 11 тыс. унций золота ⁷⁷.

Последний раз дороги Боливара и Миранды пересеклись в Ла-Гуайре. Группа из восьми офицеров, в которую входили Боливар и комендант Ла-Гуайры М. М. де Лас-Касас, арестовали Миранду по обвинению в предательстве и заключили его в форт Сан-Карлос. В это время авантюрист и флибустьер Монтеверде, поправ обязательства, записанные в акте о капитуляции, обрушил репрессии на патриотов. В Ла-Гуайру был направлен отряд одного из подручных Монтеверде, прославившегося кровавыми расправами. Миранда попал в его руки. Четыре года спустя Франсиско Миранда, давно объявленный «личным врагом» испанского короля, умер в камере страшной тюрьмы «Четыре башни» в Кадисе.

Боливару удалось тайно бежать из Ла-Гуайры и при содействии одного из своих друзей получить в Каракасе из рук Монтеверде паспорт на выезд за границу. Враги Симона из лагеря роялистов, а вслед за ними некоторые историки, например С. Мадариага (Испания), Б. Митре (Аргентина), обвинили Боливара в том, что он «оплатил» свою свободу жизнью Миранды. Эта версия решительно отвергается всеми серьезными исследователями жизни Освободителя. В критический момент визита к Монтеверде за паспортом Боливар бросил ему в лицо: «Я арестовал Миранду, чтобы покарать предателя, а не для того, чтобы услужить королю» ⁷⁸. Лучшим свидетельством несостоятельности обвинений против Боливара служило поведение сыновей Миранды. Продолжая дело жизни отца, юные

Леонардо и Франсиско Миранда в 1823 году покинули Лондон и отправились в Колумбию. Там они предложили свои услуги Боливару, который сердечно принял их. Леонардо он направил служить в министерство иностранных дел, а Франсиско сделал одним из своих адъютантов.

После падения республики в Венесуэле начался разгул террора. Тысячи патриотов были брошены в тюрьмы. Репрессиям подвергались все активные сторонники независимости, их собственность конфисковывалась и делилась между приспешниками Монтеверде.

Как и многие другие республиканцы, бежавшие из страны, Боливар нашел приют в одной из островных английских колоний в Карибском море. Тяжело переживая поражение, он не сложил оружия. Его взоры приковывает Новая Гранада, где гордо реет знамя независимости. При первой возможности Симон во главе группы венесуэльских патриотов

---

⁷⁶ [76] См. Yanes Fr. J. *Relacion documentada de los principales sucesos ocurridos en Venezuela desde que se declaro estado independiente hasta el ano de 1891.* – Т. 2. – Caracas, 1943. – P. 151 – 153

⁷⁷ [77] Masur G. *Op. cit.* – P. 123

⁷⁸ [78] O'Leary D. *Op. cit.* – Vol. 27. – P. 80-81

покидает Кюрасао и направляется в Новую Гранаду. Он верит: там им не откажут в братской помощи.

Здесь нет возможности излагать все сложные перипетии участия Боливара в военных действиях против испанцев под новогранадскими знаменами. Это особая тема, и ей посвящены многие страницы монографического исследования одного из советских историков. Но и в Новой Гранаде Симон ни на минуту не забывает о страданиях своей несчастной родины. 15 декабря 1812 г., будучи в Картахене, он обращается с посланием к гражданам Новой Гранады. Первый политический манифест Боливара проникнут боевым патриотическим пафосом и суровым анализом причин поражения венесуэльских патриотов. В нем излагался план дальнейшей борьбы. Пассивная оборона – это смерть для патриотов. Необходимо громить врага на его территории. С большой убедительностью Боливар доказывал, что судьбы новогранадской революции неразрывно связаны с освобождением Венесуэлы, народ которой готов восстать против угнетателей. «...Для безопасности Новой Гранады необходимо вернуть Каракас... Нет никакого сомнения, что, как только мы появимся в Венесуэле, к нам присоединятся тысячи мужественных патриотов, которые нетерпеливо ждут нас, чтобы свергнуть иго тиранов и присоединить свои усилия к нашим в защите свободы» ⁷⁹. Призыв Боливара покончить с распрями и провинциальной разобщенностью, объединить силы против общего врага нашел поддержку.

В мае 1813 года отряд венесуэльских патриотов- эмигрантов и новогранадских добровольцев во главе с

Боливаром ступил на землю Венесуэлы и освободил город Мериду. Их дальнейшее наступление было стремительным, а военные победы – ошеломляющими. Историки назовут марш войск Боливара на Каракас «славной кампанией». 6 августа 1813 г. население столицы горячо приветствовало победителей и устилало им дорогу цветами. К этому времени партизанские отряды Мариньо, Пиара и Арисменди освободили от испанцев северо-восточную часть страны и остров Маргариту. Однако до полного триумфа было далеко. Монтеверде с крупными силами укрылся за неприступными стенами военно-морской крепости Пуэрто-Кабельо. Роялисты продолжали удерживать также Коро, Маракайбо, Гвиану.

Вторая венесуэльская республика начинала жить в тревожной обстановке. Муниципалитет Каракаса назначил Боливара главнокомандующим вооруженными силами и присвоил ему титул «Освободителя Венесуэлы». Вся свою жизнь Симон ценил это почетное звание выше всех орденов и других наград ⁸⁰. Высокую честь он решил разделить с другими героями «славной кампании». «Офицеры, солдаты армии – вот кто настоящие освободители, вот кто заслуживает национального признания» ⁸¹ – подчеркнул Боливар, выступая в январе 1814 года в Каракасе. По его предложению был учрежден орден «Освободитель Венесуэлы». Семиконечную звезду (по числу венесуэльских провинций) в числе первых получили генералы и офицеры Х. Ф. Рибас, Р. Урданета, А. Хирардот и др.

Вскоре в связи с обострением положения в стране Боливар был наделен неограниченными полномочиями и провозглашен, как раньше Миранда, диктатором. Верный демократическим убеждениям, Боливар согласился принять на себя всю полноту власти лишь временно, только на период до окончания военных действий против испанцев. Он дал торжественное обязательство, завоевав победу, незамедлительно созвать

---

⁷⁹ [79] Боливар С. Указ. соч. – С. 27

⁸⁰ [80] «Звание Освободителя превосходит все, чем награждался гордый человек» (письмо к генералу Пазсу от 6 марта 1826 г.); «Освободитель – это высший титул, и поэтому я не паду так низко, чтобы принять трон» (письмо к Сантандеру от 19 сентября 1826 г.) (Bolivar S. – Vol. 11. – P. 324, 476)

⁸¹ [81] Боливар С. Указ. соч. – С. 40

представительную ассамблею Венесуэлы, призванную решить три главные задачи: определить форму государственного устройства, принять конституцию страны и избрать президента.

Лавина сложнейших проблем и неотложных дел обрушилась на Боливара, вставшего во главе второй венесуэльской республики. Экономическая жизнь страны была дезорганизована, правительственная казна пуста, а содержание армии и продолжение военных действий против испанцев, укрывавшихся в Пуэрто-Кабельо, требовали немалых денег. Архиепископ Каракаса и другие высшие иерархи католической церкви в пастырских посланиях призывали венесуэльцев сохранять верность Фердинанду VII. Каракас еще не оправился от последствий страшного землетрясения. Во внутренних районах вспыхивали мятежи роялистов.

Власть центрального правительства признали лишь четыре провинции из семи (Каракас, Баринас, Мерида и Трухильо). В трех восточных провинциях (Кумана, Барселона и Маргарита) верховодили командиры партизанских отрядов Сантьяго Мариньо, Мануэль Пиар и Хуан Баутиста Арисменди, изгнавшие немногочисленные испанские гарнизоны. Мариньо провозгласил себя диктатором и при поддержке Пиара, ставшего его заместителем, отклонял призывы Боливара договориться об объединении всех антииспанских сил. «Что скажут испанцы и весь мир, следящие за нашим поведением, – взывал Боливар к Мариньо, обосновавшемуся в Кумане, – и к каким выводам они придут, видя вспыхнувший огонь разногласий между братьями, которые совместными усилиями разорвали сковывавшие их цепи и смело шли навстречу опасностям в сражениях за общее дело?» Далее Боливар прозорливо предупреждал: «Если мы создадим два независимых правительства, одно на западе, другое на востоке, мы образуем два государства, и оба они окажутся бессильными и не смогут защитить себя...»⁸². Однако честолюбивый и удачливый партизанский вожак не внял голосу разума.

Раскол страны явился одной из причин того, что второй венесуэльской республике удалось продержаться лишь один год (август 1813 – июль 1814 г.). Но и в эти немногие месяцы в сложнейшей обстановке проявились неукротимая энергия и воля Боливара, его выдающиеся способности государственного деятеля и военного руководителя. Декреты Боливара напоминают постановления революционных властей Франции эпохи Великой революции 1789-1793 годов. Были осуществлены финансовая и административная реформы, обеспечено снабжение армии патриотов, сформировано временное правительство в составе министра внутренних дел, военного, финансов и иностранных дел, генерального контролера. На эти посты были назначены деятели, преданные идеалам революции 19 апреля. «В эпоху гражданской войны и внутренних революций, – утверждал Боливар, – наша административная система должна быть простой до предела. Из этого рождаются ее сила и быстрота действия»⁸³. Тем не менее для решения самых важных вопросов в Каракасе созывались народные ассамблеи, выносившие свой вердикт действиям правительства.

Львиную долю времени и усилий Боливара поглощали финансовые, экономические и военные вопросы. Несмотря на это, его недолгое пребывание на посту главы второй венесуэльской республики было отмечено активной внешнеполитической деятельностью.

Пост министра финансов и иностранных дел в своем первом правительстве Боливар доверил Антонио Муньосу Тебару. Вместе с ним в рядах Патриотического общества он готовил свержение испанского господства. В момент назначения Тебару исполнился всего лишь 21 год. Никогда впоследствии на международной арене Венесуэлу не представлял столь молодой министр иностранных дел.

Несмотря на молодость, Тебар обладал немалыми знаниями и политическим опытом,

---

⁸² [82] Bolivar S. – Vol. I. – P. 73, 81

⁸³ [83] O'Leary D. Op. cit. – Vol. 13. – P. 362

пользовался популярностью среди патриотов. В четырнадцатилетнем возрасте он уже окончил Центральный университет Венесуэлы и получил звание бакалавра философии. Когда грянули события 19 апреля 1810 г., он с радостью покинул стены церковного прихода, где был помощником священника, и окупился в политическую борьбу.

Тебар был одним из тех, кто с энтузиазмом приветствовал возвращение Миранды на родину. Вскоре он стал активным членом «команды Миранды». По словам венесуэльского историка Х. Хиль-Фортоуля, деятели, подобные Тебару, «подражали разящему красноречию французских клубов, метали громы и молнии против колебаний конгресса и ежедневно требовали немедленного провозглашения независимости». В период первой венесуэльской республики он занимал пост сначала второго, а затем первого секретаря в министерстве иностранных дел. Известность ему принесли выступления на страницах газеты «Эль Патриота венесолано», основанной Патриотическим обществом в июне 1811 года. Его статьи, безукоризненные по стилю и форме, отличала столь страстная и яркая пропаганда дела патриотов, что вскоре Тебара стали называть «пером революции». В 20 лет он возглавил министерство юстиции в правительстве первой венесуэльской республики.

После поражения патриотов Тебар оказался пленником испанцев, но был освобожден армией Боливара и вновь занял пост министра в правительстве. Под первым внешнеполитическим документом второй венесуэльской республики – Воззванием к иностранцам стояли подписи Симона Боливара и Муньоса Тебара. Это воззвание было обнародовано 16 августа 1813 г. на испанском, английском и французском языках. Венесуэльское правительство призывало всех иностранцев, покинувших страну после падения первой республики, вернуться в Венесуэлу для продолжения своей хозяйственной деятельности. Оно обещало всем иностранным предпринимателям, независимо от их национальной принадлежности и профессии, защиту со стороны венесуэльского государства, гарантировало им предоставление всех прав и привилегий, которыми они пользуются в своей стране.

Как показали дальнейшие события, это было началом осуществления внешнеполитической стратегии, нацеленной на завязывание стабильных контактов с зарубежными партнерами и преодоление стены дипломатического непризнания, изолировавшей Венесуэлу от внешнего мира. Воззвание заканчивалось словами: «Любому иностранцу, вставшему под наши знамена для защиты дела свободы и независимости, будет предоставлено гражданство Венесуэлы и выплачено достойное вознаграждение за его услуги»⁸⁴. Здесь Боливар впервые, пока еще в общей форме, упоминает о задуманном им грандиозном проспекте – создать из опытных военных, прошедших горнило наполеоновских войн и сохранивших верность идеалам свободы и национальной независимости, иностранный легион. Он поможет укрепить ряды венесуэльских патриотов и тем самым приблизит день окончательной победы над Испанией. Французский генерал Лафайет внес неоценимый вклад в завоевание независимости английскими колониями в Северной Америке. Почему бы представителям нового поколения европейцев не помочь испанской Америке обрести свободу?

В напряженные дни второй республики Боливар предстает уже как государственный деятель, обладающий глубоким видением бурного океана международной политики первых десятилетий XIX века. Его политическое мышление отличали конкретное знание главного центра международных импульсов той эпохи – Европы, проникновение в механизм сложной и подвижной системы «европейского равновесия». В сравнении со своими сподвижниками Боливар обладал важнейшим преимуществом: для него международная политика была открытой книгой, в то время как для многих из них – туманной абстракцией,

С каждой новой внешнеполитической акцией дипломатия национального освобождения Боливара обретала конкретное содержание. Все должно служить главной

---

84 [84] Bolivar S. – Vol. III. – P. 569

цели: окончательной победе над испанцами, международному признанию и упрочению национальной независимости Венесуэлы. Важнейшее значение для решения этой задачи приобретало объединение усилий двух братских народов Венесуэлы и Новой Гранады. Опираясь на свой опыт участия в освободительной борьбе Новой Гранады и сотрудничества с ее государственными деятелями, Боливар в 1813-1814 годах развил и углубил идеи, воплощенные в Договоре о дружбе, союзе и федерации между Венесуэлой и Кундинамаркой 1811 года. В письме к Сантьяго Мариньо он высказал свою заветную мысль: «...Венесуэла и Новая Гранада, объединившись, смогли бы образовать единую нацию» ⁸⁵. В послании президенту Новой Гранады Камило Торресу от 13 сентября 1813 г. Боливар ведет речь о конкретных путях осуществления своей мечты: «Когда территория Венесуэлы будет освобождена от врагов, будет созвана представительная ассамблея Венесуэлы... Эта ассамблея определит позицию в отношении объединения с Новой Гранадой» ⁸⁶.

В дипломатии национального освобождения Боливара достижение тесного союза двух братских народов носило характер программного требования и рассматривалось как необходимый шаг на пути к победе в войне за независимость. В дальнейшем ареной международной деятельности Боливара станет весь американский регион. Его помыслы будут направлены на поиски достойного места для латиноамериканских стран в мировой системе суверенных государств. При этом Боливар понимал ограниченность арсенала внешнеполитических средств, находившихся в его распоряжении. Венесуэла, как и другие латиноамериканские страны, в своих действиях на международной арене не могла опираться на весомый экономический потенциал, а тем более на военную мощь. Главный инструмент дипломатии Боливара – моральная и юридическая сила аргументации, убеждение партнеров, мобилизация международного общественного мнения, понимание и прогнозирование хода событий на международной арене в целях умелого использования в своих интересах противоречий между сильными мира сего. В первых же инструкциях своим дипломатическим эмиссарам Боливар подчеркивал необходимость вести переговоры с иностранными государствами «на основе полного равенства». Таким образом, дипломатия национального освобождения Боливара носила интеллектуальный и этический характер. Она строилась на использовании преимущественно политических средств и принципов.

Исходя из своих демократических убеждений, Боливар решительно отверг освященную веками практику ведения внешней политики с помощью тайного сговора, закулисных махинаций, шантажа, подкупа и использования грубой силы. Конечно, тайна в дипломатии является одним из ее методов и повседневно используемой формой. «Тайна есть душа договоров» ⁸⁷, – утверждал еще в начале XVIII века известный дипломат и теоретик международных отношений Ф. Каллиер, чье руководство по дипломатии широко использовалось во многих странах. Действительно, раскрывая все свои карты, в дипломатии нельзя умело маневрировать, использовать фактор внезапности, строить игру на противоречиях не только между противниками, но и среди партнеров-союзников. Не случайно все значительные дипломатические донесения издавна писались шифром или же отправлялись со специальными посланцами – дипломатическими курьерами.

Боливар – дипломат и политик был далек от того, чтобы абстрагироваться от окружающей его действительности, игнорировать реальности международной жизни своего времени и отказываться от того, без чего вообще не может существовать дипломатия. Вместе с тем он гневно осуждал традиционную дипломатию, сравнивая ее с мастерской, где под покровом тайны производятся разбойные войны. Из своей пока еще скромной

---

⁸⁵ [85] Ibid. – Vol. I. – P. 81

⁸⁶ [86] Bolivar y la opinion publica. – P. 61

⁸⁷ [87] Каллиер Ф. Каким образом договариваться с государствами. – Т. I. – СПб., 1772. – С. 199

дипломатической практики Боливар смог убедиться, как ничтожно мало значат в международных отношениях нравственные принципы и заповеди христианской морали, хотя на словах к ним непрестанно взывали правители «цивилизованной» части мира. На международной арене правили бал пресловутое «право сильного», циничный расчет и попрание свободы «варварских» народов. «У Англии нет друзей, а есть только интересы» – в такой классической формуле выразил впоследствии внешнеполитическое кредо «коварного Альбиона» один из самых влиятельных представителей английской дипломатии середины XIX века лорд Пальмерстон.

По замыслам Боливара, Венесуэла и другие молодые независимые государства, рождавшиеся на развалинах испанской и португальской колониальных империй в Америке, призваны положить начало новой дипломатии, основанной на принципах демократии, социальной справедливости и высоких этических нормах. Для новой дипломатии должны быть законом отказ от захватнических войн, урегулирование конфликтов путем переговоров и посредничества, невмешательство во внутренние дела соседей, солидарность с народами, борющимися за свое освобождение от угнетения иностранных властителей или же собственных тиранов. Освободитель считал, что внешнеполитические цели Венесуэлы справедливы и высокоморальны. Поэтому ее дипломатия должна носить честный, открытый характер.

Учитывая переходный характер эпохи, когда международные отношения феодального типа все явственнее замещались более гласными и свободными отношениями буржуазного общества, Боливар одним из первых в мировой политике стал широко прибегать к обращениям через головы монархов и правительств, отказывавших Венесуэле в дипломатическом признании, к народам мира, международному общественному мнению, деловым людям, стремясь донести до них правду о событиях в испанской Америке и завоевать их на сторону ее справедливого дела.

20 сентября 1813 г. Симон Боливар выступил с Обращением к нациям всего мира. В первых же строках в нем исчерпывающе объяснялись причины предпринятого дипломатического демарша: «...с целью предупредить клевету наших врагов нам следует кратко, в общих чертах... изложить причины нашего поведения и вызвать у вас гнев и отвращение к нашим угнетателям. Они заслужили, чтобы их преследовали как врагов рода человеческого, поскольку совершили самые ужасные преступления против справедливости и прав человека... Они проливают нашу кровь, издеваются над нашими соотечественниками и опустошают наше государство» 88.

Обращение к нациям всего мира не оставляет равнодушным, никого, кто читает это написанное кровью сердца послание. В нем осуждаются малодушная нерешительность и постоянные колебания деятелей первой венесуэльской республики, описываются страшные последствия землетрясения 1812 года, разоблачается вероломство Монтеверде, поправшего условия капитуляции, подписанной Мирандой. Справедливый гнев Боливара вызывают бесчисленные преступления испанцев на венесуэльской земле, уничтожение пленных, мирных жителей городов и крестьян, узаконенные грабежи, жестокое обращение с выдающимися и заслуженными людьми. В документе обличается мракобесие кадисского Регентства, назначившего Монтеверде генерал-капитаном Каракаса.

Патриоты заявляли всему миру о своей решимости довести борьбу до окончательной победы. «Мои руки все еще сжимают оружие, – говорилось в обращении Боливара, – и я не выпущу его, пока полностью не освобожу от испанцев провинции Венесуэлы, которые совсем недавно познали их тиранию, несправедливость, коварство и жестокость».

В обращении подчеркивалась мысль об открытости Венесуэлы для внешнего мира и выражалась надежда на понимание и поддержку ее справедливого дела. «Нации мира! Пусть Венесуэла воздаст вам должное за то, что вас не ввели в заблуждение уловки этих злодеев,

---

88 [88] Боливар С. Указ. соч.-С. 29

которые пытаются дискредитировать нас... И если вы стремитесь к истине, то Каракас не только приглашает, но и преисполнен желанием видеть людей, прибывающих в его порты, чтобы поселиться у нас и помочь нам своим умением и знаниями, не спрашивая при этом у них, в какой части мира они родились».

Столь подробному рассмотрению обращения есть одно оправдание: перед нами – первое развернутое изложение основополагающих принципов дипломатии национального освобождения Боливара.

Второе обращение к международной общественности последовало через полгода после первого. Манифест «К нациям мира о войне насмерть», обнародованный 24 февраля 1814 г., подписал Муньос Тебар. Эта дипломатическая акция диктовалась необходимостью разъяснить обстоятельства и причины, которые привели к крайнему ожесточению вооруженной борьбы между испанцами и патриотами и вынудили Боливара издать 15 июня 1813 г. свою прокламацию «О войне насмерть». «Справедливость требует возмездия, и необходимость диктует нам этот шаг..., – говорилось в прокламации. – Всякий испанец, который самым энергичным и действенным образом не борется за правое дело, будет считаться врагом и наказываться как предатель родины, а следовательно, расстреливаться. Тех же, кто перейдет в наши ряды с оружием или без него, кто будет помогать добрым гражданам в их усилиях сбросить гнет тирании, – тех ждет полное помилование»⁸⁹.

Ни один из декретов Боливара на протяжении всей его политической жизни не вызвал столь острой и противоречивой реакции как современников, так и представителей последующих поколений, в первую очередь исследователей его жизни. Одни убежденно доказывали, что это был шаг вынужденный и необходимый для успеха дела патриотов. Другие, особенно на Западе, не менее категорично осуждали с позиций гуманизма «войну насмерть» как варварский акт, несовместимый с человеческими нормами и установившимися обычаями⁹⁰.

Неоспоримые факты требуют признать, что испанские колонизаторы на протяжении трехсотлетнего господства в Америке широко практиковали так называемый «закон конкисты», презрев все христианские заповеди и моральные нормы. На их совести –

---

⁸⁹ [89] Bolivar S. – Vol. III. – P. 556

⁹⁰ [90] По мнению Ж. Мансини, «война насмерть» была «взрывом гениальной ярости», которую Боливар решил обрушить на врагов своей родины, и оправданием ей служили не только варварские акции ряда испанских военачальников, но и вся история колонизации и порабощения различных «американских рас» (см. Mancini J. Op. cit. – Т. II. – P. 293-296).

Аргументы в пользу объявления «войны насмерть» представлены в сочинениях В. Лекуны (см. Lecuna V. Catalogo... – Т. 2. – P. 233). В частности, защитниками Боливара проводится параллель с Великой французской революцией, в ходе которой в 1793 году был издан «закон о подозреваемых», на основании которого могли быть осуждены на смертную казнь даже те, кто, не совершив преступления против свободы, в то же время не предпринимал ничего для ее торжества. Подчеркивается тот факт, что Боливар неоднократно, но безуспешно предлагал Монтеверде прекратить войну на взаимное уничтожение, обменять 2 тыс. пленных испанцев на 400 патриотов, попавших в плен, и т. д. «По нашему мнению, война насмерть была оправданна, – писал один из самых авторитетных венесуэльских биографов Боливара А. Михарес, – так как это был единственный способ заставить роялистов отказаться от взаимного уничтожения» (Mijares A. Op. cit. – P. 254).

Одно из первых осуждений «войны насмерть» прозвучало уже в декабре 1814 года в анонимном памфлете «Обвинение генерала Боливара, экс-диктатора Венесуэлы. Искусство войны», появившемся на острове Маргарита и перепечатанном в «Газета де Каракас» 22 марта 1815 г. Под ним стояла подпись «Подлинные республиканцы». Историки предполагают, что это было делом рук политических врагов Боливара, которых у него было немало на протяжении всей его жизни.

Наиболее полное изложение позиции противников «войны насмерть» находим у английского историка Л. Петре: «Объявление войны насмерть было варварским актом, хотя он вполне соответствовал умонастроениям обеих сторон в той ужасной войне. Этот шаг Боливара может только дискредитировать деятеля, который имел возможность познать, как ведутся войны между цивилизованными народами. Подобных заявлений никогда не делал Вашингтон, и даже самые злейшие враги Наполеона с трудом способны предъявить ему обвинения в таких жестокостях» (Simon Bolivar. Libertador de la America del Sur... – P. 384)

уничтожение многих индейских народностей, особенно на островах Карибского бассейна, где нельзя было скрыться от конкистадоров, разграбление огромных богатств, созданных трудом коренного населения, разрушение его неповторимой культуры. Любые выступления против испанского господства подавлялись жесточайшим образом. «Поджаривание» жертв на медленном огне, четвертование, разрывание осужденных на части пущенными бешеным аллюром лошадьми, выставление голов казненных на всеобщее обозрение – весь этот арсенал устрашения средневековой Европы был перенесен испанцами на американскую землю и применялся ими повсеместно. После начала войны за независимость испанские колонизаторы не изменили своей практике. Роялисты считали венесуэльских патриотов изменниками испанской короны, безбожниками, предателями, то есть людьми, стоящими вне закона, и расправлялись с ними жесточайшим образом без суда и следствия. Террор испанцев обрушивался не только на патриотов, взявших за оружие, но и на мирное гражданское население.

Следует сказать еще об одном обстоятельстве, сопутствовавшем испанскому террору. Под знаменами патриотов сражалась лучшая часть венесуэльской нации, вдохновляемая высокими идеалами свободы и независимости. Испанцы (их в Венесуэле было не более 5 тыс.) и мантуанцы – богатые землевладельцы, торговцы, клерикалы и чиновники, сохранявшие верность королю, – имели поддержку среди наиболее отсталых слоев населения, нередко охваченных религиозным фанатизмом. Чтобы держать их в узде и управлять ими, роялисты разжигали самые низменные страсти и инстинкты, сознательно толкали их на массовые грабежи, насилия, кровавые оргии.

Боливар и другие участники освободительного движения неоднократно во всеуслышание протестовали против развязанного роялистами массового террора, осуждали расправы над мирными жителями в районах военных действий. Но ничего не менялось. В этих конкретных условиях Боливар и обнародовал свою прокламацию.

Дело было не только в том, что многие патриоты требовали мести и ответных репрессий. «Война насмерть» должна была, по замыслам Боливара, создать непреодолимую пропасть между местным населением и колонизаторами, лишить испанцев возможности использовать венесуэльцев против венесуэльцев, превратить борьбу за независимость в общенародную войну против иностранных угнетателей, пробудив национальное самосознание венесуэльцев. До нас дошло немало документальных свидетельств того, что объявление «войны насмерть» было одобрено многими жителями Венесуэлы, хотя вооруженная борьба в стране после этого приняла еще более ожесточенный и беспощадный характер.

Манифест «К нациям мира о войне насмерть» заканчивался призывом к народам Америки и нациям земного шара увидеть подлинные намерения испанцев, горстки чужеземцев, господствующих над миллионами, и оказать помощь и поддержку венесуэльским патриотам ⁹¹.

Вопреки утверждениям некоторых историков о том, что Освободитель вскоре «прозрел» и «раскаялся» в сделанном шаге, Боливар до конца жизни не только считал принятое решение обоснованным и правильным, но и усматривал в нем важный вклад в окончательную победу. Через пять лет после издания прокламации он писал одному из своих сподвижников – Фернандо Пеньялверу: «Именно она – война насмерть – принесла нам жизнь, свободу и родину». Эту же мысль он повторил в письме к генералу Х. А. Паэсу, одному из руководителей партизанской борьбы в Венесуэле: «Чтобы освободить мою родину, я провозгласил войну насмерть, подчинив себя, следовательно, всей ее жестокости».

Убежденность Освободителя в своей правоте очевидна, тем более что он пронес ее через всю жизнь. Но оправдывает ли высокая цель применение любых средств? Можно ли оправдать такой эпизод «войны насмерть», как предание смерти восьмисот испанских

---

⁹¹ [91] Bolivar S. – Vol. III. – P. 604

пленных в январе 1814 года, после чего и был опубликован манифест «К нациям мира о войне насмерть»? Героизм и самопожертвование венесуэльцев в борьбе за независимость своей родины и всей испанской Америки вызывают восхищение, граничащее с преклонением: Венесуэла, насчитывавшая около одного миллиона жителей, принесла на алтарь свободы жизни своих 316 тыс. сыновей и дочерей ⁹². Обязательно ли эта цена должна была быть столь высокой?

Такие вопросы легче ставить, чем находить ответы на них. Исторический процесс нельзя, как киноленту, прокрутить в обратном направлении и вновь, с исходной точки, начать поступательное движение вперед другим путем. Однако через призму именно таких вопросов нередко извлекаются важные уроки истории и человечество глубже познает себя.

Принимая внешнеполитические решения, Боливар с пристальным вниманием следил за развитием событий в Европе, где завершалась эпоха наполеоновских войн, два десятилетия сотрясавшая континент. В переписке со многими своими друзьями и соратниками он делился наблюдениями о том, что в Европе «великие события произошли за весьма короткий период времени» и они в конечном счете приведут к миру в Европе и торжеству свободы и независимости на Американском континенте. Европейский фактор учитывался Освободителем при направлении за рубеж венесуэльских дипломатических представителей и подготовке для них правительственных инструкций. В апреле 1814 года он выступил на страницах «Гасета де Каракас» со статьей, озаглавленной «Размышления о современном положении в Европе и Америке», содержавшей анализ перспектив эволюции международной обстановки с позиций интересов венесуэльских патриотов ⁹³. Больше всего его волновал вопрос: какая судьба ожидает Америку среди множества соглашений и сговоров, которыми ознаменовалось окончание эпохи наполеоновских войн?

Боливар отчетливо осознавал, что объективно Венесуэле не приходилось ожидать благоприятных для себя перемен на международной арене и, пока с Наполеоном не будет покончено, патриотам трудно надеяться на английскую помощь. Испания являлась главным континентальным союзником Англии в войне против наполеоновской Франции, и для укрепления этого союза сент-джеймский кабинет был готов на многие уступки, даже за счет своих интересов в других регионах мира. Новый англо-испанский союзный договор, подписанный в Мадриде 5 июля 1814 г. герцогом Сан-Карлосом и Артуром Уэлсли, обязывал

Лондон ужесточить контроль за своими подданными, с тем чтобы они не поставляли оружие и боеприпасы мятежникам в испанской Америке. В соответствии с этой линией губернатор Ямайки стал препятствовать операциям корсаров против испанских кораблей, а губернатор Тринидада объявил о конфискации имущества и высылке с острова тех, кто нарушает запрет на военные поставки в восставшие испанские колонии.

Правда, министр иностранных дел лорд Кэстльри в категорической форме отклонил попытки Мадрида привлечь Англию к участию в карательных экспедициях против «мятежников». Окончание наполеоновских войн развязывало Лондону руки и делало вероятными благоприятные для Венесуэлы перемены в позиции Англии. Однако одновременно возникала новая серьезная угроза.

В Испании первая буржуазная революция переплелась с народной борьбой против французских оккупантов, которая, однако, велась под монархическими и религиозными лозунгами. Присущий ей двойственный характер мешал осознанию неразрывной связи борьбы испанского народа за суверенитет своей страны и против монархии с освободительным движением в колониях. Это обстоятельство подметил Боливар. «История нечасто дает увидеть воочию такое странное сплетение противоречий, какое являет собой

---

⁹² [92] Simon Bolivar. Libertador de la America del Sur... – P. 296

⁹³ [93] См. Боливар С. Указ. соч. – С. 43-45

политика испанского государства, – писал он в 1814 году. – Испания желает быть свободной, она сражается за свою независимость, но одновременно стремится надеть ярмо на народы, которые отстаивают то же самое священное право – быть независимыми»⁹⁴. Действительно, кадисская Конституция 1812 года, одна из самых демократических в то время и основанная на принципах «равенства» и «народного суверенитета», не гарантировала населению колоний предоставления независимости.

Двойственный характер первой испанской буржуазной революции во многом предопределил ее поражение, после того как разгромленные народом французские войска к маю 1814 года покинули территорию Испании. Вырвавшись из заточения, Фердинанд VII 23 марта 1814 г. вернулся в Мадрид.

Испанские Бурбоны, как и их французские собратья, ничего не поняли и ничему не научились. Широкоизвестный портрет Фердинанда VII кисти Ф. Гойи сохранил для потомков облик этого представителя бурбонской династии: пурпурный парадный мундир и сверкающие бриллиантами королевские атрибуты лишь подчеркивают ничтожность личности, ее самодовольство и тупоумие, помноженные на лживость и коварство. На троне в Испании утвердился «тот самый Фердинанд, который известен в Америке своими кровавыми злодеяниями», – отмечал Боливар.

Феодално-клерикальная реакция объединилась вокруг Фердинанда VII и, сделав его своим знаменем, перешла в наступление на революционные завоевания народа. 5 мая 1814 г. король объявил недействительными Конституцию 1812 года и все декреты о реформах, принятые кадисскими кортесами, и поклялся любой ценой привести к повиновению мятежников в Америке. В качестве первого шага он приказал перебросить из Пуэрто-Рико на помощь Монтеверде подкрепление из 1200 отборных испанских солдат. Еще больше встревожили венесуэльских патриотов известия о начале подготовки в Испании по приказу короля большой экспедиционной армии для подавления освободительного движения в американских колониях.

Натуре Боливара было свойственно умение максимально мобилизовываться в трудные моменты. Как-то он признался: «Я чувствую, что мои душевные силы возрастают, крепнут и всегда стремятся соответствовать масштабам опасности. Мой врач мне говорил, что опасность питает подъем моих душевных сил и позволяет мне сохранять трезвость мысли. Сотворив таким, небеса погрузили меня в бурю революции, с тем чтобы я смог полностью реализовать предназначенную мне особую судьбу»⁹⁵. Наверное, невозможно найти критическую ситуацию в жизни Боливара – а их было великое множество, – которая бы не подтвердила правильности этого психоаналитического вывода, сделанного самим Освободителем.

Из новой ситуации, складывавшейся в Европе, Боливар сделал несколько выводов. «Испания, уже освобожденная от французов..., вновь обратит свой взор к Америке», – писал он в феврале 1814 года. Для нейтрализации связанных с этим опасностей необходимо попытаться, во-первых, представить в истинном свете правое дело венесуэльских патриотов победителям Наполеона, с тем чтобы вызвать их сочувствие, и, во-вторых, «завоевать Англию на нашу сторону»⁹⁶.

В связи с намеченными мирными переговорами между союзными державами (Россия, Пруссия, Австрия) и Наполеоном в Шатильоне (Франция) Боливар предложил конгрессу Новой Гранады совместно направить в Европу дипломатического эмиссара, поручив ему добиваться от участников Шатильонской конференции признания прав молодых

---

⁹⁴ [94] Боливар С. Указ. соч. – С. 43-44

⁹⁵ [95] Цит. по Mijares A. Op. cit. – P. 417

⁹⁶ [96] Bolivar S. – Vol. 1. – P. 88-89

независимых государств Америки. Эта ответственная миссия была возложена на доктора Х. М. Реаля. Добравшись до Европы, Реаль развернул активную пропаганду в пользу испаноамериканских патриотов, и ему удалось заключить несколько сделок о военных поставках для них. Однако в главном миссия потерпела неудачу: Реаль не был допущен на конференцию в Шатильоне. В Европе период революции и наполеоновских войн сменялся эпохой торжества легитимизма, и дипломаты коронованных особ Европы не желали иметь дело с посланцем американских мятежников. Не удалось ему также в соответствии с полученными инструкциями добиться официального признания своего дипломатического статуса со стороны Англии или хотя бы встретиться с министрами сент-джеймского кабинета ⁹⁷.

Несмотря на неудачу миссии Реаля, Боливар продолжал настойчиво искать бреши в англо-испанском союзе. В мае 1814 года он решил направить в Лондон новую миссию и назначил инспектора артиллерии П. Г. Лино де Клементе и полковника Хуана Робертсона чрезвычайными дипломатическими представителями Венесуэлы в Англии. Следует отметить, что уже в это время Боливаром была разработана система критериев для выбора достойных дипломатических представителей свободной Венесуэлы. В 1813 году он следующим образом сформулировал свои основные требования: «Помимо образованности и безграничного патриотизма дипломат должен обладать изящными манерами и необходимыми качествами для ведения переговоров с дипломатическими представителями сильного государства или просвещенного королевского двора, твердым характером, позволяющим защищать достоинство народов, чьи интересы ему доверены, и действовать так активно, как это нужно для решения возложенных на него задач в кратчайший срок» ⁹⁸.

В инструкциях Клементе и Робертсону, подписанных министром иностранных дел Тебаром, им поручалось добиваться дипломатического признания Венесуэлы, убеждая английского короля и его правительство в больших политических и экономических выгодах этого шага для Англии. Обращает на себя внимание разработанность аргументации и детализации поручений. По мнению Боливара, только будучи свободной от цепей колониального рабства, Америка сможет гарантировать, что в этой части мира не будет ни господства Испании, ни экспансии Франции. Такое положение отвечает интересам Англии и позволит ей пользоваться всеми благами прямой торговли с Америкой. В инструкциях была поставлена задача убедить английское правительство воздействовать на Испанию, с тем чтобы последняя признала независимость Венесуэлы или, по крайней мере, согласилась на прекращение военных действий. Подчеркивалась важность получения английской военной помощи для скорейшего окончания войны на Американском континенте.

Инструкции свидетельствовали о неустанной заботе Боливара об общеамериканских интересах. В случае если в Лондоне находятся дипломатические представители других районов испанской Америки, провозгласивших независимость, посланцам Венесуэлы предписывалось действовать с ними единым фронтом и не выдвигать на переговорах каких-либо предложений, не получив их согласия ⁹⁹.

Дипломатические эмиссары Боливара с первых же шагов столкнулись с непреодолимыми трудностями. Маклеан, губернатор английской колонии Сан-Томас, не только отказал им в просьбе помочь добраться до Лондона, но и грубо выдворил Клементе и Робертсона, несмотря на официальный характер их миссии. Такое самоуправство английских колониальных властей глубоко возмутило Боливара. Он лично написал ноту протеста и в мае 1814 года направил ее министру иностранных дел Англии. Последовавшее вскоре крушение

---

⁹⁷ [97] См. Rivas R. Op. cit. – P. 34-35

⁹⁸ [98] Polanco Alcantara T. Op. cit. – P. 11-12

⁹⁹ [99] См. O'Leary D. Op. cit. – Vol. 13. – P. 459

второй венесуэльской республики помешало дальнейшему осуществлению миссии Клементе – Робертсона, так же как и реализации других намеченных шагов, в том числе направлению дипломатического представителя Венесуэлы в США.

К несчастью для патриотов, события развивались так, как предвидел Боливар. Известия из Европы о восстановлении феодально-абсолютистской монархии в Испании воспламенили воинственный дух роялистов в Венесуэле. Получив подкрепление в 1200 штыков, Монтеверде вынудил патриотов снять осаду Пуэрто-Кабельо, а затем перешел в наступление. Лишь мобилизовав все силы, венесуэльской армии, возглавляемой Боливаром, удалось в ожесточенном сражении у горы Барбула отбить атаки испанцев и заставить их отступить под защиту крепостных стен Пуэрто-Кобельо. Раненый Монтеверде передал командование гарнизоном испанскому маршалу Х. М. Кахигалю. В этом сражении Боливар потерял одного из своих самых блестящих офицеров – молодого новогранадца Хирардота, который личным примером в критический момент, подхватив упавшее знамя, увлек солдат. В Венесуэле был объявлен общенациональный траур. По решению Освободителя Хирардоту посмертно присвоили почетное звание «Первого благодетеля родины». Сердце юного героя, которое Боливар лично доставил в Каракас, было с почестями захоронено в кафедральном соборе.

Пока республиканская армия сражалась с испанцами в центре страны, на равнинах Ориноко как лавина нарастала новая угроза. Испанскому авантюристу Хосе Томасу Бовесу, полугерою и полуконтрабандисту, как назвал его один из историков, осужденному в прошлом на восемь лет каторжных работ, удалось увлечь за собой жителей бескрайних венесуэльских степей – льянос, простирающихся от отрогов Анд на северо-западе и до лесов Гвианы на юго-востоке. Основное население этого обширного района составляли пастухи-индейцы, метисы и негры-рабы, обслуживавшие огромные стада крупного рогатого скота и табуны лошадей. Они славилась как мужественные и выносливые наездники и отличные стрелки. Бовес соблазнял их посулами вольной жизни и богатой наживы, разжигал их ненависть к белым креолам-помещикам. Крестьянам и пастухам он обещал землю, а рабам-неграм – свободу. Многие пошли за Бовесом, восхищенные его личным бесстрашием, безразличием к роскоши, умением владеть конем, копьём и лассо, что так высоко ценилось в льянос. За несколько месяцев Бовесу удалось сколотить армию, состоящую из 5 тыс. всадников и 2 тыс. пехотинцев, и двинуть ее на Каракас. Другой крупный отряд возглавил канарец Х. Янес.

Историки нередко сравнивают Бовеса с такими героями испанской конкисты, как Кортес и Писарро, покорителями ацтекской и инкской империй, и называют его «гением зла», Атиллою степей. Свой путь головорезы Бовеса устлали горами трупов, безжалостно истребляя всех сторонников республики, устрашая мирное население кровавым террором.

Несколько месяцев республиканцы героическими усилиями сдерживали наступление отрядов Бовеса, нанесли им несколько чувствительных поражений. Но в конце концов сказалось неравенство сил. Против 7-тысячной орды Бовеса Каракас смог выставить лишь 1500 пехотинцев и 600 всадников. Остро сказывалась нехватка оружия. Кроме того, патриотам приходилось сражаться на два фронта, так как испанский гарнизон Пуэрто-Кабельо вновь двинулся на столицу. Боливар разрывался между штаб-квартирой республиканской армии и Каракасом, где его присутствия требовали неотложные правительственные дела. Лихорадочные усилия Боливара срочно закупить несколько тысяч ружей в английских колониях в Карибах не увенчались успехом. 15 июня 1814 г. в быстротечном сражении в Ла-Пуэрте республиканская армия, возглавляемая Боливаром, потерпела сокрушительное поражение и была рассеяна. В руки Бовеса попали вся ее артиллерия и другое вооружение.

Через три недели Боливар с остатками республиканских войск оставил Каракас. Вместе с ним бежала половина населения столицы – более 20 тыс. жителей, надеясь скрыться от террора головорезов Бовеса. Вторая венесуэльская республика пала, хотя разрозненные отдельные очаги сопротивления тлели до конца 1814 года. В одном из последних сражений

патриот Амбросио Брабанте копьем пронзил Бовеса. Его место занял Х. Т. Моралес, столь же кровавый головорез. По всей Венесуэле испанские роялисты торжествовали победу.

Вынужденный, как и многие другие руководители патриотов, покинуть родную землю, Боливар обратился к своим соотечественникам с посланием, получившим название «Манифест Карупано». Причины крушения второй республики, по его мнению, коренились в том, что испанцам удалось привлечь на свою сторону часть местного населения, в то время как силы патриотов оказались разобщенными.

Действительно, самый влиятельный вожак партизанских отрядов – Мариньо долгое время оставался сторонним наблюдателем агонии второй республики, а когда спохватился, то было уже поздно, и ему самому пришлось спасаться бегством. Своим манифестом Боливар пытался заронить искру надежды в души тех патриотов, кто был деморализован поражением. «Я клянусь вам, дорогие соотечественники, оправдать звание Освободителя, которым меня наградили. Нет такой силы на земле, которая заставила бы меня свернуть с избранного пути. Я вновь вернусь и освобожу вас»⁴³.

С немалыми трудностями Боливар пробился на новогранадскую землю, где еще развевалось знамя свободы, и обосновался в Картахене, городе, чьим почетным гражданином он являлся. Им движет дерзкая надежда повторить «славную кампанию», которая совсем недавно принесла освобождение Венесуэле. Однако обстановка здесь изменилась к худшему. Разброд, соперничество и интриги среди новогранадских патриотов не позволяли рассчитывать на успех задуманного, и Боливар решает уехать. Дни Новой Гранады были сочтены.

В мае 1815 года на побережье Венесуэлы высадилась 15-тысячная испанская экспедиционная армия, направленная в Америку Фердинандом VII для усмирения мятежников. Никогда за всю трехсотлетнюю историю своего господства в Америке Испания не посылала туда столь крупную армию, доставленную армадой из 18 военных и 40 торговых кораблей. Она состояла из шести пехотных и двух кавалерийских полков с преданной артиллерией, которые были укомплектованы ветеранами войны с Наполеоном. Возглавил ее один из самых блестящих испанских военачальников – Пабло Морильо. Выходец из крестьянской семьи, он тринадцатилетним парнем бежал из дома, прошел путь от солдата до фельдмаршала и был фанатично предан королю. Фердинанд VII предоставил ему неограниченные полномочия вместе с официальным титулом «умиротворителя».

Пройдя через Каракас, уже занятый роялистами, железная когорта Морильо двинулась в глубь континента, сметая все на своем пути. Патриоты Новой Гранады не извлекли уроков из трагической гибели второй венесуэльской республики. Безбрежный федерализм, сепаратистские настроения в провинциях и нескончаемые междоусобицы подрывали единство их рядов, не позволяли организовать серьезный отпор испанцам. Упорнее всех держались героические защитники главной военно-морской крепости – Картахены, но и они были задушены блокадой с моря и суши. После этого войска Морильо в мае 1816 года заняли Боготу. Жертвами террора испанцев пали тысячи патриотов. Погибли от рук карателей Камило Торрес, президент республики Новая Гранада, Мануэль Родригес Торрихес, один из руководителей патриотов Картахены, эквадорский генерал Карлос Монтуфар, известный астроном и ботаник Франсиско Хосе Кальдас, которого высоко ценил Гумбольдт. Морильо докладывал Фердинанду VII, что мятежники усмирены и на вверенных ему территориях вновь воцарились колониальные порядки.

Венесуэла и Новая Гранада не составляли исключения. На первом этапе войны за независимость патриоты почти повсеместно потерпели жестокие поражения. К середине 1816 года господство Испании было восстановлено на всем протяжении от северной границы Мексики и до южной оконечности Чили. Только населению Ла-Платы удалось отстоять свою независимость. Здесь, в прилегающем к

Андам районе, под руководством национального героя аргентинцев генерала Хосе де Сан-Мартина скрытно формировалась новая освободительная армия. Вскоре ей предстояло возобновить наступательные операции против испанских колонизаторов. Положение

последних было непрочным. В различных частях испанской Америки, потерпевшей поражение, но не смирившейся, вспыхивали зарницы герильи – народной партизанской войны.

ПЕТИОН И БОЛИВАР: СОЛИДАРНОСТЬ СОРАТНИКОВ

Спасаясь от преследований, многие патриоты находили приют на островах Карибского бассейна. Боливара судьба забросила на Ямайку, куда он добрался на английском военном корабле в мае 1815 года.

Шестимесячное пребывание Освободителя в островной английской колонии относится к одному из наиболее трудных периодов в его жизни. Вынужденная эмиграция после поражения всегда является временем испытания характера человека на прочность, его веры в правоту дела, которому он посвятил свою жизнь, выдержки, стойкости идейных убеждений, способности сохранять трезвость аналитического мышления, не поддаваясь горьким эмоциям, а порой и отчаянию.

Обстановка была тяжелой. Многих патриотов в первые месяцы эмиграции захлестнула волна сомнений и шатаний. Взаимные обвинения в промахах и ошибках, действительных и мнимых, приняли характер эпидемии, усиливавшей разброд и подозрительность среди соратников по оружию и борьбе. Авторитет каждого подвергался сомнению, и это не мог не почувствовать Боливар. По свидетельствам, его временами посещала мысль о самоубийстве.

На Ямайке Освободитель впервые в своей жизни на собственном опыте познал горький вкус бедности. Ураган «войны насмерть» поглотил все его богатства. Поместья были разорены, прислуга и рабочие рудников разбежались, рабам-неграм он в 1813 году даровал свободу. Через месяц после прибытия на Ямайку Боливар признавался друзьям: «Я живу в нищете и неопределенности»¹⁰⁰. В одном из писем, отправленных с Ямайки, он сообщал: «У меня нет ничего. Те немногие ценности, что удалось привезти с собой, я разделил со своими товарищами по несчастью... Но мое сердце не боится ударов судьбы»¹⁰¹. Подобное поведение было органически присуще Симону. О бескорыстии Боливара, можно сказать, презрении к деньгам слагались легенды, и это достоинство его личности не осмеливались оспаривать даже злейшие враги Освободителя. Придет время, и Боливар, не колеблясь, отклонит щедрую награду в миллион долларов, которую перуанский конгресс пожалует ему в знак признания его вклада в дело освобождения Перу от испанского господства.

Однако свет не без добрых людей. На помощь венесуэльцу приходят его друзья – английский плантатор Максвелл Хислоп, гаитянка Хулия Кобье, принявшая горячее участие в судьбе Боливара, богатый негоциант и судовладелец с Кюрасао Луис Брион. Предельно щепетильный в денежных делах, Симон принял их финансовую поддержку лишь тогда, когда голод стучался в его дверь.

Не столько материальные лишения, сколько вынужденное бездействие угнетало Боливара: ведь его родина стонала под испанским сапогом. Губернатор Ямайки граф Манчестер любезно встретил Освободителя, пригласил к себе на обед, но и только. Когда Боливар обратился к нему с просьбой оказать содействие в поездке в Лондон (он надеялся лично добиться помощи Англии для возобновления освободительной борьбы), глава колониальной администрации оставил это обращение без ответа. Не принесли результатов и письма-призывы о помощи, направленные Освободителем Ричарду Уэлсли и другим своим влиятельным друзьям в Лондоне.

Лишенный оружия, Боливар продолжал сражаться пером. Он публикует серию статей в

---

¹⁰⁰ [100] Цит. по Verna P. Cuarenta anos (1790-1830) de relaciones haitianas- venezolanas y su aporte a la emancipacion de Hispanoamerica. – Caracas, 1969. – P. 135, 137

¹⁰¹ [101] Bolivar S. – Vol. 1. – P. 140

виде писем и обращений, адресованных редактору «Ройял газетт». Эта газета издавалась в столице Ямайки – Кингстоне. Сохраняя верность своим идейным учителям – французским просветителям, убежденным противникам рабства и тирании, Боливар выступает в этих статьях как глубокий и оригинальный мыслитель. В них широко представлены история народов испанской Америки, особенности экономической деятельности и психического склада населения, образовавшегося из невиданного сплава индейцев, негров, метисов, мулатов и белых, характеристики различных расово-этнических групп.

Однако Боливар не бесстрастный академический ученый, а борец-революционер. Печатное слово должно пропагандировать революцию, призывать к действию. Поэтому главное в его статьях, написанных на Ямайке, – это соображения и выводы, родившиеся в результате долгих, мучительных раздумий о судьбах освободительного движения в испанской Америке после 1810 года, причинах побед и поражений патриотов и перспективах их борьбы. Из этого анализа родилась программа, ставшая знаменем борцов за окончательное свержение господства Испании. Именно так была воспринята самая знаменитая статья из этой серии – «Ответ одного южноамериканца – кабальеро с этого острова», вошедшая в историю под названием «Письмо с Ямайки»¹⁰².

Боливар не испытывает ни малейшего сомнения в неизбежном торжестве правого дела патриотов. Эта пламенная вера основана на глубоком понимании необратимости начавшегося процесса освобождения испанской Америки. Нужно было обладать великим даром проникновения в суть общественно-политических явлений и предвидения будущего, чтобы в момент, когда испанцы торжествовали победу почти на всем континенте, написать пророческие строки: «Успех увенчает наши усилия, ибо судьба Америки твердо предопределена; узы, связывающие нас с Испанией, разорваны... Ненависть, внушаемая нам Испанией, больше, чем океан, отделяющий нас от нее. Пелена спала, мы увидели свет, а нас хотят снова погрузить во тьму... Посему Америка сражается отчаянно, а отчаяние, как правило, способствует победе... Народ, стремящийся всей душой к независимости, в конце концов ее добьется».

Обращая взоры к насущным задачам, Боливар пишет о главном уроке понесенного поражения. Чтобы лишить испанцев поддержки части населения и вовлечь народные массы в освободительное движение, необходимо соединить борьбу за независимость с осуществлением социальных реформ в их интересах. Ход событий «может заставить в недалеком будущем партию независимости провозгласить социальные лозунги, чтобы привлечь на свою сторону народ». Так в политическом лексиконе Освободителя зазвучала тема социальной революции. Это был огромный шаг вперед в становлении его как политического руководителя и государственного деятеля. К сожалению, многие руководители войны за независимость оказались неспособными подняться над узкоклассовыми интересами креольской прослойки и встать на путь широких социальных преобразований. Сам же Боливар до конца своих дней ориентировался на этот маяк, хотя, как и Дон Кихоту, с которым его порой сравнивают, Освободителю не удалось осуществить многого из задуманного. Обстоятельства часто оказывались сильнее него.

Многие страницы «Письма с Ямайки» посвящены международной политике. Видя безразличие Европы и США к борьбе испанской Америки за независимость, Боливар свои надежды возлагал на латиноамериканское единство, взаимную поддержку всех колоний в борьбе против Испании.

Задерживаться дольше на Ямайке не имело смысла. Более того, пребывание там стало опасным. В декабре 1816 года Боливар лишь по счастливой случайности избежал смертельного удара кинжала. Его слуга, негр Пио, подкупленный испанцами, в ночной темноте поразил ножом насмерть капитана Хосе Феликса Аместоя, приняв его за Болиvara. Аместой, ожидая Болиvara, отлучившегося из дома, заснул в его гамаке, укрывшись от

---

¹⁰² [102] См. Боливар С. Указ. соч. – С. 49-65

ночной прохлады пончо, принадлежавшим Освободителю. Наемным убийцам одного из самых опасных врагов испанской монархии генерал Морильо обещал 5 тыс. песо ¹⁰³.

Через неделю после этого Боливар в пути. Его сопровождает небольшая группа преданных соратников, деливших с ним тяготы жизни на Ямайке: Педро Брисеньо-Мендес и Франсиско Антонио Сеа, Педро Чипиа, адъютанты Рафаэль Пас и Чарлз Чемберлейн. Корабль из флотилии Бриона, предоставленный Боливару, держит курс на Гаити. Освободитель верит, что президент негритянской республики А. Петион не откажет ему в помощи. В день отъезда из Кингстона он обратился к Петиону с письмом, прося принять его. Надежды Боливара не беспочвенны. На Гаити нашли приют его старшая сестра и племянник, здесь укрылись от преследований почти 600 венесуэльских и новогранадских патриотов. Гавани Гаити служили прибежищем для корсаров, которые вели неравную борьбу на море с испанским военным флотом.

24 декабря 1815 г. корабль Бриона, счастливо избежав встреч с испанскими кораблями, бросил якорь в небольшом гаитянском порту Лос-Кайос (французское название Ле-Кайе).

Гористый остров Гаити, расположенный по соседству с Кубой, был открыт Колумбом и колонизован в XVI веке испанцами, назвавшими его Эспаньолой. Как и в других островных колониях, коренное индейское население подверглось поголовному истреблению. Его заменили рабы-негры, привезенные колонизаторами из Африки для работы на плантациях сахарного тростника и в золотых рудниках. После одной из неудачных династических войн испанской короне пришлось в 1697 году уступить западную часть острова Франции, давшей своей колонии название Сан-Доминго.

Великая французская буржуазная революция всколыхнула жителей Сан-Доминго. Восстание негров-рабов в 1791 году, к которым присоединились свободные мулаты и негры, положило начало борьбе за независимость. Во главе восстания встал знаменитый «черный консул» Ф. Д. Туссен-Лувертюр, провозгласивший отмену рабства. Многолетняя борьба завершилась провозглашением в 1804 году независимости Гаити (одно из индейских названий острова). Участник восстания 1791 года, в прошлом раб, Александр Петион в 1807 году был избран президентом. Ему удалось укрепить положение республики, проведя ряд важных реформ. В 1816 году население Гаити провозгласило Петиона пожизненным президентом.

Историческая наука в чем-то сродни географической: исследователю может улыбнуться счастье открытия, и тогда будет «стерто» еще одно «белое пятно». В 1951 году, спустя 135 лет после описываемых событий, в Боготе были найдены неизвестные письма Боливара к Петиону. Вместе с интересными документами о периоде борьбы за независимость в Венесуэле, обнаруженными в архивах Гаваны, они позволили более полно и во многом по-новому осветить один из важных эпизодов дипломатии национального освобождения.

Боливар прибыл в столицу Гаити – город Порт-о-Пренс через неделю после вступления на землю этой страны. Когда окончились новогодние праздники, в национальном дворце 2 января 1816 г. состоялась его первая встреча с Петионом.

Между двумя выдающимися деятелями быстро установилось взаимопонимание, хотя они видели друг друга впервые. Их сближали преданность идеалам свободы и независимости, вера в высокое предназначение человека, в равноправие всех людей, независимо от цвета кожи или происхождения. Симпатии гаитянского народа, завоевавшего свою независимость в долгой и тяжелой вооруженной борьбе, были на стороне испаноамериканских патриотов.

Принципиальная готовность Петиона поддержать патриотов испанской Америки не означала автоматического предоставления помощи. Президент республики Гаити проявил известную осторожность. Письмо Боливара, написанное 2 января 1816 г., позволяет

---

¹⁰³ [103] Peru de Lacroix L. Op. cit. – P. 47-48; Bolivar y su epoca. – Vol. 1. – Caracas, 1953. – P. 385

воссоздать атмосферу первой встречи с Петрионом: «Только что закончился визит к президенту. Он прошел в столь добром духе, какой Вы можете себе только вообразить... Я ожидаю многого от его любви к свободе и справедливости, хотя наша беседа не вышла за рамки общих рассуждений» 104.

Осторожность Петриона вполне объяснима. Во-первых, нужно было присмотреться в Боливару. Не секрет, что среди патриотов хоть не часто, но встречались авантюристы всех мастей. Во-вторых, предстояло выяснить, сможет ли Боливар объединить вокруг себя всех патриотов в эмиграции. Крушение второй венесуэльской республики не прибавило ему славы, и некоторые открыто возлагали на него ответственность за поражение. Без авторитетного руководителя любая освободительная экспедиция заранее обречена на неудачу. Истраченные на ее подготовку средства будут брошены на ветер, а Гаити не располагала лишними деньгами. В-третьих, все дело следовало сохранить в тайне. Официально Гаити придерживалась нейтральной позиции в отношении борьбы между Испанией и ее колониями в Америке. Положение негритянской республики было не простым. Она испытывала давление со стороны испанцев, сохранивших в своих руках колонию Санто-Доминго в восточной части острова. Все Антильские острова кишели испанскими шпионами. Открытое нарушение республикой Гаити объявленного нейтралитета могло вызвать военные репрессалии со стороны Испании. Сможет ли Боливар обеспечить достаточную секретность?

В ходе многочисленных встреч и бесед с Петрионом в январе 1816 года Боливару удалось завоевать доверие президента Гаити. На переговорах затрагивались самые различные темы: международная обстановка, взаимоотношения Гаити с Испанией и Францией, не желавшей признавать ее независимость, противоречия между различными частями острова и особенно вопросы военной стратегии в освободительной борьбе. Боливар изложил президенту свой план освободительной экспедиции на континент, задуманный еще на Ямайке. Из Венесуэлы и Новой Гранады поступали известия о том, что против испанских колонизаторов начинается народная война. В ответ на жестокие репрессии за оружие брались даже те, кто еще недавно, как, например, жители льянос, сохраняли верность Фердинанду VII. В глубинных и труднодоступных районах возникли пока еще разрозненные очаги герильи. Приближался новый подъем освободительной борьбы. Достаточно искры, верил Боливар, чтобы вновь возгорелось священное пламя войны за независимость. Такую искру сможет высечь небольшой, но хорошо вооруженный отряд закаленных и опытных бойцов, высадившись на континенте и нанеся несколько победных ударов по испанским колонизаторам. Боливар умел передать свой энтузиазм, свою убежденность собеседнику, и Петрион поверил в возможный успех смелого предприятия, на первый взгляд казавшегося чистым безумием, – горстка смельчаков бросала вызов 15-тысячной армии Морильо.

Через три недели после первой встречи Боливар и Петрион достигли согласия по всем основным вопросам. Президент Гаити выразил готовность предоставить оружие и материальные ресурсы для снаряжения освободительной экспедиции и обещал морально-политическую поддержку Боливару в нелегком деле объединения всех патриотов, находившихся в изгнании. Риск был немалый, но Петрион был умным и дальновидным политиком. Он понимал, что в конечном счете судьба Гаити зависит от успеха борьбы испаноамериканских патриотов. В случае их поражения маленькой негритянской республике, окруженной колониальными владениями Испании и других европейских держав, будет трудно отстоять свою независимость.

Предоставление помощи Петрион оговорил двумя условиями: в случае победы испаноамериканские патриоты должны даровать свободу рабам-неграм в Венесуэле и в других колониях, которые они освободят 105. Боливар с радостью согласился. На Ямайке он

---

104 [104] Bolivar S. – Vol. 1. – P. 187

105 [105] См. Zapata Olivella J. Piar, Petion, Padilla. Tres mulatos de la revolucion. – Barranquilla, 1986. – P. 167

уже осознал необходимость такого шага. Не составляло труда выполнить и второе условие: Петион просил никогда не упоминать его имени в связи с освободительной экспедицией Боливар, чтобы не нанести ущерб внешнеполитическим интересам Гаити. Только после смерти Петиона в 1818 году Боливар нарушил обет молчания и впервые в официальном заявлении воздал должное вкладу Петиона в освобождение Венесуэлы и Новой Гранады ¹⁰⁶.

После окончания переговоров Боливар 20 января 1816 г. возвратился в Лос-Кайос и приступил к подготовке освободительной экспедиции на континент. Городские власти не отказывают ему ни в чем. Командующий военным округом Лос-Кайос генерал Игнасе Марион 26 января 1816 г. получает распоряжение президента Гаити передать Боливару первую партию оружия (2 тыс. ружей и боеприпасы к ним) и оказывать ему содействие во всех вопросах ¹⁰⁷. Воодушевленный открывшимися возможностями, Боливар развивает бурную деятельность, вникает во все детали организации будущего похода. Подготовка и оснащение кораблей, оружие, амуниция и продовольствие, подбор личного состава – до всего у него доходят руки.

Большой выдержки и дипломатического искусства потребовали от Боливара сплочение всех патриотов и формирование боеспособного, дисциплинированного отряда. Приходилось преодолевать недоверие и разобщенность, порожденные предшествующими военными неудачами, болезненную игру самолюбий, честолюбивые претензии командиров различных рангов. Весть о подготовке экспедиции быстро облетела все Антильские острова, и на Гаити хлынул поток патриотов, рвавшихся в бой. В Лос-Кайос прибыли Ф. Бермудес и другие уцелевшие участники героической обороны Картахены, С. Мариньо и М. Пиар, партизанские вожаки восточных провинций Венесуэлы, корсар-француз Л. Ори, сподвижник Миранды шотландец Г. Мак-Грегор и многие другие. Среди них были и те, кто оспаривал право Боливара возглавить экспедицию.

Чтобы преодолеть недоверие некоторых патриотов, Боливар решает созвать ассамблею наиболее известных и авторитетных участников войны за независимость, собравшихся на Гаити. Ее заседания проходили в бурных дискуссиях. Боливар изложил участникам свои соображения: только единоначалие может обеспечить успех экспедиции. Часть участников (Бермудес, Ори и их сторонники) высказались против избрания Боливара главнокомандующим и предложили передать руководство походом совету из трех или пяти генералов. В этот критический момент Петион решительно поддержал Боливара. Стало известно об указании, отданном президентом Гаити генералу Игнасе Мариону, признавать в качестве полномочных представителей испаноамериканских патриотов только Боливара и его уполномоченного Маримона ¹⁰⁸. Веское слово в поддержку Боливара сказал Брион, передавший в его распоряжение свою флотилию из семи небольших, но быстроходных кораблей. Это склонило чашу весов. Под возгласы «Да здравствует Родина!», «Да здравствует Венесуэла!» Боливар был избран главнокомандующим экспедицией. До созыва в будущем представительной ассамблеи на освобожденной территории Венесуэлы он наделялся всей полнотой военной и государственной власти. Боливар назначил Мариньо своим заместителем по военным вопросам, Бриона – командующим флотом, а Сеа – главным администратором.

Три месяца заняла подготовка освободительного похода. Боливар поддерживал постоянный контакт с Петионом, советуясь с ним по всем вопросам. Не доверяя почте, оба предпочитали пользоваться услугами доверенных лиц, которые курсировали между

---

¹⁰⁶ [106] См. Bolivar S. – Vol. III. – P. 669

¹⁰⁷ [107] См. Verna P. Op. cit. – P. 177

¹⁰⁸ [108] См. Marion S. Expedition de Bolivar. – Port-au-Prince, 1928. – P. 104

Порт-о-Пренсом и Лос-Кайосом. У Боливара роль связных выполняли генерал Пиар, французский морской офицер А. Г. Вилларет, полковник Дю Кайла и полковник П. Чипиа. Петион эту ответственную миссию доверил министру Б. Ингинаку, генералу И. Д. Мариону и своему давнему другу англичанину Р. Сазерленду. Президент Гаити неоднократно торопил Боливара с отплытием. Испанские ищейки уже пронюхали об экспедиции, и колониальные власти Венесуэлы, Кубы и Санто-Доминго направляли ему один за другим протесты с обвинениями в нарушениях нейтралитета и помощи «мятежникам».

Наконец, все было готово. Накануне отплытия Боливар отправился в Порт-о-Пренс. Прощание с президентом Гаити получилось трогательным. Обменялись портретами на память, и со слезами на глазах Петион произнес: «Пусть милостивый Господь поддерживает вас во всех ваших делах»¹⁰⁹. 31 марта 1816 г. флотилия из восьми кораблей взяла курс на Венесуэлу, имея на борту около 300 человек, в основном офицеров, включая 30 гаитянцев. Они располагали 6 тыс. ружей, большими запасами пороха, амуниции, продовольствия, а также типографским станком¹¹⁰. Стратегический замысел был очевиден: отряд представлял собой командный костяк будущей освободительной армии.

Поначалу успех сопутствовал им. На подступах к побережью Венесуэлы удалось выиграть сражение с испанской эскадрой, захватив два корабля. В награду Брион получил звание адмирала. На острове Маргарита к Боливару присоединился генерал Арисменди с отрядом патриотов. Захватив венесуэльский порт Карупано, Боливар 2 июня 1816 г. торжественно провозгласил декрет о свободе рабов, «стенавших под властью испанцев в течение трех последних столетий»¹¹¹. С этого момента борьба за независимость начала наполняться социальным содержанием.

Однако предоставление свободы рабам-неграм оговаривалось в декрете одним существенным условием: все мужчины в возрасте от 14 до 70 лет, получавшие свободу и признанные здоровыми, обязаны были незамедлительно вступить в армию патриотов. В противном случае не только такой мужчина, но и все члены его семьи, включая престарелых родителей, по-прежнему остаются рабами. Что заставило Боливара поступить таким образом, сделать оговорку, снижавшую революционизирующий потенциал декрета? Опасения разжечь неконтролируемое пламя социальной революции? Острая необходимость пополнить ряды освободительной армии стойкими бойцами? Или же стремление, тесно увязав освобождение рабов с укреплением армии, сделать декрет более приемлемым для плантаторов-рабовладельцев и других консервативно настроенных членов венесуэльского общества? Видимо, данное соображение сыграло далеко не последнюю роль. Многие выходцы из имущих классов, даже примкнувшие к лагерю патриотов, как свидетельствуют документы той эпохи, считали освобождение рабов-негров слишком радикальной мерой. В дни первой венесуэльской республики «Газета де Каракас», печатный орган патриотов, регулярно помещала на своих страницах статьи Миранды и других деятелей с призывами к демократии, свободе, равенству. И тут же рядом помещались объявления сеньоров с просьбами к «честным гражданам» содействовать поимке их беглых рабов.

Многие мантуанцы отказывались выполнять декрет Боливара об освобождении рабов. По оценкам, в 1800 году на плантациях в Венесуэле гнули спину 87,8 тыс. рабов-негров и 24 тыс. рабов находились в бегах. Спустя почти десять лет после декрета Боливара, согласно переписи 1825 года, в стране все еще насчитывалось 50 тыс. рабов-негров¹¹².

---

¹⁰⁹ [109] Masur G. Op. cit. – P. 231; Verna P. Op. cit. – P. 204

¹¹⁰ [110] См. Verna P. Op. cit. – P. 194, 208

¹¹¹ [111] Bolivar S. – Vol. III. – P. 634

¹¹² [112] Cardozo A. Proceso historico de Venezuela. – T. 2. – Caracas, 1986. – P. 46; Acosta Saignes M. Accion y utopia del hombre de las dificultades. – La Habana, 1977. – P. 456

Не это ли враждебно-настороженное отношение со стороны крупных земельных собственников и рабовладельцев не позволило первой освободительной экспедиции добиться успеха? К тому же в рядах патриотов недоставало единства. Пиар и Бермудес бросили вызов авторитету Боливара как главнокомандующего.

Испанцы застали врасплох отряд Боливара в Окумаре и разгромили его наголову. В их руки попали вооружение и боеприпасы, с таким трудом собранные в Лос-Кайосе. Вскоре после поражения Боливар, покинутый почти всеми, был вынужден вернуться на Гаити. На него обрушилась волна критики и обвинений со всех сторон. Он тяжело переживал неудачу, но не предавался отчаянию. «Неужели все потеряно и мне не суждено возглавить моих соотечественников в войне за независимость?... Нет! Если Петсион вновь протянет мне руку дружбы, я возвращусь на континент и еще покажу себя!»¹¹³ Дальнейшие события подтвердили, что вера в свои силы, в свое призвание может творить чудеса. Боливару пришлось второй раз обратиться за помощью к Петсиону. Направляя президенту Гаити свою просьбу, он стремится убедить его, как, впрочем, и себя самого, в том, что, несмотря на поражение, первая освободительная экспедиция всколыхнула континент. «Мы показали великий пример Южной Америке, и ему последуют все народы, которые сражаются за свою независимость»¹¹⁴, – уверял Боливар. Петсион вновь поверил Боливару и оказал ему поддержку в организации новой освободительной экспедиции. Возможно, такую политику подсказала президенту Гаити интуиция, о которой он упоминал в ответном письме Боливару, направленном 7 сентября 1816 г. В следующий раз, уверял Петсион Боливара, судьба может оказаться благосклонной к нему. «По крайней мере, у меня есть такое предчувствие»¹¹⁵, – писал президент Гаити. Неоценимую помощь Боливару оказал Брион, также предоставивший в его распоряжение денежные средства, оружие, корабли. Когда в 1821 году Бриона не станет, Освободитель скажет: «Все сердца Колумбии сохранят навечно благодарную память об адмирале»¹¹⁶.

Подготовка второй освободительной экспедиции близилась к завершению. В это время из Венесуэлы пришли обнадеживающие известия. Командиры партизанских отрядов Пиар и Арисменди, продолжавшие сражаться против испанцев, обратились к Боливару с призывом возглавить освободительную борьбу на континенте в качестве верховного руководителя. Боливар не колебался ни минуты. 21 декабря 1816 г. вторая освободительная экспедиция снялась с якоря и взяла курс на Венесуэлу.

После краткой остановки на острове Маргарита, почти полностью освобожденном от испанцев отрядами Арисменди, Боливар направился в Барселону, надеясь соединиться с отрядом Мак-Грегора, действовавшим в этом районе, а затем развернуть наступление на Каракас. Однако дорогу на столицу ему преградили превосходящие силы испанцев. После неудачных столкновений с ними Боливару пришлось отступить.

Трудности всегда подстегивали Боливара. И на этот раз он нашел удачное решение, кардинально изменив стратегию борьбы. Его новый план был прост, и в этом заключалось его главное преимущество. Противник значительно превосходил силами. Лишить его этого козыря можно было только за счет быстроты и маневренности при всемерном использовании фактора внезапности. Поэтому необходимо сначала освободить долину реки Ориноко, где испанцы не смогли прочно закрепиться, затем вырваться на оперативные просторы Новой

---

¹¹³ [113] Цит. по Лаврецкий И. Указ. соч. – С. 80

¹¹⁴ [114] Цит. по Verna P. Op. cit. – P. 238

¹¹⁵ [115] Цит. по Bolivar y su epoca. – Vol. 1. – P. 31

¹¹⁶ [116] Bolivar S. – Vol. 1. – P. 610

Гранады, укрепить освободительную армию и государственную власть и только после этого обрушиться всеми силами на оплот испанцев в центральной части Венесуэлы. Освобождение Каракаса должно увенчать победную освободительную кампанию, а не быть ее началом. Такое решение не было открытием Боливара. Новые принципы ведения войны, созданные эпохой буржуазных революций, новая стратегия и тактика гениально использовались уже Наполеоном. Новаторство Боливара заключалось в искусном применении этого опыта к специфическим условиям испанской Америки.

Для начала предстояло объединить под общим знаменем всех патриотов. Прибыв на родину, Боливар обнародовал несколько воззваний к жителям Венесуэлы, в которых изложил свои цели и призвал народ встать в ряды борцов против Испании. «Во главе с товарищами по оружию я вернулся, чтобы разорвать опутывающие вас цепи. В Венесуэле больше не будет рабов. Все граждане станут равны перед законом. Жестокая Испания больше не будет господствовать на наших территориях. Отныне и навсегда мы будем свободными, равными и независимыми»¹¹⁷. Вслед за этим из Барселоны Боливар обратился также к командирам партизанских отрядов во всех частях страны с призывом забыть о разногласиях и обидах, наладить сотрудничество и развернуть совместные военные действия против угнетателей. Для решения этой ключевой в достижении победы задачи Боливар мобилизует всю свою энергию, приобретенный политический и военный опыт. Единство, единство и еще раз единство – другого пути к победе нет. Шаг за шагом Боливар добивается поставленной цели. Сначала произошло примирение с Бермудесом и Мариньо. Затем Пиар, а позднее и вожак свободолюбивых льянерос Паэс признали Боливара верховным руководителем освободительной борьбы. В войне за независимость открылась новая страница.

Подробное освещение походов Боливара в 1817-1819 годах, как и других его военных кампаний, не входит в цели данного исследования – это тема для военных историков. Здесь же скажем, что в эти годы ярко засверкал полководческий дар Боливара. Под его руководством армия патриотов одержала блестящие победы, освободила от испанцев венесуэльскую Гвиану и овладела ее главным городом Ангостурой. На время Ангостура стала столицей борющейся Венесуэлы. Позднее этот город был переименован в Сиудад Боливар (город Боливара).

Воспользовавшись кратким затишьем в военных действиях, Боливар в феврале 1819 года созвал в Ангостуре Национальный конгресс для создания авторитетного политического руководства освободительной войной. На нем он выступил со своей знаменитой речью, посвященной обоснованию необходимости демократического государственного устройства Венесуэлы. «Республиканский строй установлен, существует и должен сохраниться в Венесуэле, – говорил Боливар, обращаясь к депутатам, избранным населением освобожденных районов, – а его фундаментом должны быть суверенитет народа, разделение властей, гражданские свободы, отмена рабства, упразднение монархии и сословных привилегий... Народное образование должно стать нашей первой заботой и пользоваться отеческой любовью Конгресса»¹¹⁸. Речь Боливара вызвала всеобщее одобрение. Конгресс провозгласил восстановление независимой венесуэльской республики, утвердил ее Конституцию и назначил Боливара временным президентом и главнокомандующим вооруженными силами.

Следующим шагом в становлении нового независимого государства явилось решение конгресса в Ангостуре об объединении Венесуэлы и Новой Гранады. Давняя мечта Боливара становилась явью. 17 декабря 1819 г. конгресс провозгласил образование Федеративной Республики Колумбии. Такое официальное название новое государство получило в честь

---

¹¹⁷ [117] Ibid. – Vol. 111. – P. 639

¹¹⁸ [118] Боливар С. Указ. соч. – С. 84, 92

первооткрывателя Америки. В его состав вошли три самоуправляющихся департамента – Венесуэла, Кундинамарка и Кито (современный Эквадор), возглавляемые вице-президентами. Согласно основному закону республики Колумбия, департаментам предоставлялись широкие автономные права. Временным главой федеративного государства был избран Боливар.

Успехи патриотов побудили командующего испанской армией Морильо запросить в июне 1820 года перемирия. Боливар принял его предложение о прекращении военных действий. Передышка нужна была ему для пополнения и реорганизации освободительной армии, укрепления независимого государства, а также для неотложных внешнеполитических дел.

ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН: «РОЗОВАЯ» И «ЧЕРНАЯ» ЛЕГЕНДЫ

Со времени миссии в Лондон Боливар настойчиво искал пути получения иностранной помощи. Венесуэла была отсталой аграрной страной. Венесуэльцы производили и экспортировали какао, индиго, кожу, табак, хлопок и кофе. Ремесленные мастерские были немногочисленными, так как колониальные власти ввели запреты почти на все виды промышленной деятельности. Поэтому армия патриотов на протяжении всей войны за независимость была хуже вооружена, чем испанская. По свидетельству генерала Паэса, на вооружении кавалерии находились копья; что же касается пехоты, то ружья имела только часть солдат, остальные же – луки со стрелами ¹¹⁹. Патриоты испытывали острую нужду в пушках, ружьях, саблях, порохе, свинце, обмундировании. Наладить производство всего этого на месте в условиях длительной и ожесточенной войны было невозможно, и оставалось надеяться только на закупки в других странах.

Многие годы усилия Бовивара не приносили результатов. Призывы к иностранцам встать под знамена справедливого дела венесуэльцев оставались без ответа. Обстановка в Европе складывалась неблагоприятно для патриотов.

Создание иностранного легиона в 1817-1819 годах явилось крупным успехом дипломатии национального освобождения Бовивара. Это был маневр, позволивший фактически прорвать блокаду и получить, наконец, иностранную помощь, правда, в своеобразной форме.

Армия патриотов, созданная на базе партизанских отрядов, нуждалась в укреплении профессиональными военными, чтобы успешнее вести боевые операции против регулярных испанских войск, прошедших школу войны против Наполеона. Военная кампания 1817-1820 годов принесла патриотам не только радость выдающихся побед. Неоднократно они терпели чувствительные неудачи, проигрывали сражения. Несколько раз оказывались даже на грани разгрома. «Побеждать учатся на поражениях», – утверждал Боливар, принимая меры с целью поднять боеспособность и тактическое мастерство освободительной армии.

Появление на венесуэльской земле полков и батальонов добровольцев из многих стран Европы нанесло чувствительный политический удар по Испании. Становилось очевидным, что объявленная Фердинандом VII блокада мятежных колоний дает трещины.

Не меньшее значение имели отклики на события в испанской Америке в других европейских странах, особенно в Англии. После окончания наполеоновских войн там развернулись дебаты по вопросам, связанным с международными последствиями борьбы за независимость в испанской Америке, и громче зазвучали голоса в поддержку патриотов. Испаноамериканским патриотам сочувствовал «певец свободы» поэт Байрон, в Германии – властитель дум Гёте, во Франции – аббат Прадт, в России их подвигами восхищались декабристы.

История создания иностранного легиона продемонстрировала тонкий политический

---

¹¹⁹ [119] См. Paez J. A. Autobiografía. – Т. 1. – Medellin, 1973. – P. 101 – 102

расчет Боливар, его умение уловить момент и правильно оценить новую обстановку, сложившуюся в Европе. После окончания наполеоновских войн Англия оказалась в тисках серьезного экономического кризиса. В этой стране, как и на Европейском континенте, в результате перевода армии на условия мирного времени тысячи офицеров и солдат оказались на положении бедствующих безработных. В делах царил застой, а эта масса профессиональных военных умела только воевать. В этих условиях, как правильно рассчитывал Боливар, английское правительство даже при желании не сможет строго соблюдать условия союзного договора с Испанией. Промышленники, торговцы и военные дельцы заставят официальный Лондон считаться со своими интересами.

Во второй половине 1816 года, после поражения патриотов при Окумаре, Боливар направил указание венесуэльскому торговому представителю в Лондоне Л. Лопес-Мендесу начать вербовку добровольцев и закупку оружия для них. Освободитель подключил к этой операции английских полковников Дж. Элсона и полковника Дж. Инглиша, заключив с ними соответствующие контракты. Адмирал Брион в феврале 1818 года получил распоряжение подготовить свою эскадру для доставки на континент отрядов добровольцев из английских колоний в Карибах, игравших роль перевалочных пунктов.

Лопес-Мендес действовал открыто и проявлял большую активность. В газетах «Таймс» и «Морнинг кроникл» были помещены объявления о наборе добровольцев с указанием точного адреса, куда следует обращаться. Выполняя инструкции Боливар, он заключил соглашение с видным деятелем английского бизнеса и политики, принадлежавшим к лагерю вигов, Дж. Макинтошем. Последний взял обязательство обеспечить заем в размере 150 тыс. ф. ст. из 10 % годовых и помочь за счет этих средств экипировать, вооружить и перевезти в Южную Америку 10 тыс. волонтеров.

Венесуэла предлагала добровольцам следующие условия: 20 долл. при подписании контракта, повышение в чине после вступления в армию патриотов, жалованье в размерах, установленных в английской армии, оплату проезда. После окончания войны или пятилетней службы – вознаграждение в 500 долл., пенсии инвалидам, участок земли в 50 акров с хозяйственными постройками. Г. Уилсон, Дж. Инглиш, Д. Хипписли, Дж. Элсон, ирландец Дж. Деверс, ганноверец Г. Услар и др. формировали из этой пестрой массы военных полки и бригады, фрахтовали и готовили к отплытию корабли. Дело двигалось, но не так быстро, как ожидалось. Не все добровольцы горели желанием сражаться в Южной Америке. Они придирчиво выбирали себе экипировку, облачались в пышные мундиры, пригодные только для парадных маршей, браковали зафрахтованные корабли, ссорились и интриговали.

Боливар с неослабным вниманием, как видно из его посланий Лопес-Мендесу, следил за ходом формирования иностранного легиона. 12 июня 1818 г. он направил своему представителю в Лондоне письмо с подробными указаниями, как лучше вести дело. В письме речь шла об использовании займа в 200 тыс. ф. ст., полученного у английского банкира Уолтона, для закупки пяти военных кораблей. Боливар требовал проследить, чтобы команда каждого корабля была полностью укомплектована английскими моряками и хорошо обеспечена всем необходимым. Он советовал быть осторожными и предусмотрительными в пути. Каждый корабль с добровольцами, направляющийся к венесуэльским берегам, может быть задержан и даже конфискован колониальными властями на Антильских островах. Поэтому не следует заходить в их порты. Для получения известий и пополнения запасов продовольствия лучше всего посылать на берег лодки.

Боливар просил Лопес-Мендеса направить все оставшиеся от займа Уолтона средства на приобретение вооружения и боеприпасов, в которых нуждаются пехота и артиллерийские части. Он отмечал, что кавалерийское снаряжение, доставленное бригантиной «Сарах», «оказалось бесполезным», так как оно не подходит кавалерии, сформированной из льянерос. «Помимо оружия, боеприпасов и снаряжения, – писал Боливар, – нам оказалась бы очень полезной группа хороших испанских офицеров, капралов и сержантов из числа тех, кто сочувствует нам и живет в Англии и Франции, предпочитая изгнание рабству дома. От такого пополнения гораздо больше пользы, чем от других иностранцев, не владеющих

нашим языком и затрачивающих много времени на его изучение, когда их практически нельзя использовать»¹²⁰. Боливар подчеркивал, что следует обеспечить прибытие добровольцев крупными отрядами, так как их приезд небольшими группами не дает с военной точки зрения желаемого эффекта.

Инструкции Боливара свидетельствовали об острой потребности в оружии, боеприпасах и обмундировании, испытываемой освободительной армией. В случае, если заем Уолтона уже истрочен, инструкции предписывали Лопес-Мендесу «со всем достоинством» добиться получения кредита в миллион золотых песо для закупки и немедленной отправки оружия, боеприпасов и другого военного имущества. «Даже обременительные условия такого кредита окупятся, так как приобретенное оружие позволит изгнать испанских колонизаторов», – подчеркивал Освободитель.

Нередко Лопес-Мендес не располагал наличными деньгами для скорейшего выполнения просьб Боливара. Пламенный патриот, он, не колеблясь, расплачивался личными долговыми обязательствами, которые не всегда мог погасить в срок. Взбешенные английские кредиторы опротестовывали в суде его просроченные векселя, и несколько раз Лопес-Мендес оказывался в «долговой яме» – так в обиходе называли лондонскую тюрьму для несостоятельных должников, пользовавшуюся мрачной славой далеко за пределами Англии. Когда его «выкупали», он с удвоенной энергией принимался за дела.

Между тем о формировании иностранного легиона стало известно Испании. 12 октября 1817 г. испанский посол герцог Сан-Карлос направил английскому министру иностранных дел лорду Кэстльри ноту протеста по поводу деятельности Лопес-Мендеса¹²¹. В сентябре 1818 года глава испанского правительства Перес де Кастро выразил английскому правительству озабоченность его страны незаконным экспортом из Англии оружия в Южную Америку и продолжающейся вербовкой пополнения для армии Боливара¹²².

Под давлением союзника правительство тори внесло в парламент проект закона о рекрутском наборе для заграницы. В случае его принятия сент-джеймский кабинет получал возможность пресечь отправку волонтеров в испанскую Америку. Законопроект тори вызвал серьезную оппозицию в парламенте и за его пределами. Джозеф Марриат, связанный с торговыми интересами, выступил в палате общин против изменения английского законодательства в интересах Испании. «Будущее поведение Южной Америки в отношении нас, – рассуждал Марриат, – будет зависеть от нашей позиции в отношении них сегодня. Торговые отношения с этим обширным континентом привлекают взоры как Европы, так и Америки... Испания не имеет права нарушать мир и подрывать процветание всех торговых наций, продолжая бесплодную войну против Южной Америки»¹²³. Дебаты в английском парламенте затянулись надолго. Закон был одобрен и вошел в силу только в августе 1819 года, когда иностранный легион уже сражался на венесуэльской земле.

Первые четыре полка английских волонтеров и артиллерийская бригада прибыли в Ангостуру, являвшуюся временной столицей освобожденных районов Венесуэлы, в 1818 году. Когда последние отряды иностранного легиона высадились на венесуэльской земле, в распоряжении Боливара находился военный контингент, насчитывавший в общей сложности 5-6 тыс. воинов¹²⁴. Его основу составляли англичане, но среди добровольцев можно было

---

¹²⁰ [120] Bolivar S. – Vol. 1. – P. 291

¹²¹ [121] См. Garcia Arieche G. Bolivar, su gesta y los Estados Unidos (1810- 1830). – Caracas, 1980. – P. 10-11

¹²² [122] См. Bolivar y Europa... – P. 774

¹²³ [123] Ibid. – P. 397

¹²⁴ [124] Различные источники дают разные оценки общей численности иностранного легиона (см. Hasbrouck A. Foreign Legionaries in the Liberation of Spanish South America. – N. Y., 1928. – P. 390; Simon Bolivar.

встретить представителей почти всех национальностей Европы: ирландцев, немцев, шведов, итальянцев, исландцев, французов, поляков. История сохранила имена двух русских – полковника Ивана Минуты и Ивана Миллера, отличившихся в сражениях. Было здесь и несколько североамериканских добровольцев.

В условиях венесуэльского и новогранадского театра военных действий иностранный легион представлял немалую боевую силу. При огромных территориях, слабо освоенных в хозяйственном отношении, и редком населении, к тому же сконцентрированном в узкой прибрежной полосе, было невозможно содержать многотысячную армию. В ходе войны за независимость многие сражения, имевшие судьбоносное значение, выигрывались несколькими тысячами бойцов. Так, в битве на реке Бояка 3 тыс. патриотов во главе с Боливаром нанесли поражение основным силам испанцев в Новой Гранаде и освободили Боготу. Лишь несколько раз концентрация войск в одном районе испанской Америки достигала 10- 15 тыс. человек, Маршал Сукре, командовавший армией патриотов в решающем сражении войны за независимость на плато Аякучо, в своем воззвании к победителям воздал славу. 6 тыс. отважных республиканцев, разгромивших 10-тысячную армию испанцев во главе с вице-королем Х. Ла Серной ¹²⁵.

Боливар разделил иностранный легион на батальоны и полки по национальному признаку и влил их в качестве составных частей в армии патриотов, действовавшие в долине реки Ориноко, на просторах льянос, в центральной Венесуэле. Были созданы и смешанные отряды, в которых опытные европейские офицеры и сержанты передавали свой боевой опыт венесуэльским патриотам.

Адаптация волонтеров к новой обстановке проходила нелегко. Непривычные условия быта и питания, тропический климат и незнакомые болезни, языковой барьер явились для многих суровым испытанием, и далеко не все успешно с ним справились. Венесуэльская действительность сыграла роль своеобразного фильтра, очистившего иностранный легион от наживы – авантюристов, интриганов, искателей легкой наживы и всех нестойких попутчиков, которым были глубоко чужды интересы борьбы патриотов за национальную независимость.

Боливар рассматривал это как неизбежные издержки, хотя они порой приносили Венесуэле немалый военный и политический ущерб. Один из отрядов ирландских волонтеров, посланный в наступление на Риоача, отказался подчиняться приказам венесуэльских командиров, поднял мятеж и, захватив корабль, бежал на Ямайку. Часть мятежников вернулась домой, а остальные примкнули к пиратам Антильских островов ¹²⁶.

Английские полковники Д. Хипписли и Г. Уилсон, направленные советниками к Паэсу, встали на путь интриг и заговоров. Первый отказывался служить, если ему не присвоят звание бригадного генерала. Второй пытался толкнуть Паэса на бунт против Боливара. Освободитель был вынужден арестовать Уилсона. Он намеревался предать его военному суду, однако Уилсону удалось бежать из тюрьмы и вернуться в Англию. Так же повел себя и французский офицер Х. Л. Дюкудре-Хольштейн. Он присоединился к освободительной экспедиции Боливара в Лос-Кайосе, служил в его штабе, а затем оказался замешанным в заговоре против Освободителя, после чего был выслан из Венесуэлы. Эти бывшие участники иностранного легиона и им подобные стали злейшими врагами Боливара. Вернувшись в Европу, они занялись клеветой и фальсификациями. В опубликованных мемуарах Хипписли и Дюкудре-Хольштейна венесуэльцы представлялись полудикарями, не доросшими еще до высоких идеалов свободы. Боливар же изображался безмерным честолюбцем, врагом демократии и бездарным полководцем, одержимым «комплексом Наполеона» и мечтающим

¹²⁵ [125] Acosta Saignes M. Op. cit. – P. 282

¹²⁶ [126] См. Bolivar y Europa... – P. 443

об императорской короне. В то же время себя и других легионеров они рисовали в розовых красках. Подчеркивались бескорыстие волонтеров, их преданность демократии и беспримерные воинские подвиги, обеспечившие венесуэльцам национальную независимость.

В те времена сведения из испанской Америки приходили в Европу нерегулярно. Они носили отрывочный и часто противоречивый характер. Поэтому мемуары бывших легионеров вызвали немалый интерес. Воспоминания Дюкудре-Хольштейна, например, всего лишь за три года увидели свет на английском, немецком и французском языках. Нечасто в ту эпоху книги получали такое быстрое и широкое распространение. Многие в Европе поверили этим сочинениям – ведь их авторы были очевидцами описываемых событий. В числе тех, кто оказался введенным в заблуждение, был и Карл Маркс. Не располагая достоверными данными, Маркс в статье о Боливаре, заказанной ему американской энциклопедией, дал в целом негативную оценку деятельности и личности Освободителя. Сказались, видимо, и вовлеченность Маркса в момент написания статьи в идейную борьбу против бонапартизма, его резкое неприятие всего, что касалось «культы личности».

В дальнейшем мемуары легионеров, враждебно настроенных по отношению к Боливару, послужили основой для создания «розовой» легенды об иностранном легионе, необоснованно приписывавшей ему решающую роль в освобождении испанской Америки.

Другую крайнюю позицию заняли приверженцы «черной» легенды об иностранном Легионе. Некоторые латиноамериканские историки, оскорбленные пренебрежительными отзывами о патриотах и местных жителях, стали отрицать заслуги добровольцев. Замысел Боливара и усилия Лопес-Мендеса, утверждалось в их трудах, были искажены контрактованными вербовщиками и организаторами иностранного легиона, среди которых подвизалось немало темных личностей. Получая за каждого завербованного добровольца вознаграждение, они посылали в Южную Америку всех, кто попадал под руку, включая воров и преступников, избежавших правосудия¹²⁷. По их мнению, волонтеры погибали не столько на полях сражений, сколько от болезней и непривычных условий в тропиках, и иностранный легион принес Венесуэле лишь большие долги.

При всей полярной противоположности «розовая» и «черная» легенды имели нечто общее. Это общее заключается в том, что обе они искажают историческую правду.

Под знаменами иностранного легиона в испанской Америке сражались многие идейные борцы против колониального угнетения: сын выдающегося борца за права ирландского народа О'Коннелла, племянник польского революционера Костюшко, сыновья Мюрата. Они приехали в Южную Америку не в поисках мифического Эльдорадо. Из рядов добровольцев вышли такие ближайшие помощники Боливара, как его адъютанты Д. Ф. О'Лири и У. Фергюссон, которым Освободитель доверял безоговорочно. В своем завещании Боливар отмечал безупречную службу и преданность английского полковника Белфорда Х. Уилсона, сопровождавшего его до последних дней жизни.

Иностранный легион способствовал повышению боеспособности и воинской выучки освободительной армии. Многие добровольцы пали смертью героев на полях сражений. Командир английских волонтеров полковник Руук, умирая на поле боя, призвал свое войско храбро сражаться за свою новую родину Венесуэлу. Адъютант Фергюссон пожертвовал собой, заслонив Боливара от кинжала заговорщиков.

В своих воззваниях к венесуэльцам и новогранадцам Освободитель приветствовал иностранных добровольцев, сражающихся вместе с ними против роялистов¹²⁸. Он отмечал храбрость и стойкость солдат ирландского легиона, заслуживших право называться

---

¹²⁷ [127] Ibid. – P. 774

¹²⁸ [128] Bolivar S. – Vol. 111. – P. 697, 699

«приемными сыновьями» Венесуэлы 129.

В Каракасе на фронтоне одного из памятников мемориального комплекса в честь героев войны за независимость начертаны слова: «Венесуэльский народ выражает благодарность иностранным офицерам, внесшим вклад в дело независимости». Вглядевшись, можно прочесть множество имен...

«ПУСТЬ НАШИМ ДЕВИЗОМ БУДЕТ ЕДИНСТВО ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ!»

После начала войны за независимость идеи солидарности и единства Америки, впервые выдвинутые Мирандой, получили новый импульс. Боливар и Бельо в числе первых подхватили их. Глашатаями дружбы народов континента выступили также многие другие идеологи и руководители патриотов в различных частях огромной испанской империи. Несмотря на различия во взглядах, эти политические деятели были защитниками общенациональных интересов. Они стремились к тому, чтобы, освобождаясь от колониального гнета, молодые латиноамериканские государства наладили тесное сотрудничество между собой, заняли достойное место на международной арене и проводили активную внешнюю политику.

Большой вклад в разработку концепции солидарности народов континента внесли деятели чилийского освободительного движения. В проекте декларации прав народов Чили, разработанном по просьбе правительственной хунты Хуаном Энганьей в 1810 году, провозглашалось: «Народы Латинской Америки не могут каждый в одиночку защитить свой суверенитет; им необходимо объединиться для обеспечения внешней безопасности перед лицом проектов Европы и в целях предотвращения войн между собой.

Такое положение не означает, что они... должны рассматривать европейские государства в качестве врагов, напротив, необходимо в максимально возможной степени развивать с ними дружественные отношения.

С того дня, когда Америка, представленная на конгрессе, объединится в рамках обоих континентов, испанской Америки или Южного континента, ее голос будет уважать весь остальной мир, и ее решениям будет трудно противодействовать» 130.

Эти идеи получили дальнейшее развитие в проекте конституции, который позднее был написан Хуаном Энганьей по поручению Национального конгресса Чили и опубликован в 1813 году. В ст. II проекта, касавшейся вопросов внешней политики, предлагалось два возможных пути претворения в жизнь стремления народов континента к единству: объединение в рамках общего государства во главе с конгрессом наций; если это окажется недостижимым, создание «общей системы взаимной безопасности и союза» 131.

Таким образом, в документах Хуана Энганьи содержался не только призыв к единству, но и предложения о конкретных мерах по его достижению.

Глашатаями идей латиноамериканского единства выступили выдающиеся деятели майской революции на Ла-Плате – Бернардино Ривадавия и Мариано Морено. В сообщении о создании первой патриотической хунты в Буэнос-Айресе Ривадавия выражал надежду, что дух «союза и гармонии» восторжествует среди народов континента, имеющих общее происхождение и интересы. Морено, возглавлявший радикальное крыло хунты, выступал за ликвидацию феодальных порядков в экономической и социальной областях, за создание

---

129 [129] См. Bolivar, Camillo Torres y Francisco Antonio Zea. – Bogota, 1936.¹ - P. 83

130 [130] Alvares A. La diplomacia de Chile durante la emancipacion y la Sociedad Internacional Americana. – Madrid, 1910. – P. 257-260

131 [131] Ibid. – P. 261

централизованного государства на месте бывшего вице-королевства Ла-Плата. Он призывал также к тесному союзу и братству провинций испанской Америки ¹³². Поддержку идеи тесного сотрудничества народов для достижения победы над испанской короной высказывали в эти годы также руководитель народного восстания в Новой Испании (Мексика) Мигель Идальго и выдающийся борец за независимость Восточного берега (Уругвай) Хосе Артигас.

Следует отметить, что с самого начала предпринимались попытки заложить первые кирпичи в здание латиноамериканского единства. В 1810 году правительственная хунта Буэнос-Айреса направила в Сантьяго-де-Чили своего представителя со специальной миссией добиться объединения усилий двух правительств «не только в целях войны, но и в интересах мира, чтобы заключить торговые и политические соглашения с другими государствами» ¹³³. Отсутствие документов не позволяет воссоздать детальную картину переговоров. Однако известно, что чилийские деятели высказывались за созыв американского конгресса с целью учреждения конфедерации. Хунта Буэнос-Айреса предлагала ограничиться установлением союзных отношений.

Договор между Венесуэлой и Кундинамаркой 1811 года явился первым международным документом, зафиксировавшим согласие этих стран начать создание братского союза народов континента. Провозгласив объединение двух государств на основе принципов федерации, участники договора призвали все независимые государства, возникшие в регионе, присоединиться к их союзу, для того чтобы совместными усилиями защищать завоеванную свободу и обеспечивать свою безопасность. Каждый из участников такого федеративного объединения, согласно договору, пользовался равными правами и мог заключать соглашения с иностранными государствами только при общем согласии ¹³⁴. Поражение патриотов в борьбе с испанцами не позволило претворить в жизнь положения договора, но не остановило движения вперед по намеченному пути.

Боливар, начиная «славную кампанию» 1812 года, выступил в «Картахенском манифесте» с призывом к развитию широкого сотрудничества всех колоний Испании, освобождающихся от гнета. В следующем году в докладе правительству Венесуэлы, посвященном ходу военных операций против испанцев, он отмечал международное значение такого шага: «Только тесный и братский союз сынов Нового Света и неизменная согласованность деятельности соответствующих правительств помогут им противостоять угрозе внешних врагов и добиться уважения со стороны других государств» ¹³⁵.

В январе 1814 года министр иностранных дел Венесуэлы Антонио Муньос Тебар в соответствии с инструкциями Боливара обратился к народам и правительствам испанской Америки с призывом основать союз или конфедерацию независимых государств. «Почему бы всей Срединной Америке не объединиться под властью одного центрального правительства?» – говорил Тебар с трибуны Национального конгресса Венесуэлы. Такое объединение, по его словам, дало бы возможность «применять огромные ресурсы ради единой цели» и обеспечивать «взаимное сотрудничество, что вознесло бы нас к вершинам могущества и процветания» ¹³⁶. Патетика этого воззвания понятна и объяснима: великая

---

¹³² [132] См. Documente от Inter-American Cooperation. – Vol. I. – Philadelphia, 1955. – P. 26

¹³³ [133] Pividal F. Bolivar: pensamiento precursor del antimperialismo. – La Habana, 1977. – P. 41

¹³⁴ [134] См. Rivas R. Op. cit. – P. 13

¹³⁵ [135] Цит. по Pacheco Quintero J. Op. cit. – P. 22

¹³⁶ [136] Полный текст см. Lecuna V. La entrevista de Guayaquil. Restablecimiento de la verdad historica. – T. II (Documentos). – Caracas, 1963. – P. 12-20 (далее – Lecuna V. La entrevista de Guayaquil)

революционная эпоха требовала возвышенных слов. В докладе Тебара явственно слышался голос Боливара.

В эти годы, на начальном этапе формирования, «боливарская концепция» единства Америки имела пока еще характер общей идеи. Она исходила из возможности создания на месте испанской колониальной империи единого централизованного государства под эгидой сильного правительства. В то время термин «Латинская Америка» еще не применялся для обозначения этого региона. Он вошел в обиход значительно позднее, во второй половине XIX века. Боливар же пользовался самыми различными терминами: «Америка», «Срединная Америка», «Южная Америка», «Новый Свет» и т. д. У него часто встречаются выражения «революция Америки», «дело независимости Америки», «наша Америка», «север и юг Срединной

Америки». Знакомство с его эпистолярным наследием убеждает в том, что для Освободителя термин «Америка» значил прежде всего «Америка, ранее бывшая испанской», то есть восставшие колонии Испании. Однако вряд ли можно на этом основании делать другой вывод, а именно: с самого начала Боливар категорически исключал формулу сближения двух Америк – Северной и Южной. Не правильнее ли будет исходить из того, что вначале его увлекала идея противопоставить враждебности монархов Европы, прежде всего Фердинанда VII, объединенный фронт Северной и Южной Америк? «Политика США, – говорилось в его докладе о международных делах, представленном Национальному конгрессу, – должна объединиться с нашей, чтобы совместными ресурсами воздвигнуть непреодолимый барьер для амбиций Европы»¹³⁷. Жизнь вскоре продемонстрировала иллюзорность таких надежд.

В дальнейшем в связи с изменениями обстановки в регионе Боливар отказался от некоторых положений своей концепции единства Америки, высказанных в 1810- 1814 годах.

На Ямайке Боливар похоронил многие свои иллюзии. В мучительном процессе переоценки ценностей после поражения рождались новые идеи и планы. Здесь впервые прозвучала его критика в адрес политики США. В «Письме с Ямайки» Боливар, исходя из сложившихся исторических особенностей и различий между народами континента, отказался от ранее высказанной идеи объединения Южной Америки в рамках единой нации, имеющей общее правительство. Он пришел к выводу о необходимости бороться за создание конфедерации и выдвинул предложение созвать в Панаме международный конгресс независимых латиноамериканских стран. «Как было бы чудесно, если бы Панамский перешеек стал для нас тем, чем был Коринф для греков! Может быть, в один прекрасный день мы созовем там державный конгресс представителей республик, королевств и империй, чтобы обсуждать важнейшие вопросы войны и мира с нациями трех других частей света. Такого рода объединение, возможно, будет создано когда-нибудь в счастливую эпоху нашего возрождения. Любой другой план необоснован...»¹³⁸.

С этого времени идея созыва конгресса полномочных представителей молодых независимых государств становится центральной в планах Боливара. Мы располагаем ценным свидетельством ближайшего сподвижника Боливара и его первого биографа О'Лири: «В течение многих лет Освободитель надеялся, что конгресс в Панаме, если он будет созван, принесет огромную пользу новым республикам, теснее свяжет их друг с другом и укрепит их независимость. Этот конгресс создаст дух единства и патриотизма, который сможет обеспечить им счастье во внутренних делах и уважение за границей»¹³⁹.

Боливар использовал каждую возможность для пропаганды идей латиноамериканского

---

¹³⁷ [137] Цит. по Calderas F. Bolivar frente a Estados Unidos. – Merida, 1984. – P. 80-81

¹³⁸ [138] Боливар С. Указ. соч. – С. 63

¹³⁹ [139] Simon Bolivar. Libertador de la America del Sur... – P. 216

единства. В 1818 году он обратился с посланием к населению Ла-Платы и одновременно направил письмо главе правительства Буэнос-Айреса Хуану Мартину Пуэйрредону. В этих документах Боливар вновь доказывал важность союза молодых независимых государств для обеспечения их интересов на мировой арене. «Когда военная победа Венесуэлы увенчает дело ее независимости, – писал он 12 июня 1818 г., – а благоприятные условия позволят нам установить более тесные связи и углубить наши отношения, мы охотно ускорим со своей стороны заключение американского пакта, который, объединив наши республики в рамках политической организации, обеспечит Америке в глазах всего мира величие, которого не знали государства древности. Объединенная таким путем Америка... сможет называться королевой наций и матерью республик»¹⁴⁰. Боливара радовали вести, поступавшие из других частей испанской Америки. Там также идеи латиноамериканской солидарности получали все большее признание. Бернардо О'Хиггинс, избранный после изгнания испанцев верховным правителем Чили, в 1818 году издал «Манифест к народу, который образует государство Чили». В нем О'Хиггинс высказался за создание «великой федерации Американского континента», рассматривая ее как инструмент защиты «политических и гражданских свобод»¹⁴¹.

Примерно в это же время Сан-Мартин, готовясь к освободительному походу в Перу, обратился к перуанцам с воззванием, в котором подчеркнул, что будущий союз Аргентины, Чили и Перу позволит им добиться признания завоеванной независимости. Позднее Сан-Мартин высказал идею о том, что такой союз необходимо расширить, включив в него все независимые государства бывшей испанской Америки, и с этой целью созвать международный конгресс в Гуаякиле. Весьма показательным, что хотя Бразилия в то время еще оставалась колонией Португалии, сторонники независимости в этой стране также выступали за заключение союза с соседними государствами путем создания американской лиги.

В наши дни североамериканские и другие историки, обращаясь к тем далеким событиям, нередко называют проекты Боливара и других деятелей «романтическим видением объединенной Америки» или «гипотетической моделью идеального общества». Они возникли якобы под влиянием «эйфории, порожденной успехами в освободительной войне»¹⁴². Тем самым подчеркиваются их нереальный характер, оторванность от жизни, обреченность на неизбежный провал. В действительности все было иначе.

Прогрессивные по своему характеру идеи латиноамериканского единства и сотрудничества родились в различных частях континента фактически одновременно как отражение объективной насущной потребности. Поэтому концепцию латиноамериканской солидарности можно с полным основанием считать плодом коллективных усилий. Ее творцами выступали не оторванные от жизни мечтатели, а выдающиеся полководцы, овеянные славой побед над колонизаторами, государственные деятели, облеченные доверием и полномочиями выборных представительных учреждений, идеологи, являвшиеся властителями дум не одного поколения. Это было подлинное созвездие героев, пламенных борцов за свободу и независимость Латинской Америки.

Ретроспективный взгляд на исторический процесс позволяет с достаточной убедительностью ответить на вопрос, почему в борьбе за осуществление идей латиноамериканской солидарности, являвшихся, как было показано, плодом коллективного творчества целого поколения деятелей эпохи войны за независимость, столь большая роль

---

¹⁴⁰ [140] Bolivar S. – Vol. I. – P. 294

¹⁴¹ [141] The Inter-American Conferences, 1826-1954: History and Problems.- Wash., 1965. – P. I

¹⁴² [142] См., например, Nerval G. Autopsy of the Monroe Doctrine. – N. Y., 1944. – P. 131; Bolivar. 1783-1983. – Caracas, 1983. – P. 95-96

принадлежит Боливару. Заслуга Освободителя в том, что он развил идеи латиноамериканской солидарности в стройную систему взглядов, образовавших ведущую внешнеполитическую концепцию стран региона эпохи возникновения независимых национальных государств в Латинской Америке. Кроме того, Боливар раньше других осознал реальность угрозы национальному суверенитету латиноамериканских республик, исходившей от северного соседа, и понял необходимость противодействовать этой угрозе совместными силами. Наконец, он первый предпринял попытку претворить в жизнь идею латиноамериканской солидарности путем созыва Панамского конгресса. Как сказал колумбийский историк Х. Пачеко-Кинтеро, «единство континента и добрые отношения между народами Америки были политической константой жизни Освободителя»¹⁴³.

Проект образования латиноамериканского союза не выглядел «романтическим видением» ни с точки зрения сформулированных задач, ни с точки зрения обоснования путей их достижения.

По мнению Боливара, латиноамериканский союз, основанный на принципах равноправия и не ограничивающий суверенитет и конституционные нормы его участников, был призван обеспечить защиту завоеванной независимости и территориальной целостности молодых государств от посягательств враждебных внешних сил, гарантировать мирные, дружественные отношения между его участниками, выполняя роль арбитра в случаях возникновения споров или конфликтных ситуаций между ними. Он должен был также служить развитию сотрудничества между латиноамериканскими странами в целях совместного решения многих важных экономических и социальных проблем, общих для его участников, и согласовывать позиции членов союза по отношению к «великим конфликтам» (внешнего характера).

По замыслам Боливара, которые разделяли многие его сподвижники, такой союз позволил бы молодым латиноамериканским государствам занять достойное место на мировой арене и проводить активную внешнюю политику. В случае согласованных действий страны региона, несмотря на слабость своих экономических и военных позиций, могли бы выступать на равных с Англией, Францией, Россией и США. Боливар мечтал также о том, что объединенная испанская Америка, следуя провозглашенным ею принципам справедливости, будет противостоять монархическому Священному Союзу, являвшемуся душителем свободы народов.

Такой же конкретный и аргументированный характер носили предложения относительно реализации поставленной цели, хотя и было высказано немало отличных друг от друга точек зрения. В качестве места проведения латиноамериканского конгресса предлагались Кито, Гуаякиль, Сан-Хосе (Коста-Рика) и Леон (Никарагуа). В конце концов было принято предложение Боливара созвать конгресс в Панаме.

Достижение победы над колонизаторами в длительной и тяжелой войне потребовало усилий всех народов континента, В армии Боливара вместе сражались венесуэльцы, колумбийцы, эквадорцы, представители других стран. Достигнутое единство на поле боя необходимо было закрепить и сделать следующий шаг. Однако против этого выступили влиятельные силы как внутри стран региона, так и за его пределами. Вопрос о том, удастся ли созвать Панамский конгресс и станет ли реальностью союз молодых независимых государств, решался в острой борьбе сторонников и противников латиноамериканского единства.

Трудные переговоры

Мир для меня – это надежда, цель, слава и награда. Разве есть на земле большая ценность, чем мир?

---

¹⁴³ [143] Pacheco Quintero J. Op. cit. – P. 21

ПОИСКИ МИРА С ИСПАНИЕЙ

В официальных документах и многих письмах Боливара содержатся свидетельства его постоянных и глубоких раздумий об исторических судьбах Испании и политике восставших колоний по отношению к своей «матери- родине».

«Мир испанской нации! Беспощадная война ее нынешнему правительству!» – провозглашал Боливар, разъяря необходимость всегда разграничивать смелый, благородный, свободолюбивый испанский народ и реакционную монархию Испании с ее камарильей. «Не все испанцы являются нашими врагами, – писал Боливар испанскому генералу М. Реновалесу, вставшему на сторону патриотов. -...Гордость Испании составляют родившиеся в ее лоне благородные души и возвышенные натуры, которые, словно ангелы-хранители, спешат поддержать святое дело свободы в нашей стране...» 144 . Важнейшей задачей своей дипломатии Освободитель считал поиски союза патриотов борющихся колоний с народной Испанией. «Необходимо делать все возможное для объяснения испанской нации, что ее интересы отличны от интересов правительства и... истинные преимущества для нее состоят в тесном союзе с независимой Америкой» 145 . Возможен ли был такой союз?

Известия о скрытом брожении в Испании, стонавшей под гнетом короля-мракобеса и его приспешников, доходили до колоний и порождали надежды на скорые перемены на Пиренейском полуострове и окончание войны, длившейся уже целое десятилетие. Обращаясь к испанским революционерам, Боливар призывал их: «Война потеряла смысл... Будьте справедливы к Америке, и мир и дружба установятся между американцами и испанцами» 146 . Революционные события начались в Кадисе, где по приказу Фердинанда VII в помощь Морильо готовился огромный экспедиционный корпус. Из этого порта 20 тыс. пехотинцев и 3 тыс. кавалеристов на 100 кораблях должны были отправиться в Южную Америку. Однако 1 января 1820 г. в экспедиционной армии вспыхнуло восстание, которое возглавили офицеры-демократы Р. Риго и А. Кирога. Они больше не хотели участвовать в колониальной войне и требовали восстановить в стране конституционный режим.

К восставшим присоединились жители других городов. В Испании грянула вторая буржуазная революция. Фердинанд VII был вынужден присягнуть на верность демократической Конституции 1812 года и согласиться с созывом кортесов. К власти пришло правительство буржуазных либералов.

Кортесы потребовали от генерала Морильо присягнуть на верность Конституции и добиваться национального примирения в колониях. Фердинанд VII, по настоянию кортесов, направил колониальным властям во всей Америке два циркуляра. Первым предписывалось освободить из тюрем всех политических заключенных. Второй циркуляр обязывал начать переговоры с патриотами с целью прекращения опустошительной войны в Новом Свете 147 .

В соответствии с полученными указаниями генерал Морильо обратился к конгрессу в Ангостуре и Боливару с предложением заключить перемирие, для того чтобы начать затем

---

144 [144] Боливар С. Указ. соч. – С. 76

145 [145] Bolivar S. – Vol. I. – P. 292

146 [146] Idid. – Vol. III. – P. 673-674

147 [147] См. Rivas R. Op. cit. – P. 59

мирные переговоры. Положение испанского наместника в колониях после понесенных серьезных поражений было трудным. Революция в Испании вызвала распри в его лагере. Начались острые столкновения между конституционалистами и сторонниками абсолютной монархии. Морильо надеялся в ходе переговоров получить передышку и выиграть время.

Боливар ответил согласием. Он искал пути к миру с Испанией и также нуждался в передышке. Не все патриоты понимали замысел Освободителя. Горячие головы хотели немедленно воспользоваться затруднениями Морильо. Боливар объяснял им: «Положение нашей армии не позволяет нам начать новую военную кампанию. Она нуждается в реорганизации. Время работает больше на нас, чем на Морильо. Предоставляется великолепная возможность для переговоров. Речь идет не о мире или капитуляции, а только о перемирии, а также подходящем случае заявить всему миру о нашем рождении в качестве суверенной нации»¹⁴⁸. Действительно, обращаясь к Боливару с предложением о переговорах, Морильо пришлось употребить слова, которые раньше застревали у испанцев в горле: «Его Превосходительство президент Республики». По существу, это было первым официальным признанием де-факто новой политической реальности, а именно появления суверенного государства на месте бывшей колонии.

Боливар поручил ведение переговоров о перемирии генералам Р. Урданете и П. Брисеньо-Мендесу. Когда возникли опасения, что дело зашло в тупик, он направил им в помощь своего ближайшего сподвижника, молодого венесуэльского генерала Антонио Сукре. Пятнадцатилетним юношей в 1810 году он присоединился к патриотам, вместе с Боливаром прошел через огонь многих сражений, завоевав его сердце беззаветной храбростью и яркой одаренностью своей натуры. Теперь ему поручалось возглавить делегацию патриотов.

На переговорах им противостоял испанский триумвират: генералы Г. Корреа, Р. Торо и Ф. Хуан-и-Гонсалес де Линарес. Их действиями непосредственно руководили Морильо и его заместитель маршал Латорре, несколько раз встречавшиеся с Суком.

Морильо требовал признания патриотами испанской Конституции 1812 года, не предусматривавшей предоставления колониям полной независимости, в качестве неперемного условия заключения мирного договора. Боливар категорически отверг это требование. «Только безоговорочное признание Испанией независимости Колумбии может положить конец войне»¹⁴⁹, – говорилось в его ответе Морильо от 21 июля 1820 г. Поэтому речь на переговорах шла только о заключении перемирия и гуманизации методов ведения военных действий. Продолжались они несколько месяцев и напоминали испанский народный танец – шаг вперед и два шага назад. От участников потребовались большие усилия, чтобы преодолеть разногласия, касавшиеся линий разграничения войск и других условий прекращения военных действий. Наверное, самым веским аргументом патриотов были их новые боевые успехи: испанским войскам пришлось оставить города Мериду, Трухильо и Санта-Марту.

25 ноября 1820 г. состоялось подписание соглашения о перемирии сроком на шесть месяцев и договора об упорядочении ведения войны в соответствии с законами цивилизованных народов. Тем самым была подведена черта под трагической эпохой «войны насмерть», и участники договора взяли на себя обязательство не применять репрессий в отношении гражданского населения. Договорились об обмене пленными и захоронении погибших¹⁵⁰. Можно согласиться с оценкой этого события, высказанной известным

---

¹⁴⁸ [148] Цит. no Guasch J. Op. cit. – P. 150

¹⁴⁹ [149] Bolivar S. – Vol. I. – P. 476

¹⁵⁰ [150] Mler J. M. de. La Gran Colombia. El Libertador y algunos misiones diplomaticas. – Vol. 6. – Bogota, 1983. – 1961-1965

колумбийским исследователем международных отношений Р. Ривасом. По его мнению, Испания и Колумбия заслужили благодарность человечества, так как они первыми в истории закрепили в договорной форме нормы более гуманного ведения войны. И произошло это задолго до заключения известной Женевской Конвенции об улучшении участи раненых и больных (1864 г.) и решений Гаагской мирной конференции относительно законов и обычаев сухопутной войны (1899 г.) 151.

Через два дня после подписания документов в небольшом селении Санта-Ана по предложению Морильо состоялась «встреча в верхах». Можно только догадываться о том, что побудило испанского фельдмаршала увидеться с «мятежником» Боливаром. Надеялся ли он понять при личном свидании, что дает его противнику, неоднократно битому на полях сражений, силу возродиться? Или же он рассчитывал убедить Боливара принять королевскую «милость» и прекратить борьбу в обмен на высокое звание генерала испанской армии с соответствующими привилегиями? А возможно, просто захотелось взглянуть на человека, который, не имея профессиональной военной подготовки, нанес ему, одержавшему немало побед над прославленными наполеоновскими маршалами, чувствительные поражения? Не исключено, что какое-то из этих соображений сыграло свою роль.

Боливар принял приглашение Морильо, хотя не все в его штабе одобряли это решение. У Освободителя были свои планы, и их не следовало раскрывать раньше времени.

Многое на этой «встрече в верхах» напоминало красочный спектакль. Парадные мундиры бывшего крестьянского сына Морильо и его многочисленной свиты, увешанные звездами и орденами, резко контрастировали со скромной походной формой потомственного аристократа Боливара и сопровождавших его нескольких адъютантов. К тому же

Боливар прибыл на встречу верхом на муле и в сомбреро. По кастильскому обычаю недавние смертельные враги заключили друг друга в дружеские объятия. На торжественном обеде произносились пышные тосты, славилась храбрость солдат и офицеров, выполнявших свой долг. Обмениваясь посланиями, Морильо и Боливар неизменно заканчивали их словами: «Пусть Бог многие годы хранит Ваше Превосходительство». Иногда же финальная фраза по традиции испанских кабальеро была иной: «Целую Ваши руки». Но достичь взаимопонимания Морильо и Боливару не удалось, хотя ночь они провели под общей крышей. Один верой и правдой служил своему монарху, для другого жизненной целью являлось освобождение народа от цепей рабства.

Камарилья Фердинанда VII не простила Морильо общения на равных с «мятежником» Боливаром, так же как и признания им де-факто независимости Колумбии. Через две недели после заключения перемирия генерал был отозван в Испанию. Правда, вскоре он нашел утешение, вступив в брак с богатой вдовой. Воистину, история – это не только драмы, трагедии и людская кровь. Порой она пишется сквозь смех и слезы. Как остроумно заметил первый советский исследователь жизни Освободителя И. Р. Григулевич, история уже давно бы забыла о Морильо, если бы в его жизни не было такого противника, как Боливар.

В патриотическом лагере также нашлись критики условий перемирия и «позорного» поведения Боливара на встрече с Морильо. Они не хотели видеть, что перемирие ускоряло разложение в испанском стане и позволяло патриотам укрепить свое положение.

Полковник генерального штаба освободительной армии Л. Перу де Лакруа, сопровождавший Боливара во время его пребывания в Букараманге, сделал запись бесед и высказываний Освободителя, известную как «Дневник Букараманга». Благодаря дневнику можно узнать, в частности, оценку Боливаром перемирия с испанцами. «Никогда в течение моей общественной жизни, – говорил Боливар, – я не прибегал к стольким хитростям, к стольким дипломатическим уловкам, как во время этой важной встречи. Без излишней скромности можно сказать, что мне удалось обставить Морильо... Перемирие с испанцами, заключенное на шесть месяцев..., было для меня только поводом показать миру, что

---

151 [151] См. Rivas R. Op. cit. – P. 64

Колумбия ведет переговоры с Испанией на равной основе... Оно помогло мне положить конец истреблению испанцами гражданского населения. Более того, перемирие вынудило Морильо возвратиться в Испанию и оставить командование генералу Латорре, менее способному и активному воину... Пусть глупцы, мои враги, болтают, что им вздумается, об этих переговорах. Результаты говорят в мою пользу. Никогда дипломатическая комедия не была лучше разыграна, чем в тот день и в ту ночь 27 ноября 1820 г. в Санта-Ане» 152.

Пять месяцев на земле Колумбии молчали пушки и не лилась кровь. Однако население Маракайбо восстало против испанцев и с помощью отряда генерала Урданеты освободило свой город от колонизаторов. Генерал Латорре обвинил Боливар в нарушении перемирия, и 28 апреля 1821 г. вооруженная борьба между испанцами и патриотами возобновилась повсеместно.

Параллельно с переговорами о перемирии Боливар предпринимал активные действия для установления прямых контактов с Мадридом. Он считал, что ключ к миру, если он существует, скорее всего можно найти в столице Испании. Какие мотивы побудили Боливара в разгар ожесточенной войны с Испанией предпринять мирный демарш, имевший, по всей вероятности, минимальные шансы на успех? Был ли этот шаг продиктован политической прозорливостью и гениальной интуицией? Или же он представлял собой дипломатический маневр, построенный на тонком расчете? Скорее последнее.

Задача была архитрудной как в политическом отношении, так и с точки зрения дипломатических средств. Испанские войска потерпели серьезные поражения на американской земле, но они не были разгромлены. Необходимо было незаурядное дипломатическое искусство, чтобы убедить Мадрид в бесперспективности дальнейшей вооруженной борьбы с восставшими колониями, истощавшей силы Испании и подрывавшей ее международные позиции в Европе. Однако для начала диалога следовало прежде всего вступить в непосредственный контакт с испанским правительством, а в условиях продолжавшейся войны это было непросто. Боливар не имел дипломатических представителей в Мадриде и не мог прибегнуть к обычному в таких случаях средству – просить какое-либо дружественное правительство представлять в Испании интересы Республики Колумбия. Ни одно иностранное государство официально еще не признало Колумбию. Возможно ли было за столом переговоров получить согласие Испании на заключение мира, что означало для нее потерю своей колониальной империи и как следствие окончательную утрату статуса великой державы, превращение ее во второразрядное государство?

Однако Боливар знал, что дипломатию часто называют искусством невозможного, и решил попытать счастья на этом поприще. В конце 1819 года он отдал приказ направить в США и Европу специальную дипломатическую миссию с широкими полномочиями. Ей поручалось производить, при возможности, закупки оружия и боеприпасов, получить в этих целях иностранные займы по своему усмотрению, добиваться дипломатического признания Колумбии и, главное, завязать переговоры о мире с Испанией.

Выполнение этих ответственных задач Освободитель возложил на вице-президента республики Колумбия Франсиско Антонио Сеа, назначив его чрезвычайным посланником и полномочным министром по защите интересов страны за границей. Такой высокий ранг давал ему право старшинства в отношении других колумбийских дипломатических эмиссаров, находившихся в иностранных государствах.

Боливар остановил свой выбор на Сеа не случайно. Освободитель считал, что «большую дипломатию» должны делать известные люди. Как и Боливар, Сеа знал Европу не по книгам. Он родился в 1770 году в Медельине и многие годы посвятил изучению естественных наук сначала на родине, а затем в Париже. Сеа приобрел известность в Европе как натуралист и директор ботанического сада в Мадриде. Позднее он представлял интересы

колоний в кадисских кортесах. У него было много влиятельных друзей в Испании, Франции и Англии. В Испанию его в свое время отправили колониальные власти, чтобы избавиться от «опасной личности»: Сеа был причастен к публикации в 1794 году запрещенной Декларации прав человека и гражданина и провел три года в тюремных застенках. Когда вспыхнула борьба за независимость на его родине, Сеа кружным путем через Лондон добрался до Колумбии, где присоединился к Боливару и прошел с ним большой боевой путь. В 1817 году он стал членом Государственного совета, а затем – вице-президентом республики. Когда потребовалось его родине, Сеа без колебаний оставил высокий пост и ступил на дипломатическую стезю. В инструкциях, подписанных Боливаром 24 декабря 1919 г., ему предписывалось добиваться заключения мира с Испанией на основе признания ею независимости Колумбии ¹⁵³.

Преодолев немало трудностей в пути, Сеа в июне 1820 года добрался до Лондона, чтобы находиться ближе к Испании. По своей инициативе и выйдя за рамки полученных инструкций, он разработал фантастический план примирения колоний с «матерью-родиной» путем создания федерации во главе с конституционным монархом Испании Фердинандом VII. В состав федерации наряду с Испанией должны были войти Колумбия, Чили и Ла-Плата ¹⁵⁴.

Свой проект Сеа направил в Мадрид в ноябре 1820 года через испанского посла в Лондоне герцога Фриаса. Ожидая ответа, дипломатический эмиссар Колумбии добился приема у английского министра иностранных дел лорда Кэстльри и пытался, хотя и безуспешно, убедить его в необходимости оказать поддержку данному проекту. Лондон не склонен был брать на себя посреднические функции. Еще не выветрились горькие воспоминания о первой неудачной посреднической миссии Англии.

Фердинанд VII категорически отверг предложения посланца Колумбии. Однако это не обескуражило Сеа. Он решил лично отправиться в столицу Испании. Друзья Сеа при королевском дворе должны были, по его мнению, оказать ему содействие в заключении почетного мира. Особенно он надеялся на помощь своего близкого друга, влиятельного министра иностранных дел Эусебио де Бардакси-и-Асара, принадлежавшего к либерально-умеренным кругам. Правда, было одно затруднение: Сеа не располагал деньгами для поездки. Однако он изыскал простое решение, получив в Лондоне заем в 20 тыс. ф. ст. на весьма кабальных условиях. После этого в мае 1821 года Сеа известил Боливару письмом, что он находится на пути в столицу Испании. В Мадриде его ждали дурные вести: пока он добирался до Мадрида, Фердинанд VII провел реорганизацию испанского правительства, отправив Бардакси и других неугодных министров в отставку.

Некоторое время Боливар не получал полной информации о демаршах своего дипломатического эмиссара. Когда же ему удалось ознакомиться с планом Сеа, Освободитель пришел в ярость. Ради примирения Сеа был готов пожертвовать частью завоеванного в тяжелой борьбе суверенитета. «Кажется, гений ошибок руководил всеми шагами нашего посланца», – пришел к заключению Боливар. Попутно он отметил, что Фердинанд VII оказал Сеа немалую услугу, отвергнув его план ¹⁵⁵.

Ситуация сложилась неординарная, и требовались меры для ее исправления. В январе 1821 года Боливар решил направить в Испанию новую дипломатическую миссию. После заключения соглашения о перемирии он получил международно-правовую основу для прямых сношений с Мадридом. В ст. II соглашения говорилось: «Поскольку первоочередной и главной целью этого перемирия являются переговоры о мире..., оба правительства будут

---

¹⁵³ [153] См. Mler J. M. de. Op. cit. – Vol. 6. – P. 1941-1946; Bolivar y Europa... – P. 1056

¹⁵⁴ [154] См. Restrepo J. M. (Ed.) Op. cit. – T. I. – P. 424-436

¹⁵⁵ [155] См. Rojas A. Op. cit. – P. 46

направлять и принимать эмиссаров или доверенных лиц, которых сочтут целесообразным делегировать. Этим посланцам, снабженным верительными грамотами, будут обеспечены гарантии и личная безопасность, соответствующие мирному характеру их миссии» 156.

На этот раз защита интересов Колумбии была доверена министру иностранных дел Хосе Рафаэлю Ревенге, опытному дипломату, начавшему свою карьеру еще в дни первой венесуэльской республики, и губернатору провинции Богота Тибурсио Эчеверриа. Они везли личное послание Боливару испанскому королю. Освободитель решительно проводил в жизнь одну из своих главных внешнеполитических заповедей – вести переговоры на основе полного равенства сторон. Боливар призывал Фердинанда VII содействовать заключению мира, который принесет успокоение Испании и самостоятельность Колумбии, сделает ее подлинной второй родиной испанцев 157.

Ревенга и Эчеверриа 24 января 1821 г. получили подробнейшие инструкции Боливару. На 17 страницах излагалось 21 предписание относительно задач миссии и путей их осуществления. Указывалась даже точная сумма выделенных им денег – 8 тыс. золотых песо. Документ подписали Боливар и военный министр Брисеньо-Мендес. Столь тщательная подготовка миссии говорила о серьезности намерений Боливару. Несомненно, он учел также не совсем удачный эксперимент с предоставлением Сеа неограниченных полномочий.

Главная задача, поставленная перед Ревенгой и Эчеверриа, была сформулирована Боливаром столь точно и категорично, что не оставляла никакого простора для «фантазий» или независимого «творчества». Посланцам Колумбии предписывалось добиваться заключения мирного договора на основе «признания Испанией абсолютной независимости, свободы и суверенитета республики Колумбия и ее полного равенства со всеми другими независимыми и суверенными государствами мира». Такое признание означало «четко зафиксированный отказ со стороны Испании, ее народа и правительства, а также со стороны всех титулованных наследников от прав, претензий собственности и суверенитета в отношении республики Колумбия как целого, так и каждой из составляющих ее частей..., которые ранее образовывали генерал-капитанство Венесуэлу, вице-королевство Новую Гранаду и аудиенцию Кито» 158.

В инструкциях указывалось на необходимость отстаивать права Колумбии на Панамский перешеек ввиду его важного стратегического значения. Известно, что Боливару увлекала идея сооружения в будущем меж океанского канала.

В случае если на переговорах Испания поставит вопрос о создании федерации метрополии и ее колоний или предложит Колумбии принять в качестве суверена какого-либо бурбонского принца, Ревенга и Эчеверриа должны были безусловно отвергнуть эти проекты. Не забыл Боливар определить и роль Сеа в связи с посылкой новой миссии. Согласно инструкциям, ему надлежало оказывать помощь колумбийским посланцам и действовать только совместно с ними.

Ревенга и Эчеверриа прибыли в Мадрид раньше Сеа и в мае 1821 года получили аудиенцию у министра иностранных дел Бардакси. Однако дальше дело застопорилось. Министр иностранных дел Испании уклонился от переговоров о заключении мира под тем предлогом, что следует дожидаться приезда Сеа. Возможно, Бардакси предчувствовал свою скорую отставку и не хотел неосторожными действиями ускорить развязку. Он, конечно, хорошо знал настроения Фердинанда VII и дворцовой камарильи. Его руки были связаны в силу еще одного обстоятельства. Кортесы, созванные королем, при участии представителей Мексики занимались в это время изысканием средств спасения испанских интересов в

---

156 [156] Mler J. M. de Op. cit. – Vol. 6. – P. 1964

157 [157] См. Bolivar S. – Vol. I. – P. 526-527

158 [158] Mler J. M. de Op. cit. – Vol. 6. – P. 1974

колониях, и Бардакси ждал исхода этих дебатов. Кортесы создали специальную комиссию. Видимо, не без влияния проекта создания федерации Испании и ее колоний эта комиссия выдвинула предложение разделить испанскую Америку на три части. Каждая часть должна была управляться одним из отпрысков бурбонского королевского дома и платить финансовую дань «матери-родине». Получив в свои руки копию документа об этом плане, посланцы Колумбии могли убедиться, что не только Фердинанд VII, но и буржуазные либералы продолжали мыслить категориями испанского колониального величия. К тому же они не могли противостоять королю. Стоило Фердинанду VII выразить свое отрицательное отношение к предложениям кортесов, как

они поспешили заявить, что испанское общество не готово к переменам в колониальном вопросе.

Три месяца миссия Колумбии добивалась в Мадриде начала переговоров о мире. Однако министерство иностранных дел Испании не отвечало на ее ноты и обращения. За это время колумбийским дипломатам не удалось ни разу встретиться с министром иностранных дел в официальной обстановке. Не приносили существенных результатов также их настойчивые попытки воздействовать на испанское правительство через депутатов кортесов, лидера конституционалистов Алкало Галиано и торговые круги Кадиса, несшие большие убытки от разрыва связей с колониями.

После того как в Колумбии возобновились военные действия между испанцами и патриотами, положение миссии стало крайне трудным. Местная пресса по указанию испанских властей развернула яростную пропагандистскую кампанию, разжигая в стране шовинистические настроения и обвиняя Боливара в коварстве и преднамеренном нарушении перемирия. Ревенга направил министру иностранных дел ноту протеста. На этот раз ответ последовал незамедлительно. Утром 2 сентября 1821 г. министерство иностранных дел Испании вручило всем трем колумбийским дипломатам паспорта вместе с требованием покинуть Мадрид в течение 24 часов. Так обычно правительства поступали в случаях, когда официально объявлялась война. Ревенга через Францию вернулся в Колумбию, а Сеа и Эчеверриа задержались в Париже.

Итак, попытки заключить мир с Испанией оказались безрезультатными. Но это не означало, что дипломатия Боливара потерпела поражение. Затраченные усилия не пропали даром. Новое независимое государство – республика Колумбия продемонстрировала свое

миролюбие. Такой шаг помогал завоевать на свою сторону либеральное общественное мнение в Европе. Возрос международный авторитет Боливара: известный до этого в Европе как вождь повстанцев, теперь он предстал в облике государственного деятеля, осуществляющего активную внешнюю политику в целях прекращения войны, затрагивавшей так или иначе интересы многих государств.

Провал мирных переговоров рассеял иллюзии о возможности примирения с Испанией Фердинанда VII и вызвал консолидацию сил патриотов Колумбии. Они понимали, что только полный военный разгром испанцев на американской земле может расчистить путь к миру. Правильность этого вывода, сделанного патриотами, подтвердили дальнейшие действия Фердинанда VII. Пока буржуазные либералы вели нескончаемые дебаты в кортесах, в Эскуриале, величественно-мрачном замке короля под Мадридом, зрел заговор против испанского народа. Фердинанд VII обратился к своему августейшему собрату – французскому королю Людовику XVIII со слезной мольбой помочь ему удушить испанскую революцию. В 1823 году с санкции «Священного союза» 100-тысячная французская армия оккупировала Испанию. При поддержке иностранных штыков Фердинанду VII удалось восстановить абсолютистские порядки в стране. Анализируя последствия краха буржуазных либералов в Испании, Боливар предсказывал: «Война против нас будет продолжаться с еще большим упорством»¹⁵⁹. Дверь для примирения окончательно захлопнулась. Дипломаты умолкли, в полный голос вновь заговорили пушки.

БЕЗУЧАСТНЫЕ НАБЛЮДАТЕЛИ

В дискуссиях относительно идейного наследия Симона Боливара, пожалуй, одним из самых острых вопросов является отношение Боливара к США. В обеих частях Америки, как и в других районах мира, публикуются монографии, сборники документов, публицистические работы и биографические очерки, авторы которых обращаются к этой теме в свете новых материалов или же с позиций исторического опыта современной эпохи, что нередко позволяет увидеть скрытое от взора представителей предшествующих поколений.

Конечно, за два столетия мир коренным образом изменился. Другими стали США, другой стала и Латинская Америка. Одни противоречия между ними исчезли, обнаружилось новые. Не иссякает, однако, интерес к взглядам Боливара, что вполне закономерно. Речь идет о выдающемся деятеле мировой истории первой четверти XIX века – полководце, мыслителе и дипломате, который стоял у истоков отношений между двумя Америками, а эти отношения складывались не просто.

Как Боливар расценивал политику США в отношении южных соседей, вынужденных на протяжении полутора десятилетий вести вооруженную борьбу за завоевание национальной независимости? Почему не пришла столь необходимая им помощь с Севера? Какими принципами должны были руководствоваться молодые латиноамериканские государства в своих отношениях с США? Каково было мнение Боливара о государственных и политических институтах североамериканской буржуазной демократии и возможностях их использования при государственном строительстве в специфических условиях Латинской Америки? Аргументированный, научно доказательный ответ на эти вопросы не только представляет сегодня познавательную ценность, но и имеет актуальное значение.

Боливар принадлежал к тому поколению людей, идейное формирование которых происходило под сильным влиянием как Великой французской буржуазной революции, так и борьбы североамериканских колоний – за свою независимость. Он уже в юности имел возможность знакомиться с программными документами американской революции в переводах или оригиналах, так как владел английским языком. В библиотеке Боливара книги

---

¹⁵⁹ [159] Bolivar S. – Vol. I. – P. 883

Вольтера и Гумбольдта соседствовали с книгами о Вашингтоне, которого он высоко ценил. Вспоминая о своей юности в беседе с офицером американского флота Х. Поулдингом, Боливар рассказывал о том, как «чтение истории американской революции захватило его мысли» и как «личность Джорджа Вашингтона зажгла в груди желание брать с него пример»¹⁶⁰. Обширное эпистолярное наследие Боливара также является свидетельством его глубокого интереса к американской революции и творческого осмысления ее опыта.

В многочисленных речах и воззваниях Боливара, в написанных им нотах и других дипломатических документах, в его частной переписке можно встретить самые различные оценки политики США и отношения североамериканских государственных деятелей к их южным соседям – от восторженно-патетических до гневно-осуждающих. При этом Освободитель всегда оставался предельно искренним. Он не имел обыкновения лицемерить, не маневрировал в зависимости от изменений конъюнктуры, не вел двойной игры. Такова историческая правда, и ее не следует «подправлять».

Чем же тогда объясняется такая широкая палитра высказываний Боливара в адрес северного соседа? Нет ли здесь вопиющих противоречий?

Во-первых, каждая оценка может быть правильно понята только в контексте конкретных исторических обстоятельств. Известно, например, мнение Боливара об американской нации. Народ США, по его словам, «являет собой единственный в своем роде образец политических достоинств и моральных качеств»¹⁶¹. Однажды он назвал систему государственного устройства США «лучшей в мире»¹⁶². Однако если вчитаться в текст его письма, адресованного О'Лири, то нельзя не заметить, что сделал он это после анализа государственного строя абсолютистских и конституционных монархий в Европе и имел в виду сравнительные, а не абсолютные преимущества США в этом отношении.

Во-вторых, важны не отдельно взятые высказывания Боливара, как бы интересно и актуально они ни звучали сегодня, а система его взглядов о роли США и их политике, выстраданных на основе личного опыта государственного деятеля континентального масштаба.

В-третьих, – и это, пожалуй, главное – отношение Боливара, как и других лидеров латиноамериканского освободительного движения, к североамериканской буржуазной демократии и политике США не оставалось неизменным на протяжении их жизни. На эволюции их взглядов сказалась сама практика борьбы за независимость, в ходе которой восторженно-романтическое восприятие опыта североамериканской революции сменилось качественно иным видением северного соседа, приобрело остроту и политическую пронизательность. Решающую роль при этом сыграл критический анализ позиции США относительно крушения испанской и португальской империй в Америке.

На начальном этапе войны за независимость Боливар и другие ее участники были склонны считать, что «великая северная демократия» окажет им действенную помощь в борьбе против Испании. Все временные правительственные хунты, которые пришли к власти после свержения испанского ига, направили своих дипломатических эмиссаров в Вашингтон и Лондон, добиваясь материальной и политической поддержки. По меткому определению венесуэльского историка Х. Хиль-Фортоуля, это была «вынужденная дипломатия»¹⁶³. Боливар четко объяснил причины многочисленных и настойчивых обращений испаноамериканских патриотов за помощью к США. «Мы одиноки, – писал он, – мы

---

¹⁶⁰ [160] Цит. по Garcia Arieche G. Op. cit. – P. 10

¹⁶¹ [161] Bolivar S. – Vol. III. – P. 680

¹⁶² [162] Ibid. – P. 315

¹⁶³ [163] См. Gu Fortoul J. Op. cit. – Vol. I. – P. 546

вынуждены обращаться за помощью к Северу прежде всего потому, что они наши соседи и братья, а также в связи с тем, что у нас нет ни средств, ни возможностей для сношений с другими странами» 164.

Следует сказать, что многие американцы горячо сочувствовали патриотам испанской Америки и на свой страх и риск пытались организовать для них закупки обмундирования, боеприпасов и оружия, в которых борцы за независимость испытывали острую нужду. Такое отношение было органичным для американского народа. Оно определялось его душевным складом, его сознанием, лучшими традициями. Однако позиция официального Вашингтона была иной, и дипломатических посланцев испанской Америки ждали горькие разочарования.

После начала войны за независимость в испанских колониях Вашингтон не скупился на заявления о «дружественном интересе к провозглашению независимости и суверенитета испанскими провинциями в Америке» 165. При этом правящая элита США внимательно следила за развитием событий в испанских и португальских колониях. Президент США Джеймс Мэдисон в послании Конгрессу в ноябре 1811 года подчеркивал необходимость уделять постоянное внимание переменам, «происходящим на огромных территориях, которые расположены по соседству и занимают южную часть нашего полушария» 166.

Дипломатические посланцы испаноамериканских хунт были неофициально приняты и выслушаны в Вашингтоне. Администрация США откликнулась на предложение завязать отношения с новыми правительствами. Уже 28 июня 1810 г. политический деятель из Южной Калифорнии Джоэл Пойнсетт был назначен специальным эмиссаром США в Южной Америке. Вскоре снабженные верительными грамотами американские эмиссары появились в Каракасе, Боготе, Сантьяго, Буэнос-Айресе и Мехико. Однако дальше этих первых шагов, позволявших США держать руку на пульсе событий, официальный Вашингтон не пошел. Оказание действенной помощи делу свободы и независимости народов Латинской Америки не входило в расчеты правящей элиты США. Белый дом не собирался одарить дипломатическим признанием своих южных соседей и тем более не намеревался вступать с ними в союзнические отношения, которые могли бы ограничить его свободу действий.

Такая внешнеполитическая линия США была не случайной. За три десятилетия, прошедшие с момента окончания американской войны за независимость и до начала восстания в испанских колониях, в США многое изменилось. Революционные знамена, под которыми североамериканские колонисты шли в бой против англичан, были помещены в музей. Их почитали, присягали на верность революционно-демократической идеологии, но в реальной политике правящая элита молилась другим богам.

В среде господствующих классов США широкое распространение получили идеи буржуазного национализма, питавшие, по определению американского историка международных отношений А. Лоуэнтала, «американскую гегемонистскую концепцию – веру этой страны в то обстоятельство, что все Западное полушарие предназначалось быть сферой влияния США» 167. Эта тенденция порождалась своеобразием исторического развития США в рассматриваемую эпоху. Быстрый рост капитализма в стране происходил в условиях активной колонизации Запада и широкого распространения на Юге рабовладельческо-плантационного хозяйства. Владельцы плантаций, чьи интересы в ту эпоху оказывали большое влияние на внешнюю политику США, требовали новых

---

164 [164] Bolivar S. – Vol. I. – P. 329

165 [165] The Hispanic American Historical Review. – Vol. I. – 1918. – Aug. – No 3. – P. 242

166 [166] Richardson J. D. (Ed.) Messages and Papers of the Presidents (1789- 1897). – Vol. I. – Wash., 1896. – P. 494

167 [167] Foreign Affairs. – Vol. 55. – 1976. – No I. – Oct. – P. 201

территорий.

Для «отцов-основателей» США было характерно представление о Соединенных Штатах как об избранной стране, путь которой направляется провидением. На этом основании, проповедуя изоляционистские идеи неучастия в делах Европы, они одновременно заявляли о своих претензиях на гегемонию в Западном полушарии. Так, Т. Джефферсон писал: «Мы должны рассматривать нашу конфедерацию как очаг, из которого люди будут расселяться во все части Южной и Северной Америки». По его мнению, США должны будут постепенно поглотить испанские колонии «одну за другой».

Постоянный соперник Джефферсона и идейный лидер федералистов Александр Гамильтон видел историческую миссию США в том, чтобы потеснить Европу и стать силовым центром мировой политики. «Пусть тринадцать штатов, соединенных в тесный и нерушимый союз, воздвигнут единую великую американскую систему, неподвластную контролю заокеанских сил и влияний, способную диктовать свои условия в отношениях Нового и Старого Света». Очевидно, что для осуществления этого необходимо расширять территорию США в южном направлении. «Мы непременно должны иметь в виду захват Флориды и Луизианы, а также присматриваться к Южной Америке»¹⁶⁸, – писал Гамильтон в своих памфлетах.

Эти идеи были развиты новым поколением американских государственных деятелей в первые десятилетия XIX века и стали конкретной внешнеполитической программой США. Государственный секретарь Дж. К. Адамс одним из первых обосновал идею «божественной предначертанности» гегемонии США в Западном полушарии. Это было сделано им на заседании американского правительства в ноябре 1819 года, где Адамс заявил, что «мир должен освоиться с мыслью считать весь континент Северной Америки в качестве нашего законного владения». Ему придется примириться с тем, что «в результате естественного процесса большая часть соседних с нами испанских владений уже стала нашей»¹⁶⁹. Таким же духом была проникнута и его известная речь, произнесенная 4 июля 1821 г. по случаю годовщины Декларации независимости США.

Конгрессмен Г. Клей заслужил лавры самого активного поборника теории «американской системы». «В наших силах создать систему, центром которой мы станем и в которой с нами будет вся Южная Америка»¹⁷⁰, – говорил он. Поэтому многие историки считают Клея первым глашатаем «панамериканизма»¹⁷¹.

Осуществить эти грандиозные замыслы было нелегко. В то время США уступали по мощи Англии да и другим европейским державам. Однако им удалось в 1795 году добиться от Испании уступки спорного района в Западной Флориде, а в 1803 году осуществить присоединение огромной Луизианы, купив ее у наполеоновской Франции, которой эта территория фактически уже не принадлежала.

Вскоре после начала войны за независимость в испанской Америке Соединенные Штаты заняли позицию «строгого нейтралитета», ссылаясь на то, что политику изоляционизма завещал американскому народу первый президент страны Вашингтон в «Прощальном обращении». Прокламация о нейтралитете в военном конфликте между Испанией и ее восставшими колониями была издана президентом Мэдисоном 1 сентября 1815 г. Вслед за этим Конгресс США дважды – 3 марта 1817 г. и 20 апреля 1818 г. –

---

¹⁶⁸ [168] Цит. по Печатное В. О. Гамильтон и Джефферсон. – М., 1984. – С. 203-259

¹⁶⁹ [169] Adams J. Q. Memoirs. – Vol. IV. – Wash., 1874, – P. 438-439

¹⁷⁰ [170] The Papers of Henry Clay. – Vol. 2. – Lexington (Kentucky), 1961. – P. 856

¹⁷¹ [171] См., например, Moore S. B. Henry Clay and Pan-Americanism//Columbia University Quarterly. – 1915. – Sept

принимал законы, ужесточавшие требования о соблюдении нейтралитета. В частности, американским гражданам запрещалось вступать добровольцами в вооруженные силы иностранных государств или колоний, а также снаряжать корабли, которые могли бы участвовать в военных действиях. Как признают американские историки, «эти меры, несомненно, преследовали цель воспрепятствовать лицам, искренне симпатизировавшим испано-американским патриотам, совершать какие-либо действия против Испании, нарушающие нейтралитет»¹⁷². Известно, что в иностранном легионе, в составе которого под знаменами Боливара сражались представители многих стран, из-за позиции, занятой правительством США, почти не было американских граждан.

Президент Дж. Монро в своем ежегодном послании Конгрессу США в 1817 году доказывал беспристрастность американской политики нейтралитета. «Наши порты, – уверял Монро, – остаются открытыми для обеих сторон, и товары нашего земледелия и промышленности могут поставяться как одной, так и другой стороне»¹⁷³. У испаноамериканских патриотов такой подход США вызывал негодование. Они не усматривали беспристрастности в позиции северного соседа и не могли понять, как может единственная в то время буржуазно-демократическая республика, родившаяся в антиколониальной борьбе, ставить на одну доску борцов за независимость и их угнетателей. С учетом неодинакового положения борющихся сторон американский «строгий нейтралитет» был фактически в интересах Испании. Испанцы могли по всей Европе закупать необходимые товары, оружие и боеприпасы. Для патриотов по многим причинам наиболее доступным являлся американский рынок. Власти же США налагали арест на любой груз полувоенного или военного характера, если отдельные частные американские фирмы адресовали подобные грузы патриотам в испанской Америке.

Проводя политику изоляционизма, правители США одновременно лелеяли грандиозные замыслы вытеснения европейского влияния в Новом Свете и вели крупную международную игру. Для этого им была нужна полная свобода рук. Не случайно Вашингтон решительно отклонял все предложения Лондона о проведении согласованной англоамериканской политики в отношении борющейся испанской Америки. Политика нейтралитета также была важной ставкой в этой крупной международной игре. Белый дом и государственный департамент были не столько принципиальными противниками независимости своих южных соседей, сколько жесткими прагматиками. Поэтому система запретов, связанная с политикой нейтралитета, напоминала скорее сеть с крупными ячейками, чем глухую стену. Испаноамериканские патриоты знали об этом и, когда могли, обходили выставленные кордоны. Время от времени специальным эмиссарам Боливара удавалось направлять на родину отдельные партии оружия и снаряжать корабли, которые потом в открытом море поднимали флаг корсаров. Однако правительственные каналы получения любой помощи, будь то финансовая, политическая или материальная, были для них напроцуж закрыты.

При этом нейтралитет и невовлеченность США в дела европейских государств не означали пассивного изоляционизма и отказа от применения силы для утверждения американского влияния. Прикрываясь нейтралитетом, США стремились извлечь максимальную выгоду для себя из грандиозной битвы, развернувшейся в испанской Америке. Правящие круги Соединенных Штатов хотели использовать как преимущества своего географического положения, так и выгоды момента, когда их европейские соперники погрузились в пучину наполеоновских войн. «Американцы рассматривают несчастья Европы в качестве благоприятного обстоятельства для выполнения своих замыслов»¹⁷⁴, – доносил

---

¹⁷² [172] The Hispanic American Historical Review. – Vol. 1. – 1818. – Aug. – No 3. – P. 244

¹⁷³ [173] Richardson J. D. (Ed.) Op. cit. – Vol. 2. – Wash., 1900. – P. 13

¹⁷⁴ [174] Сборник Русского исторического общества. – Т. 112. – СПб., 1901. – С. 60-61

царю в Петербург русский посол в Париже К. О. Поццо ди Борга.

В 1809-1811 годах Вашингтон дважды направлял своих агентов на Кубу, нащупывая пути к аннексии острова. Затем был нанесен удар по испанским владениям во Флориде. Мятеж американских переселенцев против испанской администрации в Батон-Руж в 1810 году дал президенту Мэдисону основание для оккупации территории Западной Флориды. Одновременно США предприняли попытку продвинуться в северном направлении, чтобы овладеть Канадой. Однако война с Англией в 1812- 1814 годах не принесла США успеха. После этого южное направление стало доминирующим в их политике. В 1812-1813 годах вооруженные отряды американских рабовладельцев вторглись на территорию Техаса, входившего в состав Мексики, но, потерпев поражение в сражении при Рио-Медине, были вынуждены отступить. Неудачными оказались и первые попытки захвата американскими войсками Восточной Флориды, предпринятые в 1812- 1813 годах. Однако это не – обескуражило правительство США, добивавшегося от Испании уступки всей Флориды.

Боливар, конечно, был информирован об этих событиях. Он постоянно следил за международной жизнью по английским и французским газетам, часто встречался и беседовал с иностранцами из различных стран. К нему стекались отчеты и доклады дипломатических представителей. Поток информации размывал юношеские представления об американской демократии. На смену им приходило трезвое понимание движущих сил политики США. Эволюция взглядов Боливера находила отражение даже в используемой им терминологии. «Наши северные братья» – так Освободитель часто называл США в первые годы после начала войны за независимость. Позднее на смену пришло официальное «Соединенные Штаты» или же «североамериканцы».

Став во главе освободительной борьбы, Боливар непосредственно соприкоснулся с американской дипломатией. Посланцам первой венесуэльской республики, направленным в США, не удалось получить существенную помощь или дипломатическое признание со стороны США. Венесуэльский эмиссар Ореа после нескольких встреч с государственным секретарем США Монро и президентом Мэдисоном докладывал в Каракас в мае 1811 года, что американское правительство «считает необходимым придерживаться нейтралитета, для того чтобы развивать торговлю со всеми воюющими сторонами»¹⁷⁵. Правда, в связи с землетрясением 1812 года Конгресс США принял решение послать жителям Каракаса продовольствие, но американская помощь прибыла с большим опозданием и большей частью попала в руки роялистов. После падения первой республики американо-венесуэльские контакты прервались. Монтеверде приказал консульскому агенту США Лоури, а также Скотту, прибывшему с кораблями, груженными пшеницей для каракасцев, в 48 часов покинуть территорию Венесуэлы.

Во время пребывания в Новой Гранаде Боливар предпринял шаги для возобновления отношений с северным соседом. По его инициативе президент республики Картахена Родригес Торисес в октябре 1812 года назначил выдающегося венесуэльского патриота М. Паласио-Фахардо дипломатическим представителем в США. Паласио-Фахардо был депутатом конгресса в 1811 году, и его подпись стояла под Декларацией независимости Венесуэлы.

До столицы США Паласио-Фахардо добрался в декабре 1812 года. Он приложил немало усилий, чтобы убедить американское правительство оказать помощь испаноамериканским патриотам, положение которых было отчаянным. Но и ему не удалось пробить стену равнодушия в Вашингтоне. Государственный секретарь Монро и президент Мэдисон остались глухими к его призывам и просьбам. Не помогла поддержка Педро Гуаля, венесуэльского патриота, который бежал в США от преследований и вместе с Паласио-Фахардо вел переговоры. Дело завершилось тем, что 29 декабря 1812 г. Монро

---

¹⁷⁵ [175] Цит. по Parra Perez C. Op. cit. – Vol. II. – P. 216

вручил им официальную ноту с изложением позиции США. «Соединенные Штаты, – говорилось в ноте, – находясь в мире с Испанией, не могут предпринять какого-либо шага, касающегося конфликта между различными частями испанской монархии, который мог бы скомпрометировать их нейтралитет. В то же самое время следует отметить, что, являясь жителями одного полушария, правительство и народ Соединенных Штатов проявляют живую заинтересованность в процветании и благополучии своих соседей в Южной Америке и будут с радостью воспринимать все содействующее их счастью» 176.

Таким образом, Вашингтон не скупился на пожелания процветания и счастья патриотам, отказывая им в оружии и боеприпасах.

Привлекает внимание еще одна деталь: государственный департамент не называл испаноамериканских патриотов «восставшей» или «воюющей стороной», как это допускается международным правом. Следом за Мадридом он именовал их «частью испанской монархии». Это означало только одно: борьба патриотов за независимость являлась всего лишь «семейной ссорой» в испанском доме, их внутренним делом, которое северного соседа никоим образом не касалось. Правители США поразительно быстро забыли, как еще недавно они сами были в положении испаноамериканских патриотов и как Франция и Испания признали их и оказали помощь.

Больше в США делать было нечего, и Паласио-Фахардо с паспортом на чужое имя отправился в Париж, поверив заверениям французского посланника в Вашингтоне Л. Б. Серюрье о сочувственном отношении Наполеона к борьбе испаноамериканских патриотов и возможности получить его поддержку. Однако миссия в Париж также закончилась крахом. Более того, Паласио-Фахардо оказался за решеткой по обвинению в сношениях с лицами, замешанными в антиправительственном заговоре. Незавидной была в то время участь дипломатов, представлявших борющиеся народы. Правда, гильотины удалось избежать. Французское правительство выдворило Паласио-Фахардо за пределы страны, и он перебрался в Англию. Там, находясь в изгнании, Паласио-Фахардо решил послужить своей стране пером. Он полагал, что страстный и правдивый рассказ о борьбе патриотов поможет торжеству их дела. Задуманная книга будет ударом по Фердинанду VII и его сатрапу Морильо. По приказу последнего, как стало известно Паласио-Фахардо, 26 октября 1816 г. был расстрелян его брат. В написании книги большую помощь оказал ему Андрес Бельо, находившийся в Англии.

В 1817 году в Лондоне книга Паласио-Фахардо «Очерк революции в испанской Америке» 177 увидела свет, в том же году она была напечатана в Нью-Йорке и Гамбурге, а затем в Париже. В ней автор поведал и о своих злоключениях в США. Так поневоле он стал первым историком освободительной борьбы народов континента. Боливар высоко оценил его труд.

В быстротечные дни второй венесуэльской республики Освободитель вновь пытался завязать отношения с Вашингтоном. В январе 1814 года он принял решение послать в США Хуана Торо. Но обстановка была настолько трудной, что тому не удалось выбраться за пределы Антильских островов.

Боливар установил также контакты с Педро Гуалем, находившимся по-прежнему в Вашингтоне. После того как другие дипломатические эмиссары восставших колоний по разным причинам покинули столицу США, Гуаль считал себя представителем всех борющихся народов испанской Америки, хотя и не имел на это формальных полномочий. Его стали называть «дипломатическим эмиссаром без родины». Но и Гуалю, несмотря на обширные связи в деловых и политических кругах США, не удавалось ничего сделать. Вашингтон все больше ужесточал свою позицию. Правительство США втягивалось в борьбу

---

176 [176] Manning W. R. (Ed.) Op. cit. – Vol. 1. – P. 16

177 [177] См. Palacios Fajardo M. Outline of the Revolution in Spanish America. – L., 1817

с Испанией за Флориду и не хотело отвлекаться на другие вопросы.

Таким образом, действительность показала несбыточность надежд на получение помощи со стороны северного соседа. Горькое прозрение многих руководителей и участников борьбы за независимость испанской Америки вызвало их резкую критику в адрес США, осуждение эгоизма и своекорыстия североамериканской буржуазной демократии, осознание растущей угрозы с Севера.

В 1815 году в «Письме с Ямайки» Боливар публично осудил невмешательство США: «Увы, надежды наши оказались тщетными! Не только европейцы, но даже наши северные братья остаются равнодушными созерцателями битвы, которая по сути своей является самой справедливой и по целям самой благородной и важной из всех тех, что происходили в древние и новые времена, ибо можно ли переоценить великую значимость свободы в полушарии Колумба?»¹⁷⁸. Придирчивый знаток истории, возможно, увидит преувеличение в словах о самой важной битве. Но понять Боливару можно: ведь он был пламенным патриотом, а речь шла о судьбах его любимой и многострадальной родины.

В последующие годы Освободитель стал называть внешнеполитическую стратегию северного соседа «политикой математически выверенных сделок»¹⁷⁹. Тем самым он подчеркивал сугубо прагматическую направленность этой политики, лишенной солидарных чувств с борцами за торжество свободы и национальной независимости. Заслуживают упоминания свидетельства английского посланника в Колумбии Патрика Кэмпбелла. Он сообщал в Лондон: «Холодность Боливару в отношении правительства и населения Северной Америки объясняется, судя по высказываниям последнего, тем, что они мало сделали для оказания помощи новым государствам в их борьбе за дело независимости и начинали действовать только тогда, когда для их собственных частных интересов открывались выгодные перспективы»¹⁸⁰.

Представления Боливару о США складывались не только на основе анализа их внешнеполитического курса. Много говорил ему конкретный опыт американо-венесуэльских взаимоотношений. Довольно скоро возникли конфликтные ситуации, и их урегулирование потребовало от Боливару немалого дипломатического искусства и выдержки.

Первое столкновение интересов произошло в связи с провозглашением так называемой независимой республики Флорида (остров Амелия).

В 1816-1817 годах группа испаноамериканских патриотов, находившихся в США, подготовила и осуществила вооруженную акцию по освобождению испанской колонии на острове Амелия, расположенном напротив северного побережья Флориды. Центральной фигурой этой группы был Педро Гуаль. В нее входили венесуэльцы Х. Р. Ревенга и Х. Г. Россио, новогранадец М. Торрес, мексиканец М. Сантамария и перуанец В. Пасос. Время было тяжелое. Почти повсеместно в испанской Америке торжествовала роялистская реакция. Находясь в изгнании, эта группа патриотов в середине 1816 года создала организацию, своего рода революционную хунту в эмиграции, разрабатывавшую планы освободительной экспедиции в целях возобновления борьбы против испанских колонизаторов. «Здесь мы делали кое-что на пользу Южной Америке, – сообщал в одном из своих писем Гуаль, – это является единственной и главной целью, объединяющей всех нас»¹⁸¹.

Революционная хунта в изгнании стала центром притяжения для многих участников

---

¹⁷⁸ [178] Боливар С. Указ. соч. – С. 53

¹⁷⁹ [179] Bolivar S. – Vol. I. – P. 429

¹⁸⁰ [180] Цит. по Para Perez C. La Monarquia en la Gran Colombia. – Madrid, 1957. – P. 317

¹⁸¹ [181] Цит. по Bierck Harold A. Jr. Vida publica de don Pedro Gual. – Caracas, 1947. – P. 143

освободительной борьбы, как испаноамериканцев, так и иностранцев. С ней установили связи испанец генерал Х. Мина, сражавшийся за независимость Мексики, французский корсар, герой обороны

Картахены Л. Ори, шотландец Г. Мак-Грегор, сражавшийся вместе с Боливаром в Венесуэле, и др.

Готовя на Гаити вторую освободительную экспедицию, Симон Боливар наладил контакт с Гуалем, сообщал ему о своих планах. Он считал Гуаля неофициальным представителем борющейся Венесуэлы и поручил ему готовить почву для развития взаимовыгодной американо-венесуэльской торговли и привлечения американских деловых людей в Венесуэлу. «Приложите усилия для распространения этих идей среди всех лояльных иностранцев»¹⁸², – писал Боливар из Порт-о-Пренса. Высадившись на венесуэльской земле, Освободитель 5 января 1817 г. назначил Педро Гуаля и генерала Лино де Клементе, находившегося также в Филадельфии, дипломатическими эмиссарами Венесуэлы в США. Согласно инструкциям, они уполномочивались заниматься всеми политическими и торговыми вопросами от имени республики Венесуэла¹⁸³. Действуя в этом качестве, им удалось закупить и направить в освобожденные районы Венесуэлы несколько тысяч ружей и боеприпасы. Кроме того, Клементе активно включился в подготовку освободительной экспедиции, задуманной группой Гуаля.

Гуаль использовал дружеские связи с директором патентного бюро в Вашингтоне Торнтоном, муниципальным администратором из Балтимора Скиннером и другими американцами, оказывавшими помощь патриотам в изгнании. Ему удалось собрать необходимые финансовые средства и организовать закупку оружия, амуниции и продовольствия в Нью-Йорке, Филадельфии и Балтиморе. Тем временем Клементе, Мак-Грегор, Россио и Пасос фрахтовали корабль и вербовали участников экспедиции. Решено было атаковать испанские владения во Флориде и овладеть островом Амелия, с тем чтобы превратить его в опорную базу для операций корсаров против испанских кораблей в Мексиканском заливе. Гуаль надеялся также, что удар по суверенитету Испании послужит активизации выступлений патриотов против колонизаторов в Мексике и Южной Америке¹⁸⁴. 31 марта 1817 г. Клементе в качестве представителя Венесуэлы, Гуаль от имени Новой Гранады и Мексики и М. Томпсон как доверенное лицо Буэнос-Айреса скрепили своими подписями специальный документ (в то время его называли патентом) на имя генерала Мак-Грегора. Ему поручалось осуществить захват испанских территорий Флориды¹⁸⁵.

Понимали ли Гуаль, Клементе и др., что их действия вряд ли были совместимы со статусом дипломатических представителей в иностранном государстве? Однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. Они не имели соответствующих полномочий от правительства Венесуэлы, однако их вдохновляли не меркантильные расчеты, а идеалы борьбы за независимость. К тому же как раз в марте 1817 года Клементе и Гуаль получили, наконец, письменные инструкции Боливара. При их широком толковании подобная инициатива не запрещалась. Да и эпоха тогда была такая, что отчаянно смелые и предприимчивые люди, даже нарушая некоторые предписания своих правительств и действуя на свой страх и риск, добивались успеха. У Гуаля, юриста по профессии, такие операции, наверное, вызывали опасения, но Клементе являлся боевым генералом и, как многие военные, исповедовал девиз Наполеона: нужно прежде всего ввязаться в бой, а там

---

¹⁸² [182] Bolivar S. – Vol. 1. – P. 219

¹⁸³ [183] См. Urrutia F. J. *Politica internacional de la Gran Colombia*. – Bogota, 1941. – P. 26, 74

¹⁸⁴ [184] См. Bierck Harold A. Jr. *Op. cit.* – P. 143

¹⁸⁵ [185] См. Rivas R. *Op. cit.* – P. 21

обстановка подскажет.

Можно найти и другие объяснения их поведения. Использование корсаров в военных действиях на морях (так называемое каперство) было широко распространенной практикой в конце XVIII – начале XIX века. Это были своего рода волонтеры-наемники, действовавшие на море. Корсары получали от властей страны документальное свидетельство (патент) на ведение боевых операций. В нем удостоверялось, что они не являются пиратами. Весь остальной риск ложился на их плечи. Корсары обычно закупали или фрахтовали в одной из невоюющих стран легкие быстроходные шхуны водоизмещением в 100- 200 т, на борту которых можно было разместить до 10 пушек. Команды таких шхун не превышали 100 человек. Выйдя в открытое море, они поднимали флаг страны, выдавшей патент, и начинали охоту за транспортными и торговыми судами противника. В случае удачи им доставалась богатая добыча. Иногда они отваживались атаковать и отдельные военные корабли противника, потрепанные бурей. Все это было хорошо известно Гуалю, Клементе и другим участникам экспедиции, которые прибегли к тактике корсаров.

В июне 1817 года корабль с отрядом в 150 человек под командованием шотландца Мак-Грегора взял курс на остров Амелия. Рассеяв немногочисленный испанский гарнизон, им удалось занять Фернандину, главный населенный пункт острова. После этого было провозглашено создание независимой республики Флорида. В августе 1817 года в порт Фернандину прибыл французский корсар Луи Ори, взявший на себя военное командование. Гуаля назначили гражданским губернатором острова. Вскоре Амелия стала играть роль активного центра торговых операций патриотов и опорного пункта корсаров, охотившихся за испанскими кораблями в Мексиканском заливе. При этом обстановка в независимой республике Флорида, судя по некоторым свидетельствам, напоминала нравы казачьей вольницы на Руси – легендарной Запорожской Сечи.

Дерзкая операция патриотов вызвала острую негативную реакцию в Вашингтоне, где завершались приготовления к захвату Восточной Флориды. Президент США Монро в ежегодном послании Конгрессу заявил 2 декабря 1817 г. о том, что Амелия превратилась в пристанище пиратов, контрабандистов, преступников и беглых рабов-негров. На этом основании американское правительство решило принять меры для защиты своих интересов. Хотя остров не принадлежал США, на Амелию была направлена американская военная экспедиция. Командор Хенли и майор Бэнкхед предъявили патриотам ультиматум. Они потребовали безоговорочной капитуляции, обещая им в этом случае свободу отъезда. В своем ответе Ори и Гуаль справедливо указали на противоправные действия США, так как остров Амелия «никогда не составлял части территории Соединенных Штатов». Что же касается патриотов, то, овладев Амелией, они «полностью унаследовали все права, принадлежавшие их противнику» (Испании). Ультиматум, говорилось в ответе патриотов, «является недопустимым и неоправданным в глазах всего мира, и если мы вынуждены подчиниться ему, то вся вина ложится на вас» 186.

Используя превосходство в военной силе, войска США 23 декабря 1817 г. овладели Фернандиной и установили свой контроль над островом Амелия. В их руки попали все корабли патриотов.

Более крупные соединения армии США в это же время начали наступление в Восточной Флориде. Под предлогом борьбы с пиратами и индейцами-семинолами, якобы получавшими помощь с испанских территорий, американские войска в течение трех месяцев заняли всю Восточную Флориду, население которой, по словам президента США Монро, состояло из «авантюристов», «беглых рабов» и «свирепых индейцев». Правительство США в июле 1818 года официально одобрило действия командующего американскими войсками генерала Э. Джексона (президент США в 1829-1833 гг.). Свое решение оно сопроводило заявлением о том, что США не преследуют каких-либо захватнических целей и готовы

---

186 [186] Цит. по Bierck Harold A. Jr. Op. cit. – P. 155

возвратить оккупированные территории Флориды, как только Испания окажется в силах поддерживать там «порядок и спокойствие». На самом деле США торопились осуществить захват этих территорий раньше, чем там утвердится власть испаноамериканских патриотов.

В Вашингтоне рассчитывали, что операция на острове Амелия не наделает шума. Однако Гуаль и Клементе решили протестовать. Они надеялись привлечь внимание международной общественности и демократических кругов в США к незаконной, насильственной акции американского правительства. По просьбе Гуаля Клементе поручил Пасосу подготовить и представить от имени Венесуэлы официальный протест против действий правительства США. В письме, адресованном Пасосу, Клементе с солдатской прямоотой не стеснялся в выражениях по адресу администрации Монро, что позднее стало известно американскому правительству и предопределило его враждебное отношение к дипломатическому эмиссару Венесуэлы. Свою пространную ноту протеста, направленную государственному департаменту США, Пасос подписал: «Уполномоченный независимого правительства Южной Америки в Соединенных Штатах». Показав несостоятельность аргументов Вашингтона, Пасос потребовал от американского правительства денежной компенсации ¹⁸⁷. Выдержки из ноты Пасоса напечатали «Вашингтон сити газет». Протест патриотов поддержала сочувствующая им газета «Нэшнл интеллидженсер». Таким образом, вопрос об Амелии получил огласку, и правительству США пришлось давать объяснения.

Государственный секретарь США Адамс ограничился заявлением, что меры, принятые администрацией в отношении острова Амелия, изменены не будут ¹⁸⁸. Этот ответ не удовлетворил патриотов, и Пасос апеллировал к Конгрессу США. В палате депутатов развернулись бурные дебаты. Так называемая «военная партия» поддерживала все действия правительства США по захвату Флориды, а оппозиционные депутаты добивались изменения политики в отношении восставших колоний в испанской Америке. Конгресс США принял решение опубликовать ноту Пасоса в своих изданиях. Президенту Монро пришлось в ряде посланий оправдывать действия администрации. Однако надежды Гуаля и Клементе на то, что веские юридические аргументы и давление американской общественности заставят правительство США отозвать американские войска с острова Амелия, не оправдались. Зато их упорная борьба принесла другие плоды: в Конгрессе США и за его пределами зазвучали голоса в пользу дипломатического признания молодых государств, провозгласивших свою независимость от Испании.

Боливар занял сдержанно-осторожную позицию в этом вопросе. В беседе с дипломатическим эмиссаром США в июле 1818 года он уклонился от категорических заявлений по поводу позиции Венесуэлы, сославшись на отсутствие у ее правительства достоверной информации о конфликтной ситуации, связанной с Амелией. Хотя Клементе старался регулярно направлять отчеты о своей деятельности в Ангостуру, они, видимо, редко прибывали по назначению в условиях активных военных действий на море и на суше. В своем сообщении от 19 мая 1818 г. Клементе выражал сожаление, что не смог с надежной оказией переслать всю документацию, касающуюся флоридских дел, и просил Боливара до прибытия этих материалов «не принимать каких-либо решений, так как вопрос деликатный» ¹⁸⁹. Не зная сути дела, правительство Венесуэлы, естественно, не могло разрешать или запрещать экспедицию Мак-Грегора или другие акции на Амелии и во Флориде.

Кроме того, было еще одно обстоятельство, влиявшее на линию поведения Боливара и его дипломатов в это время. Появились надежды, что схватка за Флориду приведет в конце концов к войне между США и Испанией, а это означало бы изменение всей международной

---

¹⁸⁷ [187] См. Rivas R. Op. cit. – P. 21-22

¹⁸⁸ [188] См. Urrutia F. Op. cit. – P. 113-114

¹⁸⁹ [189] Ibid. – P. 122

обстановки в Западном полушарии. В июле 1818 года Боливар писал из Ангостуры генералу Арисменди: «Уже появились возможности войны между Соединенными Штатами и Испанией. Такой ход событий в высшей степени благоприятен. Необходимым следствием данной войны и политико-торговых интересов Северной Америки является признание нашей независимости». Через месяц, 20 августа 1818 г., Освободитель возвращается к этому вопросу в письме к полковнику Х. Брисеньо. «День Америки наступил, – с присущим ему пафосом восклицает Боливар, – и все, кажется, говорит о скором окончании нашей героической и ужасной борьбы. Вступление Соединенных Штатов в войну уже не вызывает сомнений. Американский генерал Джексон взял штурмом крепость Пенсакола, и вся Восточная и Западная Флорида находятся во власти американцев»¹⁹⁰.

Однако надеждам Боливара не суждено было сбыться.

Испания уступила Соединенным Штатам Флориду без сопротивления.

В феврале 1819 года состоялось подписание американо-испанского Договора о дружбе, урегулировании и границах. Мадриду пришлось согласиться с передачей Соединенным Штатам всей Флориды в обмен на утешительную компенсацию в виде признания испанских прав на спорную территорию в Северной Калифорнии. Позднее возник миф о том, что США купили Флориду у Испании за 5 млн. долл. Однако, согласно договору 1819 года, который устанавливал границу между испанскими и североамериканскими владениями вплоть до берегов Тихого океана, правительство США взяло на себя обязательство уплатить 5 млн. долл., но не Испании и не в качестве компенсации за уступку Флориды, а своим собственным гражданам для возмещения ущерба, причиненного им Испанией¹⁹¹.

Что же касается оценки деятельности своих дипломатических эмиссаров в США, то Боливар не усмотрел в их поведении каких-либо моментов, заслуживающих осуждения. В декабре 1817 года, то есть накануне оккупации острова Амелия американскими войсками, он официально подтвердил полномочия Гуаля и Клементе представлять интересы Венесуэлы в США¹⁹². Более того, в связи с военными победами патриотов над испанцами в 1818 году, приближавшими день восстановления республики, Боливар решил повысить уровень венесуэльского дипломатического представительства в США. Подбирая кандидата для направления в Вашингтон в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра Венесуэлы, Освободитель вновь остановил свой выбор на генерале Лино де Клементе. Назначение, состоявшееся в июле 1818 года, нельзя считать капризом Боливара или непродуманным шагом. Подробные инструкции, разработанные для чрезвычайного посланника и полномочного министра, говорят о серьезной подготовке правительством Венесуэлы этой дипломатической миссии¹⁹³. Повторное назначение Клементе явилось, видимо, выражением в своеобразной форме протеста Венесуэлы против действий США во Флориде. Именно так это восприняли и в Вашингтоне.

Когда Клементе вновь появился в столице США и запросил аудиенцию для вручения своих верительных грамот, подписанных Боливаром и министром иностранных дел Брисеньо-Мендесом, правительство США фактически объявило венесуэльского дипломата персоной нон грата,

В доме, где остановился Клементе, появился чиновник американского внешнеполитического ведомства и задал ему вопрос: является ли он тем самым Клементе,

---

¹⁹⁰ [190] Bolivar S. – Vol. 1. – P. 311, 327

¹⁹¹ [191] См. American State Papers. Foreign Relations (1789-1828).- Vol. IV. – Wash., 1852. – P. 623-625

¹⁹² [192] См. O'Leary D. Op. cit. – Vol. 15. – P. 537

¹⁹³ [193] Текст инструкций см. Mier J. M. de. Op. cit. – Vol. 6. – P. 1922-1925. 52 См. Manning W. R. (Ed.) Op. cit. – P. 82. 63 Bolivar S. – Vol. 1. – P. 303

который разрешил снаряжение военной экспедиции на остров Амелия, участвовал в создании там «пиратской республики», а затем назвал преступным решение президента США направить на Амелию американские войска? Получив утвердительный ответ, чиновник заявил: в таком случае государственный секретарь Адамс не сможет иметь какие-либо дела с мистером Клементе ¹⁹⁴. Клементе пришлось выехать из США, не получив даже возможности вручить личное послание Боливару президенту Монро.

Второй конфликтный узел в отношениях между Венесуэлой и США завязался в это время вокруг так называемого дела о «Тигре» и «Свободе». Речь шла о двух торговых кораблях, принадлежавших североамериканским коммерсантам Пибоди, Такеру и Коултеру. В погоне за барышами они пытались, игнорируя объявленную Боливаром блокаду побережья Венесуэлы, тайно доставить на шхунах «Тигр» и «Свобода» оружие и амуницию испанским отрядам, противостоявшим патриотам в Гвиане. Эскадра адмирала Бриона перехватила нарушителей. Корабли были арестованы, а весь их груз конфискован как контрабанда.

В середине 1818 года в Ангостуру пришло известие из Вашингтона, породившее радужные ожидания среди патриотов. После пятилетнего перерыва Белый дом решил направить своего дипломатического эмиссара во временную столицу борцов за независимость Венесуэлы. Патриоты надеялись, что его приезд ослабит напряженность в американо-венесуэльских отношениях и сдвинет с мертвой точки дело дипломатического признания Венесуэлы правительством США. Боливар писал своему боевому соратнику генералу Х. Т. Монагасу: «...к нам должен пожаловать посол Соединенных Штатов, который приезжает для обсуждения вопроса о признании нашей независимости».

Велико же было разочарование патриотов, когда они узнали о действительных целях миссии Бэптиса Ирвина, прибывшего в Ангостуру 12 июля 1818 г. Посланец США не имел полномочий для ведения серьезных политических переговоров. Ему была поручена одна задача – потребовать немедленного возвращения конфискованной американской собственности и выплаты компенсации за ущерб, нанесенный нейтральной стороне «незаконными» действиями Венесуэлы, а также представить Боливару в благоприятном свете действия Вашингтона в отношении острова Амелия и во Флориде.

Ирвин слыл в США сторонником испаноамериканских патриотов и, будучи журналистом, выступал в прессе со статьями в их защиту. Однако в Венесуэле он повел себя совсем иначе. Встретившись с отказом Боливару лично принять его, Ирвин начал бомбардировать руководителя борющейся Венесуэлы нотами, составленными в резких, порой даже оскорбительных выражениях. Боливар решительно и с большим достоинством дал отпор попыткам разговаривать с Венесуэлой языком имперского диктата. «Похоже, – писал он в ответе Ирвину, – что Ваше Превосходительство хочет спровоцировать меня на взаимный обмен оскорблениями. Я не встану на такой путь. Но я буду протестовать и не позволю, чтобы права Венесуэлы третировались, а ее правительство унижалось... Когда Венесуэлу подвергают оскорблениям, она готова сражаться со всем миром так же, как она сражается с Испанией» ¹⁹⁵. Боливар даже намеревался объявить Ирвина персоной нон грата и выслать его из Венесуэлы, но затем решил не доводить дело до разрыва.

Незначительный поначалу инцидент вырос в конфликтную проблему в результате действий дипломатии США, вставшей на путь оказания силового давления на Венесуэлу. Боливар понимал, что принятие требований Соединенных Штатов означало бы создание опасного прецедента, который мог повлечь за собой нескончаемую цепь претензий к Венесуэле со стороны не только США, но и других иностранных государств.

---

¹⁹⁴ [194] См. Bolivar S. *Aquel hombre solar*. – La Habana, 1982. – P. 13-14; Manning W. R. (Ed.) *Op. cit.* – P. 55-58

¹⁹⁵ [195] Полностью переписка между Боливаром и Ирвином впервые была опубликована в связи со 150-летием со дня рождения Боливару (см. *Boletín de la Academia Nacional de la Historia (Caracas)*. – Vol. XVI. – N 62. – Abril – Julio. – P. 190-215)

Обмен нотами и письмами между Ирвином и Боливаром продолжался с июля по октябрь 1818 года. Освободителю приходилось, готовясь к новой военной кампании, урывать время для затянувшегося спора с дипломатическим эмиссаром США.

Боливар уделил большое внимание международно-правовому обоснованию действий Венесуэлы, продемонстрировав широкую эрудицию и убедительную логику. В частности, он умело использовал памфлет американца Коббетта, посвященный закону о нейтралитете. Ирвин апеллировал к принципу нейтральной торговли «свободное судно – свободный груз». Этот принцип обеспечивал неприкосновенность любых товаров на борту нейтральных судов и их право беспрепятственно доставлять эти товары в порты воюющих государств. Правительство США в эпоху наполеоновских войн стремилось внедрить этот принцип в международные отношения, хотя и без особого успеха. В частности, Англия рассматривала вражеские грузы на нейтральных судах как контрабанду и без колебаний захватывала их вместе с кораблями.

В ходе обмена письмами с Ирвином Боливар аргументированно доказал, что международно-правовые гарантии в любом случае не распространялись на североамериканские торговые корабли, поскольку они нарушили статус нейтральных судов. «С первых дней января 1817 года и вплоть до августа того же года, – указывал Боливар, – крепости Гайана и Ангостура подвергались осаде. В это время шхуны «Тигр» и «Свобода» пытались доставить оружие и боеприпасы осажденным. В силу этого они перестали быть нейтралами и превратились в участников военных действий. Мы же получили право осуществить их захват любыми средствами, находящимися в нашем распоряжении. В первые дни января была объявлена блокада реки Ориноко, и с этого момента мы начали осуществлять эту блокаду всеми путями, имевшимися у правительства». Из данного конкретного случая Боливар делал выводы общетеоретического характера: «Не являются нейтралами те, кто поставляет оружие и товары военного назначения в осажденные крепости, подвергающиеся законной блокаде».

Хотя обстановка диктовала ему быть сдержанным и осторожным, Освободитель открыто осудил помощь США испанским колонизаторам и решительно отклонил их требования как необоснованные. 6 августа 1818 г. он писал Ирвину: «Оказание военной помощи воюющей державе представляет собой явно враждебную акцию по отношению к ее противнику. Этот очевидный факт подтверждается всем поведением самих США. Именно Соединенные Штаты не разрешают, чтобы предоставлялось оружие борцам за независимость в испанской Америке. Именно в Соединенных Штатах задержали, подвергнув аресту, английских офицеров-добровольцев, направлявшихся в Венесуэлу. Именно в Соединенных Штатах конфисковывались оружие и боеприпасы, которые могли бы быть доставлены в Венесуэлу». Вместе с тем Боливар, понимая всю важность добрососедских отношений с США, демонстрировал добрую волю Венесуэлы и ее стремление к урегулированию конфликта на разумных основаниях. Хотя право было на его стороне, он заявил о готовности вернуть конфискованную собственность владельцам при условии признания американской стороной законности действий венесуэльского правительства или же передать спор на третейское разбирательство. Поскольку Ирвин не принял этих предложений, Боливар считал инцидент исчерпанным. Однако иного мнения придерживался Вашингтон.

Вернувшись домой ни с чем, Ирвин продолжал выступать против Венесуэлы и Боливара. Государственный секретарь Адамс в своих мемуарах назвал его «фанатичным приверженцем свободы всего человечества, честным малым, хотя и со склонностью к агрессивному поведению»¹⁹⁶. «Приверженец свободы» и «честный малый» в публичных выступлениях крайне недоброжелательно высказывался о Боливаре, называя его

---

¹⁹⁶ [196] Цит. по Simon Bolivar and Neutral Rights. Documents//The Hispanic American Historical Review. – Vol. XXI. – 1941. – No 2. – P. 258

«генералом-шарлатаном» и «бессовестным политиканом»¹⁹⁷. В таком же духе был написан его отчет о пребывании в Венесуэле, представленный правительству США.

Реакция Вашингтона не заставила себя ждать. 26 июля 1819 г. на рейде Ангостуры появился американский военный корабль с командором Оливером Перри на борту в роли нового дипломатического посланца США. Инструкции ему собственноручно написал государственный секретарь Адамс. Известный испанский историк С. Мадариага в своей книге о Боливаре предал гласности два неопубликованных ранее дипломатических донесения. Из них можно заключить, что Перри поручалось не только решительно потребовать «сатисфакции», но и прощупать почву относительно возможности получения США какого-либо опорного пункта в этом районе. Предположительно имелся в виду остров Маргарита¹⁹⁸.

Вице-президент Венесуэлы Сеа в отсутствие Боливара, руководившего военной кампанией по освобождению Новой Гранады, не выдержал американского давления и согласился полностью выплатить требуемую компенсацию. Боливар усмотрел в капитуляции вице-президента унижительное признание слабости Венесуэлы. Как политик-реалист, он мирился с неизбежным, но его душа патриота скорбела и негодовала. Полгода спустя он писал с горечью: «В течение десяти лет невообразимых усилий и борьбы, в течение десятилетия страданий, почти превосходящих человеческие силы, наши братья на Севере спокойно наблюдают, как нас уничтожают»¹⁹⁹.

Какие бы бури справедливого возмущения ни бушевали в душе Боливара, он был реалистом и понимал, что Венесуэле необходимо пробить брешь в стене непризнания. По трезвому размышлению, добиться этого можно было скорее на республиканском Севере, чем в монархической Европе. Поэтому следовало терпеливо налаживать отношения с правительством США и настойчиво работать в нужном направлении. Видимо, такие соображения определили решение Боливара назначить в августе 1819 года преемником генерала Клементе на посту дипломатического представителя Венесуэлы в Вашингтоне престарелого испанского аристократа Мануэля Торреса, жившего в США уже более четверти века.

Много лет назад Торрес служил в колониальной администрации в Новой Гранаде, но попал под подозрение из-за своих демократических убеждений и бежал в США. Он прекрасно знал политическую «кухню» Вашингтона, имел влиятельных друзей в различных слоях американского общества и после 1810 года неоднократно оказывал испаноамериканским патриотам ценные услуги. В частности, Торрес опубликовал в США две книги, в которых он информировал американцев о событиях в испанской Америке и убеждал их в необходимости признать независимость борющихся колоний. Несмотря на преклонный возраст и одолевавшие его болезни, Торрес принял предложение Боливара представлять интересы Венесуэлы в Вашингтоне.

Новый эмиссар Венесуэлы умел терпеливо искать подходы к государственному департаменту и Белому дому. Торресу первому из дипломатических представителей испанской Америки удалось добиться официального признания своего статуса правительством США. Он успешно вел переговоры о закупке 30 тыс. ружей и о получении займа для финансирования этой сделки. Но по главному вопросу – о дипломатическом признании государственный секретарь Адаме и президент Монро по-прежнему хранили молчание.

---

¹⁹⁷ [197] См. Garcia Arrieche G. Op. cit. – P. 118-119

¹⁹⁸ [198] См. Madariaga S. Bolivar. – Vol. 11. – Madrid, 1979. – P. 41-42; Calderas F. Op. cit. – P. 61

¹⁹⁹ [199] Bolivar S. – Vol. 1. – P. 406

ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ ВЕЛИКАЯ КОЛУМБИЯ

Решения конгресса в Ангостуре в 1819 году, по существу, носили декларативный характер и представляли собой программу действий на будущее. Значительная часть территории Колумбии все еще находилась во власти испанских колонизаторов.

Вскоре армия патриотов перешла в наступление. На этом этапе со всей полнотой проявился талант Боливара как политического руководителя антиколониального движения и полководца армий нового типа, созданных народом и опиравшихся на его поддержку. Не будучи профессиональным военным, Боливар овладевал сложной наукой побеждать на полях сражений. Его стратегия была проникнута наступательным духом, стремлением сохранять инициативу, наносить противнику неожиданные удары в невыгодных для него условиях, последовательно развивать достигнутый успех.

Воодушевляемые примером своего полководца, офицеры и солдаты освободительной армии проявляли чудеса военного искусства, смелости и героизма. Они стремительным марш-броском преодолели труднодоступные льянос, дважды совершили труднейшие переходы через заснеженные хребты Анд, нанесли сокрушительные поражения войскам генерала Морильо на реке Бояка и в долине Кара-бобо, освободили сначала Боготу, а позднее Каракас. Каждая одержанная победа преумножала силы патриотов и славу их полководца. Население Боготы восторженно приветствовало героическую армию патриотов и торжественно провозгласило Боливара «Освободителем» Новой Гранады. Собравшаяся в этом городе ассамблея Новой Гранады утвердила решения конгресса в Ангостуре.

Таким образом, в ходе войны за независимость в этом регионе испанской Америки произошел решающий перелом. Десятилетие вооруженной борьбы преобразило сознание людей, и мистический страх перед сувереном и силой испанского оружия сменился уверенностью в превосходстве национальной военной силы. Декреты Боливара о социальных реформах начали, наконец, приносить плоды. Народные массы поддерживали армию патриотов, вливались в ее ряды, восполняли потери, питали ее жизненными силами. Эти перемены уловил генерал Морильо. Он докладывал в Мадрид: «Уже больше не существует той Венесуэлы, которой не хватало сил, необходимых для поддержания своей территориальной целостности»²⁰⁰.

Победы способствовали новому самосознанию армии и населения. История Венесуэлы и Новой Гранады стала восприниматься ими не как цепь непрерывных страданий и унижений раба-негра и индейца-крестьянина, а как история национальной славы, возрождения былого величия американских народов. Если на начальном этапе борьбы за независимость еще действовали старые представления и колониальные нормы мышления, то теперь национальные и общечеловеческие ценности – свобода, равноправие, человеческое достоинство – стали основой нового миропонимания. Это в значительной мере определило не только военную, но и политическую победу патриотов во главе с Боливаром. Логика событий выдвинула его на авансцену освободительной борьбы, наполнила реальным содержанием ранее имевший только символическое значение титул Боливара, присвоенный ему группой соратников на Гаити: «Верховный руководитель республики, генерал-капитан армий Венесуэлы и Новой Гранады». Именно этим титулом он подписывал издаваемые декреты, прокламации, обращения к народу. К середине 1821 года почти вся территория республики Колумбия была освобождена от испанских войск. В их руках оставались лишь несколько крепостей и часть территории аудиенсии Кито. Ликвидация этих последних очагов колониального господства являлась делом времени.

Республика Колумбия, провозглашенная в Ангостуре, стала политической реальностью. Но это не означало завершения борьбы. Только окончательное изгнание

---

200 [200] Цит. по Rivas Vicuna F. Las guerras de Bolivar. – Vol. 11. – Bogota, – P. 248

испанцев с территории всей Южной Америки гарантировало независимость ее народов. Решение этой задачи требовало консолидации освободительных сил, новых подходов к вопросам государственного устройства. 6 мая 1821 г. в городе Кукуте на границе Венесуэлы и Новой Гранады под председательством старейшины новогранадских патриотов А. Нариньо, вернувшегося после многолетнего заключения в испанской тюрьме, начал свои заседания Учредительный конгресс Колумбии. Боливар и его сторонники добивались создания сильного централизованного государства. Им противостояли федералисты, отражавшие интересы крупных землевладельцев, стремившихся сохранить в неприкосновенности свое влияние на местах и привилегии. В конечном счете после острой борьбы дело закончилось вынужденным компромиссом по ряду вопросов, что отразилось в Основном законе, утвержденном 30 августа 1821 г.

Принятая Конституция провозгласила полную и безусловную независимость страны от Испании и установила на основе принципов унитаризма строгую централизацию власти. Территория республики делилась на департаменты, которые подразделялись на провинции, а последние – на кантоны. Вся полнота законодательной власти вручалась двухпалатному конгрессу, а исполнительной – президенту. Судебная система была независимой и осуществляла контрольные функции. Государственный совет при президенте в составе вице-президента, одного члена Верховного суда и пяти министров выполнял функции правительства.

Статьи Конституции, декларировавшие основные буржуазные свободы и гражданские права, несли на себе печать компромисса между радикальным крылом сторонников независимости и консервативными силами. Провозглашенное равноправие всех граждан на деле не обеспечивалось. Вводилась система многоступенчатых выборов, устанавливались образовательный и имущественный цензы и другие ограничения. По словам Умберто Техеры, «мантуанцы изобрели нужную им правовую формулу для того, чтобы посмеяться над Монтескье, Петионом и Боливаром. Юридически рабы получали освобождение, но они продолжали оставаться в цепях до того момента, когда правительство Колумбии изыщет средства для выплаты компенсации их хозяевам»²⁰¹. Таких средств у правительства, конечно, не было.

Конституция 1821 года утвердила официальное название нового государства – «Республика Колумбия». В ее состав вошли территории современных Венесуэлы, Колумбии, Панамы и Эквадора. Их общая площадь составляла 2,4 млн. кв. км, а население – 3,5 млн. человек. Для того времени это было крупное государство, и скоро в политической жизни за ним утвердилось название «Великая Колумбия». Президентом Колумбии Учредительный конгресс избрал Боливару, а вице-президентом – наиболее известного участника освободительной войны в Новой Гранаде Франсиско де Паула Сантандера.

Конгресс в Кукуте подвел итог многолетней борьбы народов северной части Южноамериканского континента за национальное освобождение. Это был также важнейший рубеж в жизни и деятельности Боливара. В предшествующий период он опирался главным образом на свой морально-политический авторитет, завоеванный в сражениях. Теперь же Освободитель стал законно избранным президентом крупного независимого государства, облеченным широкими полномочиями. Его авторитет во внешнем мире и его возможности влиять на ход событий неизмеримо возросли.

Каким был облик этого государственного деятеля? Как опыт пройденного пути обогатил и огранил его природные дарования и таланты? Какие неповторимые черты личности Боливара выдвинули его в общепризнанные лидеры? Вопросы эти отнюдь не праздные. В извечном споре, кто кого находит – история личность или личность историю, нет однозначного ответа.

Боливару довелось жить в один из переломных моментов человеческой истории, в

---

²⁰¹ [201] Цит. по Verna P. Op. cit. – P. 240

эпоху великих революционных потрясений и перемен. Именно революционные процессы обновления мира выдвигают на авансцену истории прирожденных лидеров, формируют подлинных руководителей народных масс, которые вовлекаются в социальное творчество.

Однако движение вперед по пути прогресса, к выстрадавшему народными массами идеалу не происходит по прямой и не исключает альтернатив. Многовариантность истории состоит в том, что в ней заложены разные возможности, и именно здесь завязывается сложная диалектическая взаимосвязь между личностью и объективным ходом истории, качества лидеров, их политический и нравственный облик, личные интересы и притязания начинают играть немаловажную роль.

Не только каждая эпоха формирует своих лидеров. В конкретные периоды огромный отпечаток на процесс перемен накладывает и крупная историческая личность. Политический деятель, особенно руководитель страны, не только выступает как орудие истории, но и творчески воздействует на исторические события и судьбы народов. Боливар принадлежал к числу таких деятелей. «Лидерам англо-американской и французской революций надо было думать, как руководить народами, а здесь народы надо было создавать»²⁰², – говорил учитель Боливара Симон Родригес.

Боливар ясно видел справедливый характер освободительной войны и стремился к тому, чтобы борьба против испанского ига приняла всенародный характер. «Солдаты! – говорил Боливар. – Пусть же ваши ружья несут не только штыки, но и законы свободы, и вы будете непобедимы!»²⁰³

Во имя достижения победы и мобилизации народных сил он широко использовал политические и социально-экономические факторы. Им были изданы декреты о конфискации собственности у сторонников испанской короны и распределении ее между солдатами и офицерами освободительной армии, об отмене подушного налога с индейцев и передаче в их личную собственность общинных земель, о защите гражданских прав индейцев и др. Под знамена Освободителя стекались городские низы, крестьяне, пастухи, бывшие рабы. В освободительной армии царил дух интернационального сотрудничества. Плечом к плечу сражались креолы, мулаты, метисы, индейцы, негры и несколько тысяч добровольцев из многих стран мира. На труднейшем этапе национального формирования Боливар возглавил свой народ и привел его к победе. Он отчетливо осознавал источник своей силы. «Моя вера в народ в десять тысяч раз сильнее доверия к его депутатам, – говорил Боливар. – Суверенная воля народа является единственной законной основой государственной власти»²⁰⁴. При этом он не идеализировал народные массы и не раз с горечью говорил об их забитости, пассивности, безрассудной вере, способности поддаваться влиянию демагогов.

Свой успех Боливар разделял с плеядой выдающихся полководцев, партизанских вожakov, государственных деятелей, дипломатов. Этих людей замечательного ума, таланта и преданности идеалам свободы, выдвинутых восставшим народом, объединил вокруг Боливара общий путь к высокой цели. Сукре, Сантандер, Паэс, Арисменди, Сеа, Брисеньо-Мендес, Гуаль – каждый из этих сподвижников и соратников Боливара был по-своему талантлив, в чем-то равен ему, а возможно, и превосходил его. Выделяли же Освободителя из этой когорты выдающихся деятелей многогранность его натуры, способность связывать вопросы экономики, военных операций, государственного строительства и международной деятельности в единую стратегическую программу достижения независимости. Он был способен мысленным взором охватить весь континент и

---

202 [202] Цит. по Latinoamerica. Cuadernos de cultura latinoamericana, 36. – Mexico, 1979. – P. 9

203 [203] Bolivar S. – Vol. 111. – P. 735

204 [204] Ibid. – Vol. II. – P. 482, 1229

даже весь мир. Только человек, поглощенный титаническими задачами борьбы за независимость, мог написать такое сочинение, как «Мое видение на вершине Чимборасо» (1822 г.) – философскую поэму в прозе, выражающую космическое видение прошлого и грядущего, поэму о своеобразии, самобытности и исторической роли «нашей Америки», как любил выражаться Боливар, в масштабах «всей Вселенной» и своей собственной миссии в обретении ею свободы.

В начале 20-х годов XIX в. имя Боливара стало известно не только во всей испанской Америке, но и далеко за ее пределами. В США и Европе политики, публицисты, историки часто сравнивали Боливара как полководца с Наполеоном, а как государственного деятеля – с Вашингтоном. Его слава притягивала как магнит, и сотни людей стремились с ним встретиться, узнать его суждения и взгляды. В оставленных ими мемуарах запечатлен облик живого Боливара.

Президентом Великой Колумбии Боливар стал, когда ему исполнилось 38 лет и он находился в расцвете творческих сил. Однако его путь к вершинам власти и славы был тернистым. Превратности судьбы не обошли его стороной. В бурное десятилетие, оставшееся позади, Боливар многое познал: взлеты и падения, испытания жестокостью и смертельным риском, потерю близких людей и соратников, торжество побед и горечь поражений, верную дружбу и предательство, зависть, вражду. Все это оставило свой след: по свидетельству многих, он выглядел старше своего возраста. Но Боливар неистово верил в справедливый характер своей миссии, и это помогало ему преодолевать все невзгоды и трудности.

Внешний облик Освободителя контрастировал с теми грандиозными задачами, которые ему выпало решать: ниже среднего роста, тонкая, на первый взгляд хрупкая фигура, несколько непропорционально большая голова и изящные руки и ноги. Лицо слегка вытянутое, овальной формы. Высокий лоб и глубоко посаженные глаза. Щеки обрамляли густые бакенбарды.

Однако внешность его была обманчива. Боливар отличался огромной энергией, обладал поразительной работоспособностью. Он мог выдерживать кажущиеся непосильными физические нагрузки. В труднейших переходах через венесуэльские льянос и заснеженные вершины Анд Освободитель своим примером вдохновлял солдат и офицеров. Он шел вместе с войсками как рядовой боец, нес свое оружие и боеприпасы. Неделями и месяцами он мог находиться в седле и верхом был способен за день преодолеть расстояние, вызывавшее удивление даже бывалых кавалеристов. Но так же легко Боливар мог после многодневного похода или полных забот мирных дней провести всю ночь на балу, без усталости кружась в вихре танца. Как многим выдающимся людям, ему хватало нескольких часов сна, чтобы восстановить силы и энергию.

Уже при жизни наиболее восторженные сторонники Боливара стали называть его гениальным человеком. Их можно понять: он был действительно необычайно и разносторонне одарен. Не многие из знаменитых полководцев и государственных деятелей той эпохи – а она была отмечена появлением целого созвездия выдающихся людей – смогли так ярко проявить себя в столь различных сферах, как Боливар. Военное искусство, законодательство, административное дело, дипломатия, философское осмысление мира, изящная словесность, образование – во всех этих областях им оставлен свой яркий след.

Современники поражались его феноменальной памяти и обширным знаниям. Он мог целыми страницами на память цитировать любимых авторов. Политические манифесты, воззвания и письма, написанные им, отличаются великолепием литературного стиля, богатством исторических параллелей и примеров. Боливар, как и Наполеон, знал свою армию «в лицо». После блестящей победы на реке Бойяка в 1819 году он устроил смотр войскам и поздравлял всех ветеранов, сражавшихся вместе с ним с 1813 года, обращаясь к каждому из них по имени.

Освободитель осознавал магическую силу слова и умело пользовался ораторским искусством. Его пламенным речам внимали, затаив дыхание, и депутаты конгресса, и

простые солдаты, своим словом он умел увлечь за собой массы. По свидетельству очевидцев, его личность обладала немалым магнетизмом, который К. Роджерс определил как «способность проникать в психологический мир других людей и общаться с ними на этом уровне в той степени, какую позволяют словесные и другие контакты»²⁰⁵. Большое значение Боливар придавал также печатному слову. Он основал газету «*Коррео де Ориноко*», ставшую впоследствии официозом правительства и трибуной патриотов.

Зависть, злопамятство и мстительность были полностью чужды Боливару. Его снисхождение к повергнутым врагам вызывало критику даже со стороны друзей. Только суровая политическая необходимость могла заставить Болиvara отдать приказ о расстреле Пиара, партизанского вожака, создавшего своим поведением угрозу единству освободительных сил в критических обстоятельствах 1817 года.

Оставив за порогом дома груз государственных забот, Боливар становился общителен, весел, остроумен, любил подтрунивать над друзьями. Лично знавший Освободителя генерал А. Кодасси напишет в своих мемуарах: «Он поклонялся прекрасному полу и любил развлечения, но все это отступало на второй план перед зовом воинского долга и интересами родины»²⁰⁶. Боливар умел бурно и непосредственно радоваться своим и чужим успехам. Весть о решающей победе генерала Сукре над испанцами застала его в помещении штаба. Сорвав свой генеральский мундир и подбросив его к потолку с возгласом «Ура!», Боливар пустился в пляс.

Древние говорили: «Судьба человека – это нрав его». В рассуждениях о личности Болиvara не уйти от того, что он был сыном земли, его породившей. В нем нашли проявление доминирующие черты национального характера, являвшего собой сплав многих культур и рас. «Страсть Болиvara рождена нашей жаждой отмщения, его язык был языком нашей природы, достигнутые им вершины – вершинами нашего континента»²⁰⁷ – таким виделся Освободитель кубинскому поэту и революционеру Хосе Марта. Отсюда – неповторимые особенности его духовного мира и характера. В нем причудливо сочетались трезвость с романтическими порывами, выдержка – со склонностью к театральной аффектации, могучий интеллект – с буйством фантазии и интуиции. «Страстные желания, постоянство и пылкость воображения – вот что двигало мной по избранному пути и не позволяло изменить ему»²⁰⁸, – говорил Боливар. И как часто случается, недостатки Болиvara были продолжением его достоинств, но выплеснувшихся из берегов общепринятых мерок.

Порой увлеченность своими идеями приводила Болиvara к потере непосредственного контакта с действительностью, что порождало ошибочные шаги и действия, безоглядная вера в человека оборачивалась просчетами в оценке ненадежных друзей и возможных политических противников. С годами, когда физические силы Болиvara начали слабеть, груз просчетов и ошибок становился заметнее.

Порывы души Болиvara, художника слова и действия, были чужды молодой буржуазии, взявшей верх в Западной Европе и США. Она исповедовала бентамовский рационализм, и для нее романтический пафос жизни и деятельности Освободителя казался чрезмерным. Для местных консервативных кругов он представлялся даже опасным. Не с их ли голоса некоторые исследователи жизни Болиvara стали характеризовать его недостатки собирательным термином «донкихотство», имея в виду героически-безоглядное и поэтому

---

²⁰⁵ [205] Цит. по Bolivar y la opinion publica. – P. 44. 66 Bolivar y Europa... – P. 599

²⁰⁶ [206] Marti J. Obras completas. – Voi. XIV. – La Habana, 1961. – P. 281

²⁰⁷ [207] Peru de Lacroix L. Op. cit. – P. 69

²⁰⁸ [208] Gibson W. M. The Constitutions of Colombia. – Durham, 1948. – P. 49

непонятное для «черни» в пушкинском понимании этого слова бескорыстное служение общечеловеческим идеалам? Поток мнений о Боливаре так же неисчерпаем, как и богатство его натуры. Уже при жизни в народе о нем начали слагаться легенды.

Создание республики Великая Колумбия открыло новые горизонты для созидательной деятельности Боливара, укрепило его международный авторитет. Отныне он получил возможность выступать на международной арене в качестве облеченного широкими полномочиями законного главы независимого государства. На основании Конституции Колумбии 1821 года президент представлял страну в международных делах и был наделен, согласно ст. 119, правом объявлять войну с санкции конгресса. В соответствии со ст. 120

Конституции он уполномочивался «закключать договоры о мире, союзе, дружбе, перемирии, торговле, нейтралитете и любом другом вопросе с иностранными монархами, государствами или народами»²⁰⁹. Статья 121 предоставляла президенту право назначать с согласия конгресса посланников и других дипломатических представителей.

Боливар много внимания уделял руководству внешнеполитической деятельностью. Ему принадлежало последнее слово при принятии всех принципиальных решений в этой области. Он стремился получать наиболее полную информацию о международной жизни. По его указанию колумбийские представители за рубежом оформляли для него подписку на наиболее важные иностранные газеты, издававшиеся на английском и французском языках. Боливар регулярно читал донесения дипломатов и нередко собственноручно готовил для них указания и ответы.

Однако война против Испании продолжалась, и она требовала его постоянного присутствия на театре военных действий. Согласно Конституции, президент являлся одновременно главнокомандующим вооруженными силами республики. В этих условиях очень большая ответственность ложилась на министра иностранных дел, тем более что вице-президент Сантандер не проявлял большого интереса к внешнеполитическим вопросам. Боливар назначил на этот пост Педро Гуаля. Такое решение было обоснованным – еще Миранда усмотрел в молодом Гуале природные способности для занятий международными делами. К тому же Боливар был уверен в преданности Гуаля их общему делу.

Семейство Гуалей было известно в Венесуэле. Дядя и отец Педро Гуаля принимали активное участие в подготовке антииспанского выступления в 1797 году и подверглись преследованиям. В молодости Педро увлекался сочинениями Руссо, Вольтера, Расина, Локка. После окончания Каракасского университета Гуаль связал свою жизнь с борцами за независимость. Вместе с отцом он участвовал в пропаганде идей Миранды, а когда предтеча вернулся на родину, стал его доверенным секретарем. Судьба свела Гуаля с Боливаром в стенах Патриотического общества, где они вместе со своими единомышленниками представляли наиболее радикальное крыло этой организации. В качестве уже известного юриста он участвовал в составлении текста Декларации независимости Венесуэлы. Последующая жизнь Гуаля связана с борьбой за независимость в Картахене. Именно Гуалю правительство Картахены доверило лично вручить Боливару декрет о присвоении тому звания почетного гражданина Картахены и провести переговоры относительно возможности создания конфедерации Венесуэлы и Картахены.

Гуаль возглавил министерство иностранных дел Великой Колумбии, имея за плечами, пожалуй, самый богатый из всех патриотов опыт дипломатической работы. Около шести лет ему довелось провести в США, представляя сначала интересы Картахены, а затем действуя как «дипломатический эмиссар без родины». Он в совершенстве знал английский и французский, обладал большими познаниями в юриспруденции и философии. По признанию Сантандера, «Бог наградил его умом, предназначенным для дипломатических переговоров». В министерстве иностранных дел он пользовался непререкаемым авторитетом. Одно из первых мероприятий Гуаля – законодательное оформление дипломатической службы. По его

---

²⁰⁹ [209] Цит. по Bierck Harold A. Jr. Op. cit. – P. 177

рекомендации было утверждено положение о рангах и материальном обеспечении дипломатов. До наших дней сохранился один из портретов Гуаля периода 20-х годов. С полотна смотрит суровое, не улыбающееся лицо со строгим, несколько тяжеловатым взглядом глубоко запавших черных глаз. «Философ-стойк» – так отзывался о нем один из его биографов.

Гуаль вошел в мир большой политики, когда на международной арене выступали такие столпы дипломатии той эпохи, как Адамс, Монро, Кэстлри, Каннинг, Меттерних, Шатобриан, Виллель, Татищев и Нессельроде. И надо сказать, что министр иностранных дел Великой Колумбии не уступал им, хотя и не был столь известен.

В лице Гуаля Боливар нашел единомышленника и талантливого зодчего своих внешнеполитических идей и концепций. Историки потом назовут 20-е годы «золотой эпохой» колумбийской дипломатии. В этот период Богота играла роль главного центра международных отношений испанской Америки. Столица Великой Колумбии генерировала импульсы, во многом определявшие обстановку в регионе. Война за независимость вступала в завершающий этап, и внешнеполитические вопросы выходили на первый план. От их успешного решения во многом зависели как достижение окончательной победы, так и закрепление ее результатов в международном плане. В жизни и деятельности Освободителя наступал звездный час.

«Встреча в верхах» Боливара и Сан-Мартина: загадки и мифы

Беседа «один на один» глав государств и правительств всегда окружена ореолом таинственности.

Из воспоминаний дипломата В. М. Суходрева

Места, где разворачивались выдающиеся исторические события, обладают большой притягательной силой. Они позволяют приобщиться к прошлому, приподнять завесу времени и за строкой бесстрастного документа почувствовать биение пульса далекой жизни. Эквадорский город Гуаякиль известен тем, что здесь в 1822 году состоялись переговоры «с глазу на глаз» Боливара и Сан-Мартина – двух гигантов антиколониальной борьбы испанской Америки.

Один путешественник назвал Гуаякиль «тихоокеанской жемчужиной». Побережье Южной Америки, выходящее на Великий океан, небогато хорошими природными гаванями. Современный Гуаякиль – это главный порт Эквадора, расположенный в двух десятках километров от океана в широком устье реки, напоминающем морской залив. Одновременно он является и основным торгово-промышленным центром страны. Стратегическое значение этого города-порта было очевидно для всех и в первой четверти XIX века, что важно отметить для нашего повествования.

Почти каждый приморский город Латинской Америки славится своей набережной (малекон). Обычно это самый красивый и благоустроенный район, любимое место отдыха горожан, где великолепные пляжи обрамляет цепь отелей, роскошных магазинов и многочисленных ресторанов, угощающих дарами моря. Но малекон Гуаякиля известен не только этим. Здесь находится одна из главных достопримечательностей города – монумент, посвященный встрече Боливара и Сан-Мартина. Знаменитая Ротонда представляет собой полукруглую беломраморную колонну, расположенную у самой кромки воды, и две бронзовые фигуры в генеральской форме на постаменте. Их правые руки сплетены в крепком рукопожатии, а лица обращены друг к другу. Настоящее место их свидания сегодня увидеть уже нельзя. Его поглотили современные постройки.

Напротив Ротонды высится внушительное здание из стали, бетона и мрамора – «Банко националь де кредито и ла провисора». У входа в него висит скромная мемориальная доска, потемневшая от времени и выхлопных газов: «На этом месте состоялась...» Что же касается самой Ротонды и изображения героев, то обращает на себя внимание, что бронзовые Боливар

и Сан-Мартин совершенно одинакового роста. А ведь в жизни Сан-Мартин был почти двухметровым гигантом, а Боливар... И тут нельзя не вспомнить походные и парадные мундиры Освободителя, выставленные в числе других реликвий в Каса Наталь и в Музее национальной истории в Лиме, здании, где останавливался Боливар во время пребывания в Перу. Мундиры Боливара поражают миниатюрностью. Кажется, что они принадлежали юному корнету, а не знаменитому полководцу. Случайно ли скульптор погрешил против правды жизни или в таком скульптурном решении заложен большой символический смысл? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вдумчиво, страница за страницей прочитать полную драматизма историю пересечения их жизненных судеб в Гуаякиле.

НАКАНУНЕ

Два освободительных потока в Южной Америке, один с севера – армия патриотов во главе с Боливаром, а второй с юга – объединенная аргентино-чилийская армия под командованием Сан-Мартина, неумолимо двигались навстречу друг другу, пядь за пядью освобождая от испанцев родную землю. Логикой событий им было предопределено соединиться на границе между Эквадором и Перу. Условия для личного свидания двух руководителей, которые до этого никогда не виделись друг с другом, созрели. Более того, их встреча стала неизбежной. Враг потерпел серьезные поражения, но не был еще окончательно разгромлен, и предстояло обсудить пути завершения великой освободительной эпопеи. С каким «багажом» пришли Боливар и Сан-Мартин к этому историческому рубежу? Без ответа на данный вопрос нельзя начинать повествование о том, что произошло в Гуаякиле. Там встречались не только овеянные славой полководцы. Оба действующих лица были яркими, самобытными личностями. Неординарные характеры и несхожие черты их психического склада не могли не оказывать влияния на атмосферу свидания.

Армия под командованием Боливара завершила освобождение территории Новой Гранады от испанских войск к концу 1821 года. В октябре пала крепость Картахена, а в ноябре восставшее население Панамы изгнало колонизаторов и воссоединилось с Великой Колумбией. Это позволило Боливару в начале 1822 года двинуться во главе освободительной армии в аудиенцию Кито (Эквадор). Положение в этой провинции было сложным. Гуаякиль первым еще в октябре 1820 года провозгласил свою независимость, но на остальной территории испанцы удерживали позиции. Отряд Сукре, направленный Боливаром для оказания помощи местным патриотам в мае 1821 года, не смог внести перелом в борьбу. Армии Освободителя потребовалось почти полгода, чтобы вынудить колонизаторов капитулировать. Роялисты оказались между двух огней: с севера на них наступала армия во главе с Боливаром, а с юга из Гуаякиля наносила удары дивизия Сукре. В решающем сражении при Пичинче в мае 1822 года основные испанские силы потерпели сокрушительное поражение. После этого сдался гарнизон Кито и прекратили сопротивление роялисты Пасто в южной провинции Новой Гранады. Отныне на всей территории Великой Колумбии реял республиканский флаг.

Население Кито 16 июля 1822 г. торжественно чествовало освободителей. Этот день навсегда остался в памяти Боливара. Но не море цветов, которыми осыпали Освободителя и его воинов восторженные жители, и не чувство радости в связи с удачным завершением трудной военной кампании были тому причиной. Этот день одарил Боливара великим счастьем подлинной любви. Молодая незнакомка с балкона одного из домов бросила Боливару, гарцевавшему на белом коне, лавровый венок. А вечером на балу двадцатипятилетнюю Мануэлу Саэнс представили Боливару. Они закружились в вихре танца и уже больше не расставались. Сердце Боливара навсегда пленили романтическая красота молодой женщины, смелость и цельность ее характера, пламенная преданность идеалам свободы и независимости.

«Джульеттой ураганов» назвал избранницу Боливара Пабло Неруда. Через море жизненных страстей, приключений и неординарных поступков Мануэлилу вела вера в свою

исключительность. Она с гордостью носила орден, полученный за участие в подпольной борьбе патриотов в Лиме, и позднее хладнокровно отвела кинжал заговорщиков, занесенный над Боливаром. «Освободительница Освободителя», как назвал ее за этот подвиг народ, оставалась рядом с Боливаром до конца его дней.

Одновременно с освободительной армией Боливара к границе, разделяющей Перу и Эквадор, с юга приближалась армия генерала Сан-Мартина. Она прошла с боями тысячи километров и одержала много славных побед над испанцами.

Сан-Мартин был на пять лет старше Боливара. Он родился на северо-востоке вице-королевства Ла-Платы в семье офицера, чиновника колониальной администрации, получил военное образование в Испании и прошел долгий путь профессионального военного – от кадета до подполковника испанской королевской армии. За его плечами были 20 лет службы в войсках и участие в освободительной войне испанского народа против Наполеона. Это обстоятельство заслуживает внимания: в отличие от Боливара, Сан-Мартину на первом этапе его жизни не приходилось плавать по бурному морю, называемому политикой, хотя он и являлся членом тайного общества «Ложа Лаутаро», основанного испаноамериканскими патриотами в Европе. Следует упомянуть, что Боливар также был среди ее членов.

Известие о победе майской революции на Ла-Плате – смещении в 1810 году восставшим народом Буэнос-Айреса испанского вице-короля – вызвало переворот в душе Сан-Мартина. «Перечеркнуть свою карьеру и связанные с ней надежды меня заставило неодолимое желание внести вклад в дело свободы моей родины»²¹⁰, – говорил он. В 1812 году Сан-Мартин кружным путем через Лондон с фальшивым паспортом в кармане вернулся на родину и примкнул к радикальному крылу патриотов. Вместе с ними Сан-Мартин участвовал в создании в Буэнос-Айресе местной организации «Ложи Лаутаро», выступившей за немедленное провозглашение независимости. Свою главную задачу он видел в том, чтобы с оружием в руках служить революции. И успехи не заставили себя ждать. В 1813 году сформированный им полк конных гренадеров в битве при Сан-Лоренсо одержал первую победу над испанскими войсками. Вскоре после этого правительственная хунта Буэнос-Айреса назначила его командующим Северной армией для отражения угрозы, исходившей от оплота испанских колонизаторов в Перу.

Сан-Мартин, так же как в свое время в Венесуэле Боливар, сыграл важную роль в официальном провозглашении в 1816 году независимости Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы (Аргентины).

Как и Боливар, Сан-Мартин мыслил континентальными масштабами, что выдвинуло его в крупнейшего руководителя освободительной борьбы на юге континента. Находясь в городе Тукумане, он отчетливо увидел бесперспективность наступления в северном направлении: неприступные горы надежно защищали противника. Здесь можно было вести только оборонительную войну. «Думать иначе, – отмечал Сан-Мартин, – означало бросать деньги и солдат в бездонную пропасть». Ключи к победе находились в Чили, хотя добраться туда было нелегко. Предстояло преодолеть Анды, вместе с чилийцами изгнать испанцев с территории соседней страны, а затем морем вдоль тихоокеанского побережья объединенными силами двинуться в Перу. «Война не кончится, пока мы не овладеем Лимой»²¹¹, – писал Сан-Мартин одному из своих друзей.

Сан-Мартин приступил к формированию так называемой андской армии, предназначенной осуществить его стратегический замысел. Как профессиональный военный, он понимал значение тщательной подготовки каждого солдата и офицера и не жалел на это усилий. Знавший его лично генерал Т. Эрес отмечал: «Сан-Мартин осторожен в своих

---

²¹⁰ [210] Antologia sanmartiniana/Raffo de la Reta J. C. (Ed.) – Buenos Aires, 1950. – P. 133

²¹¹ [211] Цит. по Mitre B. Historia de San Martín y de la emancipación sudamericana. – Buenos Aires, 1946. – P. 172

суждениях и планах, с достоинством держится и очень предан своему делу»²¹². Подготовка армии стала поистине всенародным делом. Бедняки отдавали последнюю копейку, богатые жертвовали золото и драгоценности. В армию вступили О'Хиггинс и другие чилийские патриоты, бежавшие от репрессий после реставрации испанского владычества в Чили. Важную роль сыграла помощь, поступившая из Буэнос-Айреса от Хуана Пуэйрредона, избранного на Тукуманском конгрессе Верховным правителем Объединенных провинций. К началу 1817 года под командованием Сан-Мартина находилась прекрасно обученная и сплоченная 5-тысячная армия, готовая к походу²¹³.

В труднейшем переходе через Анды и в ходе военной кампании против испанских войск в Чили в полной мере раскрылся полководческий талант Сан-Мартина. Андская армия в 1817-1818 годах нанесла поражение силам роялистов в сражении при Чакабуко, затем наголову разгромила их в битве при Майапу. С испанским владычеством в Чили было покончено. Представители чилийского народа просили Сан-Мартина возглавить правительство страны, провозгласившей свою независимость. Но он отклонил их предложение. Его долг повелевал ему продолжать освободительную войну. Верховным правителем Чили был избран Бернардо О'Хиггинс.

Внебрачный сын военного деятеля, занимавшего посты генерал-капитана Чили и вице-короля Перу, О'Хиггинс еще во время учебы в Лондоне вступил в тайное патриотическое общество, основанное Мирандой. Он участвовал в свержении испанского господства в Чили в 1810 году и был членом Национального конгресса, в 1813-1814 годах являлся главнокомандующим войсками чилийских патриотов. С Сан-Мartiном его связывали тесные узы братства по оружию. Правление О'Хиггинса в Чили ознаменовалось проведением реформ, направленных на укрепление позиций патриотов и ограничение власти олигархии, настроенной происпански.

Осуществление второго этапа стратегического плана Сан-Мартина потребовало длительной подготовки. Испанский флот господствовал на море, и, не разгромив его, нельзя было добраться до Перу. Патриотам пришлось создавать свой военный флот. Его возглавил адмирал Кокрейн, английский мореплаватель, вставший на сторону патриотов. По совету Сан-Мартина правительство Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы в феврале 1819 года заключило с Чили союзный договор о совместной военной экспедиции для освобождения Перу от испанского господства. В соответствии с договором была создана армия освобождения Перу. В нее влились 2,5 тыс. аргентинцев и 2 тыс. чилийцев. В воззвании к перуанцам Сан-Мартин заявил: «Пришел великий день вашего освобождения»²¹⁴.

Перуанская экспедиция оказалась на редкость тяжелой. После понесенных поражений на севере и на юге испанцы сконцентрировали все свои силы на территории Перу. Под командованием вице-короля Ла-Серны оказались регулярные войска общей численностью более 20 тыс. Мадрид требовал отстоять этот стратегический оплот испанского владычества в центре Южной Америки. Экономическая ценность данной территории для Фердинанда VII определялась крупными месторождениями драгоценных металлов, обеспечивавшими непрерывный поток золота и серебра в королевскую казну. Колониальная администрация имела на своей стороне поддержку части крупных землевладельцев-креолов. Освободительное движение в Перу было слабее, чем в соседних странах.

Сан-Мартин учитывал все эти обстоятельства, начиная перуанский поход, и проявил

---

²¹² [212] Цит. по Osorio Jimenez M. A. Notas sobre la vida del general Jose de San Martin. – Caracas, 1948. – P. 48

²¹³ [213] См. Levene R. Lecciones de historia argentina. – Т. II. – Buenos Aires, 1978. – P. 97

²¹⁴ [214] Ibid. – P. 108

осторожность. Освободительная экспедиция высадилась в сентябре 1820 года на юге Перу, не решившись нанести удар по сильно укрепленной столице – Лиме. Армия патриотов почти в пять раз уступала по численности испанским войскам. Однако вице-король Ла-Серна не сумел оказать серьезного сопротивления. К тому же в Испании разразилась вторая буржуазная революция, ждать скорой помощи из Мадрида не приходилось, и ряды роялистов в Перу оказались дезорганизованными. Не принимая боя, вице-король Ла-Серна с основными испанскими силами оставил Лиму и отступил во внутренние районы. Роялисты надеялись укрыться в труднодоступной части страны, так называемом Верхнем Перу (Боливия), и подождать исхода событий в метрополии.

Население Лимы восторженно встретило освободителей. При огромном стечении народа в июле 1820 года состоялось торжественное провозглашение независимости Перу. Временным главой нового государства, протектором Перу стал Сан-Мартин. Ему была вручена вся полнота гражданской и военной власти.

Один из ближайших сподвижников Сан-Мартина генерал Х. Эспехо оставил потомкам яркий словесный портрет командующего андской армией: «Генерал Сан-Мартин был строен и осанист; на смуглом, обожженном солнцем и ветрами лице выделялся крупный орлиный нос, однако особое внимание привлекали черные, большие, на редкость выразительные глаза. Он был неизменно вежлив и любезен, даже когда отдавал приказы и распоряжения, предпочитая не отчитывать, а убеждать в своей правоте, хотя и делал это в энергичных выражениях. Если он что-либо обещал, то всегда выполнял с точностью, с почти фанатичной скрупулезностью... Одевался он с поистине «республиканской скромностью». В еде был чрезвычайно воздержан, хотя и отличался хлебосольством.

Генерал был удивительным стратегом, прозорливым и расчетливым. Непререкаем был его авторитет в армии и поистине удивительно влияние, каким пользовался этот мужественный человек среди солдат»²¹⁵. Не только Эспехо, но и другие современники, знавшие лично Сан-Мартина, подчеркивали его преданность идеалам освобождения и отсутствие личных амбиций.

Правительство независимого Перу вскоре столкнулось с большими трудностями. «Временный статут», обнародованный Сан-Мartiном в октябре 1821 года, провозглашал незыблемость частной собственности и вводил ряд гражданских свобод. Другие реформы, объявленные протектором Перу (открытие портов для иностранной торговли, отмена повинностей индейцев, освобождение детей рабов), могли дать эффект только по прошествии определенного времени²¹⁶. К тому же они носили половинчатый характер и вызвали критику как слева, так и справа. Но, пожалуй, больше всего дестабилизировала внутривнутриполитическое положение нерешенность главного вопроса: роялисты сохраняли контроль над большей частью страны и не собирались складывать оружие. Сан-Мартин не рискнул преследовать превосходящие силы противника и не развил таким образом первоначальный успех. Неоднократные обращения за помощью к Буэнос-Айресу остались без ответа. На Ла-Плате в 1820 году произошел взрыв междоусобной борьбы, и центральное правительство распалось.

В бездействующей армии патриотов в Лиме начали свою разрушительную работу бактерии разложения. Часть генералов потеряла веру в успех и покинула ряды патриотов. Адмирал Кокрейн увел свою эскадру в открытое море бороздить морские просторы вдоль побережья Южной Америки. За пределами Лимы поднимали голову сторонники роялистов из числа местной знати. Сложившаяся напряженная ситуация требовала решительных мер.

Сан-Мартин понимал, что у него не хватит сил окончательно разгромить испанцев в Перу. Боливар также не переоценивал своих возможностей и не был до конца уверен, сможет

---

²¹⁵ [215] Antologia sanmartiniana. – P. 49-53

²¹⁶ [216] См. Coleccion documental de la independencia del Peru. – T. XIII. – Vol. I. – Lima, 1974. – P. 27-33

ли Великая Колумбия выдержать еще одну трудную военную кампанию. Объективная обстановка, таким образом, диктовала необходимость объединения всех сил патриотов для победоносного завершения освободительной эпопеи. При этом незримо витал вопрос: кому улыбнется счастье возглавить великое историческое событие и кого увенчают лавровым венком немеркнувшей славы? Вслух об этом не говорилось, но в сознании это не могло не присутствовать. Таков был второй план «встречи в верхах», первый же, доминирующий, определялся интересами дела.

До тех пор пока на территории Перу сохранялся последний крупный очаг испанского владычества, продолжала существовать угроза независимости Великой Колумбии, Перу, Чили и других стран. Патриоты уже один раз торжествовали победу, но не смогли в 1815-1817 годах отстоять свои завоевания. Нельзя было допустить повторения трагедии. Не будет преувеличением следующий вывод: «встреча в верхах» имела решающее значение для судеб народов Южной Америки. Боливар и Сан-Мартин понимали свою историческую ответственность и в равной степени стремились наладить взаимные контакты.

В октябре 1820 года Сан-Мартин обратился с посланием к Боливару, на которое последний ответил так: «Этого момента я ожидал всю свою жизнь... Скоро божественное Провидение... соединит нас в одном из уголков Перу, после того как мы пройдем путь, усталый трофеями поверженных тиранов американской земли». В следующий раз инициатива принадлежала уже Освободителю. Одержав решающую победу над роялистами в Венесуэле, Боливар 23 августа 1821 года спешит поделиться своими надеждами на скорую встречу с Сан-Мartiном: «Моя первая мысль на поле сражения при Карабобо, когда я увидел свою родину свободной, была о Вашем Превосходительстве, Перу и освободительной армии. Меня охватила радость, как только я осознал, что больше не существует препятствий, которые могли бы помешать мне скоро протянуть руку дружбы Освободителю Юга Америки. Ваше Превосходительство должны поверить мне: после блага Колумбии моя первая забота – это успех Вашего оружия...» ²¹⁷. В тот же день в письменном сообщении, адресованном Кокрейну, Боливар заявил, что в случае необходимости он готов во главе освободительной армии прийти на помощь Сан-Мартину в Перу, если адмирал сможет обеспечить их доставку морем ²¹⁸.

Сан-Мартин откликнулся на это обращение Боливара не только словами, но и делом. В начале 1822 года он предпринял попытку встретиться с Боливаром. Накануне отъезда из Перу Сан-Мартин 12 января 1822 г. издал декрет, в котором изложил свои взгляды относительно «встречи в верхах»: «Я направляюсь в Гуаякиль на свидание с Освободителем Колумбии. Общие интересы обоих государств, скорейшее окончание войны, которую мы ведем, и быстро приближающееся новое состояние Америки делают нашу встречу необходимой. Ход событий уже возложил на нас высокую ответственность за успех столь важного мероприятия» ²¹⁹. Но встреча не состоялась, так как Освободитель находился со своей армией далеко от места свидания. Боливар, в свою очередь, высказал убежденность в объективной необходимости союза двух стран и выразил солидарность с позицией протектора Перу: «Наше первое объятие скрепит печатью гармонию и союз наших государств. Не существует препятствий, которые нельзя бы было устранить... Я полностью разделяю предложение Вашего Превосходительства о встрече, и я жду ее, как и Вы, с огромным нетерпением и надеждой» ²²⁰.

---

²¹⁷ [217] Bolivar S. – Vol. I. – P. 524, 582

²¹⁸ [218] См. Lecuna V. Catalogo... – Т. 3. – P. 354

²¹⁹ [219] Mitre B. Op. cit. – P. III

²²⁰ [220] Bicentenario de San Martin: Homenaje de Venezuela 1778-1978.- Caracas, 1978. – P. 142 (далее – Bicentenario de San Martin)

Обмен посланиями между Боливаром и Сан-Мартинем продолжался без малого два года. Анализ этих документов позволяет выявить широкую область согласия двух руководителей накануне встречи в Гуаякиле. Привлекает внимание ряд моментов. Переписка отражает высокое уважение Боливара и Сан-Мартина друг к другу, можно сказать, их взаимное притяжение. Боливар первым назвал Сан-Мартина «Освободителем Юга Америки», и с этим титулом Сан-Мартин вошел в историю. Оба руководителя демонстрируют свою заинтересованность в личной встрече. Они едины в понимании ее исторической значимости и согласны в том, что их переговоры должны укрепить союз Великой Колумбии и Перу, провозглашенный в договоре, подписанном представителями двух стран 6 июля 1822 г.

В это время освободительные армии Севера и Юга уже начали взаимодействовать в борьбе с испанскими колонизаторами. Боевой союз двух стран, о котором вели политический диалог Боливар и Сан-Мартин, скреплялся совместно пролитой кровью на полях сражений. В составе освободительной армии Сан-Мартина находился состоявший из венесуэльцев батальон «Нумансиа», заслуживший высокую оценку главнокомандующего. В свою очередь, 1200 перуанцев и аргентинцев из бригады полковника А. Санта-Круса вместе с колумбийцами принимали участие в решающих сражениях против испанцев. Сообщая Сан-Мартину в июне 1822 года о победах патриотов при Бомбоне и Пичинче, Боливар выразил ему благодарность за оказанную поддержку и подтвердил свою готовность бороться вместе с перуанцами против общего врага: «Война в Колумбии окончена, и ее армия готова направиться туда, куда ее призовут наши братья, особенно на родину наших соседей на Юге...» 221.

Тенденция к сотрудничеству двух стран и их руководителей пробивала дорогу, несмотря на серьезные противоречия между ними. Весьма трудной, острой, таившей множество подводных камней была проблема Гуаякиля. Колумбия и Перу с одинаковым рвением претендовали на него, хотя весомость выдвигавшихся ими аргументов была различной.

Образование большого числа независимых латиноамериканских государств на месте единой испанской империи очень остро поставило вопрос о территориальном разграничении между ними. Как правило, новые республики образовывались в границах основных административных подразделений колониальной эпохи (вице-королевств и генерал-капитанств). Однако во многих случаях фактические границы расходились с юридическими, закрепленными в документах. К тому же ни первые, ни вторые четко не демаркировались на местности и на картах. Ряд районов оставались «белыми пятнами», так как никогда не осваивались. Все это являлось питательной почвой для возникновения территориальных споров. Необходимо было найти общую основу для их разрешения, иначе континенту грозили нескончаемые вооруженные конфликты и войны.

Прецедент, а он имеет особое значение в международных делах, был создан договором между Венесуэлой и Кундинамаркой 1811 года. В нем впервые было зафиксировано согласие сторон руководствоваться в установлении территориального разграничения между ними известным принципом римского права *uti possidetis* («владейте тем, чем владеете»). При этом учитывается фактическое положение, а когда добавляется слово «*juris*», то и юридические права. За точку отсчета брался 1810 год – год начала войны за независимость 222.

Боливар последовательно боролся за признание этого принципа в качестве одной из основ латиноамериканского сотрудничества. Отступления от него угрожали разногласиями между молодыми государствами. Конституция Колумбии, принятая Учредительным

---

221 [221] Bolivar S. – Vol. I. – P. 643

222 [222] См. Urrutia F. J. Op. cit. – P. 15-17; Rivas R. Op. cit. – P. 13

конгрессом в Кукуте, законодательно закрепляла принцип *uti possidetis juris* 1810 года и устанавливала на его основе границы территории республики в пределах бывших административных подразделений колониальной эпохи: генерал-капитанства Венесуэлы, вице-королевства Новой Гранады и аудиенсии Кито. Колумбийская дипломатия в соответствии с инструкциями Боливара руководствовалась этим принципом во всех переговорах с другими независимыми государствами региона при обсуждении территориальных проблем.

Права Великой Колумбии на провинцию и город Гуаякиль подтверждались неоспоримыми документами, прежде всего королевским указом от 7 июля 1803 г., а также королевскими разъяснениями, направленными Мадридом в июне 1819 года вице-королю Перу и губернатору города и провинции Гуаякиль ²²³. Претензии Перу обосновывались ссылками на решения метрополии в период войны между Испанией и Англией в 1803-1806 годах. Тогда Мадрид возложил ответственность за оборону крепости и порта Гуаякиль на вице-короля Перу. Кроме того, правительство Лимы заявляло, что население спорной территории предпочитало присоединиться к Перу. Действительно, правительственная хунта, образованная жителями Гуаякиля после провозглашения независимости в 1820 году, в первые же дни обратилась к Сан-Мартину с просьбой о помощи и защите. Такое обращение, очевидно, не было равнозначно волеизъявлению населения относительно воссоединения с Перу. Сан-Мартин учитывал это обстоятельство. В марте 1822 года он предлагал Боливару: «Давайте предоставим Гуаякилю возможность самому определить свои интересы и свою судьбу. Пусть он свободно решит вопрос о присоединении к тому, кто ему больше подходит» ²²⁴.

Боливар, можно сказать, внял этому предложению провести консультацию с народом, хотя и сделал это на свой лад. Еще в мае 1821 года он направил в Гуаякиль генерала Сукре для переговоров с правительственной хунтой города. Ближайший сподвижник Освободителя оказался столь же талантливым дипломатом, как и полководцем. Опираясь на поддержку общественного мнения, которое, по его словам, «в целом высказывается в пользу Колумбии», ему удалось убедить членов правительственной хунты в необходимости союза Гуаякиля с Колумбией в интересах торжества дела патриотов в борьбе с Испанией. 15 мая 1821 г. Сукре подписал в Гуаякиле договор, отразивший эту договоренность ²²⁵. Окончательно судьбу Гуаякиля должна была решить Ассамблея народных представителей провинции.

Такому демократическому решению долгое время препятствовала напряженная обстановка в городе. После провозглашения независимости в Гуаякиле образовалось три политических течения. Одно выступало за вхождение в состав Великой Колумбии, второе – за присоединение к Перу, а третье хотело сохранить самостоятельность. Когда политические распри между ними начали перерастать в вооруженные столкновения и в городе воцарилась анархия, Боливар, находившийся в Кито, решил принять меры, исходя из исторических и документально обоснованных прав Колумбии. Понимая остроту проблемы и возможные международные осложнения, он заранее обратился за советом к правительству в Боготе. Полученный им ответ представлял коллективное мнение Сантандера, временно исполнявшего обязанности главы государства в связи с отсутствием Боливара, и кабинета министров. В нем содержались две рекомендации: «предпочтение в решении вопроса о Гуаякиле должно всегда отдаваться дружественным переговорам», если же они не принесут необходимого результата, «без промедления занять колумбийскими войсками всю

---

²²³ [223] См. Lecuna V. *Catalogo...* – Т. 2. – P. 171

²²⁴ [224] Цит. no Lecuna V. *La entrevista de Guayaquil*. – Т. I. – Caracas, 1962. – P. 311

²²⁵ [225] См. Lecuna V. *Catalogo...* – Т. 2. – P. 45-48

провинцию и таким путем включить ее в состав Колумбии» 226.

Именно так и действовал Боливар. 11 июля 1822 г., за две недели до встречи с Сан-Мартинем, Освободитель во главе отряда войск появился в Гуаякиле, приветствуемый жителями города. Он взял в свои руки всю полноту власти и провозгласил воссоединение Гуаякиля с республикой Великая Колумбия. Три недели спустя Ассамблея представителей населения провинции высказалась в поддержку такого решения. Даже те, кто осуждал Боливару за эти действия, признавали его правоту. Аргентинский историк Б. Митре писал по этому поводу: «Вопрос был решен силой, но исторические документы юридического характера давали Колумбии законное основание для этого» 227. Не потому ли в государственном совете Перу при обсуждении поставленного Сан-Мартинем вопроса о защите перуанских интересов в Гуаякиле возобладали голос разума и объявления войны Колумбии не последовало?

Вторая область серьезных разногласий между Боливаром и Сан-Мартинем касалась государственного устройства стран, добившихся независимости. Боливар был последовательным, убежденным республиканцем и считал справедливым только демократический строй. «Суверенитет народа является единственной законной основой государственной власти» 228, – говорил он. Для Боливару все короли являлись олицетворением тирании. «Я же считаю, что времена монархий уже прошли» 229, – писал Освободитель. Исходя из таких убеждений, он и строил всю свою политическую деятельность.

У Сан-Мартина подход был другим. Встречавшийся с ним в Лондоне Андрес Бельо считал его «страстным республиканцем и одним из наиболее пламенных революционеров среди молодых патриотов» 230. Несмотря на это, Сан-Мартин и ряд других руководителей освободительного движения в политической практике по тактическим соображениям отдавали предпочтение монархическим формам правления. Это отнюдь не было необъяснимым противоречием. Данная группа патриотов считала народные массы, пребывавшие в течение трех столетий в рабстве и зависимости, пока еще не готовыми к демократии. В создании конституционных монархий под эгидой отпрысков королевского дома Бурбонов эти деятели усматривали гарантию против политической анархии и междоусобиц и надежду на более быстрое примирение с Испанией. Такие тенденции проявлялись в Аргентине, Мексике и других странах.

Историки располагают несколькими документальными свидетельствами относительно монархического проекта Сан-Мартина. Наиболее весомое из них – подписанные Сан-Мартинем детальные инструкции для специальной дипломатической миссии, направленной в Европу по решению государственного совета Перу в начале 1822 года с целью пригласить на перуанский трон одного из «свободных» европейских принцев. В инструкциях указывались цели монархического проекта: обеспечение внутривнутриполитической стабильности, создание сильного правительства, получение международного признания независимости и приобретение покровительства «одной из держав первого ранга в Европе». Предписывался также строгий порядок поисков кандидата на звание императора Перу. Начинать следовало с Англии, России и Австрии. В случае неудачи – обратиться к Франции

---

226 [226] Ibid.-P. 175

227 [227] Mitre B. Op. cit. – P. 101

228 [228] Bolivar S. – Vol. II. – P. 1229

229 [229] Ibid. – Vol. I. – P. 444

230 [230] Bicentenario de San Martin. – P. 43

и Португалии и только в последнюю очередь – к Испании. В инструкции оказался включенным и пункт, говоривший о том, что проект Сан-Мартина не ограничивался Перу. По дороге в Европу через Чили миссия должна была провести переговоры с О'Хиггинсом и убедить его присоединиться к усилиям Сан-Мартина ²³¹. Не питал ли протектор Перу надежду склонить на свою сторону и Боливар?

Различия подходов Сан-Мартина и Боливара в вопросах государственного устройства не являлись чем-то исключительным. Они отражали реальные противоречия в лагере патриотов. И эти противоречия не знали географических границ или национальной принадлежности.

Таким образом, на пути к встрече в Гуаякиле возникали препятствия, но Боливар и Сан-Мартин верили в то, что их удастся преодолеть. Накануне отъезда на свидание с Освободителем Сан-Мартин направил ему послание, заканчивавшееся словами: «Америка не забудет день, когда мы заключим друг друга в объятия» ²³². Такой день наступил 26 июля 1822 г.

ПЕРЕГОВОРЫ

«Тайна Гуаякиля» привлекла внимание историков многих стран. Их усилиями составлена детальная хронограмма пребывания Сан-Мартина на эквадорской земле и его переговоров с Боливаром. Такая скрупулезность понятна: когда речь идет о великих событиях, то мелочей не бывает.

25 июля 1822 г. военный корабль протектора Перу «Маседониа» появился на рейде Гуаякиля, и ранним утром 26 июля на борт корабля поднялся Боливар и воскликнул: «Наконец-то исполнилось мое желание лично увидеть и прижать к груди знаменитого генерала Сан-Мартина!» ²³³. Дружеские объятия двух героев символизировали братство по оружию народов испанской Америки в борьбе за свою свободу.

В то же утро на набережной Гуаякиля проходила торжественная церемония встречи Сан-Мартина. Город был украшен цветами и флагами. Почетный караул колумбийских солдат отдавал почести, подобающие главе иностранного государства, офицеры и солдаты образовали живой коридор от места высадки и до резиденции, приготовленной для высокого гостя. Жители Гуаякиля горячо приветствовали освободителя Юга Америки.

У входа в резиденцию, на лестнице, протектора Перу встречал Боливар, облаченный в парадный мундир. В салоне для почетных гостей Освободитель представил Сан-Мартину овеянных славой полководцев колумбийской армии и членов городского совета. Пышность торжественной церемонии подчеркивала историческое значение события. В один из моментов к гостю направилась юная красивая девушка и водрузила на его голову венок из золота и лазури. Как истинному кабальеро Сан-Мартину не оставалось ничего другого, как сказать, что он не достоин такой награды, но сохранит венок, который будет служить напоминанием о прекрасных руках, преподнесших этот дар, и патриотических чувствах тех, кто удостоил его столь высокой чести. Современники Боливара оставили немало рассказов о его склонности к театральным эффектам, но они видели в них не чудачества, а проявления художественной одаренности и традиционной приверженности испаноамериканцев к праздничной зрелищности и стихии фантазии. В течение дня Сан-Мартину несколько раз приходилось выходить на балкон дворца, где он остановился, и каждое его появление

---

²³¹ [231] См. Cruz Ernesto de la, Goenaga J. M., Mitre B. La entrevista de Guayaquil (El Libertador y San Martin). – Madrid, S. D. – P. 64-65

²³² [232] O'Leary D. Op. cit. – Vol. 19. – P. 336

²³³ [233] Lecuna V. La entrevista de Guayaquil. – Vol. II. – P. 236

вызывало восторженные возгласы народа, заполнившего прилегающие улицы, При этих демонстрациях дружеских чувств со стороны населения не было ни малейших следов недовольства тем, как решилась судьба Гуаякиля.

В этот же день начались переговоры между Боливаром и Сан-Мартин. Всего состоялось три встречи двух руководителей «с глазу на глаз». Первая – сразу же после окончания торжественной церемонии в резиденции высокого гостя. Затворив двери, оба государственных деятеля беседовали в течение полутора часов наедине в салоне для почетных гостей. Если верить аргентинскому историку Б. Митре, после окончания переговоров «Боливар удалился с серьезной миной на лице, непроницаемый, как сфинкс, а Сан-Мартин с таким же серьезным выражением проводил его до ступенек лестницы, где они дружески простились» ²³⁴.

Вечером того же дня Сан-Мартин нанес визит Боливару, и они беседовали более получаса. Третья, самая важная, встреча состоялась на следующий день в доме Освободителя. В течение четырех часов главы двух государств обсуждали без свидетелей интересующие их вопросы. После завершения переговоров состоялся торжественный банкет. За праздничным столом собралось около пятидесяти гостей, высшие офицеры и представители властей города. Вечером по традиции в честь высокого гостя давался бал. По словам Руфино Гидо, первого адъютанта Сан-Мартина, «это было великолепное зрелище. Роскошный зал, богато украшенный и иллюминированный, заполнили элегантные и красивые женщины. Что же касается мужчин, большинство из них составляли генералы и офицеры колумбийской армии и генерального штаба Освободителя» ²³⁵. В самый разгар бала, в час ночи, Сан-Мартин, не привлекая к себе внимания, через боковой вход покинул зал вместе со своими адъютантами. Боливар сопровождал их до причала, где Сан-Мартин уже ждала лодка. Прощаясь, Освободитель вручил отъезжающему медальон со своим миниатюрным портретом. Сегодня этот подарок можно увидеть в Музее национальной истории в Буэнос-Айресе. На рассвете «Маседония» выбрала якоря и взяла курс на Перу.

Что же произошло «за закрытыми дверями»? Этот вопрос волновал непосредственных участников и современников события. И по сегодняшний день он не меньше занимает умы исследователей прошлого Латинской Америки.

Один из аргентинских историков нашел очень простой ключ к разгадке «тайны Гуаякиля». До встречи – кто не знал, какие проблемы тревожили Сан-Мартина и Боливара? После окончания встречи – кто не знал, к каким результатам привели переговоры?

Самые простые решения не всегда бывают самыми правильными, а спрямленные дороги не обязательно ведут к истине. Человечество интересуется не только результаты исторических событий, но и возможные альтернативы, поведение основных участников в кризисных ситуациях или на переломных этапах. Ариадниной нитью в исторических лабиринтах служат исследователям прежде всего подлинные документы, а также прямые и косвенные свидетельства участников и современников. При этом разные участники одного драматического события могут не только неодинаково его воспринимать, но и еще более различно потом воспроизводить пережитое. Переплетение сознательного, подсознательного и доминирующих черт личности может сильно смещать перспективу.

Через два дня после отъезда Сан-Мартина, 29 июля, Боливар продиктовал два конфиденциальных отчета о переговорах: один – на имя министра иностранных дел Гуаля для правительства в Боготе, а второй – на имя генерала Сукре, занимавшего официальный пост главы провинции Кито. В тот же день Освободитель написал подробное письмо вице-президенту Великой Колумбии Сантандеру. 3 августа в письме, также адресованном Сантандеру, он последний раз коснулся вопросов, обсуждавшихся на встрече в Гуаякиле.

---

²³⁴ [234] Cruz Ernesto de la y otros. Op. cit. – P. 180

²³⁵ [235] Lecuna V. La entrevista de Guayaquil. – Vol. II. – P. 252

Сан-Мартин не оставил никаких письменных свидетельств. По возвращении в Лиму он информировал членов государственного совета о состоявшейся встрече с Боливаром и в кратком публичном выступлении выразил удовлетворение результатами переговоров.

В дальнейшем оба государственных деятеля никогда больше не возвращались к тому, что произошло между ними в Гуаякиле ²³⁶. Как будто заключили между собой негласный договор хранить молчание до последних дней своей жизни.

Уважая обет главных героев свидания в Гуаякиле, долгое время хранили молчание и лица, причастные к этому событию. Мемуары адъютантов, сопровождавших Боливара и Сан-Мартина, а также некоторых генералов из окружения увидели свет только в 50 – 60-х годах XIX в., то есть тогда, когда Освободитель Севера и Освободитель Юга уже сошли в могилу. Разрыв во времени в 30-40 лет и изменение обстановки в странах региона не могли не отразиться на интерпретации описываемого события.

Полное содержание переговоров осталось неизвестным. Однако названные выше документы и письма Боливара с учетом других свидетельств, выдержавших проверку временем, дают возможность приоткрыть завесу тайны и восстановить с известной степенью достоверности картину того, как проходили «за закрытыми дверями» беседы между президентом республики Великая Колумбия и протектором Перу.

Четыре проблемы доминировали на переговорах. Главной темой, судя по всему, являлся вопрос о совместных действиях против испанских войск в Перу. Боливар и Сан-Мартин выразили готовность оказывать любую помощь и поддержку друг другу для успешного завершения освободительной войны. Конкретные вопросы объединения армий Севера и Юга, видимо, не обсуждались. Боливару для такого шага требовалась санкция Боготы. Сан-Мартин высказал убеждение, что испанская армия в Верхнем Перу уже не так сильна, как прежде, и он намерен после возвращения начать против нее новую военную кампанию. К тому же Великая Колумбия согласилась оказать Перу помощь и направить для участия в боевых операциях на перуанской территории три батальона общей численностью 1800 закаленных и опытных бойцов. С учетом ранее выделенных контингентов общая численность колумбийских войск в Перу, по словам Боливара, должна была достичь 3 тыс. человек ²³⁷. Находясь в Гуаякиле, Сан-Мартин считал такую помощь достаточной.

При обсуждении будущего молодых государств Сан-Мартин изложил свой монархический проект, заметив, что приезд европейских принцев в Южную Америку – дело далекой перспективы. Боливар отстаивал преимущества республиканского строя. В этом он оказался прав: за исключением Бразилии, монархии не прижились на латиноамериканской земле. Идеологические различия двух деятелей не могли не проявиться в Гуаякиле. Но они сражались по одну сторону баррикады, и это, а не расхождения, определяло ход переговоров.

Протектор Перу горячо поддержал идею Боливара об объединении испаноамериканских стран в федерацию после окончания войны с Испанией. Сан-Мартин «желает, чтобы все развивалось успешно в отношении создания союза, так как уверен, что без этого не может быть мира и спокойствия», – сообщал Боливар в Боготу. Сукре он писал о том же: «Протектор Перу с энтузиазмом принял идею федерации американских государств, усматривая в ней важную основу нашего политического существования». Следует отметить прозорливость некоторых прогностических оценок Сан-Мартина. Его предсказание о том, что Буэнос-Айрес предпочтет остаться вне рамок латиноамериканского союза, впоследствии подтвердилось.

Обсуждение конкретных вопросов взаимоотношений Колумбии и Перу также

---

²³⁶ [236] Сан-Мартин в письмах к генералу Миллеру 19 апреля 1827 г. и президенту Перу Кастильо II сентября 1848 г., упоминая встречу в Гуаякиле, писал только о своем стремлении добиться объединения усилий двух освободительных армий (см. *Antologia sanmartiniana*. – P. 206-211)

²³⁷ [237] Это и последующие высказывания Боливара см. *Bolivar S.* – Vol. I. – P. 652-663

проходило в духе дружбы и согласия. Сан-Мартин заявил о своем намерении не вмешиваться в решение судьбы Гуаякиля. Боливар сообщил о предстоящем заседании народных избранников, которые вынесут окончательный вердикт. Оба участника легко пришли к соглашению о путях урегулирования проблемы пограничного разграничения между Колумбией и Перу.

В связи с гуаякильской встречей нельзя не коснуться одного частного вопроса, заслуживающего внимания. Рассматриваемые документы, как это ни удивительно, доносят информацию об атмосфере, царившей на переговорах. При желании можно заметить даже отдельные нюансы. Сан-Мартин рассказал Боливару о трудных отношениях, сложившихся у него с некоторыми соратниками по оружию, и высказал свое намерение вернуться на родину, подав в отставку со всех постов после первой же военной победы, если к этому времени удастся создать авторитетное правительство в Перу. Такими сокровенными мыслями делятся только с другом, когда к нему испытывают полное доверие. Интересно отметить и одну психологическую деталь. Встретившись впервые в жизни, каждый из участников испытал как бы чувство некоторого разочарования. Сложившийся ранее образ не во всем совпадал с живым человеком, состоявшим из достоинств, личных особенностей и противоречий.

Боливар поделился с Сантандером своими впечатлениями о Сан-Мартине: «Его характер несет сильный отпечаток военного профессионализма. Он мне показался наделенным живым умом, активным и с быстрой реакцией... Однако ему недостает тонкости в отношении возвышенного в идеях и делах». В свою очередь, Сан-Мартин признался О'Хиггинсу: «Боливар оказался не таким человеком, как мы ожидали»²³⁸. Крупнейшие деятели эпохи, Боливар и Сан-Мартин заключали в себе огромный и сложный мир. Можно ли было его познать во всей полноте при кратком свидании?

Помимо обсуждения главных проблем Боливар и Сан-Мартин обменялись мнениями о положении в Мексике и Чили. Затрагивался ими и вопрос о мирных переговорах с Испанией. Оба при этом исходили из необходимости проводить единую линию в отношениях с Мадридом.

Протектор Перу считал переговоры неофициальными, и никаких соглашений в ходе встречи заключено не было. Тем не менее президент Великой Колумбии и протектор Перу высоко оценили результаты Гуаякиля. С присущей ему эмоциональной возвышенностью Боливар писал Сантандеру: «Клянусь Богом, нельзя испытывать большее удовлетворение; первый раз в моей жизни мне нечего больше желать и я вполне счастлив... Фортуна улыбнулась нам, и мне удалось добиться решения важных вопросов: во-первых, освобождения Юга; во-вторых, воссоединения с Колумбией Гуаякиля, Кито и других провинций; в-третьих, дружбы Сан-Мартина и Перу; в-четвертых, отправки наших войск в Перу, что принесет нам славу и благодарность этой страны».

Мнение Сан-Мартина о Гуаякиле донес до перуанцев правительственный официоз в Лиме «Гасета дель гобиерно». «День 26 июля этого года, когда мне представилась возможность заключить в объятия Освободителя, – заявил протектор Перу в августе 1822 года, – был одним из самых счастливых дней в моей жизни. Президент Колумбии не только направил нам в качестве помощи три батальона храбрых колумбийских солдат, которые вместе с перуанской дивизией, возглавляемой Санта-Крусом, примут участие в завершении военной эпопеи в Америке. С этой целью он передает нам также значительное количество вооружений. Давайте же все выразим глубокую признательность бессмертному Боливару!»²³⁹

Эти заявления прямых участников переговоров имеют ключевое значение, и они дают

---

²³⁸ [238] Цит. по Cruz Ernesto de ia y otros. Op. cit. – P. 181

²³⁹ [239] Цит. по Gurri Damlan A. Simon Bolivar. El ideal panamericano dei Libertador. – Montevideo, 1966. – P. 53; см. также Mitre B. Op. cit. – P. 1127-1128

основание сделать несколько выводов. В них с предельной отчетливостью выражена мысль об успехе встречи в Гуаякиле. Кроме того, оценки достижений, высказанные Сан-Мартинем и Боливаром независимо друг от друга, в главном совпадают. Значит, в них нашла отражение объективная реальность. И, наконец, они были настолько ясными и четкими, что не оставляли места для кривотолков и спекуляций.

Встреча в Гуаякиле открывала, таким образом, новые горизонты для сотрудничества патриотических сил, несмотря на сохранившиеся различия позиций ее участников. Казалось, ничто не предвещало потрясений. Однако буря разразилась. Ее эпицентром явилась Перу.

ЭПИЛОГ

Незнание точных фактов, как говорят, необычайно стимулирует фантазию. Рассмотренные выше наиболее важные подлинные документы о «встрече в верхах» были обнаружены в архивах и опубликованы через 80 лет после описываемых событий, в начале XX века. Полное собрание писем Освободителя и архив генерала Сан-Мартина увидели свет еще позднее.

До этого ничто не мешало выдвигать самые фантастические интерпретации происшедшего. И не только выдвигать свои толкования, но и конструировать версии, запуская на орбиту полемики сомнительные документы. Свидание в Гуаякиле стало, пожалуй, самой дискуссионной темой в латиноамериканской исторической науке. Ни один сколько-нибудь крупный историк не обошел ее стороной. Всеобщий интерес к этому событию подогревался драматическим уходом Сан-Мартина с политической арены. Мировая история знает не так много примеров, когда бы государственный деятель такого масштаба, овеянный славой полководец в расцвете лет добровольно отказывался от своего жизненного призвания и навсегда удалялся в частную жизнь.

Как же все это произошло? В ту эпоху дорога морем от Лимы до Гуаякиля занимала около двух недель, так что Сан-Мартин отсутствовал в Перу в общей сложности более месяца. За это время обстановка в стране резко ухудшилась, и внутренняя борьба в стане патриотов приняла неожиданный для протектора Перу оборот. Наиболее влиятельный деятель созданного им правительства, аргентинец Бернардо Монтеагудо, занимавший сначала пост военного министра, а затем министра иностранных дел, был отстранен от власти и изгнан из страны. Политический смысл случившегося не мог укрыться от Сан-Мартина; речь шла об идейном вдохновителе его программы реформ, ближайшем друге, прошедшем с ним весь путь от Аргентины до Перу. Попытки оказать давление на государственный совет и добиться возвращения своего соратника результата не принесли. Эта неудача сыграла, видимо, роль последнего камня, обрушившего лавину.

Сан-Мартин объявил о своем решении уйти в отставку со всех постов. В те времена отставкой часто пользовались как инструментом политического воздействия при разногласиях между влиятельным лидером и выборными учреждениями. Боливар не раз подавал в отставку, чтобы добиться от непокорного конгресса необходимых ему полномочий. На этот раз все было иначе. Обуревавшие его чувства Сан-Мартин излил в письме к близкому другу, чилийцу О'Хиггинсу: «Я устал от того, что меня называют тираном, приписывают желание стать королем, императором и чуть ли не самим дьяволом. С другой стороны, мое здоровье ухудшилось. Климат этой страны может свести меня в могилу. Моя молодость была отдана службе в Испании, зрелые годы – моей родине. Полагаю, у меня есть право распорядиться своей старостью»²⁴⁰. Содержит ли это письмо исчерпывающее объяснение отхода протектора Перу от политической деятельности? До старости еще было далеко, ему только что исполнилось 44 года. Болезни, действительно, были, но Сан-Мартину предстояло прожить еще долгих 28 лет.

---

²⁴⁰ [240] Lecuna V. La entrevista de Guayaquil. – Vol. I. – P. 127-128

Созвав заседание перуанского конгресса, Сан-Мартин 20 сентября 1822 г. официально сложил с себя все полномочия. Он считал свою миссию завершённой. Обращаясь к членам конгресса, Освободитель Юга заявил: «Я выполнил священную клятву, данную Перу»²⁴¹. В знак признания его выдающихся заслуг конгресс принял решение о выплате ему пожизненной пенсии в размере 12 тыс. песо ежегодно. В тот же день он навсегда покинул Перу. Злой рок продолжал преследовать Сан-Мартина. Находясь в Чили, он тяжело заболел и два месяца был прикован к постели. В это время в Буэнос-Айресе скончалась его жена. На родине он также не нашел успокоения. Правительство не простило ему независимого поведения в недалеком прошлом. Забрав свою единственную дочь, Сан-Мартин уехал в Европу и поселился во Франции. Известный аргентинский общественный деятель, писатель и историк Д. Ф. Сармьенто назвал последний период жизни Сан-Мартина «добровольной Святой Еленой». «По утрам я работаю в небольшом саду или в своей ковровой мастерской, днем совершаю прогулки, а вечера посвящаю чтению веселых книг и периодических изданий. Так течет моя жизнь»²⁴², – признавался Сан-Мартин своему верному адъютанту Р. Гидо. Скончался великий деятель в 1850 году в небольшом местечке Булонь-сюр-мер, пережив Боливара на 20 лет.

Жизненный путь Боливара после встречи в Гуаякиле сложился иначе. Уход Сан-Мартина с политической арены окончательно вверг Перу в глубокий кризис. Междоусобицы и частые смены деятелей у руля правления породили политический хаос. Испанские войска нанесли несколько поражений армии патриотов и заняли Лиму. На их сторону перешли многие крупные землевладельцы-креолы, заботившиеся прежде всего о сохранении своих привилегий колониальной эпохи. Даже в правительстве находились деятели, готовые к сговору с врагом. Положение патриотов стало катастрофическим. В этих условиях перуанский конгресс призвал Боливара прийти на помощь Перу во главе колумбийской армии. Своим решением в сентябре 1823 года конгресс назначил Освободителя верховным командующим всеми вооруженными силами патриотов и вручил ему всю полноту военной и гражданской власти, официально провозгласив диктатором Перу.

Поистине титанические усилия пришлось приложить Боливару, Сукре и другим патриотам, для того чтобы переломить неблагоприятную ситуацию в Перу. Длительное время борьба проходила с переменным успехом. Столица Лима и главная морская крепость Кальяо несколько раз переходили из рук в руки. Только к середине 1824 года Боливару удалось, мобилизовав все ресурсы Великой Колумбии и Перу, создать многочисленную армию патриотов, перевооружить ее и укрепить воинскую дисциплину.

Последнее, решающее сражение войны за независимость произошло в декабре 1824 года на высокогорном плато Аякучо. Боливар с отрядом войск в это время освобождал от испанцев побережье Перу. Армия патриотов под командованием Сукре настигла основные силы испанцев и в быстротечном бою наголову разгромила их. Эта блестящая победа окончательно обеспечила независимость испанской Америки. Население Верхнего Перу провозгласило создание самостоятельной республики, названной в честь Освободителя Боливией.

К этому времени патриоты Мексики также добились ликвидации испанского владычества. В январе 1826 года выбросил белый флаг гарнизон последнего очага испанского сопротивления – крепости Кальяо. Многолетняя освободительная эпопея народов континента завершилась полным разгромом колонизаторов и изгнанием их с латиноамериканской земли. Испании удалось удержать в своих руках только Кубу и Пуэрто-Рико.

---

²⁴¹ [241] Antologia sanmartiniana. – P. 234

²⁴² [242] Bicentenario de San Martin. – P. 54

Полярность жизненных судеб Боливар и Сан-Мартина после Гуаякиля вызвала острые столкновения мнений в кругах общественности и историков стран Южной Америки относительно причин такого драматического развития событий. Авторы первых исторических трудов о войне за независимость – Х. М. Рестрепо и др. – были ее современниками или участниками. Их рассказ о свидании в Гуаякиле являлся отражением непредвзятого взгляда на это историческое событие ²⁴³. Но эти книги впоследствии были преданы забвению.

Во второй половине XIX века в обстановке участвовавших конфликтов между странами континента широкое распространение получила концепция о конфронтационном характере «встречи в верхах», родившаяся в недрах националистического мировоззрения. Она ставила целью переписать историю и имела несколько вариантов. В одном случае утверждалось, что, действуя «с позиции силы», Боливар вынудил Сан-Мартина капитулировать. В другом – Боливар рисовался опытным и прожженным политиком, сумевшим обойти скромного и благородного Сан-Мартина. В третьем – обосновывалась схема: уход протектора Перу из политической жизни произошел сразу же после свидания в Гуаякиле, следовательно, там первопричина его отставки. До встречи – потенциальные соперники, в Гуаякиле – противоборство «за закрытыми дверями», после встречи – триумфатор и побежденный. Для утверждения подобной концепции, писал член аргентинской Академии национальной истории Х. С. Раффо де ла Рета, «извращают логику и честную интерпретацию фактов, игнорируют доказательную ценность подлинных документов» ²⁴⁴.

Сотворение этого мифа и всплеск эмоций начались после публикации в 1843-1844 годах двухтомного сочинения Лафонда де Люрси о его путешествии в испанскую Америку ²⁴⁵. Автор, французский офицер, служил на торговом судне, курсировавшем в 20-х годах XIX в. между Перу и южными районами Колумбии. В дни исторической встречи Боливар и Сан-Мартин Лафонд находился в Гуаякиле. Но не повествование о событиях, которые наблюдал Лафонд, принесли его сочинению громкую известность. Всеобщее внимание привлек один ранее не известный документ, опубликованный на страницах книги в переводе на французский язык. Речь шла о письме Сан-Мартина, направленном якобы Боливару 29 августа 1822 г. из Лимы. Согласно заверениям Лафонда, он получил это письмо от Сан-Мартина в 1840 году во время встречи с ним в доме последнего в Париже, сделал с него перевод, а оригинал вернул хозяину. По другой версии, Лафонд ознакомился с оригиналом письма при содействии секретаря Боливар.

Содержание письма сводилось к следующему. Сан- Мартин в Гуаякиле убеждал Боливар незамедлительно прийти во главе колумбийской армии на помощь Перу, чтобы отвести смертельную угрозу делу патриотов всей испанской Америки, выражал готовность признать главенствующую роль Боливар и служить под его командованием. Категорический отказ Освободителя протектор Перу объяснял для себя его честолюбивыми замыслами, жадностью славы и желанием не делить ни с кем лавры победителя Испании. Тогда Сан-Мартин, движимый благородными побуждениями, решил по своей доброй воле освободить место Боливару. Он не видел другого пути, гарантировавшего торжество дела патриотов. В заключительных строках письма Сан-Мартин обращался к Боливару со словами: «Мое решение позволит именно Вам пожать лавры завершения войны за независимость в Южной Америке» ²⁴⁶.

---

²⁴³ [243] См. Restrepo J. M. Historia de la revolution de Colombia. – Т. IV. – Medellin, 1969. – P. 367-368

²⁴⁴ [244] Antologia sanmartiniana. – P. i 85

²⁴⁵ [245] См. Lafond de Lurcy G. Voyage dans L'Amerique Espagnole. – P., 1843

²⁴⁶ [246] Antologia sanmartiniana. – P. i 89

По горячим следам сенсационное «открытие» Лафонда произвело впечатление на многих. Публикации Лафонда доверился аргентинский историк Б. Митре, назвавший письмо от 29 августа 1822 г. «политическим завещанием» Сан-Мартина ²⁴⁷. Его яркий талант повествователя придал убедительность суждениям, содержащимся в письме. Четырехтомный труд Митре «История Сан-Мартина и освобождения Южной Америки» получил широкую известность. В той или иной степени мифу о конфронтации в Гуаякиле отдали дань многие аргентинские и другие историки: чилиец А. Баррос, венесуэлец Ф. Ларрасабаль, испанец С. Мадариага. Известный аргентинский историк Р. Левене озаглавил свое специальное исследование так: «Письмо Сан-Мартина Боливару от 29 августа 1822 г. – основополагающий документ аргентинской и американской истории» ²⁴⁸.

Другая группа историков, прежде всего венесуэльские и колумбийские исследователи, поставили под сомнение «открытие» Лафонда. По поводу письма Сан-Мартина возникало множество вопросов и сомнений. Почему оно увидело свет только спустя 14 лет после кончины Боливара? Почему оригинал письма, направленного Освободителю, нашелся не в его архиве, не в архивах Колумбии, Венесуэлы или Перу, а оказался в 1840 году в руках Лафонда? Почему о столь важном письме ничего не знали ни Сукре, ни Брисеньо-Мендес, ни О'Лири, ни другие деятели из ближайшего окружения Освободителя, пользовавшиеся полным доверием Боливара? И что стало с ответом Боливара? Как известно, Освободитель всегда отвечал на полученные письма. Как мог он не отреагировать на письмо Сан-Мартина, которого высоко ценил? Почему такое важное письмо не опубликовал сам Сан-Мартин или не передал вместе с другими архивными документами своему доверенному биографу Митре?

Впоследствии при внимательном изучении версии Лафонда знатоки истории войны за независимость обнаружили в ней немало фактических неточностей и ошибок. В. Лекуна, Кристобаль Л. Мендоса и другие исследователи привели весомые доказательства того, что письмо от 29 августа 1822 г. как источник не заслуживает доверия ²⁴⁹. Более того, оно бросало тень на обоих участников «встречи в верхах». Боливар – победитель, но низкий честолюбец. Сан-Мартин, воплощение благородства, – побежденный. Чем дальше, тем больше противоречий. Почему Сан-Мартин, если он остро нуждался в военной помощи, ни до, ни после Гуаякиля не обратился к своему боевому товарищу и другу, верховному правителю Чили О'Хиггинсу? Далее, согласно письму, Боливар усматривал в Сан-Мартине основное препятствие для объединения всех сил патриотов. Отставка протектора Перу устранила это препятствие. Отчего же Боливар не появился в Перу немедленно после этого, а направился в эту страну только год спустя? Наконец, если верить письму от 29 августа 1822 г., Боливар – человек, готовый ради личного успеха и славы на все. Почему же тогда спустя год, 3 августа 1823 г., в своем последнем письме Боливару Сан-Мартин адресовал ему такие слова: «Прощайте, мой друг. Пусть Вам всегда сопутствуют успех и счастье. Таково пожелание преданного Вам Х. де Сан-Мартина» ²⁵⁰. Ведь только чудовищный лицемер мог писать подобным образом, а, как известно, Сан-Мартин был человеком прямым и правдивым. Известно также, что, уезжая из Буэнос-Айреса в Европу, Сан-Мартин в числе немногих вещей взял с собой портрет Боливара, написанный его дочерью Мерседес. Возникали и другие вопросы по существу.

---

²⁴⁷ [247] См. Mitre B. Op. cit. – P. 1128

²⁴⁸ [248] См. Levene R. La carta de San Martin a Bolivar de 29 de agosto de 1822, documento fundamental de la historia argentina y americana. – Buenos Aires, 1947

²⁴⁹ [249] См. Lecuna V. La entrevista de Guayaquil. – Vol. i-ii. Temas de historia americana. – Caracas, 1963. – P. 34-35

²⁵⁰ [250] O'Leary D. Op. cit. – Vol. 20. – P. 249

Однако версия Лафонда на многие годы пережила своего творца. Если заглянуть в «Советскую историческую энциклопедию» или другие сочинения на эту тему, то встречаемся со знакомыми элементами лафондовской конструкции: Боливар отклонил предложения Сан-Мартина, и последний был вынужден самоустраниться с политической арены во имя интересов скорейшего освобождения Перу и т. д. 251

История не закончилась на Лафонде. Почти столетие спустя бывший аргентинский посол в Перу Э. Коломбрес-Мармоль в 1940 году опубликовал книгу «Свидание Сан-Мартина и Боливара в Гуаякиле в свете новых подлинных документов» 252. На этот раз историческая наука была «осчастливлена» целой коллекцией апокрифических документов, якобы обнаруженных автором в перуанских архивах во время его пребывания на дипломатическом посту в Лиме, – девять ранее не известных писем Боливара, Сан-Мартина и Сукре, написанных в период 1822- 1827 годов. На следующий год к ним прибавилось еще три новых письма (одно Боливара и два Сан-Мартина), подаренных Коломбрес-Мармолем аргентинскому историку Ромулу Д. Карбиа. Правда, по странному совпадению, все эти письма в основном касались встречи в Гуаякиле и ее последствий. Своим содержанием они подкрепляли версию Лафонда.

Письма, «открытые» Коломбрес-Мармолем, пошли «гулять» по различным документальным сборникам, например «Переписка между Освободителями Сан-Мартинем и Боливаром» (1941 г.), «Сан-Мартин о себе» (1940 г.) и т. д., где они помещались среди подлинных документов, обретая тем самым «статус» подлинности.

Потребовалось проделать большой объем разнообразных исследований, чтобы очистить историю от фальсификации. Аргентинская Академия истории создала специальную комиссию для изучения вопроса. Фактологический анализ показал, что письма содержат большое число ошибок и в них фигурируют данные, которые их авторы не могли знать в момент написания писем, так как они стали известны значительно позднее.

Для исследования документов был приглашен самый известный в то время в Америке графолог Анхель де Лука. Графологическая экспертиза представила два заключения. Во-первых, подписи под письмами отличаются от широкоизвестных подписей этих исторических деятелей под другими документами, подлинность которых не вызывает сомнений. Во-вторых, гипотеза о том, что письма могли быть написаны под диктовку их секретарями, несостоятельна, так как рукой этих секретарей, как было установлено, ни до, ни после не писался ни один документ. Внесли свой вклад в разоблачение мистификации ученые-лингвисты. Язык писем по своему грамматическому строю и словоупотреблению имел больше общего с современным испанским языком, чем с языком начала XIX века. Наконец, химический анализ состава бумаги показал, что оригиналы документов написаны на бумаге середины XX столетия, а не первых десятилетий XIX века. Национальные академии истории Венесуэлы и Колумбии, а также боливарские общества Эквадора и Панамы объявили «открытие» бывшего аргентинского посла в Перу фальшивкой.

Последнюю точку в этой истории поставило правительство Аргентины. В сентябре 1943 года специальным декретом президент П. П. Рамирес утвердил правительственное решение не приобретать за деньги и не принимать в качестве дара предложенное Коломбрес-Мармолем собрание архивных документов, так как «упомянутые документы не обладают существенными атрибутами, позволяющими установить их несомненную подлинность» 253.

---

251 [251] См. Советская историческая энциклопедия. – Т. 12. – М., 1969. – С. 531; Очерки истории Аргентины. – М., 1961. – С. i 13-i i 4

252 [252] См. Colombres Marmol E. San Martin y Bolivar en la entrevista de Guayaquil a la luz de nuevos documentos definitivos. – Buenos Aires, 1940

253 [253] Цит. по Lecuna V. La entrevista de Guayaquil. – Vol. I. – P. 168- i 69

Так завершились идейные баталии вокруг исторической встречи в Гуаякиле, длившиеся более 100 лет, и восторжествовала истина. В заключение следует предоставить слово известному современному венесуэльскому историку Х. Сальседо-Бастардо, чей главный труд об Освободителе переведен и опубликован во многих странах мира. «Боливар и Сан-Мартин прибыли в Гуаякиль, охваченные горячим стремлением к встрече и достижению согласия, что там и произошло. Из Гуаякиля они уезжали, чтобы следовать своему призванию. Возросли дружба и взаимное уважение... Каждый из них в соответствии со своими способностями и образом действий, с учетом имевшихся в его распоряжении средств, преданно служил общему идеалу латиноамериканского единства»²⁵⁴.

Вдумываясь в эти слова, прозвучавшие по случаю 200-летия со дня рождения Сан-Мартина, глубже понимаешь замысел автора мемориала, воздвигнутого на малеконе Гуаякиля в честь встречи двух самых выдающихся руководителей народной борьбы за независимость в Латинской Америке.

Симон Боливар и Джеймс Монро: противостояние двух дипломатий

Когда я обращаю свой взор на Америку..., то вижу, что во главе этого великого континента находится мощное государство, очень богатое, очень воинственное и способное на все.

Симон Боливар

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПАНАМСКОГО КОНГРЕССА

Как только забрезжила заря долгожданной победы в войне за независимость, Боливар приступил к осуществлению своей идеи о проведении Панамского конгресса, высказанной в 1815 году в программном заявлении «Письмо с Ямайки».

Созыв первого международного конгресса молодых независимых государств континента в условиях еще продолжавшейся войны с Испанией являлся сложным делом, требовавшим серьезной подготовки. Необходимо было предварительно обсудить с будущими участниками конгресса принципиальные подходы к созданию союза латиноамериканских государств и закрепить их в договорной форме. Вскоре после принятия присяги в качестве президента Великой Колумбии Боливар принял решение направить две специальные дипломатические миссии для заключения договоров о дружбе, союзе и конфедерации с соседними странами, сбросившими испанское иго. В октябре 1821 года он обсудил этот вопрос с вице-президентом Сантандером и министром иностранных дел Гуалем.

10 октября 1821 г. сенатор Хоакин Москера и член Национального конгресса Мигель Санта-Мария были назначены чрезвычайными и полномочными посланниками для ведения переговоров: первый – с Перу, Чили и Буэнос-Айресом, а второй – с Мексикой. Придавая этим миссиям большое значение, Боливар много внимания уделял их всесторонней дипломатической подготовке. Он обратился со специальными посланиями к Сан-Мартину и к верховному правителю Чили О'Хиггинсу. «Сделайте все возможное для успеха этой миссии, – писал Боливар О'Хиггинсу. – Она выражает интересы Америки и призвана принести спасение Новому Свету». Санта-Мария должен был вручить главе мексиканского государства личное обращение Боливару с призывом крепить сердечное согласие двух стран

---

²⁵⁴ [254] Bicentenario de San Martin. – P. i 37, 141

Освободитель имел веские основания торопиться с воплощением своего заветного идеала. В Европе сгустились тучи монархической реакции. Победители Наполеона – русский самодержец, австрийский император и прусский король в 1815 году основали на Венском конгрессе «Священный союз» для всемерной поддержки принципов легитимизма («священных прав» монархов) и непримиримой борьбы со всеми проявлениями революционного духа, политического и религиозного свободомыслия. К этому «союзу тиранов» примкнули почти все европейские монархи. Англия, не являясь формальным участником «Священного союза», направляла своих представителей на созываемые им конгрессы и до начала 20-х годов нередко координировала свою линию с его действиями. Фердинанд VII слал европейским дворам слезные мольбы о помощи. В нотах испанского министерства иностранных дел утверждалось, что от «замирения» восставших колоний в Америке «зависят в большой степени будущая безопасность тронов, стабильность социального и легитимистского порядка в его различных проявлениях и мир в Европе» 256.

Отрывочная и нерегулярная информация о европейских международных отношениях не позволяла руководителям патриотов с достоверностью судить о масштабах и реальности угрозы, исходившей от «Священного союза». В любом случае испаноамериканским странам следовало обезопасить себя от нее. Гарантией неприкосновенности их завоеваний был призван стать латиноамериканский союз. Именно это имел в виду Боливар, говоря о спасении Нового Света. «Кто сможет противостоять Америке, объединенной сердечным согласием, уважением к закону и преданностью свободе?» 257, – писал Освободитель О'Хиггинсу. Миссии Москеры и Санта-Марии явились одним из ответов Боливара на возможную угрозу со стороны «Священного союза». В конце 1821 года обе миссии отправились в путь. Каждая имела тщательно разработанный проект договора и идентичные подробные инструкции, подготовленные по указанию Боливара министром иностранных дел Колумбии Педро Гуалем.

«Лучший интерпретатор американской концепции Освободителя», как называют Гуаля, ставил две взаимосвязанные задачи. Первая касалась укрепления военного, дипломатического и экономического сотрудничества в целях победного завершения войны против Испании. Кроме того, каждой миссии предписывалось добиваться признания принципа *uti possidetis* (1810 г.) в качестве основы решения территориальных проблем. Другими словами, следовало исходить из того факта, что республики возникают в границах бывших вице-королевств, генерал-капитанств и аудиенсий. В инструкциях подчеркивалась необходимость разработки совместными усилиями механизма арбитража и разрешения споров. На Москеру возлагалось также проведение переговоров о заключении торговых договоров.

Вторая задача носила более широкий характер. Речь шла о подготовке создания конфедерации американских государств. В инструкциях обрисовывались основные контуры такой конфедерации. Направление дипломатических миссий на Север и Юг Америки, исключая карибские страны, Бразилию и США, говорило о том, что Боливар был твердо намерен ограничить членство в конфедерации испаноамериканскими странами, объединенными общностью языка, исторической судьбы, происхождения и культуры. Конфедерация должна была принципиально отличаться от «Священного союза», а именно представлять собой «сообщество братских народов». В будущем предусматривалась возможность перехода к более высоким формам политического объединения. Пока же

---

255 [255] См. Bolivar S. – Vol. i. – P. 598, 6 i 9

256 [256] Цит. по Bolivar y Europa... – P. 778

257 [257] Bolivar S. – Vol. i. – P. 619

предлагалось учредить ассамблею полномочных представителей для решения самых неотложных проблем, таких как защита от внешней агрессии, укрепление общих интересов, устранение разногласий и конфликтов.

В инструкциях говорилось: «Ничто не представляет большего интереса в настоящий момент, чем образование подлинно американской лиги. Однако эту конфедерацию не следует рассматривать как привычный оборонительно-наступательный союз. Она должна основываться на значительно более близких отношениях, чем недавно созданный в Европе союз, который направлен против свободы народов. Необходимо, чтобы наша конфедерация была сообществом братских народов..., объединенных и сильных, способных защитить себя от агрессии иностранных держав... Уже сейчас следует заложить фундамент для созыва ассамблеи полномочных представителей, которая даст импульс общим интересам американских государств...»²⁵⁸. Таким образом, Боливар рассматривал заключение договоров о дружбе, союзе и конфедерации не в качестве самоцели, а как необходимый шаг на пути к решению главной задачи – созданию латиноамериканского союза. Нужно напомнить: для Боливара термин «подлинно американская лига» всегда был синонимом «испаноамериканской лиги», а термин «американские государства» – «стран, ранее бывших испанскими владениями».

Обе миссии принесли положительные результаты, хотя переговоры, которые пришлось вести посланцам Боливара, нельзя назвать легкими. Обстановка в Перу, Чили, Буэнос-Айресе и Мексике была напряженной и нестабильной, происходили частые смены правительств. Еще не завершилась война против Испании, а уже возникали противоречия, споры и столкновения интересов между странами, провозгласившими свою независимость.

Наибольшим успехом закончилась миссия Москеры в Перу, куда он прибыл в мае 1822 года. Поддержка Сан-Мартина обеспечила принятие предложений, привезенных в Лиму посланцем Боливара, без долгих дискуссий. Ведение переговоров Сан-Мартин поручил министру иностранных дел Бернардо Монтеагудо.

Этот неординарный человек пользовался широкой известностью среди патриотов. Он родился на Ла-Плате и получил степень доктора права в Кордовском университете. За участие в 1809 году в стихийном антиколониальном восстании в городе Чукисаке (Верхнее Перу), где находился один из главных университетских центров всей испанской Америки, испанцы приговорили его к смертной казни. Сумев бежать, Монтеагудо примкнул к революционному крылу борцов за независимость в Буэнос-Айресе. Впоследствии он вступил в армию Сан-Мартина и стал его ближайшим соратником. Монтеагудо принадлежал к числу горячих сторонников идеи единства континента. Свои взгляды он изложил в работе «Эссе о необходимости общей федерации южноамериканских государств», увидевшей свет после его гибели в 1825 году.

Тем не менее в ходе переговоров Москеры и Монтеагудо возникли разногласия и трудности, связанные с нерешенностью проблемы территориальной принадлежности Гуаякиля. Монтеагудо высказался против включения в договор положений о принятии обеими сторонами принципа *uti possidetis* (1810 г.). Потребовалось два раунда переговоров, чтобы найти компромиссное решение. С обоюдного согласия было решено не упоминать этот принцип, а вопрос о демаркации границы между Великой Колумбией и Перу отложить до заключения специальной конвенции.

6 июля 1822 г. состоялось подписание двух документов: Договора о союзе, лиге и постоянной конфедерации между Колумбией и Перу и Дополнительного договора относительно созыва Панамского конгресса.

Первый договор, состоявший из 12 статей, предусматривал взаимопомощь и совместные действия Колумбии и Перу, для отражения угрозы их независимости или

---

²⁵⁸ [258] Документы миссий Москеры и Санта-Марии см. Lecuna V. Relaciones diplomaticas de Bolivar con Chile y Buenos Aires. – Vol. i. – Caracas, 1954. – P. 7-40

интервенции со стороны Испании или любой другой иностранной державы. Каждая страна в этих целях соглашалась содержать воинский контингент из 4 тыс. человек и военно-морскую эскадру. Одновременно участники брали на себя торжественное обязательство не заключать с Испанией или какой-либо другой иностранной державой сепаратных соглашений, ущемляющих завоеванную независимость. Каждая из договаривающихся сторон соглашалась предоставлять гражданам другой стороны все права и преимущества, включая вопросы морского судоходства и торговли, которыми пользуются ее граждане. В договоре предусматривались совместные меры по устранению злоупотреблений, связанных с действиями на морях вооруженных корсаров.

Согласно Дополнительному договору, обе стороны обязывались всеми мерами содействовать созыву в Панаме «генеральной ассамблеи американских государств» и заключению между ними союзного пакта. В Дополнительном договоре закладывались четко сформулированные юридические основы международной организации латиноамериканских стран и ее главных функций. В ст. 6, например, устанавливалось, что будущий пакт о союзе, лиге и вечной конфедерации ни в коей мере не будет ограничивать национальный суверенитет участников или затрагивать их конституционные нормы, а также их отношения с другими иностранными государствами. Тем самым договоры между Колумбией и Перу опровергали слухи, распространяемые противниками латиноамериканского единства, относительно гегемонистских устремлений Колумбии и ее намерений подчинить своему диктату ближайших соседей.

Договор определял также четыре основные функции будущей международной организации: согласовывать позиции участников по отношению к «великим конфликтам» (внешнего характера); объединять усилия для противодействия внешним угрозам, представляющим опасность для всех; давать обоснованную интерпретацию общественным договорам, когда возникают осложнения; и, наконец, играть роль арбитра в возникающих спорах.

Оба договора были ратифицированы Национальными конгрессами Колумбии и Перу соответственно в июле и ноябре 1823 года. Не получила одобрения только статья, предусматривавшая совместные вооруженные акции по наведению порядка в случае нарушения «внутреннего спокойствия» в одной из стран. Эту статью конгрессмены сочли нарушением принципов невмешательства во внутренние дела. Колумбийско-перуанские договоры послужили в дальнейшем базовыми документами для переговоров Москеры с Чили и Буэнос-Айресом. Дипломатический эмиссар Боливара мог быть удовлетворен результатами своей миссии в Перу. При расставании Сан-Мартин вручил ему рекомендательные письма к правительствам Чили и Буэнос-Айреса, свидетельствовавшие о его активной поддержке проекта Боливара.

В Сантьяго-де-Чили дипломатического посланца Боливара принял О'Хиггинс, сыгравший выдающуюся роль в становлении независимой чилийской республики и осуществлении ряда прогрессивных преобразований в экономической и политической жизни страны. Он разделял взгляды Освободителя относительно латиноамериканского единства. Его поддержка позволила Москере в течение двух месяцев успешно завершить переговоры.

Чилийские представители – министр иностранных дел Х. Эчеверриа и военный министр Х. А. Родригес – приняли, за небольшим исключением, все статьи колумбийско-перуанских договоров, предложив объединить их в один общий документ. Они лишь выразили возражения по поводу постоянного характера конфедерации и точного определения в договоре численности воинских контингентов. Так же как перуанцы, чилийские министры отказались поставить свою подпись под обязательствами о взаимных гарантиях территориальной целостности в границах, существовавших до начала войны за независимость. Высказали они свои сомнения и относительно избрания Панамы местом проведения будущей ассамблеи американских государств. Москере пришлось внести необходимые изменения, и 21 октября 1822 г. состоялось подписание колумбийско-чилийского Договора о союзе, лиге и конфедерации.

Основные трудности начались после этого. Члены Национального конгресса Чили воздержались от ратификации договора на том основании, что Колумбия, будучи инициатором переговоров, должна первой ратифицировать документ. 30 октября 1822 г. была обнародована новая Конституция Чили, предусматривавшая реорганизацию системы законодательной и исполнительной власти. После этого в стране обострилась борьба между патриотическими силами и кругами землевладельческой и церковной олигархии. В провинциях начались антиправительственные восстания и мятежи. Политический кризис и ухудшение финансового положения вынудили О'Хиггинса отказаться от власти и удалиться в «добровольное» изгнание в Перу. После его отставки Чили на длительный период стала ареной междоусобной борьбы враждующих помещичьих кланов, соперничества между светскими и церковными землевладельцами и выступлений нарождавшейся буржуазии. Менялись правительства, распускался конгресс, отменялись конституции, происходили мятежи и заговоры. Вопрос о ратификации чилийско-колумбийского договора повис в воздухе, хотя Колумбия ратифицировала договор в июле 1823 года.

Наиболее серьезные трудности посланца Боливера ждали на Ла-Плате. Задолго до отъезда в Буэнос-Айрес Москера направил министерству иностранных дел этой страны ноту с объяснением целей своей миссии, приложив к ней соответствующий проект договора. Однако это не облегчило его задачу. Формирование аргентинского национального государства на месте бывшего вице-королевства Рио-де-Ла-Плата происходило в ожесточенной борьбе между приверженцами широкой автономии провинций – федералистами и централистами – сторонниками сильной власти главы государства. После распада центрального правительства в 1820 году страна переживала тяжелый период разброда и неурядиц. Большинство членов Национального конгресса даже высказались за установление на Ла-Плате конституционной монархии во главе с герцогом Луккским, принадлежавшим к роду Бурбонов. Но этот непопулярный проект был обречен на неудачу. В Буэнос-Айресе не прекращались междоусобицы.

Внутренние провинции находились во власти местных военачальников, так называемых каудильо, связанных с крупными землевладельцами. Во имя сохранения своих привилегий они отвергали любую центральную власть и требовали сохранения безграничной автономии провинций.

Поскольку не существовало общенационального правительства, Москере пришлось вести переговоры с правительством провинции Буэнос-Айрес. Здесь было немало сторонников идеи единства испанской Америки. Но не они определяли политический климат. Ключевой фигурой правительства Буэнос-Айреса являлся видный деятель майской революции на Ла-Плате Бернардино Ривадавия, занимавший пост министра внутренних дел. Он обладал немалым дипломатическим опытом, и именно ему поручили представлять интересы Буэнос-Айреса на переговорах с посланцем Великой Колумбии.

Ривадавия и Боливар были почти ровесниками, и их жизненные пути во многом совпадали. Казалось, им несложно было найти взаимопонимание в таком важном вопросе, как латиноамериканское единство. Ривадавия включился в освободительную борьбу в начале XIX века, приняв участие в изгнании англичан, пытавшихся военной силой отобрать Ла-Плату у Испании в 1806-1807 годах. После победы майской революции, занимая пост секретаря первой правительственной хунты патриотов, он выступал за скорейшее провозглашение полной независимости от Испании.

Ривадавия, как и Боливар, провел немало лет в Европе, добиваясь дипломатического признания Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы европейскими государствами. Французские просветители и идеологи североамериканской революции оказали большое влияние на его мировоззрение. Он понимал значение решения социальных вопросов для укрепления независимости. В правительстве Буэнос-Айреса Ривадавия выступил инициатором ряда реформ, отвечавших интересам капиталистического развития и расширения демократических прав населения.

На этом общность между Ривадавия и Боливаром кончалась. Их подходы к проблеме

латиноамериканского единства были различными. Во внешнеполитической области Ривадавия, по мнению Москеры, действовал как типичный «портеньо» – так в Аргентине называли жителей Буэнос-Айреса. Занимая командную стратегическую позицию на главной транспортной артерии страны – речной системе Параны, Буэнос-Айрес претендовал на лидирующую роль по меньшей мере в так называемом Южном конусе (Аргентина, Чили, Боливия, Парагвай и Уругвай). Не случайно в Декларации независимости, одобренной Национальным конгрессом в Тукумане в 1816 году, применена формула: «Единодушной волей объединенных провинций Южной Америки...»

Такой крупный деятель нарождающейся аргентинской буржуазии, как Ривадавия, не мог не понимать значения тесного союза всех стран континента для упрочения их международного положения. Однако в его политике тактические соображения взяли верх над стратегическими, и в предложениях Боливара он усмотрел прежде всего стремление Великой Колумбии дирижировать континентальным оркестром и поэтому встал к ним в оппозицию.

Почти два месяца дискуссий между Москерой и Ривадавия принесли более чем скромный результат. Ривадавия сразу же отказался включить в текст договора какие-либо обязательства, касающиеся созыва Панамского конгресса и участия Ла-Платы в предполагаемом латиноамериканском союзе. По словам Ривадавия, правительство Буэнос-Айреса не могло пойти на такой шаг без предварительного согласия других провинций, а получить его в феврале – мае 1823 года, когда происходили переговоры, не представлялось возможным, так как многие из них не признавали это правительство. Не согласился Ривадавия и с предложением Москеры преодолеть это препятствие путем включения в договор дополнительной статьи, в которой говорилось бы о намерении Буэнос-Айреса содействовать в порядке добрых услуг вступлению в американскую лигу других провинций Ла-Платы. Такая активность Буэнос-Айреса, по мнению Москеры, могла существенно повлиять на решение внутривосточных проблем Ла-Платы и помочь сплочению вокруг центральной провинции других частей бывшего вице-королевства.

Окончательный отказ Ривадавия говорил опытному дипломатическому эмиссару Боливара о том, что дело, видимо, не только в сложном комплексе взаимоотношений Буэнос-Айреса с провинциями. Позиция этой страны определялась также претензиями играть роль влиятельного субрегионального центра в системе континентальных отношений. Во всяком случае, Буэнос-Айрес не собирался поддерживать инициативу Великой Колумбии по созданию американской конфедерации. Более того, он хотел ее притормозить.

В ходе переговоров выявились истинные цели Буэнос-Айреса. Его интересовала в первую очередь политическая и военная поддержка со стороны Великой Колумбии в назревавшем конфликте с соседней Бразилией из-за территории, носившей в колониальную эпоху название «Банда ориенталь» (современный Уругвай). Поэтому Ривадавия предлагал записать в договоре положение о взаимных гарантиях территориальной целостности. Москера не имел возможности посоветоваться с Боготой. Учитывая, что Перу и Чили возражали против такой статьи в договорах, он не решился принять предложение своего аргентинского партнера.

Тогда Ривадавия представил Москере свой проект соглашения между двумя странами. В нем не осталось почти ничего от первоначальной версии, направленной представителем Боливара Буэнос-Айресу из Чили. После недолгих раздумий 8 марта 1823 г. Москера скрепил своей подписью аргентино-колумбийский Договор о дружбе и союзе, носивший характер общей краткой декларации. Он состоял всего из шести статей. В договоре заявлялось о заключении двумя странами «бессрочного оборонительного союза для защиты своей независимости от посягательств Испании или любого другого иностранного государства». При этом никаких конкретных обязательств участники договора на себя не принимали. Чтобы ни у кого не возникало сомнений на этот счет, было записано: «Осуществление этого союза будет регламентироваться специальным соглашением, учитывающим обстоятельства и ресурсы каждой из договаривающихся сторон». Через три

месяца состоялась ратификация договора. Станет ли оборонительный союз политической реальностью? Ответ на этот вопрос предстояло искать в будущем.

Возвращаясь в Боготу, Москера сделал остановку в Гуаякиле и доложил Боливару о результатах своей дипломатической миссии. Они свидетельствовали о немалых трудностях на пути подготовки Панамского конгресса. Безоговорочную поддержку проект Боливара получил только со стороны правительства Перу. При благоприятном развитии событий в Чили можно было надеяться на ее участие. Что касается Буэнос-Айреса, то, по всей вероятности, его правительство собиралось остаться в стороне. Это был тревожный симптом. От слова Ла-Платы зависело немало.

Дипломатическая миссия Санта-Марии в Мексику также встретила с немалыми трудностями. Освобождение этой страны от испанского владычества явилось результатом многолетней борьбы мексиканского народа во главе с Идальго, Моралесом и другими выдающимися руководителями патриотов. Их героические усилия расшатали устой колониального режима и подготовили его ликвидацию. Однако им не удалось довести дело до окончательной победы. Плодами их самоотверженной борьбы воспользовались консервативные силы под предводительством полковника Агустина де Итурбиде. Провозгласив в сентябре 1821 года независимость Мексики от Испании, они одновременно объявили об установлении в стране конституционной монархии. Когда Санта-Мария прибыл в Мехико, в Национальном конгрессе, заседавшем в столице, происходили жаркие баталии между приверженцами монархии и сторонниками республики. Власть находилась в руках Регентского совета и его председателя полковника Итурбиде, фактически правившего единолично. Во время первой аудиенции Санта-Мария вручил послание Освободителя, который поздравлял Итурбиде с победами в борьбе за независимость, одержанными мексиканскими патриотами под его командованием, и высказывал пожелание, чтобы «Колумбия и Мексика выступали на международной арене, связанные прочными узами и сердечным согласием»²⁵⁹. Вскоре, однако, Санта-Марии пришлось прервать начавшиеся переговоры.

В ночь на 19 мая 1822 г. в столице Мексики произошел бескровный государственный переворот. Под давлением войск столичного гарнизона группа депутатов Национального конгресса провозгласила Итурбиде императором Мексики под именем Агустина I. Не имея полномочий для заключения договора с монархическим режимом, Санта-Мария обратился в Боготу за новыми инструкциями.

Такой поворот событий в Мексике не был полной неожиданностью для Боливара. Несколькою годами ранее Освободитель высказал предположение: если руководство мексиканскими патриотами окажется в руках креолов- военных, в большинстве своем принадлежавших к аристократии, они попытаются установить в Мексике монархический режим. К великому сожалению, этот прогноз оказался пророческим, и теперь президенту Великой Колумбии, убежденному республиканцу, предстояло определить свою позицию.

Заняв мексиканский трон, Итурбиде через десять дней, 29 мая 1822 г., направил Боливару послание, в котором новоявленный монарх сообщал, что «волей армии и народа» он поставлен во главе империи. «Мексика, – говорилось в послании, признает Колумбию суверенной республикой и предлагает ей вечную дружбу».

Официальная реакция Колумбии, отражавшая прежде всего позицию Боливара, была весьма сдержанной. Если до переворота Освободитель посчитал возможным обратиться к Итурбиде с личным посланием, то теперь он поручил генеральному секретарю правительства Колумбии Х. Г. Пересу написать ответ императору Мексики и адресовать его министру иностранных дел этой страны. В документе содержались обычные для дипломатического протокола заверения в дружественных чувствах Колумбии и ее президента в отношении

---

²⁵⁹ [259] Bolivar S. – Vol. i. – P. 598

императора Мексики ²⁶⁰. При этом ответ был отправлен с большим опозданием – только в марте 1823 года, когда режим Итурбиде доживал последние дни.

Такой же линии следовал колумбийский министр иностранных дел Гуаль, предписавший Санта-Марии ждать дальнейшего развития событий в Мексике. В неофициальном порядке Гуаль советовал ему не торопиться с признанием императора, который завтра может быть низложен. Предсказания колумбийского министра скоро сбылись. Не прошло и года, как империя Итурбиде потерпела крах. Незадачливый император был объявлен Национальным конгрессом вне закона и выслан из Мексики. Когда же Итурбиде попытался тайно вернуться в страну, он был схвачен и расстрелян. В письме к Сантандеру Боливар высказал в этой связи свое категорическое осуждение «монархического проекта»: «Пусть Бог избавит нас от карьеры и судьбы Итурбиде. Его смерть составляет третий том истории американских монархов: Дессалин, Кристоф и Итурбиде – все они пришли к одному финалу». Трагический финал этих претендентов на корону в Гаити и Мексике служил для Боливара еще одним доказательством неприемлемости монархических форм правления для стран, освободившихся от колониального ига.

Тем временем Санта-Мария возвратился в Мехико и возобновил переговоры с министром иностранных дел республиканского правительства Лукасом Аламаном. 3 октября 1823 г. состоялось подписание мексикано-колумбийского Договора о союзе, лиге и конфедерации. По своему содержанию он был аналогичен перуанскому и чилийскому договорам. С обоюдного согласия была дополнительно включена только одна статья – о взаимной гарантии территориальной целостности каждого государства в границах 1810 года. По мнению некоторых историков, Мексика уже в то время стремилась получить поддержку на случай конфликта с северным соседом. Через два месяца после подписания договор был ратифицирован мексиканским конгрессом. Между Мехико и Боготой состоялся обмен дипломатическими представительствами.

Серию подготовительных соглашений к Панамскому конгрессу завершил договор между Колумбией и Объединенными провинциями Центральной Америки. Примечательна история его заключения. Возникновение движения за латиноамериканское единство в столь отдаленной и забытой богом провинции испанской колониальной империи явилось неожиданностью даже для Боливара. Там его глашатаем и идейным вдохновителем выступал выдающийся гондурасский ученый и политический деятель Хосе Сесилио дель Валье, автор Декларации независимости Центральной Америки, провозглашенной 15 сентября 1821 г. Со страниц газеты «Эль амиго де ла Патриа» прозвучал призыв Валье основать братский союз всех стран Америки и разработать план их экономического процветания ²⁶¹.

По инициативе Валье Национальная конституционная ассамблея Объединенных провинций Центральной Америки 6 ноября 1823 г. предложила созвать конгресс представителей всех независимых государств Американского континента. Принятая резолюция основывалась на детальном проекте «Великая федерация молодых государств, сбросивших испанское иго», подготовленном Валье. По словам автора проекта, главная задача федерации – предотвратить возможность интервенции против какого-либо американского государства. В случае сохранения разобщенности испанская Америка станет, по его мнению, легкой добычей иностранцев. Большое внимание в проекте уделялось вопросам экономического сотрудничества, заключению преференциального торгового договора, созданию объединенного торгового флота и т. д. ²⁶² Идеи и предложения Валье были на удивление созвучны плану Боливара, хотя они действовали независимо друг от

---

²⁶⁰ [260] См. Bolivar en la cancilleria mexicana. – Mexico, 1983. – P. 22, 23

²⁶¹ [261] См. Escritos de Jose Cecilio del Valle. Una seleccion. – Wash., 1981.- P. 182-185

²⁶² [262] См. Cerna J. R. Centro America en el Congreso de Panama. – Guatemala, 1938. – P. 14-15, 20

друга, не имея в то время никаких контактов. Это лишний раз доказывало жизненность идеи латиноамериканской солидарности.

В апреле 1824 года Национальная конституционная ассамблея приняла решение направить в Великую Колумбию, Перу, Чили и в Буэнос-Айрес своих представителей с полномочиями вести переговоры о созыве международного конгресса американских государств. В результате видный участник борьбы за независимость Центральной Америки Педро Молина в феврале 1825 года прибыл в Боготу.

На переговорах между Гуалем и Молиной не пришлось прилагать больших усилий для достижения взаимопонимания – позиции их правительств и общественности в вопросах латиноамериканского единства во многом совпадали. Кроме того, Объединенные провинции Центральной Америки испытывали постоянное давление со стороны английских колонистов, обосновавшихся в районе реки Белиз еще в XVII веке. Имея негласную поддержку Лондона, колонисты стремились расширить захваченную ими территорию и превратить ее в официальную колонию Англии. Правительство Объединенных провинций Центральной Америки усматривало в союзе со своим влиятельным соседом – Колумбией гарантию против английской экспансии. В ходе переговоров Молина настаивал на включении в текст договора специальной статьи, обеспечивающей Центральной Америке помощь Колумбии в этом вопросе. Богота пошла ему навстречу. 15 марта 1825 г. Гуаль и Молина подписали «Договор о союзе, лиге и конфедерации, обеспечивающий навечно их свободу и независимость». Наряду со статьей о взаимных гарантиях территориальной целостности в договоре было записано обязательство сторон использовать свои наземные и военно-морские силы против тех, кто без соответствующего правительственного разрешения пытается основать колонии в районе Москитового берега (на карибском побережье Центральной Америки). В остальном договор ничем не отличался от аналогичных договоров, заключенных Великой Колумбией с Перу, Чили и Мексикой. До конца 1825 года он был ратифицирован обеими сторонами.

Первый раунд дипломатической подготовки Панамского конгресса, помимо всего прочего, выявил серьезные трудности организации крупного международного совещания, порождаемые огромными расстояниями и ненадежными средствами коммуникации. Дипломатическая переписка республики Великая Колумбия содержит упоминания о многочисленных мелких казусах, отражавшихся на работе министерства иностранных дел и его посланников за границей. Так, находясь в Мексике, Санта-Мария выражал недоумение по поводу молчания Боготы. На свои 30 донесений, отправленных в Колумбию, он получил всего лишь один ответ. В свою очередь, Гуаль сетовал на отсутствие регулярной информации от посланников, что не позволяло принимать обоснованные решения. В действительности же дипломатические донесения и письма просто не доходили по адресу, бывало, они пропадали в дороге.

Кроме того, постоянно испытывался дефицит времени. Когда в апреле 1823 года договоры с Перу и Чили поступили на ратификацию в сенат республики Великая Колумбия, министр иностранных дел Гуаль выступил перед сенаторами с докладами о ходе подготовки Панамского конгресса. Он считал возможным созвать первую ассамблею полномочных представителей в Панаме до конца 1823 года. На деле все происходило значительно медленнее. Миссия Москеры в три южноамериканские страны продолжалась почти полтора года. Договор с Мексикой Санта-Марии удалось подписать только через 18 месяцев после приезда в эту страну. Лишь семь месяцев спустя текст договора был получен в Боготе. Стало очевидным, что подготовка конгресса потребует не месяцев, а ряда лет, и сроки его созыва приходилось неоднократно переносить. Обстановка же в регионе быстро осложнялась, и это заставляло Боливара действовать решительно.

Завершающий раунд подготовки международного конгресса в Панаме Освободитель начал за два дня до исторической битвы при Аякучо, будучи уверенным в скором окончании войны с испанцами. Находясь в Лиме, он от имени Перу 7 декабря 1824 г. направил Колумбии и Мексике официальные приглашения принять участие в Панамском конгрессе, а позднее, в 1825 году, – Чили, Буэнос-Айресу и Центральной Америке. Приглашение

Бразилии было направлено Сантандером в начале 1826 года.

«После пятнадцати лет жертвоприношений на алтарь свободы Америки, – говорилось в приглашении, подписанном Боливаром, – пришло уже время создать систему гарантий, которая в условиях мира и войны служила бы защите нашего нового положения, чтобы интересы и отношения, связывающие американские республики, ранее являвшиеся испанскими колониями, получили прочную основу, способную, если это возможно, увековечить устои наших государств». Приглашение заканчивалось пророческими словами: «День вручения нашими полномочными представителями своих мандатов войдет в историю дипломатии Америки как начало бессмертной эпохи. Когда спустя столетия потомки будут обращаться к истокам нашего государственного права и вспоминать о договорах, способствовавших его становлению, они отдадут должное актам, родившимся на Панамском перешейке» ²⁶³. Только немногим деятелям мировой истории, страстно верящим в правоту своего дела, удавалось мысленным взором прорвать завесу времени и так безошибочно предсказать будущее.

Решение Боливара созвать конгресс в Панаме сразу же после окончания военных действий против Испании вполне объяснимо: необходимо было добиться реальных результатов раньше, чем наберут силу центробежные тенденции, нараставшие в регионе.

Вице-президент Великой Колумбии Сантандер в 1825 году направил официальные приглашения принять участие в Панамском конгрессе также США, Англии и Голландии.

На протяжении первой половины 20-х годов предстоявшая встреча полномочных представителей испано-американских государств в Панаме неотступно занимала мысли Боливара. В официальных заявлениях и рабочей переписке он развивал, углублял и совершенствовал свою концепцию латиноамериканского сотрудничества, вносил в нее коррективы в связи с изменениями обстановки в регионе и в западном мире.

В документах тех лет, например в инструкциях дипломатическим миссиям Москеры и Санта-Марии, Панамский конгресс часто назывался анфикионом. Для Освободителя этот греческий термин был наполнен глубоким смыслом. В Древней Греции регулярно созывались конгрессы представителей основных двенадцати народностей (племен) для решения общих вопросов. В честь Анфикиона, племянника Прометея, которому приписывалась идея их проведения, эти конгрессы назывались анфикионами. По два представителя от каждой народности собирались в храме Аполлона в городе Дельфы на заседания ассамблеи по чрезвычайным обстоятельствам и дважды в год – на сессии постоянного совета. Главная цель анфикионов заключалась в преодолении соперничества между народностями и обеспечении панэллинского единства для защиты своей цивилизации и религии от нашествий варваров.

Используя древнегреческий термин, Боливар хотел подчеркнуть свою главную идею: конгресс в Панаме является важнейшим звеном общей стратегии завоевания и упрочения национальной независимости испанской Америки. По его словам, анфикион в Панаме «проложит дорогу нашим отношениям со всем остальным миром» и тем самым будет обеспечено «равновесие сил во Вселенной» ²⁶⁴.

Постоянную тревогу Боливара вызывало обострение внутривосточной обстановки в регионе. В начале 1825 года, сразу после рассылки приглашений на Панамский конгресс, он делился своими опасениями с Сантандером: «Проблемой, которая приковывает мое внимание сегодня, является обеспечение внутренней стабильности Америки... Я вижу, как гражданские войны и беспорядки охватывают одну за другой различные части континента. В обожаемых мною родных странах полыхает пожар внутренних смут... Поэтому я вновь обращаю взоры к моему первоначальному проекту – созданию федерации. Только она может

---

²⁶³ [263] Bolivar S. – Vol. 111. – P. 738, 740

²⁶⁴ [264] Ibid. – P. 740

служить лекарством против этого зла...» 265.

Свои идеи и надежды, связанные с созывом первого международного форума испаноамериканских стран, Боливар обобщенно изложил в форме семнадцати тезисов, образовавших документ, известный под названием «Размышления по поводу Панамского конгресса» 266. В международном плане этому конгрессу было предначертано создать «самую представительную или самую необыкновенную и могущественную лигу». По замыслам Боливара, это побудило бы Испанию прекратить войну, а «Священный союз» – признать только что образованные молодые государства. Во внутривосточном плане будут обеспечены торжество закона и проведение общественных реформ.

Большое внимание Боливар уделял перспективам взаимоотношений с Англией. Как свидетельствуют его «Размышления по поводу Панамского конгресса», он исходил из возможности и желательности участия Англии в проектируемом союзе латиноамериканских стран в качестве полноправного члена. В чем состоял замысел Боливара? Если проанализировать его высказывания, то можно проследить ход умозаключений Освободителя. Народы испанской Америки переживали труднейший период национально-государственного становления в неблагоприятных международных условиях. Поэтому, по выражению Боливара, «выживание выступало как первостепенная цель, а каким путем достичь этого – имело подчиненное значение». За счет тактического союза с Англией Боливар планировал обеспечить решение главной стратегической задачи. «Тем временем мы будем расти, укрепляться, – писал он, – и превращаться на деле в самостоятельные государства» 267. Ставку Боливара на союз с Англией в преддверии Панамского конгресса (кстати сказать, не оправдавшуюся) можно понять только в свете противоборства дипломатий Великой Колумбии и США в регионе. «Я был бы счастлив, – говорил он, – если бы не нужно было искать унижительной иностранной протекции» 268.

Боливар надеялся, что ему удастся использовать сотрудничество с Англией и ее заинтересованность в торговле с испанской Америкой для нейтрализации растущей угрозы с севера и противодействия посягательствам европейских монархий, объединившихся в «Священном союзе», на свободу народов. Анализируя накануне Панамского конгресса расстановку сил на международной арене и политику Великобритании, он выражал надежду, что в случае успеха конгресса созданная его участниками лига приобретет такой вес, что сможет успешно противостоять «Священному союзу». По словам венесуэльского историка Х. Сальседо-Бастардо, «в своих попытках объединить Южную Америку Боливар бросил вызов великим державам» 269. Это был смелый, можно сказать, дерзкий замысел.

Будучи политиком-реалистом, Боливар достаточно трезво оценивал возможные опасные последствия слишком близких отношений с «коварным Альбионом». В одном из писем Сантандеру он предупреждал: «Англичане и североамериканцы – союзники случайные и очень эгоистичные» 270. Вскоре после битвы при Аякучо Освободитель вновь возвратился к этому вопросу: «Испанцы для нас уже не страшны, тогда как англичане весьма

---

265 [265] Ibid. – Vol. ii. – P. 68

266 [266] См. Боливар С. Указ. соч. – С. 137-139

267 [267] Bolivar S. Op. cit. – Vol. 11. – P. 160, 161

268 [268] Ibid. – Vol. i. – P. 138

269 [269] Salsedo Bastardo J. L. Bolivar. A Continent and its Destiny. – Richmond, 1977. – P. 161 (далее – Salsedo Bastardo J. L. Bolivar)

270 [270] Bolivar S. – Vol. 11. – P. 97

могущественны и поэтому представляют большую опасность»²⁷¹.

Актуально звучат размышления Боливар относительно принципов, которыми следовало руководствоваться молодым латиноамериканским странам, устанавливая и развивая отношения с «сильными мира сего». Он подчеркивал необходимость проявлять осторожность и осмотрительность, чтобы не оказаться в подчиненном положении. Тесная ассоциация слабых стран с могущественным государством, подчеркивал Боливар, неизбежно приводит к ущемлению их суверенитета, и «в этом таится огромная опасность»²⁷². Главное средство нейтрализации таких опасностей он усматривал в тесном союзе стран, ранее являвшихся испанскими колониями. До последнего момента Боливар верил, что огромные усилия, затраченные на подготовку Панамского конгресса, должны принести свои плоды. Многие в этом отношении зависело от приглашенных в Панаму великих держав, в первую очередь от северного соседа молодых независимых государств Латинской Америки.

«ДОКТРИНА МОНРО»

Назначив в 1819 году Мануэля Торреса представителем Колумбии в США, Боливар возобновил интенсивную кампанию за дипломатическое признание Колумбии северным соседом. С большой выдержкой, тактом и настойчивостью Торрес выполнял поставленную перед ним задачу. Он считал США «естественным союзником» латиноамериканских стран и вплоть до своей смерти в сентябре 1822 года систематически направлял государственному департаменту ноты, содержавшие подробную информацию о событиях в Южной Америке и укреплении позиций республики Великая Колумбия. Перебравшись в Вашингтон из Филадельфии, где он долго оставался, прикованный болезнью к постели, Торрес в ходе неофициальных встреч с государственным секретарем Дж. К. Адамсом и президентом Дж. Монро аргументированно доказывал им выгодность для США дипломатического признания Колумбии и других молодых государств, завоевавших независимость. В частности, в декабре 1820 года он предложил Адамсу начать переговоры о заключении договора о дружбе, торговле и навигации. Такой договор заложил бы основу для оборонительного союза двух стран, необходимого для нейтрализации угроз «Священного союза».

Министр иностранных дел Гуаль из Боготы поддерживал усилия дипломатического представителя Колумбии в Вашингтоне. Так, он направил членам правительства и Конгресса США текст Конституции Великой Колумбии и другие законодательные акты. Эти документы должны были убедить США в том, что республика Великая Колумбия прочно встала на ноги и является демократическим государством.

Давала ли результаты такая дипломатия Великой Колумбии – сказать определенно трудно. Однако, принимая во внимание обстановку в США в то время, можно считать ее своевременной и действенной. В 1822 году президент США препроводил все ноты Торреса членам Конгресса вместе с предложением правительства рассмотреть вопрос о признании южных соседей. Некоторые исследователи полагают даже, что Торрес своими беседами навел президента Монро на мысль провозгласить его знаменитую доктрину²⁷³.

В Соединенных Штатах многие понимали невозможность вечно придерживаться нейтралитета в отношении бескомпромиссной схватки между Испанией и ее колониями в Америке. Эта политика уже принесла им немало выгод. Однако опоздать с ее пересмотром означало понести серьезные потери в борьбе за влияние в Латинской Америке. Широкое

---

²⁷¹ [271] Боливар С. Указ. соч. – С. 122

²⁷² [272] Цит. по Salsedo Bastardo J. L. Bolivar. – P. 87

²⁷³ [273] См. Perkins D. The Monroe Doctrine (1823-1826). – Cambr. (Mass.), 1927. – P. 97-98; Whitaker A. P. The United States and the Independence of Latin America, 1800-1830. – Baltimore, 1941. – P. 467

распространение получил памфлет «Письмо к Джеймсу Монро относительно современного положения в Южной Америке», появившийся в 1817 году. В нем осуждалась «чрезвычайно осторожная» политика администрации и выдвигалось требование официального признания восставших испанских колоний.

Впечатляющие победы армий Боливера и Сан-Мартина поставили перед внешней политикой США в практическом плане вопрос о дипломатическом признании молодых независимых государств, освободившихся от господства Испании и Португалии. Вокруг этой проблемы в правительстве, Конгрессе и среди общественности США в начале 20-х годов развернулась острая борьба. Множество факторов оказывали воздействие на расстановку политических сил в США.

Объективно США, как и Англия, были заинтересованы в ликвидации испанского и португальского владычества в Америке, поскольку для их товаров и капиталов открывался новый огромный рынок. Это делало их противниками политики «Священного союза», защищавшего незыблемость власти монархов. Между Лондоном и Вашингтоном происходил интенсивный обмен мнениями относительно возможности проведения согласованной политики в «испаноамериканском вопросе». На этом общность интересов США и Англии кончалась.

Латинской Америке суждено было стать ареной длительного соперничества двух англосаксонских держав. Донесения дипломатических агентов, направленных Вашингтоном в испанскую Америку, полны бесконечными сетованиями по поводу активного проникновения английских товаров в страны континента и роста политического влияния Англии. США в то время было трудно тягаться в экономическом и военном отношении с «владычицей морей» Великобританией. В первой половине 20-х годов объем английского экспорта в Южную Америку в четыре- пять раз превышал аналогичные показатели США. По мнению сторонников активной внешней политики США, в таких условиях следовало взять реванш на дипломатическом поприще в этой части мира и опередить Англию и другие державы в официальном признании независимости латиноамериканских стран.

Администрация Адамса – Монро не торопилась, однако, с принятием решения. Она проводила зондаж позиций Англии и Франции, направляла к южным соседям неофициальных дипломатических агентов для ознакомления с положением на местах, передавала в Конгресс поступающие от агентов доклады о ходе войны за независимость в испанской Америке и т. д. Адамс в своих мемуарах объяснял такую политику не отсутствием желания помочь южным соседям, а необходимостью убедиться в прочности положения новых правительств, возникших в этой части мира. В ежегодном послании о положении в стране, направленном Конгрессу в конце 1821 года, президент Монро уделил войне за независимость в испанской Америке всего несколько строк. Он сообщил о значительных успехах патриотов и выразил надежду на скорое окончание войны. Правительство США видит свою задачу в том, заявил Монро, чтобы путем «дружественных советов» помочь Мадриду заключить мир со своими бывшими колониями ²⁷⁴.

Выжидательная позиция Белого дома в немалой степени была обусловлена также остротой внутривнутриполитической борьбы в США между промышленным Севером и рабовладельческим Югом. Позднее противоречия между ними привели к гражданской войне. Представители рабовладельческих штатов яростно сопротивлялись признанию молодых независимых государств Латинской Америки, где предоставляли свободу рабам-неграм.

Затяжные дебаты по этой проблеме происходили в Конгрессе США. Председатель палаты представителей Генри Клей и его последователи не жалели красноречия, доказывая необходимость нормализации политических отношений с южными соседями. Такая акция, говорил Клей, адресуя свои слова противникам давно назревшего шага в Конгрессе США и за его пределами, откроет для американского бизнеса новый перспективный рынок и

---

²⁷⁴ [274] См. Richardson J. D. (Ed.) Op. cit. – Vol. 2. – Wash., 1900. – P. 77

обеспечит ему пальму первенства в эксплуатации огромных природных богатств этого региона. Таким образом, заключил он свою известную речь в конгрессе в марте 1818 года, «признание независимости испанской Америки является делом первостепенной важности»²⁷⁵. Конгрессмены горячо аплодировали Клею, но голосовали против его предложений. Так, первое предложение Клея о выделении средств на содержание американского посольства в Буэнос-Айресе было отклонено 115 голосами против 45. Только когда португальский королевский двор первым встал на путь признания латиноамериканских стран и дальнейшая затяжка в этом вопросе могла обернуться против интересов США, американский Конгресс 4 мая 1822 г. принял решение ассигновать 100 тыс. долл. для финансирования дипломатических представительств в независимых государствах Американского континента, что рассматривалось как официальное заявление о признании тех латино-американских стран, которые способны эффективно осуществлять свой суверенитет²⁷⁶. Практическая реализация этого решения затянулась на ряд лет.

Государственный секретарь Адамс, заняв после Монро пост президента и отслужив свой срок, удалился от дел и последние годы жизни посвятил писанию мемуаров. В его многотомном сочинении содержатся интереснейшие свидетельства участника событий того времени. Есть там и описание торжественной процедуры возведения Белым домом дипломатического эmissара Боливара в ранг официально признанного поверенного в делах Колумбии. Это описание выдержано в умильно-пасторальных тонах. По словам Адамса, Мануэль Торрес был так стар и болен, что еле держался на ногах и не мог без посторонней помощи передвигаться. Тем не менее он прибыл 17 июня 1822 г. в Белый дом и был представлен президенту Монро, посадившему его рядом с собою. Если верить Адамсу, Торрес говорил об историческом значении дипломатического признания республики Колумбия великой северной демократией. Монро, в свою очередь, выразил пожелания процветания Колумбии и так растрогал своим добрым отношением Торреса, что последний разрыдался от счастья²⁷⁷. В воспоминаниях государственных деятелей на склоне лет многое видится в розовом свете.

Великая Колумбия первой удостоилась чести принимать чрезвычайного и полномочного посланника США. Государственный секретарь Адамс в инструкциях Ричарду Андерсону из штата Кентукки, назначенному на этот пост, предписывал приложить максимум усилий для скорейшего заключения торгового договора между двумя странами и установления дружественных политических связей. «Если республике Колумбия удастся сохранить всю территорию, которой она сегодня владеет, и ей посчастливится иметь правительство, способное на деле защищать интересы своего народа, – подчеркивал Адамс, – она сможет занять место среди наиболее могущественных государств мира»²⁷⁸. В 1822 году правительство США установило официальные дипломатические отношения также с Мексикой, Затем, в 1823 году, последовало дипломатическое признание Чили и Буэнос-Айреса. В 1824 году настала очередь Центральной Америки и Бразилии, а в 1826 году – Перу. Однако, как заявил Адамс в ответ на протест Испании, «это признание не предполагает лишить законной силы какое-либо право Испании или препятствовать применению любых средств, которые она, может быть, пожелает или сможет использовать с целью воссоединения этих провинций с остальными владениями»²⁷⁹. Признание за

---

²⁷⁵ [275] The Papers of Henry Clay. – Vol. 2. – P. 520

²⁷⁶ [276] The Hispanle American Historical Review. – Vol. I. – 1918. – Aug. – P. 257

²⁷⁷ [277] Ibid. – P. 259

²⁷⁸ [278] Koch A, Peden W. The Selected Writings of John Quincy Adams. – N. Y., 1946. – P. 348

²⁷⁹ [279] Ibid. – P. 157

Испанией такого права сводило на нет заявления официальных лиц в Вашингтоне о «дружественном содействии» США делу независимости народов региона. Один из деятелей ближайшего окружения Генри Клея с немалой долей горечи заметил, что США слишком долго откладывали решение о признании. По его словам, «в свое время признание выглядело бы благородным актом», теперь же оно «предстает как расчетливый шаг, продиктованный исключительно своекорыстным интересом». Даже восторженные почитатели североамериканской демократии в Латинской Америке не могли закрывать глаза на действительность.

В декабре 1823 года США провозгласили «доктрину Монро», послужившую краеугольным камнем панамериканизма. По свидетельству американского историка Х. Хоскинса, семена «доктрины Монро» «были посеяны Джефферсоном и Клеем, ее формулировки были в основном разработаны Адамсом, а свое название она получила главным образом потому, что Монро занимал президентский пост»²⁸⁰. В этом утверждении содержится немалая доля истины. «Доктрина Монро» не была единичной дипломатической акцией, порожденной конкретными особенностями международной обстановки в конце 1823 года, а являлась обобщением и развитием сложившейся к тому времени теории и практики внешней политики США.

Немногие внешнеполитические акты США вызывали во всем мире столь бурные и долгие, вплоть до сегодняшних дней, споры и дебаты. «Доктрина Монро» породила огромный поток официальных и неофициальных комментариев, исследований, памфлетов. Так, каталог библиотеки Конгресса США, крупнейшего в мире хранилища печатной продукции, под рубрикой «Доктрина Монро» содержит около 400 наименований. Прежде чем окунуться в это море различных мнений и зачастую диаметрально противоположных оценок, следует предоставить слово автору доктрины, ставшей знаменем политики США на многие десятилетия.

2 декабря 1823 г. в ежегодном послании к Конгрессу пятый президент США Джеймс Монро сформулировал ряд принципов американской внешней политики, получивших название «доктрины Монро»²⁸¹. Во-первых, провозглашался принцип запрещения дальнейшей колонизации Западного полушария. В послании утверждалось, что сложившуюся международную обстановку США «сочли подходящей для утверждения в качестве принципа, с которым связаны права и интересы Соединенных Штатов, то, что американские континенты ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны впредь рассматриваться в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой».

Во-вторых, в послании проводилось сравнение политических систем европейских держав с американской политической системой, которая объявлялась более совершенной, «созревшей благодаря мудрости ее самых просвещенных граждан и в рамках которой мы пользуемся беспримерным счастьем». На этом основании, а также в связи с тем, что в «войнах европейских держав, в вопросах, касающихся их самих, мы никогда не принимали участия», президент Монро декларировал от имени США: «Мы будем рассматривать любую попытку с их (т. е. европейских держав. – Авт.) стороны распространить их систему на любую часть нашего полушария опасной для нашего спокойствия». При этом уточнялось, что США не намерены препятствовать (да они и не имели в то время для этого реальных сил) европейским державам свободно хозяйничать в своих колониях в Западной полушарии, что подразумевало и подавление ими национально-освободительного движения народов этих колоний («мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела существующих колоний или

---

²⁸⁰ [280] The Hispanic American Historical Review. – Vol. VII. – 1927. – Nov. – P. 470

²⁸¹ [281] Полный текст послания Дж. Монро см. Richardson J. D. Op. cit. – Vol. II. – Wash., 1900. – P. 207-220

зависимых территорий любого европейского государства»). Что же касается латиноамериканских государств, добившихся независимости и признанных правительством США, то, по словам Монро, «мы не можем рассматривать вмешательство в их дела со стороны какой-либо европейской державы с целью их подчинения или контроля любым другим способом их судьбы иначе, как проявление недружественного отношения к Соединенным Штатам».

Как видно из текста послания Монро, в сформулированной им доктрине четко и категорично заявлялось, что США отныне не намерены мириться с дальнейшей экспансией европейских держав в Западном полушарии. Но в ней ничего не говорилось по поводу того, что сами США не намерены проводить экспансионистскую политику в отношении своих южных соседей. По этому вопросу в послании содержались очень туманно сформулированные заявления о «правах и интересах Соединенных Штатов», которые фактически утверждали право США действовать в Западном полушарии так, как они считают для себя выгодным. Так, в послании говорилось о намерении правительства США следовать провозглашенному курсу, «если не произойдет изменение, которое, по мнению компетентных властей этого правительства, должно привести к соответствующему изменению со стороны Соединенных Штатов, необходимому для их безопасности». Более того, высокопарно провозглашалось, что расширение территории США и «экспансия нашего населения... оказали счастливейшее влияние на все высшие интересы нашего Союза», и декларировалось право США «принять любую меру, которая может стать необходимой» для увековечивания «американской системы». Эти положения «доктрины Монро», по мнению многих, были продиктованы стремлением представить американские экспансионистские интересы как отражение общенациональных потребностей развития США.

Сложность международной обстановки в первой четверти XIX века, наличие в «доктрине Монро» некоторых прогрессивных для того времени моментов (принцип запрещения колонизации, идея народного суверенитета), ее демократическая фразеология, а также туманный характер формулировок послужили питательной средой для различного рода мифотворчества.

Государственные деятели, дипломаты и ученые США не жалели усилий, чтобы убедить весь мир в том, что провозглашение «доктрины Монро» отвратило угрозу интервенции держав «Священного союза», защитило демократические принципы государственного устройства на Американском континенте и утвердило «общность интересов» Северной и Южной Америки. «Доктрина Монро», по утверждениям американского историка Дж. Латане, «спасла Южную Америку от эксплуатации, жертвой которой стали в последующие десятилетия Африка и Азия»²⁸². Такого рода пропагандистские заявления, не соответствующие исторической правде, вызывали ответную критику в латиноамериканских и других государствах.

Всестороннее изучение системы международных отношений первой четверти XIX века исследователями различных стран подтвердило, что реальной угрозы интервенции «Священного союза» в Америку не существовало. По мнению известного немецкого историка Манфреда Коссака, «вымышленные планы интервенции «Священного союза», благодаря которым Монро и Каннинг (Джордж Каннинг – министр иностранных дел Англии в 1822- 1827 годах) незаслуженно прослыли спасителями свободы Америки, относятся к области легенд»²⁸³. Монархи европейских стран, объединившиеся для поддержки принципов легитимизма, хотя и были склонны оказать помощь своему венценосному испанскому собрату для восстановления его власти в бывших колониях в Америке, не могли,

---

²⁸² [282] Latane J. From Isolation to Leadership. – N.Y., 1920. – P. 4-5

²⁸³ [283] Kossak M. Historia de Santa Alianza y la emancipacion de America Latina. – Buenos Aires, 1968. – P. 290

однако, этого сделать. Острое соперничество Англии и России, Англии и Франции, политика лавирования Пруссии и Австрии в сложной системе европейского «равновесия» исключали возможность достижения необходимой степени согласия между участниками «Священного союза».

Правительство Англии задолго до выступления Монро решительно отмежевалось от «Священного союза», а без поддержки «владычицы морей» все проекты помощи Испании в целях реставрации ее господства в Новом Свете повисали в воздухе.

Кроме того, в начале 20-х годов по южной дуге Европейского континента прокатилась волна народных революций. Португалия, Испания и Греция были охвачены огнем восстаний. В России назревало выступление декабристов. Поэтому всерьез помышлять о таком грандиозном мероприятии, как заокеанская вооруженная экспедиция против народов целого континента, участники «Священного союза» не могли. Они едва успевали тушить пожары в своем «доме».

Вашингтон был прекрасно осведомлен об этих обстоятельствах через своих дипломатических представителей и по другим каналам. Акция президента США была продиктована долгосрочными интересами борьбы за господствующее положение в Западном полушарии. «Соединенные Штаты, – писал видный мексиканский ученый и политический деятель А. Агилар-Монтеверде, – не стремились упрочить независимость Латинской Америки и Тем более не собирались вмешиваться в войну против Испании. Действительная цель политики Монро заключалась в том, чтобы заложить основы для гегемонии США на континенте».

Используя современную терминологию, можно сказать, что президент Монро объявил все Западное полушарие «зоной жизненных интересов и безопасности США». По существу, эта доктрина была направлена не только против Великобритании и других европейских держав – конкурентов США в борьбе за сферы влияния в этом районе мира, но и против латиноамериканских стран. С помощью «доктрины Монро»²⁸⁴ Вашингтон решительно отмежевался от любых совместных выступлений со своими южными соседями на международной арене и резервировал за собой право на вмешательство в их дела. В 1824-1826 годах США отклонили предложения ряда латиноамериканских стран – Колумбии, Бразилии, Аргентины – заключить двусторонние договоры о союзе, которые гарантировали бы им поддержку США в случае внешней угрозы. Разъясняя подлинный смысл этой доктрины, провозглашенной якобы во имя свободы и независимости Латинской Америки, Г. Клей, занявший в 1825 году пост государственного секретаря США, в докладе, адресованном членам палаты представителей Конгресса США, 29 марта 1826 г. высказался с предельной откровенностью: «Соединенные Штаты не взяли на себя какого-либо обязательства, так же как и не давали никаких обещаний правительствам Мексики или Южной Америки..., гарантирующих, что североамериканское правительство окажет противодействие любой державе, угрожающей независимости или системе правления этих государств»²⁸⁵.

Боливар, естественно, был прекрасно осведомлен о всех действиях американской дипломатии. Именно на этой основе формировалось его отношение к «доктрине Монро» и политике США в Западном полушарии.

После торжественных церемоний, речей и банкетов, сопровождавших обмен посланниками между Вашингтоном и Боготой, началась будничная дипломатическая работа.

Боливар и Гуаль направили посланником в Вашингтон Хосе Мария Саласара, известного общественного деятеля и писателя, являвшегося председателем венесуэльского Верховного трибунала. Подготовленные Гуалем для Саласара детальные инструкции

---

²⁸⁴ [284] Aguilar Monteverde A. El panamericanismo de la doctrina Monroe a la doctrina Johnson. – Mexico, 1965. – P. 20

²⁸⁵ [285] The Papers of Henry Clay. – Vol. 5. – Lexington (Kentucky), 1973. – P. 201

представляли собой развернутую программу действий колумбийского посланника в столице США. Ему предписывалось строить отношения с северным соседом «на основе равной взаимности». Главной задачей посланника являлось прояснить истинные намерения Белого дома и узнать, может ли Великая Колумбия рассчитывать на помощь США в случае иностранной интервенции.

Гуаль сформулировал ряд вопросов, которые следовало поставить перед правительством США. Смысл их сводился к следующему: намерен ли Белый дом на деле противодействовать угрозам «Священного союза», Франции или другой европейской державы осуществить интервенцию в испанскую Америку? Собираются ли США применить в этом случае свои вооруженные силы? Готов ли Вашингтон заключить договор об оборонительном и наступательном союзе с Колумбией ²⁸⁶?

Саласар прибыл в столицу США в июне 1823 года и до конца года смог получить только одну аудиенцию у Адамса и Монро. После провозглашения «доктрины Монро» он направил государственному секретарю США ноту, в которой были изложены вопросы, интересовавшие колумбийское правительство ²⁸⁷. Ответ Адамса отличался категоричностью, обычно не присущей дипломатическим документам. США не собираются оказывать помощь своим южным соседям, говорилось в его ноте от 6 августа 1824 г., и не намерены заключать союзный договор с Колумбией, так как никакой угрозы иностранной интервенции, по их мнению, уже не существует ²⁸⁸. Иллюзии, если они и были, относительно благоприятного для латиноамериканских стран поворота во внешнеполитическом курсе США рассеялись как дым.

Живой интерес Белый дом проявил лишь к заключению договора о торговле и навигации. Вашингтон принял во внимание настойчивое пожелание Гуаля, чтобы переговоры по этому вопросу происходили в Боготе. Колумбийский министр иностранных дел надеялся на то, что дома и стены помогают. Стремление Гуаля непосредственно взять в свои руки все нити предстоявших непростых переговоров, видимо, объяснялось также тем обстоятельством, что он имел уже возможность лично убедиться, как порой жестко действует дипломатия США. Об этом говорил печальный опыт его общения с полковником Ч. Тоддом, предшественником посланника США Андерсона. Адамс направил Тодда в Колумбию в январе 1823 года в качестве конфиденциального дипломатического представителя Белого дома. Тодд оставался в Боготе до приезда Андерсона в декабре 1823 года и в течение года настолько «энергично» защищал интересы США, что вице-президент Сантандер вернул ему его ноты ввиду недопустимого тона, а Гуаль прекратил с ним всякие официальные отношения ²⁸⁹.

Будучи опытным дипломатом, Андерсон постарался при первых же встречах с Гуалем сгладить вызванную Тоддом напряженность в американо-колумбийских отношениях. Переговоры между Гуалем и Андерсоном о заключении торгового соглашения продолжались несколько месяцев. На них обсуждался широкий круг вопросов, далеко выходящих за рамки экономических отношений: использование арбитража для разрешения споров между государствами, запрещение работоторговли, права и обязанности воюющих и нейтральных государств при военных операциях на море и т. д.

Правительство Колумбии хотело, чтобы договор содержал гарантии развития добрососедских отношений между двумя странами и включал статью об обязательном

---

²⁸⁶ [286] См. Urrutia F. J. Op. cit. – P. 293-294

²⁸⁷ [287] См. Manning W. R. (Ed.) Op. cit. – Vol. II. – P. 1282

²⁸⁸ [288] Ibid. – Vol. I. – P. 224-226

²⁸⁹ [289] См. Urrutia F. J. Op. cit. – P. 274-283; Bierck Harold A. Jr. Op. cit. – P. 374-382

арбитраже в случае возникновения споров. Посланник США не согласился с колумбийским предложением, заявив, что американский Конгресс не утвердит договор, ограничивающий государственный суверенитет сторон.

Длительные дискуссии вызвала проблема регулирования действий корсаров в морской войне. Гуаль отстаивал право Колумбии вести борьбу против испанской торговли всеми законными средствами, исходя из принципа: нейтральный флаг не обеспечивает неприкосновенности грузов вражеской стороны. Андерсон от имени США требовал прекратить выдачу патентов (разрешений) иностранцам на снаряжение корсаров и запретить захват корсарами не только кораблей, но и всех грузов, независимо от того, являются последние контрабандой или нет. Он имел твердые указания Вашингтона в этом вопросе ни на йоту не отступать от данных ему инструкций. В конце концов колумбийскому министру иностранных дел пришлось уступить и принять американскую формулировку, гласившую: «Нейтральный флаг делает нейтральным любой груз на борту торгового корабля». Торговцы США отныне могли не опасаться корсаров в Карибском море.

3 октября 1824 г. Гуаль и Андерсон подписали Договор о мире, дружбе, торговле и навигации. США и Великая Колумбия обязывались развивать торговые отношения на основе полного равенства сторон, предоставляли друг другу право наиболее благоприятствуемой нации, гарантировали гражданам на принципах взаимности личные права и свободы, включая свободу совести. Статья, касавшаяся торговли нейтральных стран, становилась обязательной для Колумбии только при условии согласия Испании соблюдать ее положения 290.

В мае 1825 года после обмена ратификационными грамотами в Вашингтоне договор Гуаля – Андерсона вступил в силу. Для Колумбии это был первый официальный договор общеэкономического характера, заключенный с иностранной державой. В дальнейшем он служил моделью при заключении торговых соглашений с другими государствами. Между Колумбией и США в декабре 1824 года была также заключена конвенция о запрещении работорговли. Однако американский сенат под влиянием рабовладельцев Юга отказался ее ратифицировать.

Если торгово-экономические связи Великой Колумбии и США, хотя и не без трудностей, налаживались, то в области континентальной политики цели двух государств все больше расходились.

В комплексе противоречий между Боливаром и правящей элитой США в 20-х годах несомненно центральное место занимала проблема Панамского конгресса. Подходы Боливара и деятелей Вашингтона к созданию латиноамериканского союза, их принципиальные установки носили различный характер. А. Агилар-Монтеверде справедливо отмечал: «Налицо две противостоящие концепции: панамериканизм Джефферсона, Клея и Монро, проложивший дорогу системе подчинения латиноамериканских стран, созданной в конце XIX века, и латиноамериканизм Боливара, Сан-Мартина и Морелоса, отразивший борьбу наших народов за полную независимость» 291.

Сходную точку зрения, правда в иной форме, высказывали и в США. В дневниках Адамса содержится следующая запись, датированная 19 сентября 1820 г.: «Что касается американской системы, то она полностью и исключительно образуется нами самими. Между Северной и Южной Америкой не существует ни общности принципов, ни единства интересов» 292.

Отношение государственных деятелей США, мысливших категориями «американской

---

290 [290] См. Mier J. M. de. Op. cit. – Т. 5. – P. 1716-1727

291 [291] Aguilar Monteverde A. Op. cit. – P. 28

292 [292] Цит. по Calderas F. Op. cit. – P. 126

системы», к планам созыва Панамского конгресса с самого начала было настороженно-враждебным. И дело не только в том, что некоторые конкретные проблемы, вынесенные на его обсуждение по настоянию Боливара, а именно уничтожение рабства негров и освободительная экспедиция на Кубу и Пуэрто-Рико, затрагивали интересы правящей элиты США. Главное заключалось в другом. Создание в Панаме прочного союза молодых независимых латиноамериканских государств послужило бы непреодолимым препятствием для утверждения доминирующего влияния США в регионе. Вашингтон был кровно заинтересован в сохранении разобщенности соседних стран и провале Панамского конгресса. Хотя Белый дом был осведомлен о стремлении южных соседей США объединить свои силы для защиты внешней угрозы, в «доктрине Монро» не только не была высказана поддержка этим стремлениям, но даже не упоминалось о них.

США оказывали противодействие планам Боливара по различным направлениям, используя самые разнообразные средства. В зарубежной, особенно американской, историографии при анализе причин, определивших появление «доктрины Монро», внимание концентрируется почти исключительно на системе международных связей и конфликтах, главными действующими лицами которых были Англия, Франция, Испания и Россия. Между тем немаловажным фактором, оказавшим воздействие на решение президента Монро обнародовать свое послание в конце 1823 года, несомненно был предстоящий Панамский конгресс.

Администрация США внимательно следила за ходом подготовки конгресса. В поле зрения дипломатических агентов Вашингтона в испанской Америке находились результаты миссий Москеры и Санта-Марии. Государственный секретарь Адамс направил членам Конгресса США специальный доклад с анализом договоров, заключенных Великой Колумбией с соседними странами. В ноябре 1822 года Адамс получил от американского эmissара в Сантьяго-де-Чили Джона Превоста доклад о предстоящем в Панаме конгрессе латиноамериканских стран. Этому же вопросу было посвящено и донесение Джона Форбса, одного из американских представителей в Буэнос-Айресе, в марте 1823 года ²⁹³. Кроме того, министр иностранных дел Колумбии Педро Гуаль доверительно сообщил в марте 1823 года американскому представителю в Боготе Чарлзу Тодду, что США, вероятно, будет направлено приглашение послать делегатов в Панаму и присоединиться к американской федерации ²⁹⁴. Таким образом, правительство США было осведомлено о Панамском конгрессе до того, как администрация приступила к непосредственной выработке «доктрины Монро».

Провозглашение «доктрины Монро» в декабре 1823 года, когда уже полным ходом шла практическая подготовка Панамского конгресса, преследовало в числе других целей нанести упреждающий удар, направленный против латиноамериканского единства. Декларированные «гарантии» независимости латиноамериканских стран как бы лишали смысла будущий союз государств Латинской Америки. Своим посланием Монро хотел укрепить в Латинской Америке позиции тех деятелей, которые предпочитали ориентироваться на Вашингтон и в силу тех или иных причин относились сдержанно или даже отрицательно к планам Боливара.

В Великой Колумбии «партию» почитателей США возглавлял Сантандер, считавший свою страну «младшим учеником» североамериканской демократии. К нему примыкали и некоторые другие деятели патриотического лагеря. Сознательно или будучи введенными в заблуждение демократической фразеологией «доктрины Монро», наличием в ней некоторых прогрессивных для того времени моментов (принцип запрещения колонизации, идея народного суверенитета), они приветствовали «доктрину Монро». Сантандер в послании Национальному конгрессу Колумбии 6 апреля 1824 г. заявил, что политика президента США

---

²⁹³ [293] См. Manning W. R. (Ed.) Op. cit. – Vol. I. – P. 617-618; Vol. II. – P. 1071

²⁹⁴ [294] См. Inman S. G. Problems in Panamericanism. – N. Y., 1925. – P. 12- 13

может обеспечить Колумбии могущественного союзника в случае, если ее независимость и свобода окажутся под угрозой ²⁹⁵. С. Боливар занимал иную позицию.

Как известно, о политических деятелях следует судить не столько по их словам, сколько по делам. Гуаль переслал Боливару текст послания Конгрессу президента Монро в марте 1824 года. Ознакомившись с ним, Освободитель направил этот документ генералу Сукре для сведения и в дальнейшем ни в одном из своих официальных заявлений 1824-1830 годов ни разу не касался этой темы, хотя в них имеются его оценки многих международных событий тех лет. Порой умолчание бывает красноречивее многих слов.

Истинное отношение Боливара к «доктрине Монро» явственно видно из анализа его внешнеполитической стратегии, проникнутой стремлением укрепить суверенитет молодых независимых государств и сплотить их в рамках латиноамериканского союза без участия США. Тем самым он отвергал на деле континентальную политику «северного соседа», воплощенную в «доктрине Монро».

В свете этих факторов понятна решимость Боливара не приглашать США участвовать в Панамском конгрессе и не допустить американских представителей в Панаму. В мае 1825 года он писал Сантандеру, который в его отсутствие временно исполнял обязанности президента Великой Колумбии: «Не следует принимать в лигу... Соединенные Штаты Америки». Вскоре после этого, дав точные указания Сантандеру по этому вопросу, Боливар вновь обратился с письмом к вице-президенту Колумбии: «Американцы Севера и Гаити, уже поскольку они чужестранцы, имеют для нас инородный характер. Поэтому я никогда не соглашусь с тем, что их следует приглашать налаживать наши американские дела». В октябре 1825 года он еще раз написал Сантандеру: «Я очень рад, что Соединенные Штаты не войдут в конфедерацию» ²⁹⁶.

Такая позиция Боливара отражала неоднократно высказывавшееся им убеждение, что объединение слабых государств с могущественной державой в рамках военно-политического союза неизбежно приведет к ущемлению их суверенитета, а также учитывала отрицательное отношение официального Вашингтона к Панамскому конгрессу. Нарушение этих четких инструкций Сантандером, который, временно исполняя в отсутствие Боливара обязанности президента, от имени Великой Колумбии направил официальное приглашение США, вызвало резкое осуждение Боливара и послужило одной из причин, ускоривших разрыв между ними. В октябре 1825 года в городе Потоси Боливар принимал аргентинскую делегацию. В беседе с ее членами он заявил о готовности отказаться даже от созыва Панамского конгресса, чтобы избежать участия в нем США. Однако этого не понадобится, добавил Боливар, так как Вашингтон, по всей вероятности, не направит своих представителей в Панаму ²⁹⁷. Дальнейшие события подтвердили прогноз Боливара.

Боливар считал, что народы Латинской Америки в своем государственном строительстве после завоевания независимости должны исходить из конкретных условий и особенностей своих стран. Поэтому он решительно отвергал претензии правящей элиты США быть опекунами латиноамериканцев, осуждал ее стремление играть роль «советчика» молодых наций Латинской Америки. Резко критически относился он и к тем латиноамериканцам, кто хотел механически пересадить на латиноамериканскую землю государственные институты США. «Я весьма далек от мысли сочетать положение и природу обоих государств, столь сильно отличающихся друг от друга, – англо-американского и американо-испанского» ²⁹⁸. Колумбия и другие латиноамериканские страны, считал он, не

---

²⁹⁵ [295] См. O'Leary D. Op. cit. – Vol. 3. – P. 494-495

²⁹⁶ [296] Bolivar S. – Vol. II. – P. 137, 146, 262

²⁹⁷ [297] См. Drago M. Actualidad de Monroe. – Buenos Aires, 1959. – P. 30-31

²⁹⁸ [298] Boviivar S. – Vol. III. – P. 273

смогут добиться счастья и процветания «с помощью законов и обычаев американцев» 299.

Для торпедирования Панамского конгресса североамериканская дипломатия пыталась использовать противоречия среди патриотов и обстановку политической нестабильности в молодых независимых государствах, возникавшие между ними территориальные споры и конфликты, в которые оказались вовлеченными Аргентина и Бразилия, Колумбия и Перу, Чили и Перу. Распространялись слухи относительно гегемонистских устремлений Великой Колумбии и ее намерений путем Панамского конгресса подчинить своему влиянию соседние государства. В инструкциях, написанных в мае 1823 года государственным секретарем США Дж. К. Адамсом для К. Роднея, назначенного посланником США в Аргентине, подчеркивалось, что «республика Колумбия преследует цель добиться руководящей роли в этом полушарии» 300.

В США, как и в ряде государств Европы, против Боливара была развязана кампания в печати, его обвиняли в антидемократизме, стремлении установить свою неограниченную власть повсюду, водрузить на себя корону и т. д.

Государственный департамент США привел в действие своих дипломатических агентов. Дж. Пойнсетт в Мехико, Р. Андерсон в Боготе и У. Тюдор в Лиме беззастенчиво вмешивались во внутренние дела стран, где они были аккредитованы. Как отмечал Х. Сальседо-Бастардо, «они образовали сеть интриг, нити управления которыми тянулись в Вашингтон и штаб-квартиры нью-йоркской элиты. Эти интриги преследовали цель стимулировать сепаратистские настроения на местах и подогревать соперничество между различными южноамериканскими республиками, чтобы воздвигнуть препятствия на пути образования конфедерации, предложенной Боливаром» 301. Американский генеральный консул в Лиме Тюдор в донесениях государственному департаменту называл Боливара «опасным врагом» США 302. В прессе Нью-Йорка в начале 1825 года обсуждалась идея в противовес проекту Боливара созвать во Флориде под покровительством США «свой» конгресс представителей американских государств, но она не получила развития.

Государственный департамент США в первой половине ноября 1825 года получил официальное приглашение принять участие в Панамском конгрессе практически одновременно от Великой Колумбии, Мексики и Объединенных провинций Центральной Америки, хотя эти три страны не согласовывали по дипломатическим каналам свои действия. Их побудительные мотивы, судя по документам, были в основном сходными. Наиболее развернуто их изложил Гуаль в циркуляре, адресованном колумбийскому посланнику в Вашингтоне Саласару. Министр иностранных дел Великой

---

299 [299] Боливар С. Указ. соч. – С. 81

300 [300] Manning W. R. (Ed.) Op. cit. – Vol. I. – P. 189

301 [301] Salsedo Bastardo J. L. Bolivar. – P. 162

302 [302] См. Manning W. R. (Ed.) Op. cit. – Vol. III. – P. 1792-1793

Колумбии преследовал две цели: перевести туманные формулировки «доктрины Монро» на язык конкретных политических обязательств и положить начало созданию американского международного права для обеспечения добрососедских отношений между всеми государствами Западного полушария. В приглашении центральноамериканского правительства подчеркивалось значение участия США в Панамском конгрессе для обеспечения «абсолютной независимости» бывших испанских колоний ³⁰³.

К этому времени в США произошла смена администрации. Новым хозяином Белого дома стал Джон Куинси Адамс, а пост государственного секретаря занял Генри Клей. Этим двум деятелям пришлось развязывать гордиев узел. Североамериканская дипломатия оказалась перед сложной дилеммой. Отказ от приглашения явился бы актом саморазоблачения. Участие же в Панамском конгрессе могло привести к «нежелательным союзам». Ответ Клея, направленный 30 ноября 1825 г. посланникам трех латиноамериканских стран в Вашингтоне, являл собой образец дипломатического искусства сказать одновременно «да» и «нет». США принимают приглашение, и их представители примут участие в Панамском конгрессе «в той мере, в какой это совместимо с политикой нейтралитета, которую, по нашему убеждению и мнению других американских государств, нам не следует изменять» ³⁰⁴.

Тем временем в правительстве, Конгрессе и печати развернулись бурные дебаты вокруг вопроса о направлении делегатов США в Панаму. Страсти так накалились, что один из представителей рабовладельческих штатов, настроенных против участия в Панамском конгрессе, – сенатор Рандолф вызвал Клея на дуэль. В конце концов чашу весов перевесили в основном два обстоятельства. Во-первых, необходимость защищать интересы США в вопросе о Кубе и Пуэрто-Рико перед лицом, как говорилось в послании президента Адамса конгрессу 15 марта 1826 г., «воинственно настроенных государств в Панаме» ³⁰⁵. Во-вторых, опасение ослабить свои позиции в соперничестве с Англией за влияние в Латинской Америке. Такой вывод следует из подробнейших инструкций, подготовленных для американских делегатов государственным секретарем Клеем. В этом пространном документе, не предназначенном для широкой общественности, весьма откровенно излагались цели США ³⁰⁶.

В политическом плане задача, поставленная перед делегатами, заключалась в том, чтобы добиваться в Панаме принятия совместной декларации, повторявшей положения «доктрины Монро», и не предпринимать шагов, направленных на вступление в конфедерацию латиноамериканских стран. Делегаты США были обязаны также выступать

---

³⁰³ [303] См. Cerna J. R. Op. cit. – P. 49

³⁰⁴ [304] Цит. по The Hispanic American Historical Review. – Vol. VIII. – 1928. – Nov. – P. 521-522

³⁰⁵ [305] Richardson J. D. (Ed.) Op. cit. – Vol. 2. – P. 336

³⁰⁶ [306] См. The Papers of Henry Clay. – Vol. 5. – P. 313-314

против каких-либо соглашений с этими республиками по конкретным политическим вопросам и противодействовать принятию любых решений, затрагивающих интересы Вашингтона.

Далее в инструкциях говорилось о необходимости установления общих «американских» принципов торговли и навигации, призванных обеспечить «равные возможности». Принятие Панамским конгрессом решений в духе предложений Вашингтона поставило бы США в более выгодное положение по сравнению с их европейскими конкурентами и вместе с тем исключило бы возможность образования независимого экономического объединения молодых государств.

Таким образом, перед делегацией США ставилась задача не допустить, чтобы Панамский конгресс успешно увенчал дело латиноамериканского единства, которому Боливар посвятил более пятнадцати лет неустанных трудов.

Президент США имел конституционные полномочия своим решением назначить делегатов, но он предпочел проконсультироваться с Конгрессом. Хотел ли Адамс перебросить «горячую картофелину» в руки конгрессменов или же у него было намерение «утопить» дело в словопрениях, сказать трудно. Известно одно: Конгресс затянул принятие решения о направлении американских представителей в Панаму на пять месяцев и принял его только в апреле 1826 года. К тому же он ограничил их функции, предписав им быть просто «наблюдателями». Посланцы США при всем желании уже не могли успеть к открытию Панамского конгресса. Неоднократные декларативные заявления правительства США о его благожелательном отношении к Панамскому конгрессу не были подкреплены конкретными делами.

СВОБОДА НЕ МОЖЕТ СОСУЩЕСТВОВАТЬ С РАБСТВОМ

Война за независимость на континенте приближалась к завершению, а в островных владениях, на Кубе и в Пуэрто-Рико, испанцы по-прежнему чувствовали себя достаточно прочно. Последовательный борец против колониализма,

Боливар стремился к тому, чтобы в Латинской Америке не оставалось очагов колониального владычества Испании. Он считал долгом всех патриотов континента помочь населению этих островов обрести национальную независимость.

Судьба освободительного движения в островных владениях Испании давно привлекала внимание Боливара. Еще в 1815 году в одном из своих писем с Ямайки он писал: «Острова Пуэрто-Рико и Куба, которые вместе насчитывают от 700 тыс. до 800 тыс. жителей, являются наиболее спокойным владением испанцев, потому что они изолированы от борцов за независимость. Но разве эти островитяне не американцы? Разве они не терпят унижений? Разве не желают себе добра?»³⁰⁷. Чем же объяснялся запас прочности колониального режима Испании на островах?

Христофор Колумб открыл Кубу во время своего первого плавания в Америку и, пораженный красотой острова, его необычной природой, животным и растительным миром, записал в своем путевом дневнике: «Ничего прекраснее этого острова мои глаза никогда не видели»³⁰⁸. Испанцы впоследствии оценили также стратегическое положение Кубы, контролирующей подходы к Карибскому морю, и превратили остров в важнейший форпост военно-морских и сухопутных сил Испании в Новом Свете. «Жемчужина Антилл», как называли Кубу, приносила испанской короне огромные прибыли. В первой четверти XIX века она заняла первое место в мире по производству и экспорту сахара, оттеснив на второе место Гаити. Почти 300 тыс. рабов-негров под беспощадным тропическим солнцем гнули

---

³⁰⁷ [307] Боливар С. Указ. соч. – С. 52

³⁰⁸ [308] Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. – М., 1961. – С. 108

спину на плантациях сахарного тростника, кофе и табака. Плантационное хозяйство Кубы процветало в это время, и любовный дележ производимых рабским трудом богатств скреплял союз испанских колонизаторов и местной богатой прослойки креолов и мулатов. Этот союз придавал большую прочность позициям Испании на острове, чем в других частях испанской Америки. Добиваясь ограничения монополии испанцев в области торговли, кубинские плантаторы-рабовладельцы и их идеологи до 1810 года не выдвигали лозунга независимости. Они требовали от метрополии только расширения их экономических и политических прав. Революции и восстаний рабов-негров богатые кубинцы боялись больше, чем господства Испании.

Положение на Кубе начало меняться под влиянием войны за независимость, вспыхнувшей на континенте. В 1809- 1810 годах на острове возник заговор группы креолов во

главе с Романом де ла Лусом, поставившей своей целью свержение испанского господства. В это же время был подготовлен и получил хождение в кругах креолов первый в истории Кубы проект конституции независимой кубинской республики. Его автор – Хоакин Инфанте боролся за свободу только для белых. Проект конституции предусматривал сохранение труда рабов-негров «при условии справедливого и гуманного с ними обращения» 309.

Колониальные власти без особого труда раскрыли этот заговор и обрушили репрессии на его участников. Испанская корона как зеницу ока оберегала свою «жемчужину». На острове находилась почти 14-тысячная испанская регулярная армия. С учетом милисианос, членов ополчения из испанцев и богатых креолов, губернатор колонии располагал вооруженными силами, насчитывавшими более 30 тыс. человек 310.

Боливар и другие руководители патриотов понимали серьезность угрозы, порождаемой сохранением Кубы в руках Испании. В любой момент с острова мог быть нанесен удар по освободительным силам на континенте. Колумбийский историк Х. Хиральдо-Харамильо, изучая документы, пришел к выводу, что Боливар начал разрабатывать план освободительной экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико в 1819 году, после блестящей победы над испанцами на реке Бояке, обеспечившей быстрое освобождение территории Новой Гранады 311. Боливар знал о напряженной политической обстановке на острове и верил в скорое восстание кубинцев против колонизаторов.

Молодой гаванец Х. Ф. Лемус, связанный с патриотами Колумбии, известный кубинский поэт Х. М. Эредиа при участии венесуэльца Х. Х. Пеоли и аргентинца Х. А. Миральи в 1821 году основали на Кубе тайное общество «Солнца и лучи Боливара». Такое название общества подчеркивало связь борьбы кубинских патриотов с освободительным движением на континенте. Каждый вступивший в общество именовался «солнцем» и был обязан привлечь несколько новых членов – «лучей». Вероятно, известия из Кубы вдохновили Боливара написать в июле 1823 года Сантандеру такие строки: «Я, подобно солнцу, посылаю лучи во все стороны» 312.

Руководители общества сделали большой шаг вперед по сравнению со своими предшественниками. Призывая начать борьбу за свободу и независимость Кубы, Лемус обещал неграм освобождение от рабства. Колониальным властям удалось раскрыть заговор в августе 1823 года, когда почти все уже было подготовлено к восстанию. Около 100 членов

---

309 [309] Цит. по Очерки истории Кубы. – М., 1978. – С. 47-48

310 [310] Новая и новейшая история. – 1986. – № 4. – С. 153

311 [311] См. Giraldo Jaramilio G. Colombia y Cuba. – Bogota, 1953. – P. 57

312 [312] Bolivar S. – Vol. I. – P. 782

общества стали узниками казематов военно-морской крепости Гаваны, многие бежали, спасаясь от репрессий.

Сторонники независимости Кубы создали в эмиграции Революционный комитет и обратились к Мексике и Колумбии с просьбой помочь кубинскому народу свергнуть гнет Испании, содержащей на острове больше вооруженных сил, чем в какой-либо другой части испанской Америки.

В январе 1824 года делегация Революционного комитета кубинских патриотов во главе с идеологами движения Хосе Иснагой и Бетанкуром Сиснересом, известным на Кубе под псевдонимом подпольщика «Селянин», прибыла в Боготу и вела переговоры с Сантандером, исполнявшим обязанности президента, и министром иностранных дел Гуалем. Колумбийские руководители выразили солидарность с борьбой братских народов Кубы и Пуэрто-Рико и заявили о своей готовности оказать им помощь, как только основные силы испанцев будут разгромлены в Перу, где находилась почти вся освободительная армия. Один из членов делегации – Х. М. Аранго в апреле 1825 года встречался в Лиме с Боливаром. Он рассказал о вооруженных силах Испании на острове и заверил Боливара в том, что освободительная экспедиция Колумбии встретит поддержку всех кубинских патриотов ³¹³. Это еще раз убедило Боливара в правильности принятого им решения о подготовке освободительной экспедиции для окончательного изгнания испанцев из Западного полушария.

Практическая подготовка к ней началась уже в апреле 1824 года, когда Боливар поручил Франсиско Монтойе и Антонио Аррубле от имени Колумбии получить за границей заем на сумму 4750 тыс. ф. ст. для закупки снаряжения и пополнения колумбийской военной флотилии с базой в Картахене, состоявшей из 4 крейсерских кораблей и 11 канонерок ³¹⁴. Этот флот планировалось использовать для отражения угроз Испании и сопровождения освободительной экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико. Планы Боливара поддерживал генерал Паэс, один из руководителей освободительной войны в Венесуэле, который в письме от 19 августа 1824 г. сообщал Боливару, что может выделить армию в 3-4 тыс. штыков. «Через месяц после получения приказа, – писал он, – мы будем в Гаване» ³¹⁵. Такое же заявление сделал генерал Сукре после победы при Аякучо, выразив готовность направить 7-тысячную армию для участия в освобождении Кубы ³¹⁶.

Все это время, находясь в Лиме, Боливар поддерживал активные контакты со своими главными боевыми соратниками. С Паэсом он обсуждал перспективы уничтожения рабства негров. «Согласно планам Боливара, – вспоминал Паэс в своих мемуарах, – после изгнания испанцев с Кубы все обитатели этого острова, а также жители Пуэрто-Рико должны стать свободными без всякого исключения, в том числе и несчастные африканцы» ³¹⁷.

Тем временем подготовка экспедиции продолжалась. К концу 1825 года по указанию Сантандера почти весь колумбийский флот был сконцентрирован в Картахене. Русский посланник в Вашингтоне барон Ф. В. Гейль сообщал в Петербург в октябре 1825 года собранную им информацию о ходе подготовки в Картахене армии вторжения на Кубу в составе 10-12 тыс. человек и соответствующего флота, включавшего линейный корабль, пять

---

³¹³ [313] См. Luciano Franco J. El Gobierno colonial de Cuba y la independencia de Venezuela. – La Habana, 1970. – P. 96-97

³¹⁴ [314] Ibid. – P. 63

³¹⁵ [315] O'Leary D. Op. cit. – Vol. I. – P. 588

³¹⁶ [316] Ibid. – Vol. 2. – P. 56

³¹⁷ [317] Paez J. A. Op. cit. – T. 1. – P. 380

фрегатов, шесть военных шлюпов, три бригантины и несколько канонерок. Ожидалось прибытие закупленных за границей еще двух фрегатов с 64 пушками на каждом ³¹⁸. Сантандер в послании Национальному конгрессу Колумбии в январе 1826 года заявил о готовности колумбийского правительства выполнить обязательства по соглашению, заключенному с Мексикой, и получил санкцию конгресса на осуществление совместной экспедиции. В Картахене адмирал Ренато Белуче, командующий флотом, и генерал Лино де Клементе, поставленный во главе экспедиционного корпуса, ждали только приказа.

Патриоты на Кубе знали об этих приготовлениях и, в свою очередь, готовились к борьбе. Колумбийские корсары поддерживали контакты с населением испанской колонии, распространяли на острове листовки, звавшие кубинцев к восстанию. В одной из листовок, конфискованной колониальными властями в 1825 году, говорилось: «Братья острова Куба! Колумбии известно о ваших героических усилиях, и скоро она придет вам на помощь со всей своей мощью. В Америке уже покончено с господством тиранов... Освободитель Колумбии и его солдаты шлют вам братский, дружеский привет» ³¹⁹.

Такие же приготовления происходили в соседней Мексике. Президент этой страны, герой партизанской борьбы за независимость Гуадалупе Виктория активно поддерживал планы освободительной экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико, поручив подготовку мексиканского отряда генералу А. П. Санта-Ане. Испания продолжала угрожать возобновлением военных операций против Мексики, опираясь на островную крепость Сан-Хуан-де-Улуа, и использовала

Кубу в качестве своей опорной базы. Правительство Мексики в переговорах с Испанией о признании своей независимости исходило из солидарности с народом Кубы и отказывалось согласиться с сохранением суверенитета Испании над Кубой в обмен на признание Испанией независимости Мексики ³²⁰.

Для содействия освобождению Кубы президент Мексики разрешил создать хунту в составе находившихся в Мексике кубинских патриотов-эмигрантов и мексиканских добровольцев. Среди последних были ряд политических деятелей и офицеров армии. Обращение хунты к мексиканскому конгрессу наряду с ее главой, кубинским патриотом Хуаном Антонио де Унсуэтой, участником общества «Солнца и лучи Боливара», подписали мексиканский вице-президент Николас Браво, губернатор Юкатана генерал А. П. Санта-Ана, ряд министров. «Взаимные интересы и взаимная убежденность, – говорилось в обращении, – требуют от мексиканской республики прийти на помощь острову Куба и спасти его от деградации и рабства, которые принес в его жизнь общий враг Америк» ³²¹. После затяжных дебатов, вызванных обструкционистской позицией консервативных сил, мексиканский Национальный конгресс предоставил санкцию правительству на осуществление совместной с Великой Колумбией экспедиции «с целью поддержать усилия жителей Кубы по окончательному завоеванию независимости» ³²².

Правовые основы мексикано-колумбийского сотрудничества были заложены договором о совместных действиях по освобождению крепости Сан-Хуан-де-Улуа,

---

³¹⁸ [318] Очерки истории Кубы. – М., 1978. – С. 56

³¹⁹ [319] Цит. по Verna P. Op. cit. – P. 401

³²⁰ [320] См. Un esfuerzo de Mexico por la independencia de Cuba. – Mexico, 1930. – P. XXI

³²¹ [321] Цит. по Morales y Morales V. Iniciares y Primeros Martires de la Revolucion Cubana. – Т. III. – La Habana, 1963. – P. 362

³²² [322] Roig de Leuchsenring E. Bolivar, el Congreso interamericano de Panama y la independencia de Cuba y Puerto Rico. – La Habana, 1956. – P. 40

заклученным в Боготе в августе 1825 года П. Гуалем и мексиканским посланником Х. А. Торренсом. 17 марта 1826 г. Мексика и Великая Колумбия подписали новое соглашение под названием «План операции, объединенной эскадры Мексики и Колумбии», касавшееся совместной экспедиции на Кубу. Статья 6 соглашения гласила: «Главной целью объединенной эскадры являются преследование и разгром испанского флота независимо от того, будет ли он находиться в Гаване или же нападет на Мексику, Гватемалу или Колумбию» ³²³. В это время в порту Кампече на полуострове Юкатан, по данным различных источников, уже происходило формирование мексиканского корпуса численностью до 5 Тис. человек ³²⁴.

Подготовка совместной экспедиции проходила не без трудностей и задержек. Мексика и Колумбия, разоренные длительной войной, испытывали острую нехватку финансовых средств, политическая обстановка в обеих странах была напряженной, на границах с соседями возникали осложнения. Проявились и противоречия между двумя странами относительно совместного проекта. Но не эти трудности играли роль главного тормоза. Мексика и Великая Колумбия натолкнулись на яростное противодействие их плану со стороны могущественного триумvirата – США, Англии и Франции. Каждая из этих трех держав лелеяла планы похищения «жемчужины Антилл» или по крайней мере установления на Кубе своего преобладающего влияния, для того чтобы усилить позиции на подступах к Бразилии и континентальной испанской Америке. Поэтому правительства США, Англии и Франции ревниво и с большой настороженностью следили за действиями друг друга.

Осуществив на основании мандата «Священного союза» удушение испанской буржуазной революции в 1823 году, Франция Людовика XVIII на некоторое время приобрела возможность прямого воздействия на Фердинанда VII, из рук французов вновь получившего скипетр абсолютного монарха. В дипломатических кругах Европы понимали, насколько велико было искушение для Парижа воспользоваться беспомощностью Испании для захвата привлекательного приза из ее колониального наследства. Во французской печати обсуждались планы водворения в Буэнос-Айресе, Мексике и Перу бурбонских принцев под охраной французского военно-морского флота. Стало также известно о тайном обращении испанского правительства к Франции с просьбой о военной помощи после раскрытия заговора сторонников независимости на Кубе. Мадрид хотел, чтобы французская эскадра, базировавшаяся на Антильских островах, в случае необходимости оказала поддержку испанскому губернатору на острове. Подлинную дипломатическую бурю вызвали упорно циркулировавшие слухи о возможном направлении на Кубу 5-тысячной регулярной французской армии ³²⁵. В Лондон и Вашингтон поступали секретные депеши английского и американского послов в Мадриде о планах французской экспансии в испанскую Америку.

В свою очередь, в правительственных кругах Лондона, преисполненных решимости воздвигнуть барьер на пути роста французского влияния в Новом Свете, также обсуждались планы овладения Кубой под предлогом борьбы с пиратами в Карибском бассейне, базировавшимися на Кубе. С точки зрения ряда английских политиков, после захвата США испанской Флориды Лондон мог претендовать на компенсацию в виде Кубы ³²⁶. Правительство Англии несколько раз предлагало Фердинанду VII продать Кубу, уступить ему остров в качестве платы за английскую помощь в период борьбы испанцев против Наполеона или обменять остров на Гибралтар. Английские демарши результатов не

---

³²³ [323] Цит. по Giraldo Jaramillo G. Op. cit. – P. 61

³²⁴ [324] Новая и новейшая история. – 1986. – № 4. – С. 155

³²⁵ [325] См. Robertson W. S. France and Latin-American Independence. – Baltimore, 1939. – P. 259, 292

³²⁶ [326] См. Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро. – М., 1959. – С. 123

принесли. Фердинанд VII повторял: «Куба – моя любимая провинция» – и решительно отклонял английские домогательства ³²⁷. На открытый вооруженный захват острова Лондон не решался, опасаясь серьезных международных осложнений. Министр иностранных дел Франции Шатобриан с удовлетворением констатировал: «Англия не может овладеть Кубой без войны с США» ³²⁸.

Наибольшую активность в кубинском вопросе проявляли США. Вашингтон не был вовлечен в европейские дела и все свои усилия концентрировал в сопредельном районе. Наряду с Флоридой захват Кубы являлся декларированной целью внешней политики США. Первый президент США Т. Джефферсон рассматривал Кубу в качестве естественного дополнения к системе Соединенных Штатов. В то же время, как трезвый политик, он понимал, что европейские державы без войны не позволят США осуществить свои притязания, а для такой войны «пороха» у США не хватало. Поэтому в Вашингтоне после тщательного рассмотрения в правительстве в начале 20-х годов различных планов овладения Кубой было решено проводить гибкую политику накопления сил и выжидать удобного момента, осуществляя активное экономическое проникновение на остров. В 1823 году объем американской торговли с Кубой (12,4 млн. долл.) лишь немногим уступал объему торговли с остальными испаноамериканскими странами, вместе взятыми (15,6 млн. долл.) ³²⁹.

Таким образом, в 20-х годах XIX в. Куба оказалась в фокусе экспансионистских устремлений Франции, Англии и США. Острота соперничества этих держав исключала возможность односторонних действий для каждой из них. Министр иностранных дел Англии Дж. Каннинг летом 1825 года в следующих словах охарактеризовал американскому посланнику Р. Кингу сложившуюся патовую ситуацию вокруг Кубы: «Вы не можете позволить, чтобы мы завладели Кубой. Мы не можем позволить, чтобы вы завладели ею. И никто из нас не может позволить, чтобы она попала в руки Франции» ³³⁰. Английская дипломатия подготовила проект трехстороннего соглашения между Англией, Францией и США относительно судьбы Кубы и направила его двум другим странам. В соответствии с соглашением его участники брали на себя обязательство ни под каким предлогом не направлять свои войска на Кубу или другие островные владения Испании в Вест-Индии и не оставаться безучастными в отношении попыток других государств предпринять подобные действия ³³¹. В силу острых противоречий между тремя державами английский проект повис в воздухе.

Тем не менее в кубинском вопросе произошло определенное сближение позиций Лондона и Вашингтона. В ходе переговоров в Лондоне между Каннингом и посланником США было достигнуто взаимопонимание относительно «разумного компромисса» – обеспечить сохранение Кубы в руках Испании. Как показали дальнейшие события, Англия, опираясь на негласную поддержку США, взяла на себя главную заботу о нейтрализации французских притязаний. После серии жестких бесед Дж. Каннинга с французским послом в Лондоне Ж. Полиньяком в октябре 1823 года появился известный меморандум Полиньяка-Каннинга. В этом документе подтверждалась позиция английского правительства об отсутствии у него захватнических намерений в отношении испанских владений в Америке. «Со своей стороны, – говорилось в меморандуме, – Франция не имеет какого-либо

---

³²⁷ [327] См. Новая и новейшая история. – 1983. – № 4. – С. 127; Webster C. K. (Ed.) Op. cit. – Vol. 2. – P. 385

³²⁸ [328] Цит. по Callahan J. M. Cuba and International Relations. – Baltimore, 1899. – P. 126

³²⁹ [329] Болховитинов Н. Н. Указ. соч. – С. 136

³³⁰ [330] Manning W. R. (Ed.) Op. cit. – Vol. 111. – P. 1558

³³¹ [331] См. Webster C. K. The European Alliance 1815-1825. – Calcutta, 1929. – P. 195

намерения или желания воспользоваться настоящим положением колоний или настоящим положением Франции в отношении Испании, чтобы приобрести для себя какую-нибудь часть испанских владений в Америке или добиться каких-нибудь исключительных преимуществ»³³². Франция, таким образом, была выведена из игры.

В свою очередь, Вашингтон, зная позицию английской дипломатии, развернул активное противодействие объединенной мексикано-колумбийской освободительной экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико.

По дипломатическим каналам Белый дом обратился к России и другим европейским державам с предложением гарантировать Испании неприкосновенность ее островных владений в Карибском бассейне, если Мадрид согласится на примирение со своими бывшими колониями. Одновременно Вашингтон оказывал сильное давление на Мексику и Колумбию, добиваясь их отказа от организации освободительной экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико. Соответствующие представления делались мексиканским и колумбийским дипломатическим представителям в Вашингтоне. В декабре 1825 года государственный секретарь США

Г. Клей направил «энергичную» ноту по этому вопросу правительству Колумбии³³³.

К этой кампании дипломатического давления присоединился также Лондон. Оказывая давление, правительство США не скупилось и на посулы, обещая помочь примирению Мексики и Колумбии с Испанией, если план освободительной экспедиции не будет осуществлен.

Шумная кампания велась в Конгрессе США. Сенатор Дж. Холмс заявил, что освобождение Кубы и Пуэрто-Рико явилось бы «угрозой нашему спокойствию»³³⁴. Незадолго до открытия Панамского конгресса президент Дж. К. Адамс в послании Конгрессу США 15 марта 1826 г. заявил, что «статус Кубы и Пуэрто-Рико является вопросом первостепенной важности, который прямым образом влияет на настоящие и будущие интересы нашей страны». Судя по заявлениям президента и других государственных деятелей США, они связывали это влияние с тремя основными обстоятельствами: стратегическим положением островов, важностью американо-кубинской торговли и возможным воздействием на рабовладельческий Юг США освобождения рабов-негров на Кубе и Пуэрто-Рико. Имея в виду усилия Мексики и Колумбии по организации освободительной экспедиции, Адамс подчеркнул, что позиция США преследует цель «сохранить настоящее положение вещей»³³⁵. Это была так называемая политика «зрелого плода». Смысл ее состоял в том, чтобы Куба и Пуэрто-Рико до поры до времени оставались во владении слабой Испании. В соответствии с этой линией были составлены инструкции представителям США на Панамском конгрессе.

В данном документе, предназначенном для служебного пользования, государственный секретарь Клей куда более откровенно, чем президент в своем послании Конгрессу, излагал принципиальные установки политики «зрелого плода». По существу кубинского вопроса он писал: «Ни одна держава, даже сама Испания, не имеет столь огромного интереса в отношении будущего этого острова, как США... Мы не желаем никаких перемен. Ни перехода Кубы в руки другого государства, ни изменения существующего на острове политического режима. Мы не будем безразличными наблюдателями, если Куба перейдет от Испании к какой-либо европейской державе. Мы также против того, чтобы Куба была

---

³³² [332] Webster C. K. (Ed.) Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc. – Vol. II. – P. 117

³³³ [333] См. The Papers of Henry Clay. – Vol. 4. – Lexington (Kentucky), 1972. – P. 929-931

³³⁴ [334] Цит. по Roig de Leuchsenring E. Op. cit. – P. 33-34

³³⁵ [335] Richardson J. D. (Ed.) Op. cit. – Vol. 2. – P. 336

передана и включена в состав одного из новых государств Америки»³³⁶. Государственные деятели США приравнивали экспедицию по освобождению Кубы к «завоевательной войне». По дипломатическим каналам они дали понять Мексике и Колумбии, что не останутся перед применением вооруженной силы для пресечения попытки освободить Кубу и Пуэрто-Рико от ига Испании³³⁷. По мнению колумбийского историка Х. Ф. Уррутия, эти шаги США убедительно показывали, «насколько твердым было стремление правительства Колумбии направить освободительную экспедицию на Кубу и Пуэрто-Рико и насколько жестким было противодействие этой акции со стороны правительства Вашингтона»³³⁸.

Американские посольства в Мехико и Боготе выполняли роль форпостов дипломатической атаки Вашингтона против планов Мексики и Великой Колумбии. Правительство США в марте 1825 года решило назначить на пост посланника в Мексике опытного специалиста по латиноамериканским делам, известного мастера «силовой дипломатии» Джоэла Пойнсетта. Ему поручалось провести переговоры о заключении торгового договора между двумя странами, аналогичного американо-колумбийскому торговому договору, и довести до сведения мексиканского правительства, что США «вполне устраивает, чтобы Куба оставалась в зависимости от Испании». Государственный секретарь Клей предписал Пойнсетту «осуществлять тщательное наблюдение за всеми мероприятиями, направленными против Кубы»³³⁹. Пойнсетт развернул в столице Мексики бурную деятельность, направленную на укрепление консервативной оппозиции правительственной политике. Столь бесцеремонное вмешательство американского дипломата во внутренние дела страны вызвало недовольство мексиканской общественности. В конце концов мексиканский президент Висенте Герреро был вынужден обратиться с письмом по этому вопросу к главе Белого дома, в котором предупредил президента США о том, что мексиканское правительство может объявить Пойнсетта персоной нон грата и выслать его из страны, если государственный департамент не примет решительных мер. Вскоре после этого предупреждения Вашингтон отозвал Пойнсетта, заменив его другим дипломатом.

Такую же политику давления, выполняя инструкции Вашингтона, проводил американский посланник в Боготе Андерсон, настроенный в целом лояльно к Боливару. Конфиденциальные послания Андерсона Клею о ходе подготовки мексикано-колумбийской экспедиции напоминают скорее разведывательные донесения, чем дипломатические ноты. Очень красноречива в этом отношении нота Андерсона, направленная в Вашингтон из Картахены 10 ноября

1825 г.: «Несомненно, здесь происходит подготовка к военной экспедиции за пределы Колумбии. Всем известна ее цель, но никто не знает точно конечного пункта ее маршрута. Однако, поскольку вражеские владения в водах, омывающих Американский континент, практически ограничены двумя островами, Кубой и Пуэрто-Рико, не боясь ошибиться, можно предсказать, что экспедиция отправится на один из них. Почти весь военно-морской флот республики сконцентрирован в этом порту». Далее Андерсон перечисляет основные боевые корабли колумбийского флота, давая точную характеристику вооружения и общего состояния каждого корабля: «Фрегат «Венесуэла», 8 пушек, находится в весьма плачевном состоянии. Корвет «Ла Серес», 38 пушек, – очень хороший корабль. Фрегат «Бойака», 32 пушки, – в отличном состоянии. Канонерка «Ла Орега», 32 пушки, и канонерка «Боливар»,

---

³³⁶ [336] The Papers of Henry Clay. – Vol. 5. – P. 331

³³⁷ [337] См. Rivas R. Op. cit. – P. 117

³³⁸ [338] Urrutia J. F. Op. cit. – P. 301-302

³³⁹ [339] The Papers of Henry Clay. – Vol. 4. – P. 175

12 пушек» 340.

Из Боготы Андерсон сообщал в Вашингтон в феврале

1826 года результаты своих бесед с новым колумбийским министром иностранных дел Хосе Рафаэлем Ревенгой, сменившим на этом посту Гуаля, назначенного главой делегации Великой Колумбии на Панамском конгрессе. Как следует из текста ноты, Ревенга в весьма энергичных выражениях заявил американскому посланнику о том, что ни Великая Колумбия, ни Мексика не собираются аннексировать Кубу или Пуэрто-Рико. Освобождение от Испании этих двух островов необходимо, чтобы гарантировать мир в Карибах. Следующая нота Андерсона Клею помечена 9 марта 1826 г. По мнению американского посланника, союзники, Мексика и Колумбия, «имеют достаточно сил, чтобы осуществить задуманное». Андерсон выражал в ноте свои сомнения относительно эффективности предпринятых Вашингтоном шагов, так же как и переданного им колумбийскому правительству мнения президента США относительно кубинского вопроса 341.

Колумбийская дипломатия вела полемику с государственным департаментом США и его представителями относительно несостоятельности официальных аргументов, выдвигавшихся Вашингтоном для оправдания своей политики поддержки Испании в вопросе о Кубе и Пуэрто-Рико. Освободительная экспедиция никоим образом не могла помешать попыткам США и европейских держав предложить Фердинанду VII посреднические услуги для урегулирования отношений между Испанией и ее бывшими колониями. Такая экспедиция не угрожала и торговым интересам США, поскольку американцам было бы значительно проще и выгоднее торговать со свободной Кубой, чем преодолевать запретительные барьеры, воздвигнутые Испанией в своей колонии. Однако Вашингтон не внимал голосу разума и усиливал давление на Великую Колумбию по всем каналам. Сантандер в письме Боливару 6 марта 1826 г. сообщал о настойчивых требованиях правительства США отложить военную экспедицию для освобождения Кубы и Пуэрто-Рико 342. Об этом же писал в своих депешах колумбийским посланникам министр иностранных дел Ревенга. В конце концов Боливар был вынужден принять решение приостановить подготовку освободительной экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико и вынести этот вопрос на обсуждение Панамского конгресса. Колумбийское правительство поставило в известность американского посланника Андерсона о принятом решении.

Такая позиция Боливара не означала капитуляции перед Вашингтоном. В сложившейся неблагоприятной обстановке необходимо было маневрировать и заручиться поддержкой других государств региона. Колумбийский посланник в США Саласар получил директиву Боготы заявить Белому дому о том, что Колумбия не отказывается от своего намерения помочь кубинским братьям и в принципе не согласна, несмотря на все свое стремление к миру, с предложением США гарантировать господство Испании на Кубе и Пуэрто-Рико в качестве «платы» за установление мира 343.

В соответствии с избранной тактикой Боливар дал точные инструкции перуанской делегации добиваться на Панамском конгрессе заключения договора, определяющего контингенты сухопутных и военно-морских сил, выделяемых каждым государством-участником для общих целей, в том числе для осуществления освободительной миссии на Кубе и Пуэрто-Рико. Боливар считал также необходимым, чтобы было высказано общее мнение по вопросу о дальнейшей судьбе двух островов (станут ли

---

340 [340] Цит. по Urrutia F. J. Op. cit. – P. 306

341 [341] См. Manning W. R. (Ed.) Op. cit. – Vol. II. – P. 1291 – 1292

342 [342] См. O'Leary D. Op. cit. – Vol. 3. – P. 245-247

343 [343] См. Rivas R. Op. cit. – P. 118

они самостоятельными государствами или присоединятся к одному из существующих испаноамериканских государств) и принято решение относительно финансовых аспектов освободительной экспедиции. Аналогичные инструкции получила и колумбийская делегация на Панамском конгрессе. Ревенга направил им также детально разработанный план совместной освободительной экспедиции. Его осуществление предполагалось начать сразу же после одобрения Панамским конгрессом ³⁴⁴.

Осуществить в Панаме задуманное не удалось. VI Национальный съезд кубинских историков в 1947 году всесторонне обсуждал причины этого и пришел к выводу: «Противодействие янки решающим образом помешало Панамскому конгрессу достигнуть полного согласия по вопросу о независимости Кубы и Пуэрто-Рико» ³⁴⁵. Североамериканская дипломатия гордилась своим успехом. Посол США в Мадриде П. Ван Несс в соответствии с указанием государственного департамента убеждал испанское правительство в том, что только решительные действия США предотвратили мексикано-колумбийскую экспедицию ³⁴⁶. Фердинанд VII по достоинству оценил старания Вашингтона и в знак признательности предоставил американским бизнесменам на Кубе ряд льгот. Были, конечно, и другие трудности. На страже интересов Фердинанда VII стояла могущественная католическая церковь. Папа Лев XII в энциклике, направленной всем епископам и архиепископам Америки, предал анафеме планы освободительной экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико.

Однако Боливар не оставил надежды осуществить свои планы. В начале 1827 года произошло резкое обострение противоречий между Англией и Испанией в связи с их различным отношением к революционным событиям в Португалии, которые привели к установлению конституционного режима в этой стране. Боливар писал в январе 1827 года главе перуанского правительства маршалу Санта-Крусу: «Как Вы знаете, испанская эскадра была полностью разгромлена... Сейчас поступают официальные известия о войне между Испанией и англичанами... Кажется, наступил момент, когда мы можем осуществить желаемую нами экспедицию в Гавану и Пуэрто-Рико. Никакая другая возможность не будет более благоприятной». Генералу Сукре он сообщал в феврале 1827 года из Каракаса: «Если начнется война, я намерен направить экспедицию на Кубу» ³⁴⁷.

Однако Фердинанд VII блефовал в дипломатической игре с Лондоном, и буря утихла так же внезапно, как и возникла, не оставив заметного следа в англо-испанских отношениях.

Надеждам Боливару и на этот раз не суждено было осуществиться. Находясь в Каракасе, Освободитель встретился с представителем кубинских патриотов в изгнании Хосе Иснагой и детально обсудил с ним сложившуюся ситуацию. По словам Иснаги, Боливар откровенно и доверительно рассказал ему о возникших серьезных препятствиях. «Мы не можем, – заявил Боливар, – идти на столкновение с правительством США, которое, объединившись с Англией, направляет свои усилия на сохранение власти Испании на островах Куба и Пуэрто-Рико». Противодействие США и Англии, возможно, удалось бы преодолеть, считал Боливар, если бы на Кубе происходили массовые выступления против испанского гнета и на острове было бы создано независимое правительство, направившее Колумбии просьбу о помощи. Однако после разгрома колониальными властями тайного патриотического общества «Солнца и лучи Боливару» на Кубе произошел спад освободительного движения. Остро сказывалось также отсутствие активной поддержки

---

³⁴⁴ [344] См. O'Leary D. Op. cit. – Vol. 24. – P. 260-262; Roig de Leuchsenring E. Op. cit. – P. 29

³⁴⁵ [345] Nunez Jimenez. La liberacion de las islas. – La Habana, 1959. – P. 461

³⁴⁶ [346] См. Manning W. R. (Ed.) Op. cit. – Vol. I. – P. 306

³⁴⁷ [347] Boiivar S. – Vol. II. – P. 540, 565

мексикано-колумбийских усилий со стороны других южноамериканских стран.

Вскоре в Мексике, а затем и в Колумбии резко обострилась внутривнутриполитическая обстановка. Боливар отдал приказ генералам Р. Урданете и М. Монтилье приостановить вплоть до особого распоряжения всякую деятельность по снаряжению экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико. Многолетние усилия Освободителя не увенчались успехом. В силу противодействия внешних сил и острых междоусобных распрей в Колумбии и других молодых государствах региона ему не удалось осуществить свою мечту о полном изгнании испанских колонизаторов из пределов Западного полушария. Последствия этого для исторических судеб кубинского и пуэрто-риканского народов были поистине трагическими. Благодаря полученной «охранной грамоте» от США и Англии одряхлевшая испанская монархия, переживая затяжной кризис, смогла удерживать в своих руках Кубу и Пуэрто-Рико до конца XIX века. Политика «зрелого плода» позволила США в подходящий момент похитить «жемчужину Антилл» и одновременно превратить Пуэрто-Рико в свою колонию. Эти исторические события красноречивее всех документальных свидетельств высветили истинные причины активного противодействия США плану Боливара в 20-х годах прошлого века.

ПАНАМСКИЙ КОНГРЕСС

Панамский конгресс, подготовке которого Боливар посвятил большую часть своей жизни, начал свою работу 22 июня 1826 г. в 11 часов утра. Торжественная церемония открытия происходила в главном зале старинного монастыря Святого Франсиска в городе Панама. Окна просторного, светлого помещения, где собрались делегаты, выходили на безбрежные просторы Тихого океана, и дуновения легкого морского бриза смягчали невыносимую тропическую жару. Приветствуя историческое событие, местная «Газета экстраординарио дель Истмо» писала: «Этот день можно назвать днем Америки».

Первый международный конгресс независимых американских стран привлек большое внимание государственных и общественных деятелей США и Европы. Известный французский мыслитель аббат Прадт сообщал Боливару о восприятии передовыми людьми Европы борьбы испано-американских патриотов за утверждение своей независимости: «Наконец, Америка свободна... На устах у всех конгресс в Панаме, созываемый новыми американскими государствами... Наконец, после стольких конгрессов королей, направленных против народов, состоится конгресс народов в интересах самих народов. Таким образом, несомненно Америка дает урок и образец для остального мира»³⁴⁸. На созыв Панамского конгресса официально откликнулись правительства Англии и Голландии, решившие направить в Панаму своих наблюдателей, чтобы из первых рук получить всю информацию о принятых там решениях.

В конкретных условиях первой четверти XIX века проведение в Панаме международного конгресса испаноамериканских республик потребовало, без преувеличения, титанических усилий. Путь к торжественному заседанию в монастыре Святого Франсиска был долгим и трудным. Находясь в Лиме, Боливар вникал во все вопросы, касавшиеся подготовки перуанской делегации. Правительство Перу первым направило своих делегатов на Панамский конгресс, поручив представлять интересы страны председателю верховного суда республики Мануэлю Лоренсо Видаурре и видному перуанскому дипломату Хосе Мариа де Пандо. Оба деятеля пришли в лагерь патриотов сложными путями. После 1823 года они тесно сотрудничали с Боливаром и разделяли его внешнеполитические концепции, хотя, по мнению одного из исследователей, Видаурре «оказался наиболее темпераментной, беспокойной и противоречивой фигурой на конгрессе»³⁴⁹. После назначения Пандо

---

³⁴⁸ [348] Bolivar y su epoca. – Vol. 1. – Caracas, 1953. – P. 210

³⁴⁹ [349] Obra gubernativa y epistolaria de Bolivar. – Vol. 4 (El Congreso de Panama). – Lima, 1974. – P. 29

министром иностранных дел Перу его в Панаме заменил Мануэль Перес де Тудела, автор текста Декларации независимости, обнародованной 28 июля 1821 г.

Полномочные представители Перу прибыли в Панаму в июне 1825 года. Вследствие несогласованности действий колумбийские делегаты появились в Панаме лишь шесть месяцев спустя. Такое начало не могло вызвать энтузиазма.

Правительство Великой Колумбии направило в Панаму, пожалуй, самую представительную делегацию. Первый делегат – Педро Гуаль пять лет возглавлял министерство иностранных дел, а второй – генерал П. Брисеньо-Мендес являлся одним из ближайших соратников Боливара. В 1813 году он был его личным секретарем. На конгрессе в Ангостуре Брисеньо-Мендес возглавлял секретариат, а впоследствии стал военным министром Колумбии. Ему Боливар доверил ряд ответственных дипломатических миссий, в том числе переговоры с Морильо о перемирии и заключение торгового договора с Англией. Накануне отъезда в Панаму он женился на племяннице Боливара. Умирая, Освободитель сделал Брисеньо-Мендеса своим душеприказчиком.

Между двумя делегациями в ожидании прибытия представителей других государств в декабре 1825 года начались консультации по основному вопросу повестки дня конгресса, а именно о принципах конфедерации испано-американских государств. Идея проведения таких неофициальных дискуссий между двумя главными инициаторами созыва конгресса до его открытия принадлежала Гуалью, выдвинувшему ее еще в феврале 1825 года.

В центре дискуссии оказались предложения из 21 пункта, разработанные Видаурре во время ожидания колумбийских коллег. Проект Видаурре, подготовленный им в порядке личной инициативы, существенно отличался от согласованных ранее подходов, отражавших идеи Боливара. Вместо федерации суверенных государств Видаурре предлагал фактически создание унитарного государственного объединения и общего рынка. Суть своего проекта перуанский делегат выразил в крылатой фразе: «Не может быть ничего иностранного в рамках американской конфедерации»³⁵⁰. Такой подход вызвал серьезные возражения колумбийских делегатов. В своей критике они исходили прежде всего из невозможности осуществления проекта Видаурре в условиях далеко зашедшего процесса формирования в испанской Америке независимых национальных государств.

В ходе неофициальных консультаций происходил поиск сближения позиций двух делегаций и по другим вопросам повестки дня. Много внимания уделялось проблеме создания объединенных вооруженных сил. Для перуанских делегатов было неожиданностью доверительное сообщение их колумбийских коллег о предстоящем приезде в Панаму английского представителя. Великая Колумбия в августе 1825 года, то есть уже после прибытия перуанцев в Панаму, проявила одностороннюю инициативу и пригласила Англию участвовать в Панамском конгрессе. Эту акцию колумбийская дипломатия предприняла по настоянию Боливара. В своих письмах Сантандеру в июне-июле 1825 года Освободитель выражал убеждение в том, что конфедерация испаноамериканских стран не сможет утвердить себя на международной арене без покровительства Англии. Как показал уже первый опыт встреч в Панаме, не все шло гладко и просто. Тем не менее Гуаль и Брисеньо-Мендес в донесении от 10 апреля 1826 г. сообщали в Боготу об установлении взаимопонимания с перуанскими представителями³⁵¹.

Делегаты Федеральной республики Центральной Америки прибыли в Панаму в марте 1826 года. Педро Молина входил в состав первого независимого правительства Центральной Америки, а затем стал дипломатическим представителем своей страны в Боготе. Вторым депутатом – каноник церковного суда в Гватемале Антонио Ларрасабаль – в течение ряда лет

---

³⁵⁰ [350] Цит. по Townsend E. A. Op. cit. – P. 186

³⁵¹ [351] См. O'Leary D. Op. cit. – Vol. 24. – P. 313

участвовал в работе испанских кортесов, отстаивая там интересы Центральной Америки.

Последними в июне 1826 года прибыли на конгресс мексиканские делегаты: генерал Хосе Мариано Мичелена, активный участник войны за независимость и член первого республиканского правительства, образованного в Мексике после крушения империи Итурбиде, и Хосе Домингес, главный судья города Гуанахуато, занимавший пост министра юстиции при Итурбиде. Одновременно с ним приехали английский наблюдатель Эдвард Доукинс и голландский наблюдатель полковник Ван Веер. После этого и состоялось официальное открытие Панамского конгресса.

При знакомстве с участниками Панамского конгресса нельзя не обратить внимания на два обстоятельства. Во-первых, высокий уровень представительства. Колумбия, Мексика, Перу и Центральная Америка направили делегатами в Панаму крупных государственных и общественных деятелей, прославленных генералов, обладавших богатым политическим и дипломатическим опытом. Такой подход свидетельствовал о важном значении, придававшемся Панамскому конгрессу правительствами этих стран. Облеченные доверием и широкими полномочиями, делегаты были правомочны принимать ответственные решения. Во-вторых, все участники конгресса были поборниками испаноамериканского единства, разделяли идеи Боливара о целях и формах внешнеполитического сотрудничества молодых независимых государств региона. Некоторые из них, например Гуаль, непосредственно участвовали в подготовке Панамского конгресса. Общая идейно-концептуальная платформа делегатов облегчала решение конкретных вопросов и нахождение развязок спорных проблем, неизбежно возникающих в ходе работы международного форума.

Что касается других стран региона, которые в принципе согласились с созывом конгресса, приняли адресованное им приглашение, но не направили своих представителей в Панаму, то их позиция определялась различными причинами и стечением неблагоприятных обстоятельств. К моменту созыва Панамского конгресса Чили охватила волна яростных междоусобиц. В этой стране, пожалуй, раньше, чем в других районах континента, проявились социальные противоречия среди участников борьбы за независимость и развернулась ожесточенная борьба за власть между различными группировками господствующих классов. Конституция, выработанная Национальным учредительным конгрессом в 1823 году, была объявлена «полностью недействительной». Страну сотрясали восстания, заговоры и мятежи. Созывались и распускались учредительные конгрессы, одно правительство сменяло другое, не будучи в состоянии справиться с хозяйственной разрухой и пополнить пустую казну. При этом барометр политической жизни медленно, но неуклонно смещался вправо. Происходило формирование блока земельной олигархии и крупной торговой буржуазии, стремившихся взять власть в свои руки, покончить с политикой антифеодальных реформ, проводившихся О'Хиггинсом, и перевести Чили на путь постепенной капиталистической эволюции.

В 1823-1826 годах пост верховного правителя Чили занимал активный участник войны за независимость генерал Рамон Фрейре, сыгравший решающую роль в изгнании О'Хиггинса. Как и его предшественник, Фрейре являлся сторонником создания союза испаноамериканских республик, предложенного Боливаром. Он считал такой союз надежным средством «обеспечить навсегда свободу Америки и укрепить ее политические институты»³⁵². Между Боливаром и Фрейре поддерживалась регулярная переписка по вопросам перуано-чилийского сотрудничества в целях скорейшего завершения войны за независимость.

В 1823 году Боливар направил в Чили две дипломатические миссии. В сентябре 1823 года он назначил полковника Хуана Саласара полномочным посланником при правительстве Фрейре. Ему поручалось добиваться получения займа в 2 млн. песо и направления чилийским правительством воинского контингента для участия совместно с

---

352 [352] Цит. по Urrutia F. J. Op. cit. – P. 50

перуано-колумбийской армией в разгроме последнего оплота испанцев. Он должен был также закупить в Чили 5 тыс. ружей, 500 сабель и 500 лошадей для кавалерии. В инструкциях Саласару предписывалось убедить чилийское правительство в необходимости «новым государствам континента объединиться в рамках подлинно американской лиги, чтобы заставить Испанию... отказаться от продолжения жестокой и бесцельной войны»³⁵³. Поскольку Саласар при выполнении этих задач встретился с определенными трудностями, Боливар в ноябре 1823 года направил в Сантьяго своего адъютанта О'Лири, который оставался в Чили до февраля 1825 года. Материальная помощь, полученная миссией Саласара – О'Лири, помогла Боливару перевооружить освободительную армию и лучше подготовить ее к решающим битвам с испанцами при Хунине и Аякучо.

Успешное развитие перуано-чилийского сотрудничества позволяло надеяться на участие Чили в Панамском конгрессе. Генерал Фрейре считал, что Чили должна выполнить взятые на себя обязательства. В июне 1825 года он от имени правительства официально принял приглашение Боливара направить чилийских представителей в Панаму. В этом его позднее поддержали члены конгресса. Однако срок полномочий верховного правителя Чили подходил к концу, политическая обстановка в стране продолжала оставаться неустойчивой, нарастали финансовые трудности, возник территориальный спор с Перу. Больших усилий от Фрейре потребовало проведение в начале 1826 года военной операции по освобождению от испанских войск чилийского острова Чилоэ, последнего опорного пункта колонизаторов на юге континента. Поглощенный этими заботами, верховный правитель Чили не взял на себя смелости без санкции законодателей одобрить решение о назначении делегатов на Панамский конгресс. Созвать же очередной Национальный учредительный конгресс в Сантьяго удалось только в июле 1826 года, когда время было упущено.

Позиция Бразилии и Аргентины во многом определялась острым конфликтом между ними из-за территории

Восточный берег (Уругвай), входившей в колониальную эпоху в вице-королевство Ла-Плата. После того как королевский двор и правительство Португалии, спасаясь от вторгшихся войск Наполеона, переехали в Рио-де-Жанейро, Бразилия получила статус королевства, не изменивший ее колониальной зависимости. Воспользовавшись восстанием уругвайских патриотов и слабостью Испании, правительство короля Жоао VI в 1817 году без поддержки Англии оккупировало территорию Восточного берега и присоединило ее к Бразилии под названием Сисплатинской провинции. Английские купцы получили возможность свободно торговать через Монтевидео с другими странами континента. Буэнос-Айрес отказался признать аннексию. Уругвайские патриоты не сложили оружия. В районе Южного конуса завязался конфликтный узел.

Португальско-бразильская экспансия в отношении испаноамериканских территорий расценивалась Боливаром как серьезная угроза. В 20-х годах Освободитель не исключал возможности использования «Священным союзом» при содействии португальского короля бразильской империи в качестве ударной силы для восстановления власти испанского монарха над своими бывшими колониями в Америке. В письме к Сантандеру он высказал мнение, что «этот император Бразилии и «Священный союз» заодно»... В случае если «Священный союз» осуществит вооруженное вмешательство в дела Южной Америки, «Перу и Буэнос-Айресу следует немедленно, – считал Боливар, – оккупировать Бразилию, Чили (остров Чилоэ). Колумбия, Гватемала и Мексика могут сами позаботиться о своей обороне, и вся Америка должна объединиться в союз, чтобы совместными силами отразить атаки и угрозы». При необходимости Освободитель готов был двинуться во главе армии патриотов на Ла-Плату, чтобы действовать вместе с аргентинцами.

Высказывания Боливара вряд ли следует рассматривать как изложение заранее

---

³⁵³ [353] Цит. по Lecuna V. Relaciones diplomaticas de Bolivar con Chile y Buenos Aires. – Т. I. – Caracas, 1954. – P. 102

подготовленного стратегического плана военных операций. Это была спонтанная реакция на вторжение бразильских войск в один из пограничных районов Верхнего Перу. К широкомасштабным военным действиям, считал Боливар, можно было бы прибегнуть только в крайнем случае и в целях самообороны. Что же касается территориальных споров, «то не следует предпринимать каких-либо враждебных акций против Бразилии без серьезных оснований»³⁵⁴, – писал Боливар в мае 1825 года. От имени Колумбии и Перу

Освободитель предложил посреднические услуги для урегулирования аргентино-бразильского конфликта. С целью установления нормальных отношений с Бразилией Богота направила в Рио-де-Жанейро Леонардо Паласиоса.

После провозглашения Бразилией независимости от Португалии в 1822 году лиссабонский двор начал терять рычаги воздействия на Рио-де-Жанейро. По мнению колумбийской дипломатии, конфликт Аргентины и Бразилии из-за Восточного берега не должен был послужить непреодолимым препятствием для их участия в Панамском конгрессе, где можно было бы сообща обсудить все вопросы, связанные с возникшими территориальными спорами на континенте. Министр иностранных дел Колумбии Гуаль в феврале 1825 года решил информировать бразильского посланника в Вашингтоне о созыве и повестке дня Панамского конгресса. Официальное приглашение Бразилии ввиду отсутствия дипломатических отношений с ней было передано через колумбийского посланника в Лондоне в октябре 1825 года. Император Бразилии Педро I принял это приглашение и назначил Сан-Сальвадора Кампоса бразильским представителем. Однако, как отмечалось в ответе министра иностранных дел Бразилии, переданном Колумбии 30 октября 1825 г., «представитель будет направлен так скоро, как только счастливо завершатся переговоры в Рио-де-Жанейро о признании империи». Кроме того, подчеркивалось, что участие бразильской империи будет ограничено «ее политикой строгого нейтралитета в отношении воюющих сторон – Америки и Испании»³⁵⁵. Эти оговорки фактически сводили на нет согласие.

Окончательно спутала все карты война между Бразилией и Объединенными провинциями Ла-Платы, вспыхнувшая в декабре 1825 года. Сигналом к началу бразильской стороной военных действий послужило выступление уругвайских патриотов во главе с Х. А. Лавальехой. Провозгласив независимость Восточного берега, они решили воссоединиться с Ла-Платой. В ходе трехлетней войны ни одна из сторон не смогла добиться успеха. При посредничестве Лондона Бразилия и Аргентина в 1828 году заключили мир, признав Уругвай независимым государством.

По вопросу участия в Панамском конгрессе аргентинское правительство длительное время занимало колеблющуюся позицию. Оно не давало окончательного согласия, но и не закрывало двери для переговоров. Боливар предпринимал усилия для того, чтобы выиграть дипломатическую битву за аргентинское участие. В письме, адресованном аргентинскому посланнику М. Диас-Велесу, Освободитель вновь высказывал убеждение в необходимости в интересах всех и каждого в отдельности независимого испаноамериканского государства осуществить федеративное объединение на континенте³⁵⁶. Гуаль в июле 1824 года дал указание колумбийскому представителю в Буэнос-Айресе Г. Фунесу активизировать диалог с местным правительством. После этого Фунес передал аргентинцам подробную информацию относительно проблем, намеченных для обсуждения на Панамском конгрессе.

Официальное приглашение поступило в Буэнос-Айрес в августе 1825 года. Глава правительства провинции Буэнос-Айрес генерал Х. Г. Лас-Эрас, сподвижник Сан-Мартина в

---

³⁵⁴ [354] Boiivar S. – Vol. II. – P. 144-145

³⁵⁵ [355] O'Leary D. Op. cit. – Vol. 24. – P. 287-288

³⁵⁶ [356] См. Boiivar S. – Vol. II. – P. 346

военных кампаниях в Чили и Перу, передал вопрос на рассмотрение Национального учредительного конгресса Объединенных провинций Ла-Платы. В его сопроводительном послании нашла отражение двойственность аргентинской политической линии. С одной стороны, заявил Лас-Эрас, «причины, побудившие предшествующую администрацию (правительство Ривадавиа. – Авт.) дать отрицательный ответ на предложение (Колумбии.- Авт.), не потеряли своего значения в свете последующих событий». С другой стороны, он считал нежелательным «вступать в конфликт с другими республиками» ³⁵⁷. Поэтому Лас-Эрас рекомендовал конгрессу одобрить посылку в Панаму одного или нескольких представителей для проведения переговоров о заключении договоров об оборонительном союзе с братскими странами.

В тот момент большинство членов Национального учредительного конгресса и правительства высказались за принятие приглашения Перу, хотя и выдвинули множество оговорок. Назревала война с Бразилией, и аргентинские деятели понимали, насколько опасно для Ла-Платы оказаться в дипломатической изоляции. В сентябре 1825 года Лас-Эрас официально известил Лиму о согласии конгресса «направить своих делегатов на Ассамблею, созываемую на Панамском перешейке». Однако тут же делалась оговорка, придававшая ответу уклончивый характер: заявлялось, что «трудности, связанные с расстоянием и климатическими условиями», не позволят аргентинским посланцам прибыть в Панаму в намеченный срок ³⁵⁸.

Дипломатические маневры властей Буэнос-Айреса объяснялись надеждами получить помощь Великой Колумбии в случае войны Аргентины с Бразилией. В августе 1825 года в Ла-Пас для встречи с Боливаром отправилась аргентинская делегация в составе генерала К. Альвеара и посланника М. Диас-Велеса. Боливар склонялся к оказанию военной помощи Объединенным провинциям Ла-Платы, если они подвергнутся бразильскому нападению ³⁵⁹. Сантандер по-другому толковал аргентино-колумбийский договор 1823 года и считал его неприменимым в данном случае, так как речь шла о территориальном споре, не представлявшем угрозы независимости Буэнос-Айреса. Колумбийская сторона на переговорах с аргентинской делегацией выдвинула встречное предложение о посредничестве для урегулирования конфликта. Это предложение было принято как Буэнос-Айресом, так и Рио-де-Жанейро. После начала войны колумбийский дипломат Л. Паласиос встречался с императором Бразилии и вел с ним переговоры, положившие начало международному посредничеству в аргентино-бразильском конфликте.

Окончательный вердикт относительно участия Аргентины в Панамском конгрессе вынесло правительство Бернардино Ривадавиа, избранного президентом Объединенных провинций Ла-Платы в феврале 1826 года. Давний противник объединительной идеи Боливара, Ривадавиа принял решение воздержаться от посылки в Панаму Диас-Велеса и Морено, назначенных ранее аргентинскими делегатами, на том основании, что договор между испано-американскими государствами «является преждевременным» и представляется «рискованным делом» ³⁶⁰. Колумбийский историк Х. Пачеко-Кинтеро связывает этот отказ с тем, что Ривадавиа возглавил правительство Объединенных провинций Ла-Платы после длительного пребывания в Лондоне в качестве дипломатического представителя при правительстве Великобритании и поэтому не мог сразу сориентироваться в сложной обстановке, порожденной военным конфликтом с Бразилией.

---

³⁵⁷ [357] Цит. по Urrutia F. J. Op. cit. – P. 50

³⁵⁸ [358] См. Townsend E. A. Op. cit. – P. 175

³⁵⁹ [359] См. Boiivar S. – Vol. II. – P. 228-231

³⁶⁰ [360] Цит. по Guerra Iniguez D. Op. cit. – P. 190

Ривадавиа, утверждал Кинтеро, «несомненно, являлся жертвой сомнительных советников, которые заставили его поверить в несуществующие опасности для благополучия республики Ла-Платы» ³⁶¹. Видимо, это обстоятельство сыграло свою роль. Не случайно в аргентинской печати в это время появилась серия статей, на все лады расписывавших «трагические последствия» ограничения суверенитета Объединенных провинций в случае участия в Панамском конгрессе. Однако существовали и другие, более глубокие причины.

Влиятельные круги Буэнос-Айреса стремились превратить его в центр притяжения не только для всех провинций, входивших в состав бывшего вице-королевства Ла-Платы, но и для некоторых соседних стран. Создание конфедерации, предложенной Боливаром, и возможное усиление влияния Колумбии на континенте рассматривались ими как препятствие в осуществлении своих планов. Английский посланник В. Пэриш в своих донесениях министру иностранных дел Дж. Каннингу неоднократно сообщал о «симптомах ревности в отношении высокого авторитета Боливара» ³⁶², которые можно было наблюдать в правительственных учреждениях Буэнос-Айреса.

Боливар с болью и грустью следил за этими событиями. В феврале 1826 года он писал колумбийскому министру иностранных дел Х. Ревенге: «У меня нет ни малейшей надежды на вхождение Чили и Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы в конфедерацию или принятие ими проекта в том виде, как он был им представлен... Эти две страны находятся в плачевном состоянии и почти лишены руководства...» ³⁶³.

Так обстояло дело с наиболее крупными государствами. Межнациональные противоречия и всплески националистических страстей уже становились факторами принятия внешнеполитических решений.

Отношение Парагвая к созыву Панамского конгресса определялось особенностями внешнеполитического курса правительства во главе с доктором Х. Г. Франсиа. Это правительство проводило политику самоизоляции республики, исходя из того, что для защиты обретенной независимости небольшой стране необходимо избегать вовлечения в конфликты между соседями-гигантами – Аргентиной и Бразилией в условиях, когда каждая из этих стран не скрывала своего намерения поглотить Парагвай. Асунсьон почти полностью прекратил сношения с внешним миром, границы страны были закрыты, а иностранцы, даже случайно попадавшие на парагвайскую территорию, интернировались властями. Так, известный французский исследователь-ботаник А. Бонплан много лет оставался пленником Асунсьона. Развитие событий в Парагвае, где освободительная революция, начавшаяся под лозунгами просвещения и демократии, привела в 1814- 1816 годах к установлению единоличной диктатуры доктора Франсиа и репрессиям в отношении ее противников, вызывало серьезную озабоченность Боливара. После окончательного разгрома испанских войск в битве при Аякучо.

Освободитель в 1825 году предложил Буэнос-Айресу организовать совместную военную экспедицию в Парагвай для освобождения народа этой страны от гнета жестокой тирании. О своих планах он поставил в известность Сантандера. Ни Буэнос-Айрес, ни Богота не согласились с предложением Боливара.

В это время Франсиа, верховный диктатор республики, встал на путь частичной либерализации своего режима, начал пересматривать политику самоизоляции и попытался завязать торговые и другие отношения с европейскими государствами и соседней Бразилией, провозгласившей в 1822 году свою независимость. Учитывая эти перемены, Боливар, согласно некоторым источникам, 15 июля 1825 г. направил Франсиа послание с

---

³⁶¹ [361] Pacheco Quintero J. Op. cit. – P. 45

³⁶² [362] Webster C. K. (Ed.) Britain and Independence of Latin America. Selected Doc. – Voi. I. – P. 147

³⁶³ [363] Bolivar S. – Voi. II. – P. 307

предложением присоединиться к союзу южноамериканских республик. Это послание доставил в Асунсьон 23 августа 1825 г. капитан Хосе Руис. Но верховный диктатор даже не удостоил колумбийского гонца аудиенции. Франсиа решительно отклонил предложение Боливара. «Парагвай, – заявлялось в его ответном послании, – по крайней мере пока я нахожусь во главе его правительства, не изменит свою систему, даже если бы во имя этой священной цели пришлось обнажить меч справедливости». Некоторые современные историки считают недостоверными сведения об обмене посланиями между Боливаром и Франсиа в июле – августе 1825 года и ставят под сомнение подлинность этих документов, опубликованных только в середине 60-х годов XIX в. Многие же авторитетные исследователи Парагвая, Аргентины, США признают установленным факт обращения Боливара к Франсиа и не причисляют их послания к категории апокрифических документов 364.

Боливия не смогла принять участие в Панамском конгрессе по другой причине. Как независимое государство Верхнее Перу окончательно конституировалось лишь весной 1826 года, когда Учредительное собрание одобрило составленный Боливаром проект конституции и избрало маршала Сукре президентом республики. Поддерживая планы Освободителя, Сукре незамедлительно назначил посланников Хосе Мария Мендисабалья и Мариона Серрано представителями Боливии на Панамском конгрессе и подготовил для них детальные инструкции. По мнению Сукре, главные задачи конфедерации, обладающей собственными сухопутными и военно-морскими силами, заключались в продолжении борьбы с Испанией в случае отказа последней признать независимость молодых государств, а также в защите от иностранных интервенций и организации освободительной экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико 365. Эти решения были приняты в июле 1826 года и поэтому имели лишь символическое значение. Делегаты Боливии не могли успеть на Панамский конгресс.

Республика Гаити не получила приглашения Боливара участвовать в Панамском конгрессе, хотя преемник А. Петиона – президент Ж. П. Буайе стремился наладить сотрудничество с Колумбией и предлагал заключить договор об оборонительном союзе и торговое соглашение. Такое решение нелегко далось Освободителю. Гаитянский народ и его президент Петион в свое время оказали неоценимую помощь патриотам Венесуэлы. Однако с тех пор на Гаити многое изменилось. Правительство Буайе в 1822 году насильственно присоединило к Гаити республику Санто-Доминго (восточная часть острова с преобладающим испаноязычным населением), провозгласившую свою независимость от Испании. В идеологической и политической жизни Гаити, особенно ее правящей верхушки, получили развитие тенденции «черного расизма» и дискриминационной практики «власть – черным». В свете этого становится понятным высказывание Боливара об инородности Гаити той эпохи для испаноамериканского мира 366.

Правительство Великой Колумбии воздерживалось от установления дипломатических отношений с Гаити, хотя и поддерживало с островной республикой торговый обмен. Министр иностранных дел Ревенга в сентябре 1825 года направил колумбийским делегатам в Панама следующее указание: «Вам следует избегать любых шагов, имеющих целью признание независимости Гаити, взаимный обмен дипломатическими представителями или заключение договоров, подобных тем, которые связывают Колумбию с другими государствами Европы и Америки» 367. Помимо отмеченных выше идеологических и

---

364 [364] Подробнее см. Альперович М. С. Революция и диктатура в Парагвае. 1810-1840. -М., 1975.- С. 212-213

365 [365] См. O'Leary D. Op. cit. – Vol. 24. – P. 336-338.

366 [366] См. Bolivar S. – Vol. II. – P. 148

367 [367] O'Leary D. Op. cit. – Vol. 24. – P. 283

политических обстоятельств такая осторожно-сдержанная позиция Боготы объяснялась давлением Франции и особенно США, проводивших политику международной изоляции «черной республики». Администрации Адамса и Монро пеклись об интересах североамериканских рабовладельцев. Они усматривали в революции рабов-негров на Гаити дестабилизирующий фактор. Конкретные внешнеполитические решения в Боготе в отсутствие Боливара принимали Сантандер, Гуаль и Ревенга, и в гаитянском вопросе они прислушивались к настойчивым «советам», поступавшим по дипломатическим каналам из Вашингтона 368.

Таким образом, в Панамском конгрессе участвовали четыре страны. Правда, по размерам территории и численности населения эта четверка составляла большую часть испанской Америки. Кроме того, на Панамском конгрессе был неофициально представлен борющийся кубинский народ. Аугустин Аранго и Фруктуосо Кастильо, высланные испанскими властями из Кубы за участие в антиколониальных выступлениях, участвовали в работе Панамского конгресса в качестве его секретарей.

После торжественного открытия начались рабочие заседания конгресса. По общему признанию участников, колумбийский делегат Гуаль играл в Панаме роль неформального лидера. Благодаря огромному дипломатическому опыту, выдержанности и тактичности, умению находить компромиссы и примирять противоречия он больше, чем кто-либо другой, оказывал влияние на работу конгресса. Одни называли его «дирижером», другие – «движущим мотором», обеспечивавшим прогресс на встрече в Панаме. Являясь министром иностранных дел Великой Колумбии, Гуаль вложил всю душу в подготовку конгресса и мечтал успехом главного дела своей жизни достойно увенчать многолетнюю карьеру дипломата. После Панамы он намеревался уйти в отставку и целиком посвятить себя семейной жизни.

В ходе заседаний конгресса подробных протоколов не велось. Сведения о том, как проходили заседания, собранные мексиканским историком Антонио де ла Пеньей на основе изучения переписки и мемуаров лиц, причастных к Панамскому конгрессу, весьма неполны. Поэтому официальные инструкции, которые правительства стран – участниц Панамского конгресса дали своим делегатам, являются важнейшими документами, позволяющими судить о повестке дня конгресса и позиции каждой делегации.

Наиболее полно воззрения Боливара отражали инструкции делегатам Перу, подготовленные в мае 1825 года генералом Томасом де Ересом, временно исполнявшим обязанности министра иностранных дел. Как писал Боливару перуанский делегат Видаурра, «в Перу ничего не делается без Вашего желания» 369. Инструкции включали следующие основные положения:

1. Возобновление уже подписанных договоров о союзе, лиге и постоянной конфедерации.
2. Коллективное решение относительно освобождения островов Кубы и Пуэрто-Рико и принципов взаимоотношений с Гаити.
3. Заключение соглашений о дружбе, торговле, навигации и консульских службах.
4. Разработка принципов американского международного права, которое определяло бы обязательные нормы поведения государств – участников конгресса.
5. Проведение согласованной военной и дипломатической линии в отношении Испании с целью принудить Фердинанда VII признать независимость новых государств и заключить с ними мир.
6. Закрепление границ между молодыми государствами, как они сложились к концу

---

368 [368] Ibid. -P. 156

369 [369] *Obra gubernativa y epistolaria de Bolívar*. – Vol. 4. – P. 476.

колониальной эпохи, на основе принципа *uti possidetis juris* (1810 г.) и их демаркация ³⁷⁰.

Указания колумбийским делегатам были подготовлены позднее, в августе – сентябре 1825 года. По содержанию они были близки к перуанским. Многие положения этих инструкций, подписанных министром иностранных дел Ревенгой, согласовывались в ходе переписки между Боливаром и Сантандером. Кроме возобновления договора о союзе, лиге и конфедерации в них подчеркивалась необходимость опубликования декларации о целях и задачах Панамского конгресса и политике дружбы и нейтралитета с иностранными государствами, определения точных контингентов сухопутных и военно-морских сил конфедерации, взаимного предоставления в торговле права наиболее благоприятствуемой нации, установления обязательного арбитража, запрещения работорговли ³⁷¹.

В инструкциях делегатов Мексики обращают на себя внимание положения, обосновывающие важность совместных усилий, направленных на защиту национального суверенитета и территориальной целостности молодых государств, а также недопущение установления на американской земле иностранного колониального господства. Выражались надежды на установление мира с Испанией и нормализацию отношений с Ватиканом, отказывавшимся признавать перемены в испанской Америке ³⁷².

Очень подробные инструкции получили делегаты Центральной Америки. Документ состоял из восьми статей и тридцати позиций. Делегатам предписывалось руководствоваться принципами, зафиксированными в договоре между Центральной Америкой и Колумбией, добиваться приглашения на конгресс Гаити, поставить вопрос об общей политике в отношении бразильской империи, предложить перенести в будущем заседания постоянной Генеральной ассамблеи испаноамериканских государств из Панама в Гватемалу. В инструкциях говорилось также о важности союза с Англией и желательности найти эффективные пути использования «доктрины Монро» для противодействия колониаторским планам европейских монархий ³⁷³.

Анализ инструкций позволяет сделать вывод: между государствами – участниками Панамского конгресса уже в ходе его подготовки была достигнута близость позиций по главным вопросам, включенным в повестку дня. Все делегаты считали первоочередными задачами обеспечение безопасности молодых независимых государств от посягательств иностранных держав и урегулирование отношений с Испанией.

Первое пленарное заседание Панамского конгресса было посвящено процедурным вопросам. На втором перуанские делегаты на правах представителей страны, разославшей официальные приглашения на конгресс, предложили для обсуждения документ «Основы договора о союзе между американскими государствами». Это был улучшенный вариант проекта, выдвинутого ранее Видауррой. Но и в таком виде он вызвал возражения делегатов. Кроме того, сформулированные принципы предстояло перевести на язык точных юридических статей договора. Пришлось сделать перерыв в официальных заседаниях и в ходе частных встреч делегаций проработать все вопросы, касающиеся создания конфедерации, а также найти развязки спорных проблем, с тем чтобы в дальнейшем облегчить не только подписание соглашений, но и их ратификацию. 24 июня Гуаль и Брисеньо-Мендес представили свой проект договора о союзе, лиге и конфедерации, встреченный положительно другими участниками.

Консультации «при закрытых дверях» продолжались с 23 июня по 10 июля, когда

---

³⁷⁰ [370] См. O'Leary D. Op. cit. – Vol. 24. – P. 259-261

³⁷¹ [371] Ibid. – P. 271-276; 282-283

³⁷² [372] См. Archivo historico diplomatico mexicano. – 1926. – N 19. – P. 9-17

³⁷³ [373] См. Cerna J. R. Op. cit. – P. 81-87

возобновились пленарные заседания и проект договора стал обсуждаться постатейно.

Три пленарных заседания были посвящены рассмотрению предложения Мексики о посредничестве Великобритании в урегулировании отношений Испании с ее бывшими колониями, которые обязуются выплатить Испании компенсацию в размере 60 млн. песо в обмен на признание их независимости. Первым такую идею в Панаме высказал английский наблюдатель Эдвард Доукинс. Он не участвовал в пленарных заседаниях, зато развил бурную деятельность в кулуарах. Инструкции, данные ему Лондоном, свидетельствовали о растущей вовлеченности Англии в дела Латинской Америки.

Министр иностранных дел Великобритании лорд Каннинг поручил Доукинсу использовать пребывание в Панаме в интересах укрепления дружественных контактов со странами континента, исходя из нейтралитета Англии в конфликте между Испанией и ее бывшими колониями, и содействовать их примирению на условиях, приемлемых для короля Испании, в частности при сохранении испанского суверенитета над Кубой. Английский кабинет желал также, чтобы испаноамериканские государства восприняли принципы международного морского права, уже утвердившиеся в Старом Свете, что гарантировало бы Англии безопасность в торговле с американским регионом. Относительно главного вопроса повестки дня Панамского конгресса Доукинс получил исчерпывающие указания. «Правительство его королевского величества, – подчеркивал Каннинг, – не будет возражать против создания лиги государств – бывших испанских колоний, цели которой будут ограничены их общими взаимоотношениями с Испанией. Но любые проекты поставить Соединенные Штаты Северной Америки во главе американской конфедерации, противостоящей Европе, следует рассматривать как абсолютно неприемлемые для правительства Англии»³⁷⁴. При такой дипломатической стратегии английское присутствие в Панаме вряд ли могло служить вкладом в успех конгресса. Все опасения Лондона проще всего было снять одним путем: не допустить создания конфедерации испано-американских стран.

Панамский конгресс завершился 15 июля 1826 г. подписанием Договора о вечном союзе, лиге и конфедерации, открытого для присоединения других латиноамериканских стран, и трех конвенций, касавшихся организации совместной армии (60 тыс. человек) и федерального флота в составе двух эскадр: атлантической и тихоокеанской³⁷⁵. Одна из этих конвенций имела гриф «секретно».

Согласно договору, его участники «вступают в союз на время мира и войны, заключают для этого постоянный пакт о прочной, нерушимой дружбе и тесном союзе и объединяются в Конфедерацию».

Главными целями совместных усилий латиноамериканских государств провозглашались «охрана суверенитета и независимости всех объединенных стран Америки и каждой в отдельности против любого иностранного господства» и «обеспечение гармонии и взаимопонимания между договаривающимися сторонами и в их отношениях с другими государствами, которые они намерены поддерживать». Для осуществления этих принципов и целей предусматривались организация совместной обороны, создание общих постоянных армии и флота, состоящих из контингентов, выделяемых каждой страной-участницей согласно установленным квотам, совместная защита территориальной неприкосновенности каждого участника, разрешение возникающих между ними споров и конфликтов на основе обязательной согласительной процедуры.

Для руководства общими делами учреждалась Генеральная ассамблея конфедерации (конгресс) и устанавливались полномочия этого органа. Ее заседания должны созываться один раз в два года в мирное время и ежегодно – в случае войны.

---

³⁷⁴ [374] Webster C. K. (Ed.) *Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc.* – Vol. I. – P. 404

³⁷⁵ [375] Текст договора и конвенций см. O'Leary D. *Op. cit.* – Vol. 24. – P. 352-371

Важное историческое значение соглашений, подписанных в Панаме, несомненно. Это была первая в мировой истории попытка слабых объединиться против сильных мира сего, создать свою систему коллективной безопасности. И предпринята она была не в целях агрессии, диктата, навязывания своей воли другим, захвата чужих территорий, а для защиты суверенитета и утверждения в международных отношениях принципов равноправия, невмешательства, мира, имеющих общечеловеческую ценность. С этой точки зрения в эволюции международных отношений Панамский конгресс представлял более высокую веху, чем Венский конгресс, родивший такое чудовище, как «Священный союз». Однако вряд ли правомерно механически переносить понятия современной международной жизни на далекое историческое прошлое. Поэтому вызывают критическое отношение попытки некоторых ученых и политиков объявить Боливару первым творцом «третьемирской идеологии»³⁷⁶. Такие попытки тем более неправомерны, что два «других мира», рассматривавших тогда молодые независимые государства испанской Америки объектами своей политики, были представлены, с одной стороны, монархической Европой, а с другой – северным соседом.

Более сложным является вопрос, насколько панамские договоренности соответствовали концепции Боливара о латиноамериканском единстве и сотрудничестве. Многие исследователи пишут о разочаровании Боливара результатами Панамского конгресса, поскольку Освободитель мечтал о сильном союзе («колоссе», «гиганте», как он любил говорить) и с сарказмом отзывался о сторонниках «провинциальной самостоятельности». Широко известны слова Боливара по поводу полномочий Генеральной ассамблеи (конгресса). «Я считаю, – писал Боливар, – что необходимо максимально расширить ее права и наделить ее подлинно суверенной властью». Эту власть следовало общими усилиями противопоставить внешним врагам и внутренней анархии³⁷⁷. Как показал Панамский конгресс, его участники не были готовы идти так далеко. С общего согласия в Договор о вечном союзе, лиге и конфедерации была включена ст. 28, гласившая, что договор никоим образом не ограничивает внешнеполитический суверенитет заключивших его государств.

Но даже и достигнутое в Панаме закрепить не удалось. Только Колумбия ратифицировала подписанные там соглашения. В других странах-участницах дело застопорилось в парламентских лабиринтах. Принятое решение перенести заседания конгресса в Такубайю (Мексика) и там продолжить его работу не было осуществлено. Многолетние усилия Боливара и его сподвижников завершились неудачей.

При анализе причин неудачи Панамского конгресса следует обратиться в первую очередь к рассмотрению внутреннего экономического и политического положения государств, сбросивших колониальный гнет. Длительная, ожесточенная война подорвала и без того слабо развитые экономические и торговые связи между различными частями континента. В первой четверти XIX века лишь на 10 % территории испанской Америки утвердились денежные отношения. И даже в пределах этой ограниченной зоны функционировали пять-шесть локальных рынков, слабо связанных между собой. Таким образом, сказывалось отсутствие прочной экономической основы для установления тесного политического сотрудничества. На это обстоятельство обращал внимание известный чилийский экономист Ф. Эррера: «Наши попытки достичь в свое время политического единства испанской Америки потерпели неудачу из-за отсутствия динамичных факторов экономического характера, которые бы способствовали объединительным процессам»³⁷⁸.

Можно ли было слабость экономической базы компенсировать политическими

---

³⁷⁶ [376] См. Nweihed K. G. Bolivar y el tercer mundo. – Caracas, 1984

³⁷⁷ [377] Bolivar S. – Vol. II. – P. 251; Vol. III. – P. 757

³⁷⁸ [378] Herrera F. Bases economicas y politicas para un mercado comun latinoamericano. – Wash., 1966. – P. 12

средствами в условиях, когда борьба за независимость породила сильную тягу к единению? Эта проблема решалась не теоретическими изысканиями, а политической практикой, созданием механизмов политической мобилизации масс и консолидации национально-патриотических сил.

Гуаль, анализируя причины отступления с рубежа Панамы, обратил внимание на разбушевавшуюся в испано-американских странах стихию политической анархии. Именно она, по его словам, «свела на нет многообещающие результаты великой Ассамблеи» 379.

В то же время в деятельности Боливара и многих его сподвижников угадывалось стремление добиться латиноамериканского единства «сверху», то есть используя в первую очередь личный авторитет и влияние. В годы апогея славы огромный престиж Освободителя на континенте служил источником его силы как социально-политического реформатора и одновременно был ахиллесовой пятой великого деятеля. Непокоримая преданность идеалам свободы и демократии, вера в правовое государство исключали для Боливара возможность прибегать к военной силе, находившейся у него в руках, для решения политических задач. Нужно было найти и использовать другие рычаги. Но «боливарские конституции», грандиозные проекты межгосударственных объединений, социальное законодательство не подкреплялись работой среди населения. В теоретических взглядах Боливара и его политической практике проблемы «лидер и партия», «лидер и массы», вопросы «обратной связи» занимали более чем скромное место. Не потому ли многие биографы Боливара усматривают в его деятельности мессианские мотивы?

Такая политическая линия не способствовала развитию общественных движений всех слоев населения. Отсутствие активной поддержки со стороны народных масс, вынесших основные тяготы борьбы с Испанией, объяснялось не политической инертностью или же «врожденной апатией» цветного населения – индейцев, негров, метисов и мулатов, как утверждают некоторые историки. У этого общественного феномена была иная подоплека. Социальные задачи антиколониальной борьбы, такие как аграрная реформа, уничтожение рабства, политическое раскрепощение трудового населения и др., не получили должного решения. После окончания вооруженной борьбы с Испанией в странах региона начался отлив освободительного движения. Недостаток поддержки «снизу» делал позицию Боливара и его сторонников весьма уязвимой, особенно в условиях, когда идея создания конфедерации встретила растущее сопротивление влиятельных прослоек местных господствующих классов.

После того как опасность реконкисты со стороны Испании исчезла, могущественные светские и церковные землевладельцы, торговая буржуазия перешли в открытую оппозицию планам создания латиноамериканской конфедерации. В условиях раздробленности и стихии сепаратизма они не без основания надеялись сохранить в неприкосновенности свои огромные богатства и привилегии, взять в руки рычаги политического управления. На службу своим интересам они поставили военных каудильо (вожаков) из рядов участников антиколониальной войны, сумевших не только сделать военную карьеру, но и нажить немалые капиталы. «Многие из них, – справедливо писал Б. И. Гвоздарев, – придя к власти, отбрасывали либеральную фразеологию, изменяли провозглашенным революцией задачам и становились политической клиентурой земельной олигархии. Они больше заботились о том, чтобы удержаться у власти, чем о проблеме латиноамериканского единства» 380. Их отличали, следует добавить, чрезмерная подозрительность и боязнь оказаться в сфере влияния Великой Колумбии. Вместе с этими классовыми и политическими силами противниками латиноамериканского единства выступали великие державы того времени, следовавшие испытанной стратегии «разделяй и властвуй».

---

379 [379] Цит. по Rivas R. Op. cit. – P. 158

380 [380] Гвоздарев Б. И. Эволюция и кризис межамериканской системы. – М., 1966. – С. 41

Хотя после Панамского конгресса минуло более 160 лет, споры о его историческом значении не стихают и в наши дни. Государственные деятели США и руководители Организации американских государств, многие североамериканские историки и некоторые их последователи в Латинской Америке неоднократно предпринимали попытки представить Боливару и других деятелей освободительной борьбы, выдвинувших концепцию латиноамериканской солидарности, сторонниками объединения Северной и Южной Америки в рамках «одной родины всех американцев». Наиболее категорично эту концепцию сформулировал еще в первые десятилетия XX века североамериканский историк С. Инмэн, утверждавший: «Боливару с полным основанием можно назвать отцом панамериканизма»³⁸¹. Позднее президент США Ф. Рузвельт писал, что идеалы панамериканизма обязаны своим происхождением деятельности Боливару³⁸². Эта же мысль содержалась в Панамской декларации, одобренной в 1956 году президентом Д. Эйзенхауэром и главами латиноамериканских государств. В ней созданный по инициативе Боливару конгресс в Панаме объявлялся «первой коллективной манифестацией панамериканизма»³⁸³. Почти слово в слово то же самое повторил 20 лет спустя представитель США в ООН Т. Беннет на специальном заседании Генеральной Ассамблеи, посвященном памяти Боливару в связи со 150-летием Панамского конгресса. По его словам, «континентальный конгресс (в Панаме. – Авт.) сыграл роль предшественника Панамериканского союза и современной Организации американских государств (ОАГ)»³⁸⁴.

У Инмэна и Беннета немало последователей в наши дни. В этом можно убедиться, обратившись к докладу «Новая межамериканская политика на 80-е годы», подготовленному группой экспертов республиканской партии США. Истоки ОАГ его авторы также усматривают в Панамском конгрессе. По их мнению, мечты Боливару и Джефферсона о континентальной системе безопасности нашли воплощение в «Пакте Рио-де-Жанейро» (межамериканский договор о взаимной помощи 1947 г.)³⁸⁵.

Подтверждают ли исторические факты эти тезисы? В действительности первые десятилетия XIX века отнюдь не были эпохой, когда совместными усилиями Севера и Юга закладывался фундамент «панамериканской общности». В эти годы началось противостояние латиноамериканизма и панамериканизма. Две Америки – два различных подхода к международным отношениям – так формулировал свое кредо Боливар. И объяснялось это не тем, что Освободитель мыслил категориями «блоковой дипломатии» или же культивировал «образ врага». Просто он видел огромную разницу внешнеполитических потенциалов США и латиноамериканских стран. Преодолеть этот разрыв и построить отношения с северным соседом на принципах равноправия молодые независимые государства региона могли, по его глубокому убеждению, только объединившись в тесный союз.

Подтверждение этому мы находим в последующем развитии международных отношений в регионе. Концепция Боливару относительно создания союза молодых государств отвечала их жизненным потребностям. Несмотря на неудачу Панамского конгресса и последовавшую вскоре трагическую кончину Боливару, на протяжении всего

---

381 [381] Inman S. Op. cit. – P. 99

382 [382] См. Roosevelt F. D. Pan American Day Adress of April 15, 1940//Gan- tenbein J. W. The Evolution of our American Policy. A Documentary Record. – N. Y., 1950. – P. 203

383 [383] The New York Times. – 1956. – June 22

384 [384] Boiivar en la ONU. – Caracas, 1978. – P. 60

385 [385] См. New Inter-American Policy for the Eighties. – Wash., 1980.- P. 12, 49

XIX века различные страны региона – Мексика, Венесуэла, Перу, Чили, Эквадор, республики Центральной

Америки – неоднократно предпринимали шаги для претворения ее в жизнь и создания оборонительного союза латиноамериканских государств без участия США. Необходимость совместных действий латиноамериканских стран на международной арене осознавалась не только правительствами, но и широкими общественными кругами. Многие выдающиеся общественные и политические деятели выступали в это время пламенными проповедниками идей латиноамериканского единства. В их числе – венесуэльский законодатель и дипломат Андрес Бельо, один из авторов Конституции Аргентины 1853 года Хуан Баутиста Альберди, чилийский революционер-демократ Франсиско Бильбао, национальный герой Кубы Хосе Марти и многие другие.

Несколько раз удавалось добиться созыва международных конгрессов или конференций с участием ряда латиноамериканских стран. Наиболее крупными среди них были первый Лимский конгресс (декабрь 1847 г. – март 1848 г.), Континентальный конгресс в Сантьяго-де-Чили (сентябрь 1856 г.) и второй Лимский конгресс (ноябрь 1864 г. – март 1865 г.). На этих форумах полномочными представителями были подписаны ряд договоров: о конфедерации (об оборонительном и наступательном союзе), о взаимной помощи, о совместной обороне и др. В большинстве случаев побудительным мотивом для заключения этих договоров являлись угроза иностранной агрессии или интервенционистские акции со стороны США, Англии, Франции, Испании. Однако добиться ратификации подписанных документов и развить первый успех не удавалось в силу выявившихся между ними противоречий, а также противодействия США и европейских держав. Одни правительства были поглощены внутривнутриполитической борьбой, другие оставались в стороне ввиду острых территориальных споров с соседями, третьи опасались, что участие в латиноамериканском союзе может вовлечь их в конфликты с иностранными державами. В результате государства региона на многие десятилетия остались разобщенными. Дальнейшее ослабление их международных позиций позволило великим державам оттеснить страны Латинской Америки на периферию мировой политики.

Борьба за дипломатическое признание со стороны Европы

*Властолюбие держав Европы обрекает другие части мира
страдать в цепях рабства.
Симон Боливар*

МАНИФЕСТ ВЕЛИКОЙ КОЛУМБИИ К ПРАВИТЕЛЬСТВАМ ЕВРОПЫ

Политика «Священного союза», проникнутая ненавистью к прогрессу и революционным движениям, воздвигла «санитарный кордон», отделявший Европу от испанской Америки, сбросившей цепи рабства. В декларации, подписанной в 1820 году державами – учредительницами «Священного союза» (Австрией, Пруссией и Россией), подтверждалась их решимость не признавать «незаконных» политических перемен в мире и в случаях, опасных для существующей монархической системы, употреблять «принудительную силу, поскольку применение таковой будет неизбежно»³⁸⁶. Такая политика подпитывала надежды испанского монарха реставрировать при помощи «венценосных собратьев» свое господство в «мятежных колониях».

Начиная с первого конгресса «Священного союза» в Аахене (1818 г.) и до фактического

---

386 [386] Цит. по Дебидур А. Указ. соч. – Т. I. – С. 178

его распада в середине 20-х годов вопрос о восставших колониях Испании находился в сфере забот союза и служил предметом закулисных переговоров. Правда, европейские державы достаточно трезво оценивали плачевное состояние дел Фердинанда VII. Последствия нескончаемой войны в Америке были для Испании поистине катастрофическими. Эта война истощала ее людские и финансовые ресурсы, обостряла внутренний кризис в стране. Некогда великая держава, Испания все больше скатывалась на положение второразрядного государства. Недовольство испанского народа, стонавшего под гнетом монарха-мракобеса и его преступной камарильи, грозило новым революционным взрывом.

Все европейские столицы – от Лондона и до Санкт-Петербурга – сочувствовали Фердинанду VII и считали испанскую Америку «опасным очагом якобинства». Державы «Священного союза» были бы счастливы видеть торжество легитимистских принципов в испанской Америке в любой форме, но никто из них, учитывая бессилие испанского монарха, не намеревался «таскать для него каштаны из огня». Свою активность они направляли на организацию посредничества для решения «южноамериканского вопроса» (таким термином «Священный союз» именовал конфликт между Испанией и ее колониями) и уговаривали Фердинанда VII проявить в отношении своих бывших колоний либерализм, учесть их законные интересы и пожелания, осуществив необходимые реформы. В этом случае европейские правительства питали надежды примирить испаноамериканских патриотов с Мадридом и вернуть их в лоно «матери-родины». Планам европейского коллективного посредничества суждено было оставить след только в анналах дипломатической переписки. Испанская монархия категорически отказывалась идти на какие-либо компромиссы и все свои надежды возлагала на вооруженную акцию «Священного союза» в отношении испанской Америки, призванную помочь Фердинанду VII восстановить там свои «права суверена» в полном объеме. Реальных предпосылок для коллективной интервенции держав «Священного союза» за океан не существовало по многим причинам, но это обстоятельство не смущало Мадрид. Испанский двор и его ближайшее окружение уже давно перестали считаться с реалиями и во внутренней политике, и в международных делах.

Пока происходило долгое «перетягивание каната» между Мадридом и другими европейскими столицами, Англия и державы «Священного союза» проводили согласованную политику непризнания Гаити и других стран Америки, освободившихся от колониального владычества. Наиболее категорично свою позицию выразила Австрия. В ее заявлении говорилось, что Вена «не признает независимости испанских провинций в Америке до тех пор, пока Его Католическое Величество добровольно и с соблюдением законных формальностей не откажется от суверенных прав, которыми он до сих пор пользуется в этих провинциях»³⁸⁷. Другие блюстители легитимизма не были настроены столь ортодоксально, но и они официально именовали испаноамериканских патриотов «мятежниками» против «законного короля».

Между тем из Европы поступали известия, одно тревожнее другого. По мандату «Священного союза» Австрия в марте – апреле 1821 года подавила освободительные революции в Неаполитанском королевстве и в Пьемонте. Восстание греков против иностранного ига было отдано на растерзание турецкого султана. Решение «Священного союза» созвать осенью 1822 года в Вероне конгресс для организации вооруженной интервенции с целью подавления революции в Испании вызвало серьезное беспокойство руководителей испаноамериканских патриотов. Пока более «горячие» дела не позволяли европейским монархам вплотную заняться южноамериканским вопросом. Но кто мог поручиться, что после Испании не наступит очередь колоний, свергнувших власть Фердинанда VII?

Такова была ситуация в Старом Свете, когда дипломатия Великой Колумбии в начале

---

³⁸⁷ [387] Webster C. K. (Ed.) Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc. – Vol II. – P. 80

20-х годов предприняла новую кампанию за нормализацию отношений с европейскими странами.

Для Боливара «Священный союз» являлся воплощением мировой реакции, злейшим врагом свободы и независимости народов. Испаноамериканские патриоты решительно отвергали претензии европейских монархов вмешиваться в судьбу других стран во имя торжества легитимизма. По предложению Боливара Национальный конгресс в Ангостуре в ноябре 1818 года принял Декларацию республики Венесуэла. Это был ответ суверенного народа на угрозы европейского деспотизма. «Ни Испания не имеет права требовать восстановления своей власти, ни Европа не имеет права возвращать эту власть испанскому правительству..., – заявлялось в декларации. – Венесуэльский народ полон решимости скорее пасть погребенным под руинами, чем покориться, если Испания, Европа и весь мир будут упорствовать в том, чтобы вернуть его под испанское иго» 388.

Все последующие годы мысль Боливара упорно билась над решением чрезвычайно сложной внешнеполитической задачи: какими путями можно создать на международной арене противовес «Священному союзу», чтобы нейтрализовать реакционного «монстра», помешать его щупальцам протянуться в испанскую Америку? Сначала Боливар надеялся на образование единого фронта с северным соседом, а затем – на союз с Англией. Эти планы основывались больше на страстном желании видеть низвергнутым блок деспотов, чем на трезвом учете реальностей международной жизни той эпохи. Дорога к латиноамериканскому единству также оказалась тернистой. «Вся Европа против нас, а вся опустошенная Америка представляет собой, мягко говоря, ужасающую картину... „Священный союз" использует любые средства, даже самые преступные и изощренные, какие только можно вообразить, для того чтобы подрывать в Америке общественный порядок, сеять смуту, провоцировать междоусобицы и в конце концов вызвать крушение дела борцов за свободу и независимость, принесших столько жертв. Реставрировать в Америке позорный колониальный режим или по меньшей мере посадить здесь на троны угодных ему ставленников – таковы неизменные цели "Священного союза"» 389, – говорил Боливар.

Для борьбы со «Священным союзом» в этих условиях оставался еще один возможный путь – прорыв установленного им «санитарного кордона» и завязывание с европейскими государствами нормальных дипломатических и торговых отношений. Боливар знал о противоречиях, скрытых за фасадом «Священного союза», о столкновениях интересов Петербурга, Лондона, Вены, Версаля и Мадрида, вражде и соперничестве различных дворов и кабинетов в системе «европейского равновесия». Колумбийская дипломатия овладевала искусством использовать распри тиранов, так же как и заинтересованность ряда европейских государств в развитии торговых связей с испанской Америкой.

Дипломатический посланец Боливара Ф. Сеа, оказавшись в Париже после неудачных мирных переговоров в Мадриде, обнаружил по своей инициативе в апреле 1822 года «Манифест полномочного посла республики Колумбия правительствам Европы» 390. В этом документе, переданном министерству иностранных дел Франции и послам всех европейских государств в Париже, прежде всего подчеркивалось историческое значение успехов патриотов в борьбе за независимость: «Америка, угнетенная и поработенная на протяжении трех столетий, сбросила иго метрополии... Все эмблемы европейского господства развеяны: на месте львов и башен Кастилии утвердились цвета независимости и свободы». Далее говорилось о создании объединенного независимого государства на севере континента Южной Америки: «Колумбия пожинает плоды своих благородных усилий, она обрела

---

388 [388] Restrepo J. M. (Ed.) Op. cit. – Т. I. – P. 379

389 [389] Bolivar S. – Vol. II. – P. 97; Bolivar y Europa... P. 616

390 [390] См. Anaies diplomaticos de Colombia. Ed. oficial. – Bogota, 1978. – P. 40-45

свободу, суверенитет и независимость».

Разъяснение в Европе истинных намерений и стремлений испанской Америки было актуально и необходимо. Европейские правительства продолжали пребывать в плену старых и искаженных представлений о положении за океаном. В Европе в то время все еще доминировала информация, распространявшаяся Мадридом. Дипломаты Фердинанда VII и испанская пресса рисовали радужные перспективы скорого триумфа испанского оружия в Америке и замалчивали победы, одержанные патриотами. В этой связи большое значение имело заявление Сеа о том, что Испания больше не располагает материальными, военными и политическими возможностями восстановить старые порядки в заокеанских владениях.

Колумбийская дипломатия в своем манифесте ставила в известность европейские правительства о намерении независимых испаноамериканских республик объединиться в равноправный союз и развивать отношения мира и дружбы с другими странами и народами.

В ожидании «скорого ответа» Сеа излагал основные принципы сотрудничества Великой Колумбии с другими государствами: колумбийское правительство признает все существующие иностранные правительства независимо от их происхождения или характера государственного строя. В то же время оно не намерено вступать в переговоры с иностранными правительствами, если они не признают Колумбию де-юре или де-факто. Провозглашались свобода торговли, готовность к совместному использованию природных богатств Колумбии, гарантии доступа иностранцев в ее порты и на ее территорию, равно как и обеспечение иностранцам безопасности на основе взаимности. В манифесте с достоинством, присущим суверенному государству убежденному в своих силах и жизнеспособности, высказывалось предупреждение в адрес правительств, намеренных продолжать политику непризнания Колумбии: для них будут закрыты порты Колумбии, и их товары не будут допускаться на ее территорию.

Весомость манифесту придавали блистательные победы освободительной армии патриотов над испанцами в Южной Америке. Этот документ имел большое историческое значение. Он отражал выход крупнейшего независимого государства Латинской Америки на арену мировой политики. Опубликованные и неопубликованные архивные дипломатические документы, к сожалению, не позволяют сделать обоснованный вывод относительно следующего вопроса, касающегося колумбийского манифеста: было ли его обнародование в Париже специально приурочено к тому моменту, когда Европы достигла сенсационная весть о послании президента Джеймса Монро от 8 марта 1822 г. Конгрессу США с предложением признать независимость восставших испанских колоний, или же имело место простое совпадение двух событий? Поскольку Сеа оказался в Париже не совсем по своей воле, а будучи высланным испанским правительством из Мадрида вместе с двумя другими колумбийскими дипломатами, и находился в столице Франции проездом, держа путь в Лондон, то скорее всего следует говорить о случайном совпадении. Но оно было знаменательным и даже, можно сказать, счастливым. Благодаря совпадению во временной плоскости эти два заявления взаимно усиливали воздействие каждого из них на обстановку и политические настроения в Европе. При всем желании коронованные «вершители судеб» в Старом Свете оказались не в состоянии замолчать манифест Великой Колумбии.

Колумбийское заявление рассматривалось послами стран – победительниц Наполеона (Австрии, Англии, Пруссии, России), регулярно проводившими в Париже совместные обсуждения важнейших вопросов международной политики. Конференция послов решила не отвечать на манифест Сеа, так как их правительства не поддерживали дипломатические отношения с Великой Колумбией. Тем не менее все послы направили полный текст документа дипломатической почтой в столицы своих стран.

В публикации «Боливар и Европа», приуроченной к 200-летию со дня рождения Освободителя, представлены многочисленные новые архивные и другие малоизвестные документы. Они позволяют обрисовать различные грани волны откликов, вызванной манифестом Сеа в правительственных, общественных и деловых кругах многих европейских стран. В течение нескольких месяцев между главными столицами Европы по посольским

каналам происходил обмен мнениями для согласования общей позиции по поводу дипломатической акции посланника Великой Колумбии. В конце концов склонились к предложению Петербурга выразить «неодобрение путем молчания». По словам австрийского канцлера К. В. Меттерниха, любая другая реакция «представляла бы опасный прецедент на будущее» ³⁹¹.

И все-таки ответ, хотя и в косвенной форме, был дан монархами Европы. Получив испанскую ноту от 9 мая 1822 г., осуждавшую решение США признать Мексику и ряд стран Южной Америки, правительства европейских держав поспешили заверить Мадрид в своей неизменной приверженности принципам легитимизма. Тональность этих заверений определялась сочувствием к «несчастному монарху» и опасениями относительно возможного проникновения «мятежного духа» из Нового Света в Европу. Для себя же, не объявляя вслух, они уже пришли к мнению, высказанному русским министром иностранных дел К. В. Нессельроде в секретной депеше в июне 1822 года: «...неотвратимая сила вещей привела к тому времени, когда народы Южной Америки должны отделиться от своей метрополии» ³⁹². Только правительство буржуазных либералов Португалии, презрев возможные осложнения отношений со «Священным союзом» и соседней Испанией, осмелилось направить официальный ответ на манифест Сеа. В ноте от 12 июня 1822 г. португальский министр иностранных дел С. П. Феррейра сообщал колумбийскому посланнику о решении правительства Португалии, ранее признавшего независимость Буэнос-Айреса, поступить таким же образом в отношении Колумбии. Поверенный в делах Португалии в США С. Констансио получил указание Лиссабона провести переговоры с Колумбией о развитии взаимовыгодной торговли между двумя странами ³⁹³. Решение правительства Португалии свидетельствовало о назревавших переменах в Европе. Однако торжество монархической реакции в этой стране в мае 1823 года при поддержке «Священного союза» помешало осуществлению объявленных шагов.

Официальная реакция монархической Европы не была для колумбийского дипломата неожиданностью. Сеа и не рассчитывал, что его акция немедленно откроет все двери Европы. Главная цель заключалась в том, чтобы пробить брешь в «стене молчания» и завязать диалог с широким спектром политических сил в Европе по вопросу о правомерности и обоснованности желания Великой Колумбии приобщиться к цивилизованному миру. И эта цель была достигнута.

В Париже печать живо, а порой и яростно спорила, обсуждая перспективы французской политики в испано-американских делах. Газета «Журналь де деба», опубликовав на своих страницах 18 апреля 1822 г. полный текст манифеста Сеа, высказалась за направление в испанскую

Америку неофициальных французских представителей в качестве первого шага на пути к признанию молодых государств Американского континента. Влиятельная либеральная газета «Ле Конститусьонель» разоблачала нападки на Сеа роялистских органов печати. Поддерживая позицию Версаля, «верного друга» Испании и Фердинанда VII, промонархические газеты пытались преуменьшить значение колумбийского манифеста и посеять недоверие к посланнику Колумбии – «прекрасному ботанику», но «пока что еще новичку в сфере дипломатии». Но и они не могли обойти молчанием демонстративного чествования сеньора Сеа «всем Парижем». Газета «Курьер франсе» 27 мая 1822 г. сообщила о впечатляющем банкете в честь посланника Великой Колумбии, организованном крупными коммерсантами и финансистами Парижа, известными политическими деятелями, модными

---

³⁹¹ [391] Bolivar y Europa... – P. 800

³⁹² [392] Цит. по Слезкин Л. Ю. Россия и война за независимость в испанской Америке. – М., 1964. – С. 237

³⁹³ [393] См. Bolivar y Europa... – P. 961-962

писателями и художниками. В числе 125 гостей находились М. Ж. Лафайет, Б. Констан, П. О. Ренуар, Ж. Б. Мольер и другие знаменитости, многие депутаты парламента. От имени делового мира Парижа банкир и лидер либеральной партии Жак Лаффит заявил на банкете: «Торговля – друг мира, свободы и порядка... – очень скоро сблизит Колумбию и Францию в интересах процветания обеих стран»³⁹⁴. Приверженность Людовика XVIII принципам легитимизма приходила в противоречие с торгово-экономическими интересами буржуазии Франции.

Аналогичной была реакция английских политических и деловых кругов. Как только Сеа прибыл в Лондон, торговцы Сити и деятели парламентской оппозиции устроили в его честь торжественный обед в одном из самых престижных ресторанов города. Согласие герцога Э. Сомерсета председательствовать на церемонии символизировало позитивное отношение аристократических кругов, близких к Букингемскому дворцу. Оркестр играл марш «Славься, Колумбия!». Английский промышленник Дж. Макинтош, выступивший за установление дипломатических отношений с Колумбией, закончил свою речь на обеде здравицей в честь Боливара и его освободительной армии. Газета «Таймс» в своих комментариях писала: «Вчерашняя церемония может рассматриваться как официальное празднование в нашей стране свободы и независимости бывших подданных Испании, обитающих по ту сторону Атлантического океана»³⁹⁵. Известные торговые дома Лондона «Беаринг бразерс», «Барклей» и др. подписали петицию к правительству с требованием в интересах торговли поставить на официальную основу отношения с новыми государствами в Америке. По требованию оппозиции состоялись дебаты по этому вопросу в английском парламенте. Министр иностранных дел Р. С. Кэстльри несколько раз встречался с Сеа. В связи с пересмотром законодателями Навигационного акта Кэстльри предложил включить в него статью о признании флага южноамериканских торговых судов. В своеобразной форме это означало признание де-факто независимости бывших колоний, так как такая честь оказывалась только флагу суверенных государств³⁹⁶. Начинался пересмотр английской политики «нейтралитета».

В германских государствах в откликах на манифест Сеа также больше звучал голос деловых людей, чем политиков³⁹⁷. Торговая палата вольного города Гамбурга, крупнейшего германского внешнеторгового порта, в июне 1822 года выступила с заявлением «Предложения, касающиеся положения в Южной Америке». В нем рекомендовалось властям «последовать примеру Северной Америки и официально признать новые государства в этой части света». В королевстве Ганновер граф Мюнстер также предложил возможно быстрее установить официальные отношения с освободившимися колониями в испанской Америке. Это предложение получило одобрение короны.

Даже в Пруссии, служившей в Германском союзе опорой легитимизма, правительство в соответствии с доктриной министра иностранных дел графа Х. Бернсдорфа о разделении частной инициативы и дипломатии стало смотреть сквозь пальцы на контакты торговцев и фабрикантов с испаноамериканскими патриотами. Как видно из депеши, адресованной генерал-лейтенанту фон Шолеру в Петербург в июле 1822 года, манифест Сеа и решение Монро вызвали в Берлине весьма своеобразные размышления. После изложения прусской позиции в отношении испанской ноты от 9 мая 1822 г. и участия «Священного союза» в

---

³⁹⁴ [394] Ibid. – P. 350

³⁹⁵ [395] Цит. по Слезкин Л. Ю. Указ. соч. – С. 237

³⁹⁶ [396] См. Webster C. K. (Ed.) Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc. – Vol. I. – P. 16; Vol. II. – P. 108-109

³⁹⁷ [397] См. Bolivar y Europa.» – P. 799-805

решении южноамериканского вопроса в депеше содержался такой комментарий: «Эта великая революция в Америке, все последствия которой еще недостаточно осознаются, в конечном счете изменит всю систему отношений в Европе таким же образом, как открытие Америки придало новые формы всей европейской цивилизации». Логическим продолжением трезвой линии в политике Берлина явилось поручение, данное Бернсдорфом министру торговли графу фон Бюлову в октябре 1823 года. Ему предписывалось заняться назначением торговых представителей в испанскую Америку при соблюдении необходимых осторожностей, вытекающих из обязательства Пруссии даровать «официальное признание революционных правительств в Америке только совместно с другими европейскими державами». Не случайно исследователи сравнивали прусскую внешнюю политику в первой четверти XIX века с двуликим Янусом.

1822 год послужил исходным рубежом для начала переоценки политики в отношении испанской Америки в Швейцарии, Швеции и Голландии. Нереалистично связывать это только с манифестом Сеа. Сказывалось также воздействие новых веяний в политике Англии и особенно США. Но и демарш колумбийского посланника оставил заметный след.

Торговый представитель Швейцарской конфедерации в Париже Карл фон Чанн установил неофициальный контакт с Сеа для обсуждения возможностей сбыта швейцарских промышленных изделий на рынке Великой Колумбии. Он встречался также с представителями США в связи с их решением признать ряд испаноамериканских республик. В своих докладах федеральному правительству 12 апреля и 13 мая 1822 г. Чанн анализировал преимущества, которые швейцарские коммерсанты могут получить благодаря установлению отношений с Колумбией и другими странами региона. После того как федеральное правительство получило текст манифеста и поясняющие документы, направленные Сеа на имя министра иностранных дел Швейцарии, в июле 1822 года в союзном сейме «при закрытых дверях» состоялись дебаты относительно наиболее подходящих форм установления отношений с новыми государствами в Америке. Парламентарии одобрили предложение главы исполнительной власти ограничиться ввиду «деликатности проблемы» установлением неофициальных контактов, в случае необходимости, на нейтральной почве, то есть между швейцарскими представителями и посольствами испаноамериканских стран в Вашингтоне ³⁹⁸.

Король Голландии Вильгельм I в 1822 году поручил своим министрам заняться вопросами обеспечения торговых интересов страны в испанской Америке, и в мае 1824 года первая голландская миссия отбыла из Кюрасао в Колумбию для ознакомления с экономическим и политическим положением этой страны и проведения переговоров об установлении консульских отношений. Вслед за этим последовало назначение голландских консулов в Ла-Гуайру, Маракайбо и позднее, в марте 1826 года, в Боготу. Шведское королевство в конце 1822 года направило своего самого опытного консульского работника – Северина Лориха со специальной миссией в Венесуэлу и Колумбию для ознакомления на месте с обстановкой ³⁹⁹. Малые европейские государства действовали с оглядкой на великие державы.

Известия о всех этих событиях доходили до Боготы с большим опозданием. К тому же поступающая информация носила отрывочный и зачастую противоречивый характер. Видимо, руководителям внешней политики Великой Колумбии нелегко было составить отчетливое представление о смелом и во многом выходящем за рамки привычной дипломатии демарше, предпринятом Сеа в Париже. Наибольшую обеспокоенность Боготы вызвала та часть его заявления, где говорилось о возможном закрытии колумбийских портов для торговцев стран, которые лишают Колумбию признания де-факто или де-юре. По

---

³⁹⁸ [398] Ibid. – P. 1040-1045, 1051-1054

³⁹⁹ [399] Ibid. – P. 831, 1002

формальной логике такое заявление противоречило установке центра на всемерное развитие контактов и торгового обмена с зарубежными странами для преодоления внешнеполитической изоляции страны.

Обоснованны ли были эти страхи колумбийского правительства? Во-первых, манифест Сеа не предполагал немедленного принятия подобного рода санкций в отношении иностранных государств, а во-вторых, колумбийский посланник, как показали непосредственные и более поздние отклики на его акцию, правильно уловил возможность воздействовать на политику европейских государств через торгово-экономические интересы. Впоследствии Боливар также неоднократно прибегал к такой стратегии, в частности при нормализации отношений Колумбии с Пруссией.

Не получили одобрения Боготы также результаты переговоров Сеа с английскими кредиторами о консолидации долговых обязательств Колумбии перед английскими банкирами и о предоставлении новых займов. Колумбийское правительство остро нуждалось в валюте, и Боливар в свое время даже уполномочил Сеа в случае необходимости предложить английским банкирам в качестве гарантии богатейшие серебряные рудники «Плата де Санта-Ана». В то время английский денежный рынок был единственно доступным для патриотов. Однако Сеа не сумел успешно выполнить поручение, и условия заключенного в марте 1822 года соглашения о крупном займе с финансовой группой Грэхема, Херринга и Паулеса были неблагоприятными для Колумбии. Подписывая обязательства на 2 млн. ф. ст., колумбийцы получали на руки лишь 640 тыс.⁴⁰⁰ Остальные две трети шли на покрытие ранее взятых кредитов, комиссионные и другие платежи. Конгресс Великой Колумбии после острых дебатов в июле 1822 года санкционировал эту сделку условно, утвердив финансовую ответственность государства только за незначительную часть займа, реально полученную к моменту принятия конгрессом постановления.

Вице-президент Сантандер и министр иностранных дел Гуаль сочли, что колумбийский посланник превысил данные ему полномочия. Они приняли решение дезавуировать Сеа и отозвать его на родину. Соответствующие распоряжения были направлены по дипломатическим каналам и опубликованы в правительственном офицье «Гасета де Коломбиа». Позднее Боливар одобрил их решение⁴⁰¹. Одновременно Сантандер и Гуаль в июле 1822 года провели через конгресс назначение Хосе Рафаэля Ревенги новым чрезвычайным и полномочным посланником Колумбии в Лондоне. В инструкциях ему поручалось урегулировать вопросы финансовых отношений и добиваться дипломатического признания со стороны Англии.

Лично для Сеа решения Боготы уже не имели большого значения, хотя в ответе министерству иностранных дел он выразил уверенность в том, что придет время, когда Колумбия оценит сделанное им. Болезнь прогрессировала, и дни его были сочтены. В ноябре 1822 года Сеа, находясь в английском курортном местечке Бас, скончался.

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ ЛОНДОНА

В августе 1822 года английский министр иностранных дел лорд Кэстльри покончил с собой. Два десятилетия этот крупный государственный деятель из правящей партии тори находился на авансцене политической жизни, и его необычная кончина как бы подвела черту под целой эпохой внешней политики Англии, отмеченной смертельной схваткой с главным конкурентом – наполеоновской Францией и быстрым продвижением британской империи к вершинам могущества. Одержав в коалиции с другими державами победу над Францией, англичане вытеснили французские товары с заокеанских рынков и расширили свои

---

⁴⁰⁰ [400] Bierck Harold A. Jr. Op. cit. – P. 413-414, 424

⁴⁰¹ [401] См. Bolivar. – Vol. 1. – P. 695, 703

колониальные владения. Они овладели стратегическими опорными пунктами в Европе и за ее пределами, И британский флаг окончательно утвердил свое господство на мировых морских коммуникациях. Могущество военно-морского флота позволяло Великобритании претендовать на роль арбитра во многих международных делах. Купаясь в лучах славы, правительство лорда Ливерпуля, правившее Британией с 1812 года, проводило реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

Кэстльри являлся одним из столпов торжества легитимистской реакции в Европе. В первую очередь благодаря его усилиям Бурбоны возвратились на престол поверженной Франции. Кэстльри выдвинул идею регулярного проведения европейских конгрессов для рассмотрения международных проблем, надеясь на них диктовать свою волю. Под его руководством английская дипломатия стала фактической участницей «Священного союза».

Все годы пребывания Кэстльри во главе Форин оффис позиция Англии в испаноамериканском вопросе была благоприятной для Фердинанда VII. Лондон безоговорочно признавал «законные права» испанского монарха в отношении колоний в Америке, ловко совмещая финансовую и другую поддержку Фердинанда VII с официально провозглашенной политикой нейтралитета в конфликте между Испанией и ее восставшими подданными. Посреднические «добрые услуги», которые неоднократно предлагал Мадриду английский кабинет, преследовали цель примирить воюющие стороны таким образом, чтобы сохранить суверенитет испанской короны над колониями на условиях предоставления им ограниченного самоуправления, а для себя обеспечить право свободной торговли с ними.

Существовали, однако, объективные пределы для английской поддержки Фердинанда VII, диктовавшиеся экономическими интересами господствующих классов «мастерской мира», в первую очередь ее буржуазии. Эти пределы не рисковали преступать даже самые твердолобые консерваторы в правительстве Ливерпуля. Еще в годы «континентальной блокады», объявленной Наполеоном, Англия в развитии торговли с испанскими и португальскими колониями в Америке нашла лазейку, облегчавшую положение ее экономики. В дальнейшем овладение обширным рынком Мексики и Южной Америки под лозунгом свободы торговли стало одной из важных целей английской политики. Кэстльри пресекал все поползновения Мадрида втянуть Англию в осуществление вооруженной экспедиции за океан. В секретной депеше английскому послу в Мадриде глава Форин оффис в 1816 году категорически заявил о том, что он не только считает невозможным отвечать на подобного рода испанские прожекты, но даже не желает слышать о них ⁴⁰². Английские представители на конгрессах «Священного союза», следуя инструкциям Кэстльри, не скрывали отрицательного отношения Лондона к планам коллективного вооруженного вмешательства в дела испанской Америки.

Это был тот случай, когда экономика брала верх над политическими симпатиями кабинета тори и Кэстльри, вместе взятых. Здесь уместно привести авторитетное мнение о политике Англии такого незаинтересованного наблюдателя, как русский посол в Лондоне Х. А. Ливен. В мае 1820 года он сообщал в Петербург: «Английский кабинет проявляет очень лояльные чувства к интересам Испании в Америке... Торговые интересы – единственные, о которых можно предположить, что они делают Англию желающей отделения американских провинций от метрополии» ⁴⁰³. При этом никаких симпатий к испаноамериканским, так же как к европейским, борцам против деспотизма правительство лорда Ливерпуля не питало. С молчаливого согласия правительства тори легитимистская реакция задушила первую и вторую буржуазные революции в Испании.

С коварными повадками «британского льва» испаноамериканские патриоты

---

⁴⁰² [402] См. Webster C. K. (Ed.) Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc. – Vol. II. – P. 344-350

⁴⁰³ [403] Цит. по Слезкин Л. Ю. Указ. соч. – С. 213

столкнулись с первых дней борьбы за независимость. Тем не менее Боливар считал возможным и необходимым использовать экономическую заинтересованность Англии в Южной Америке, традиционную терпимость англичан к инакомыслию и благоприятное отношение парламентской оппозиции к патриотам для дипломатического «завоевания» Лондона на свою сторону. Английский вектор был главным в европейской политике сначала Венесуэлы, а затем и Великой Колумбии. В Лондоне постоянно находились дипломатические эмиссары Боливара. Англичане и ирландцы составили основной костяк иностранного легиона. Лондонское Сити являлось единственным местом на земном шаре, где финансисты ссужали представителей патриотов добротными фунтами стерлингов под их письменные гарантии и высокие проценты, соответствовавшие огромному риску подобных операций. Наконец, для дипломатии Боливара Англия служила «окном» в Европу. Многие годы маршрут дипломатических посланцев патриотов пролегал из Ла-Гуайры и Картахены в английские колонии в Карибах, затем – на кораблях его величества в Лондон и только уже из столицы Англии – в европейские страны. Другой безопасной дороги просто не существовало в условиях войны с Испанией.

Английский плацдарм, завоеванный де-факто, приносил немалую пользу патриотам, но Кэстльри и другие деятели кабинета тори многие годы не шли ни на какие официальные контакты с дипломатическими эмиссарами Боливара, ревностно оберегая репутацию английского нейтралитета. Только когда революция в Испании в 1820 году развеяла в прах экспедиционную армию, собранную с огромным трудом Фердинандом VII в Кадисе, и всем стала очевидной полная неспособность бывшей метрополии реставрировать свою власть в колониях, в английском министерстве иностранных дел начали задумываться о пересмотре позиции. Незадолго до самоубийства Кэстльри составил меморандум с анализом «испанских дел». Сформулированный английским министром иностранных дел новый подход к создававшемуся положению гласил: признание молодых независимых государств, возникших в Америке, «скорее вопрос времени, нежели принципа»⁴⁰⁴. Однако груз старых легитимистских концепций продолжал довлеть над Кэстльри. Он мечтал о создании в испанской Америке признанных Англией независимых конституционных монархий во главе с испанскими принцами.

Лидер так называемых «либеральных» тори лорд Дж. Каннинг, став главой министерства иностранных дел в конце 1822 года, осуществил поворот в английской внешней политике. Его сторонники заняли в это время ключевые посты в кабинете тори. Проводимые ими реформы отвечали задачам капиталистической модернизации Англии, удовлетворению запросов буржуазии и некоторых требований трудящихся, более решительному утверждению руководящей роли Великобритании в международных делах.

Возглавляя парламентскую оппозицию, Каннинг критиковал «консервативных» тори за безынициативность и вялость их внешней политики. На этой почве между ним и Кэстльри даже произошла дуэль. Большой мастер красноречия, Каннинг адресовал свои речи по вопросам внешней политики не только членам парламента, но и широкой общественности, апеллировал к демократическим чувствам масс. Скоро он стал одним из самых популярных политических деятелей Англии.

Внешнеполитическое кредо Каннинга основывалось на отказе от обветшалых догм и энергичной защите британских имперских интересов в Европе и в других частях света. По сравнению со своими предшественниками новый руководитель Форин оффис обновил концептуальные подходы английской политики, расширил арсенал используемых средств, коренным образом реорганизовал дипломатическую службу. При этом он действовал смело, порывая с аристократическими традициями прошлого. Когда требовалось для величия Британии, он готов был поддерживать освободительные движения, объективно ослаблявшие английских соперников. Такая стратегия объясняла выступление Каннинга на стороне

---

⁴⁰⁴ [404] Webster C. K. (Ed.) Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc. – Vol. 11. – P. 71

греческих борцов за независимость, поднявших восстание против деспотической власти турецкого султана. Именно после этого певец свободы Байрон назвал Каннинга «гением почти всемирного масштаба».

Взяв бразды правления внешней политикой в свои руки, Каннинг решительно отмежевался от «Священного союза». Ему принадлежала крылатая фраза: «Испанская Америка свободна, и, если мы правильно поведем дело, она будет нашей»⁴⁰⁵. Английский представитель на конгрессе «Священного союза» в Вероне герцог Веллингтон получил инструкции заявить о несогласии Англии с любым планом коллективной интервенции европейских держав или одной из них в союзе с Испанией в Новом Свете. 24 ноября 1822 г. Веллингтон вручил участникам Веронского конгресса конфиденциальный меморандум об английской политике в южноамериканском вопросе. В этом документе недвусмысленно декларировалось право Лондона признать де-факто «одно или несколько образовавшихся там (в Америке. – Авт.) правительств»⁴⁰⁶. С этого момента Англия отклоняла все предложения европейских монархов созвать с ее участием специальный конгресс для обсуждения «коллективных акций» в южноамериканском вопросе. После таких заявлений державам «Священного союза» не оставалось ничего другого, как уповать на организацию посредничества для спасения «законных прав» испанского монарха в заокеанских владениях.

Каннинг всерьез претендовал на лавры спасителя испанской Америки от козней «Священного союза». Английские газеты опубликовали неизвестно кем изготовленную фальшивку, так называемый «секретный договор Вероны», якобы заключенный Австрией, Пруссией, Россией и Францией, в котором четыре монарха торжественно клялись силой уничтожить любые конституционные правительства в Старом и Новом Свете⁴⁰⁷... Многие десятилетия этот сфабрикованный документ принимался за подлинный, а Каннинг – за благородного рыцаря, обуздавшего «четырёхглавого дракона». Для укрепления этого мифа английский министр иностранных дел предал гласности предупреждение, сделанное им французскому послу Ж. Полиньяку, против возможного вмешательства Парижа в дела испанской Америки. Позднее он опубликовал и упоминавшийся выше меморандум Полиньяка – Каннинга, посвященный этой проблеме. Австрийский канцлер Меттерних даже провозгласил Каннинга «английским носителем идей революции», хотя его идеалом в действительности было могущество Великобритании, а не торжество дела свободы.

Предложение о признании испаноамериканских государств министр иностранных дел внес на рассмотрение сент-джеймского кабинета в ноябре 1822 года. Он обосновывал необходимость такого шага рядом прагматических соображений: английская промышленная и торговая буржуазия требовала обеспечить ей режим наибольшего благоприятствования на обширном заокеанском рынке, обуздать пиратов в Карибском бассейне и пресечь работорговлю. Англии предстояло «догонять» США, поскольку ее главный конкурент временно вырвался вперед в борьбе за экономическое и политическое влияние в испанской Америке. Глава Форин оффис искал также новых дипломатических комбинаций для упрочения шаткого «европейского равновесия». В одном из публичных выступлений Каннинг огласил свою знаменитую формулу: «Я вызвал к жизни Новый Свет, чтобы изменить к выгоде Англии соотношение сил в Старом Свете»⁴⁰⁸. В данном случае речь шла о том, чтобы приостановить возвышение России на европейской сцене и не допустить возрождения былого могущества Франции. В январе 1824 года Каннинг представил

---

⁴⁰⁵ [405] Bolivar y Europa... – P. 802

⁴⁰⁶ [406] Webster C. K. (Ed.) Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc. – Vol. 11. – P. 78

⁴⁰⁷ [407] См. Kossak M. Op. cit. – P. 135

⁴⁰⁸ [408] Цит. по Temperley H. W. The Foreign Policy of Canning. 1822- 1827. – L., 1925. – P. 154

английскому парламенту обзор международной обстановки, отразивший его представления. Испанские колонии в Америке, говорилось в обзоре, окончательно и бесповоротно обрели независимость от метрополии, и Англии следует установить с ними нормальные дипломатические отношения независимо от того, понравится или нет английская акция Мадриду и другим европейским столицам 409.

Несмотря на столь неотразимые аргументы, Георг IV и «твердолобые» консерваторы в правительстве заблокировали радикальное решение вопроса, потребовав неопровержимых и авторитетных доказательств дееспособности новых правительств в Америке. По решению Каннинга в октябре 1823 года во все столицы новых независимых государств были направлены конфиденциальные английские эмиссары для ознакомления на месте с положением дел. В Великую Колумбию 1 марта 1824 г. прибыли полковники Дж. П. Гамильтон и П. Кэмпбелл. Чуть позднее к ним присоединился Дж. Гендерсон, назначенный английским генеральным консулом в Боготе. Их доклады министру иностранных дел, поступившие в Лондон через полгода, могли, казалось, развеять сомнения самых упорных скептиков из консервативного лагеря 410.

Категоричность рекомендаций английских эмиссаров относительно необходимости скорейшего признания Англией Великой Колумбии не в последнюю очередь объяснялась твердой позицией колумбийского правительства. Гамильтон во время приема у колумбийского министра иностранных дел сообщил Гуалью о назначении Лондоном своих консулов в Боготу и другие города и запросил для них экзекватуру (разрешение, выдаваемое консулу правительством страны пребывания, на право осуществлять консульские функции в своем округе). Следуя тактической линии, объявленной Сеа в его манифесте, Гуаль ответил отказом, объяснив Гамильтону, что для нормальных консульских отношений необходимо решить вопрос о признании. Велико было возмущение Сантандера и Гуаля, когда они ознакомились с консульским патентом Гендерсона, объявившегося в Боготе в апреле 1824 года. В нем черным по белому было написано, что Гендерсон уполномочивается Лондоном защищать английские интересы в «провинции Колумбия и подвластных ей территориях». Каннинг и его чиновники никак не могли освоить надлежащую терминологию для общения с новым суверенным государством. Учитывая особенности момента, колумбийское правительство не пошло на обострение конфликта с Лондоном. Оно временно разрешило английским консулам неофициально исполнять свои функции до момента решения вопроса о дипломатическом признании.

Вести из Лондона приковывали внимание Боливара, укрепляли его веру в неизбежный провал интервенционистских происков «Священного союза». В апреле 1824 года Освободитель делился с коллегами своими выводами о переменах в международной обстановке, благоприятных для Колумбии. «Англия твердо решила признать независимость республик Южной Америки, и она будет рассматривать как враждебный акт любую попытку вмешательства европейской державы в дела Нового Света» 411, – писал Боливар перуанскому вице-адмиралу М. Х. Гису. Сукре он сообщал более детальную информацию: «Прибывшие в Санта-Марту английские посланцы заверили нас в том, что признание Англии вскоре последует и она намерена оказать нам помощь в случае посягательства на нас со стороны Франции. То же самое предлагают американцы. Испания бессильна предпринять что-либо, так как у нее нет флота, армии и денег... Все, что может исходить от Священного союза, будет встречено в штыки Англией и Северной Америкой».

---

409 [409] См. Webster C. K. (Ed.) Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc. – Vol. II. – P. 412-416

410 [410] Ibid. – Vol. 1. – P. 379-380

411 [411] Bolivar S. – Vol. 1. – P. 958

Из этого анализа рождались надежды Боливара на тесный внешнеполитический союз с Англией. Он хотел видеть ее участницей Панамского конгресса и рассчитывал, что Лондон станет опорой и защитником испаноамериканской федерации. «Союз с Великобританией в политическом отношении представляет собой большую победу, чем триумф при Аякучо, – подчеркивал Боливар, – и если мы сможем его добиться, наше благополучие будет обеспечено навечно»⁴¹². Такой подход доминировал во внешнеполитическом мышлении Боливара во второй половине 20-х годов. В переписке с Сантандером, Сукре, Москерой, Эресом и другими сподвижниками Освободитель постоянно затрагивал эту тему, отмечал приоритетное значение дружественных отношений с Лондоном, высказывал смелые предположения о возможности в союзе с Англией добиться перестройки всемирных международных отношений на основах справедливости.

Сегодня для многих эти планы Боливара кажутся прекраснодушными мечтаниями, оторванными от жестоких реальностей борьбы великих держав за гегемонию. Наверное, в высказываниях Освободителя можно встретить завышенные оценки «туманного Альбиона», особенно если подходить к ним с современными мерками. Однако в конкретных условиях первой четверти XIX века при тогдашней расстановке международных сил стремление Боливара к союзу с Англией являлось перспективным направлением внешнеполитической стратегии. Даже частичный успех на этом пути очень много значил для утверждения самостоятельной роли Великой Колумбии на мировой арене.

Колумбийский дипломатический представитель Ревенга, едва не утонув по дороге, прибыл в Лондон в январе 1823 года и стал добиваться аудиенции у Каннинга. Он бомбардировал английского министра иностранных дел многочисленными нотами, остававшимися без ответа. В довершение всего Ревенга не сумел уладить с английскими кредиторами одно из спорных финансовых дел и оказался за решеткой как несостоятельный должник. Когда затрагивались денежные интересы, лондонский суд забывал даже о дипломатической неприкосновенности. Вырвавшись через пару месяцев из долговой тюрьмы со звучным названием «Королевская скамья», Ревенга отбыл на родину. Боготе пришлось подыскивать ему замену. Выбор Гуаля пал на Сенатора Мануэля Хосе Уртадо, известного своим ораторским искусством. Кроме того, правительство находилось в крайне стесненном финансовом положении, а Уртадо был богатым человеком и мог сам оплатить все расходы, связанные с миссией в Англию. В инструкциях, подготовленных Гуалем новому колумбийскому представителю, предписывалось прежде всего добиваться дипломатического признания Великой Колумбии.

Уртадо добрался до Лондона в марте 1824 года и несколько месяцев безуспешно стучался в закрытые для него двери Форин оффис. Только в июне английский министр иностранных дел согласился принять колумбийского представителя в частном порядке. Каннинг не торопился. Его внимание приковывали другие, более важные дела. В январе – апреле 1824 года Каннинг предпринял последнюю попытку при посредничестве Англии навести мосты между Мадридом и его бывшими подданными на основе признания Фердинандом VII независимости колоний в обмен на какую-нибудь компенсацию для Испании. При этом Лондон выразил готовность защищать права Испании на Кубу и Пуэрто-Рико. Мадридский двор вновь ответил отказом, мотивируя его смехотворным утверждением о невозможности бросить на произвол судьбы верных королю людей в испанской Америке⁴¹³. Кроме того, сент-джеймский кабинет продолжал плести нити затянувшейся интриги вокруг вопроса о насаждении монархических режимов в Мексике и в других испаноамериканских странах. Освобождение правительства тори от легитимистских

---

⁴¹² [412] Ibid. – P. 943; Vol. II. – P. 298

⁴¹³ [413] См. Webster C. K. (Ed.) Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc. – Vol. 11. – P. 419-423

пристрастий происходило медленно и мучительно. Каннинг, в частности, дал указание Кэмпбеллу и Гамильтону не употреблять термин «республика» в официальной переписке с колумбийским правительством, заменяя его нейтральным словом «государство». Так и возник небольшой, но показательный дипломатический казус: в документах представителей Лондона, написанных на английском языке, Колумбия называлась «государством», а в ответах Боготы на испанском языке – «республикой».

Только в канун Нового года Каннинг перешел к решительным действиям. Премьер-министр Ливерпуль и Каннинг, пригрозив коллективной отставкой, вынудили короля и «твердолобых» примириться с неизбежным. 31 декабря 1824 г. министр иностранных дел Англии направил в Мадрид и в другие европейские столицы ноту, в которой говорилось: «Его Величество в своей отеческой заботе о торговле и мореплавании его подданных соизволил решить, что должны быть приняты дальнейшие меры по проведению переговоров о торговых договорах с Мексикой и Колумбией, а также с Буэнос-Айресом. Результатом этих договоров после их отдельной ратификации Его Величеством будет дипломатическое признание правительств «де-факто» данных трех стран»⁴¹⁴. Для всеобщего сведения решение английского правительства должен был объявить король в тронной речи в парламенте 7 февраля 1825 г. Однако Георг IV, обуреваемый мстительным стремлением насолить своевольному министру иностранных дел, отказался выступить с тронной речью, так как его «внезапно» одолел приступ подагры и к тому же он потерял свои вставные зубы. Согласно незыблемым английским традициям, королевскую речь пришлось зачитать лорду-канцлеру, который являлся яростным противником дипломатического признания бывших испанских колоний. Что это – ирония судьбы или насмешка истории над теми, кто идет вразрез с велением времени?

Мадрид и другие европейские столицы заявили Лондону официальные протесты в связи с нарушением им принципов легитимизма. Испанская Америка приветствовала решение Англии. По словам Гендерсона, в Боготе «вице-президент, министры и влиятельные люди встретили новость с глубоким удовлетворением и большой радостью. На улицах гремели салюты, играла музыка, сверкали фейерверки»⁴¹⁵. Возможно, желая польстить Каннингу, английский генеральный консул в своей депеше несколько приукрасил картину всеобщего ликования в Великой Колумбии. Да и радость эта, можно сказать, была преждевременной. Изобретенную Каннингом формулу дипломатического признания испаноамериканских стран следует отнести к «шедеврам» имперской дипломатии. По существу, это был лишь слегка замаскированный ультиматум: или заключение на английских условиях договоров о торговле и дружбе, формализующих признание, или же старый статус «мятежных колоний».

Гамильтон и Кэмпбелл, уполномоченные Каннингом вести переговоры в Боготе, положили на стол перед Гуалем и Брисеньо-Мендесом английский проект договора. Сколько колумбийские дипломаты ни выдвигали контрпредложений, им не удалось сделать условия договора более равноправными для колумбийской стороны. Договор о дружбе, торговле и навигации, подписанный 18 августа 1825 г., устанавливал взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле и в других видах деятельности, связанных с обслуживанием экономических потребностей двух стран⁴¹⁶. Тем самым Англия закрепляла за собой колумбийский рынок и получала возможность диктовать Колумбии как более слабому партнеру конкретные условия экономических отношений. Согласно договору, колумбийское правительство брало на себя обязательство тесно сотрудничать с Лондоном в

---

⁴¹⁴ [414] Ibid. – P. 431

⁴¹⁵ [415] Ibid. – Vol. 1. – P. 383

⁴¹⁶ [416] Текст договора см. Bolivar y Europa... – P. 428-432

искоренении работорговли. Устанавливались также нормы, регулирующие консульские отношения.

7 ноября 1825 г. в Лондоне состоялся обмен ратификационными грамотами, а четыре дня спустя перед Уртадо впервые распахнулись парадные двери Букингемского дворца, и английский король приветствовал его как официально признанного Англией чрезвычайного и полномочного посланника республики Великая Колумбия. Вскоре были урегулированы взаимные претензии в финансовой области. Колумбийский конгресс в 1826 году признал в полном объеме обязательства по полученным от английских финансистов займам на общую сумму 6650 тыс. ф. ст.⁴¹⁷ Лондон стал главным кредитором колумбийского правительства. Английские дельцы начали вкладывать капиталы в экономику Колумбии, направили в Боготу при содействии Уртадо проект сооружения межокееанского канала через Панамский перешеек.

Боливар придавал большое значение развитию сотрудничества с Англией, поддерживал личные контакты с английскими посланниками в Боготе и Лиме, доверительно информировал их о важнейших политических событиях в стране и своих внешнеполитических планах. Он регулярно знакомился со всеми донесениями колумбийского посланника из Лондона и, как видно из его письма Уртадо от 12 марта 1825 г., лично направлял в Лондон указания по важнейшим вопросам англо-колумбийских отношений, когда этого требовала сложившаяся ситуация⁴¹⁸.

В мае 1826 года Каннинг обратился к Боливару с посланием, положившим начало переписке между двумя государственными деятелями. Главное внимание в ней уделялось содействию мирному урегулированию аргентино-бразильских разногласий и проблеме примирения с Испанией⁴¹⁹. Назначение Каннинга премьер-министром Англии в апреле 1827 года открывало, по мнению Боливара, новые перспективы для укрепления международных позиций Великой Колумбии и других независимых республик региона. Неожиданная смерть английского премьер-министра спустя 100 дней после назначения была воспринята Освободителем как удар судьбы. «Скорбное чувство охватывает наши сердца при безмерно печальном известии о смерти лорда Каннинга. Для Англии, как и для Америки, это невосполнимая утрата, и весь мир еще ощутит отсутствие этого человека. Все мы начали пользоваться плодами его глубоко либеральной политики. Греция будет оплакивать своего защитника, а Америка никогда не забудет, что мистер Каннинг помог ей утвердить свои права»⁴²⁰, – писал Боливар.

Дипломатическое признание со стороны Англии явилось поворотным пунктом в развитии отношений Великой Колумбии со странами Европы.

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ФРАНЦИЕЙ

Драматические повороты французской истории от Великой буржуазной революции к империи Наполеона, а затем к реставрации Бурбонов и вновь к июльской революции 1830 года определяли сложные и запутанные взаимоотношения между восставшей испанской Америкой и Францией. При всех переменах в Тюильрийском дворце французская политика строилась с учетом двух взаимосвязанных факторов: интересов этой страны в Европе и ее стремления добиться в соперничестве с Англией и США политического влияния и торговых

---

⁴¹⁷ [417] Webster C. K. (Ed.) Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc. – Vol. I. – P. 560

⁴¹⁸ [418] См. Bolivar S. – Vol. 11. – P. 105-106

⁴¹⁹ [419] См. O'Leary D. Op. cit. – Vol. 12. – P. 263-264

⁴²⁰ [420] Bolivar S. – Vol. 11. – P. 704

привилегий в заокеанских владениях Испании.

Первые контакты венесуэльских патриотов с французскими дипломатическими представителями были установлены миссией Висенте Боливара – Талисферо Ореа, прибывших в США в 1810 году. Не сумев овладеть испанскими колониями в Америке в начале века, Наполеон решил снискать себе симпатии борцов за независимость и использовать их в целях своей европейской политики. В инструкциях министру иностранных дел герцогу Бассано император Франции писал в 1811 году: «Я желаю вообще всего того, что может содействовать независимости испанской Америки..., если только она не будет под влиянием Англии»⁴²¹. Бассано получил указание наладить контакты с представителями восставших колоний и подготовить предложения о посылке французских волонтеров за океан. После этого посланник Франции в Вашингтоне Л. Б. Серюрье начал переговоры с Т. Ореа и пригласил венесуэльскую миссию прибыть в Париж. Естественно, Ореа откликнулся на это приглашение: «Венесуэла примет с благодарностью любую поддержку и помощь, какую пожелает оказать Наполеон»⁴²². Переговоры в 1813 году продолжил в Париже венесуэльский патриот Мануэль Паласио- Фахардо. Но практических результатов они не принесли. Русский поход, а затем смертельная схватка с державами Четверного союза (Англия, Австрия, Пруссия, Россия) заставили Наполеона забыть о делах испанской Америки. Паласио-Фахардо в 1814 году был выслан из Франции.

Победители Наполеона реставрировали во Франции власть Бурбонов. При Людовике XVIII и Карле X в стране свирепствовала дворянско-клерикальная реакция. В области внешней политики знаменем французских роялистов являлся легитимизм. После того как в 1818 году оккупационные войска государств Четверного союза ушли из пределов Франции, Людовик XVIII стал полноправным участником «Священного союза». Французское правительство до поры до времени играло роль младшего партнера держав-победительниц, но втайне мечтало о реванше. Для возрождения былого международного величия Франции Париж хотел бы разыграть испаноамериканскую карту.

Фердинанд VII, «трудный ребенок» монархической Европы, требовал постоянной заботы всех европейских дворов, отстаивавших «священные права» королей. Однако Тюильри претендовал на особую роль в этой коллективной опеке. Франция имела общую границу с Испанией, а венценосцы этих двух государств были связаны так называемым «фамильным пактом», ибо принадлежали к ветвям одного королевского дома Бурбонов. Париж, однако, не страдал бескорыстной преданностью легитимистским принципам. Творцы французской внешней политики надеялись получить в качестве платы за действенную поддержку Фердинанда VII что-либо из колониальных владений Испании, в частности испанскую часть острова Санто-Доминго. Но здесь им дорогу преграждали Англия, традиционный союзник мадридского двора, и Россия, чей голос в европейских делах после военной победы над Наполеоном значил очень много.

Выход из этого лабиринта противоречий и подводных рифов французские политики пытались найти за счет насаждения в бывших колониях Испании в Америке независимых конституционных монархий с бурбонскими принцами во главе. Идея эта родилась в Париже еще в 1816 году, и в первоначальном плане речь шла прежде всего о Мексике и Буэнос-Айресе. Позднее в орбиту этого плана оказались вовлеченными также Перу и Великая Колумбия. Людовик XVIII и его министры усиленно продвигали свой план в «Священном союзе», по мере того как становилась очевидной неспособность Фердинанда VII вернуть старые порядки в колониях. Кэ д'Орсе зондировал реакцию соответствующих правительств в Лондоне, Санкт-Петербурге и Мадриде. Французский министр иностранных дел Шатобриан в следующих словах изложил позицию Парижа своему английскому коллеге

---

⁴²¹ [421] Цит. по Robertson W. S. Op. cit. – P. 87-88

⁴²² [422] Цит. по Urrutia F. J. Op. cit. – P. 100

Кэстльри: «Если Европа вынуждена будет признать де-факто правительства в Америке, европейскую политику следует направить на создание в Новом Свете монархий вместо республик, иначе последние станут поставлять нам свои принципы вместе с экспортными товарами»⁴²³. Этой позиции Франция придерживалась на протяжении всей первой половины 20-х годов. Особая ценность ее для Людовика XV¹¹ заключалась в возможности сочетать преданность доктрине легитимизма с политической необходимостью учитывать интересы французской буржуазии: если в испанской Америке утвердятся конституционные монархии, они будут связаны тесными узами не только с Испанией, но и с Францией.

В правящем лагере Франции периода второй реставрации наряду с лидером ультрароялистских групп графом д'Артуа действовали сторонники более разумной внешней политики. Морской министр барон П. Б. Порталь в 1819 году поставил в правительстве вопрос о необходимости считаться с требованиями французских промышленников и торговцев, настаивавших на установлении регулярных связей с Бразилией и испанской Америкой. Об этом же шла речь в памятной записке, представленной кабинету министров Коммерческим советом в 1821 году. Несмотря на свой консерватизм, Шатобриан достаточно четко выразил настроения, получившие распространение в деловых кругах: «Францию не устраивало предоставление монополии на торговлю с Новым Светом Англии и Соединенным Штатам»⁴²⁴. Учитывая потребности развития торгового обмена с испанской Америкой, кабинет министров в сентябре 1822 года принял решение открыть французские порты для торговых кораблей патриотов. Эта мера носила робкий, половинчатый характер. Кораблям новых государств разрешалось бросать якорь в гаванях Франции, только если они будут воздерживаться от поднятия национального флага и характер их торговых грузов будет служить свидетельством того, что они не занимаются каперством.

Дебаты о признании независимости новых государств в Америке развернулись во французской печати и в палате депутатов парламента. Политические симпатии французских либералов, находившихся в оппозиции к роялистскому режиму, были на стороне борцов за независимость колоний. В 1819 году Боливар пользовался в Париже большей популярностью, чем какой-либо другой иностранный деятель. В столичном театре «Варьете» в то время с успехом шла пьеса «Боливар и Морильо». Известный деятель либерального лагеря аббат Прадт в период 1821 -1828 годов опубликовал шесть работ о борьбе испаноамериканских патриотов и их лидера Боливара, получивших широкое распространение во Франции и в других европейских странах. В палате депутатов генерал М. С. Фой патетически восклицал: «Разве вы не знаете, что имя Боливара будет почитаться в грядущих веках, подобно имени Вашингтона!»⁴²⁵.

Такова была политическая ситуация, когда французское правительство начало предпринимать первые осторожные шаги по нащупыванию подходов к борющейся испанской Америке. В 1819-1822 годах за океан отправились несколько французских миссий для сбора информации и изучения возможностей развития торгового обмена. В этих целях использовались торговые агенты, визиты военных кораблей, специальные секретные эмиссары. В обязанность последних входило выяснение отношения местных жителей и властей к планам учреждения конституционных монархий.

В июне 1820 года в Южную Америку отплыла небольшая эскадра из трех кораблей под командованием контр-адмирала П. Р. Журдена де ла Гравьера. Ему поручалось, соблюдая строжайший нейтралитет, установить дружественные контакты с повстанцами и собрать всю необходимую информацию для установления и развития торговых отношений. Во время

---

⁴²³ [423] Цит. по Robertson W. S. Op. cit. – P. 208

⁴²⁴ [424] Chateaubriand F. Congres de Verone. – Vol. 1. – P., 1838. – P. 91

⁴²⁵ [425] Цит. по Robertson W. S. Op. cit. – P. 206

стоянки в Ла-Гуайре Ж. де ла Гравьер встречался с Боливаром и обсуждал с ним поставленные перед французской миссией задачи. Другой эмиссар Парижа – капитан корвета «Баядер» А. Р. Руссин посетил в это время остров Маргарита и Пуэрто-Кабельо. В 1821 году в Венесуэле находился также французский посланец Бенуа де Шассерио в целях выяснения отношения руководителей патриотов к политике Франции.

Представленный Руссином морскому министру Порталю доклад о положении в провинциях Венесуэла и Новая Гранада и донесения других эмиссаров содержали рекомендации о необходимости для Франции порвать с «фамильным пактом», привязывавшим ее к Фердинанду VII, и проводить в южноамериканском вопросе политику, отвечающую национальным интересам. Во многих сообщениях отмечалась роль Боливара как выдающегося деятеля континентального значения ⁴²⁶. Характер французских миссий говорил не столько о намерении Парижа пересмотреть свою политику, сколько о появившихся опасениях не опоздать с признанием независимости молодых государств в Америке в случае изменения общей международной ситуации.

Из Южной Америки в это же время двинулся в Париж встречный поток дипломатических представителей. В 1819 году Боливар направил во Францию двух испытанных участников освободительной борьбы – Луиса Риёу и Мануэля Кортеса-и-Кампоманеса. Они пытались получить в Париже финансовую и военную помощь, встречались с Порталем ⁴²⁷. С этого времени и до конца 1822 года Париж служил местом пересечения маршрутов многих колумбийских дипломатических эмиссаров. Не всегда согласуя свои действия, Сеа, Ревенга, Эчеверриа и другие представители Боготы вели в столице Франции кампанию за завоевание на свою сторону общественного мнения и влиятельных представителей правящего лагеря, не придерживавшихся ультрароялистских взглядов. Горячее желание помочь родине и недостаток надежных связей во Франции иногда заводили некоторых колумбийских дипломатов в дебри фантастических планов. Так, Эчеверриа установил контакты с представителями палаты депутатов и королевского двора и сообщил Боготе о возможности обеспечить принятие решения о признании Францией Великой Колумбии, если вручить в «соответствующие руки» 500 тыс. франков. Хотя подкуп в крупных масштабах нередко использовался в династической дипломатии XVII-XVIII веков, Гуаль решительно отклонил «инициативу» Эчеверриа ⁴²⁸.

Сеа направил свой манифест на Кэ д'Орсе, сопроводив его письмом, адресованным французскому министру иностранных дел М. Ф. Монморанси. В обоснование стремления Великой Колумбии установить дружественные отношения с Францией Сеа ссылался на общность религии и близость традиций и языков двух народов. Официальные лица Парижа, как и других европейских столиц, хранили молчание. Ответ Сеа, а заодно французским либералам и торгово-промышленным кругам, приветствовавшим колумбийский манифест, был дан в роялистской газете «Журналь де деба» 31 октября 1822 г.: «Мы берем на себя смелость заявить господину Сеа, что Франция, являясь старым другом и союзником Испании, поступила бы в высшей степени низко, если бы поспешила признать отделение испанских колоний от метрополии раньше, чем последняя согласится с этим или же поступят доказательства необратимости свершившегося отделения» ⁴²⁹. В это время Париж уже получил мандат «Священного союза» на интервенцию в Испанию для спасения Фердинанда

---

⁴²⁶ [426] См. Bolivar y Europa... – P. 215-221

⁴²⁷ [427] См. O'Leary D. – Op. cit. – Vol. 17. – P. 359-360

⁴²⁸ [428] См. Urrutia F. Paginas de historia diplomatica. Los Estados Unidos de America y las republicas hispanoamericanas de 1810 a 1830. – Bogota, 1917. – P. 229 (далее – Urrutia F. Paginas de historia diplomatica)

⁴²⁹ [429] Цит. по Robertson W. S. Op. cit. – P. 213

VII от испанских революционеров. Людовик XVIII и его министры были уверены, что кратчайший путь к обеспечению французских интересов в испанской Америке пролегает через Мадрид. Переговоры с представителями патриотов их больше не интересовали.

Более двух лет, с осени 1822 и до конца 1824 года, в Париже не было колумбийского представителя. За политикой Франции и трагедией испанской буржуазной революции, подавленной французскими штыками, Боливар и Гуаль следили по английским и американским газетам, а также по сообщениям колумбийских представителей в Лондоне и Вашингтоне. Вести с Пиренейского полуострова в 1823 году вызывали нарастающую тревогу всех руководителей освободительной борьбы. В январе 1823 года Людовик XVIII в тронной речи объявил о направлении подкреплений на военно-морские базы Франции за пределами ее территории. Герцог Ангулемский, вступив на испанскую землю во главе 100-тысячной французской армии, издал прокламацию о намерении Франции спасти Испанию от «анархии», лишившей короля «возможности умиротворить свои колонии»⁴³⁰. В испанской Америке стало известно о так называемом Веронском секретном договоре. Не замышляла ли Франция, восстановив абсолютную власть Фердинанда VII над его подданными, обрушиться на борцов за независимость в испанских колониях?

Премьер-министр Франции Ж. Б. Виллель дважды на протяжении 1823 года предлагал Мадриду начать осуществление плана создания конституционных монархий за океаном. Герцогу Ангулемскому он писал в июле 1823 года: «Франция снабдила бы Испанию морскими силами для транспортировки и водворения принцев в колониях, а также солдатами и запасами, достаточными для обеспечения успеха задуманных операций»⁴³¹. В это время группа тайных французских агентов колесила по испаноамериканским странам. Один из них, Г. Т. Мольен, объехал почти всю Великую Колумбию от острова Магдалена и до Кито. Гуаль квалифицировал его деятельность как шпионаж. Вернувшись в Париж в начале 1824 года, Мольен рекомендовал усилить военно-морское присутствие Франции в водах испанской Америки⁴³². Подобного рода известия, сообщения международной прессы о передвижениях французских военно-морских сил в Карибах и различные слухи, тесно переплетаясь, создавали напряженную и тревожную атмосферу.

В начале 1824 года Боливар писал Гуалю из Лимы о своих опасениях относительно возможности французского вмешательства и просил по дипломатическим каналам принять меры, для того чтобы при поддержке Англии нейтрализовать угрозу. Позднее, в связи со слухами о движении к венесуэльским берегам французской эскадры, базировавшейся на Мартинике, Освободитель сообщал о готовности быстро направиться во главе 13-тысячной армии для отражения вторжения французов⁴³³. Но вскоре тучи рассеялись, и гром не грянул.

Решающие победы патриотов над колонизаторами, намерения Англии преградить своим флотом путь любой неиспанской карательной экспедиции в Америку и провозглашение Вашингтоном «доктрины Монро» заставили Тюильри спуститься с заоблачных высот легитимистских мечтаний на грешную землю. План пересадки бурбонских принцев на латиноамериканскую землю пришлось понемногу списывать в архив. Во внешней политике Парижа после прихода в 1824 году на Кэ д'Орсе нового министра иностранных дел барона А. Дама обозначились намерения придавать большее значение торгово-экономическим и политическим средствам в борьбе за место под солнцем в

---

⁴³⁰ [430] Ibid. – P. 259

⁴³¹ [431] Ibid. – P. 262

⁴³² [432] См. Bolivar y Europa... – P. 216

⁴³³ [433] См. Bolivar S. – Vol. 1. – P. 886; Vol. III. – P. 105

Западном полушарии. Премьер-министр Виллель в июле 1824 года встречался с Ревенгой, направлявшимся в Мадрид, и информировал его о намерении Франции установить прямые торговые отношения с Колумбией.

Возобновившиеся колумбийско-французские контакты получили продолжение. В ноябре 1824 года П. Гуаль поручил Х. М. Лансу неофициально представлять интересы Великой Колумбии в Париже. Ему следовало выяснить перспективы признания со стороны Франции и прозондировать ее позицию в случае мексикано-колумбийской освободительной экспедиции на Кубу. Ланс также встречался с Виллелем и Дама и пришел к выводу, что Париж готов развивать только торговые отношения, продолжая проводить политику непризнания. Его прогнозы подтверждались. В 1826 году Б. Мартиньи был назначен главным агентом по вопросам французской торговли, а затем – генеральным консулом с местопребыванием в Боготе. Колумбийский флаг получил полные права в портах Франции. В 1828 году последовало назначение французского консула в Картахену. К этому времени французский экспорт в испанскую Америку уже составлял 30 млн. франков, а импорт из региона – 6 млн. франков ⁴³⁴. Однако политические отношения оставались блокированными. Хотя в Париже многие считали Фердинанда VII «живым трупом», Карл X, как и его предшественники, продолжал стоять на страже «законных прав» своего испанского собрата.

Дипломатия Боливера трезво оценивала как новые веяния, так и старый легитимистский груз в политике Франции. Освободитель писал Сукре в начале 1826 года: «По всей вероятности, нам нечего бояться французов, скорее нас ждут хорошие перемены» ⁴³⁵. Незадолго до этого Карл X королевским ордонансом признал независимость бывшей французской колонии Гаити. Гаитянкам пришлось заплатить огромный выкуп – 150 млн. франков и предоставить Франции торговые привилегии, но они окончательно обрели государственную самостоятельность. Боливар видел в этом событии благоприятное предзнаменование.

В сентябре 1828 года Освободитель направил в Париж Хосе Фернандес-Мадрида и Леонардо Паласиоса в качестве чрезвычайных и полномочных посланников при французском дворе. Такой ранг говорил в том, что, по мнению Боготы, признание де-факто уже состоялось. Фернандес-Мадрид и Паласиос имели полномочия провести переговоры о заключении договора о торговле, дружбе и мире между двумя странами ⁴³⁶. Представители французского правительства не избегали встреч с ними, но отделялись пустыми обещаниями полностью нормализовать отношения, как только позволят обстоятельства.

Династия Бурбонов доживала во Франции последние дни. Очистительная гроза июльской революции 1830 года смела их с исторической сцены, и новый король-буржуа 1 августа наложил резолюцию на предложение Кэ д'Орсе о признании испаноамериканских государств: «Одобрено. Луи Филипп». Министр иностранных дел граф Луи-Матье Моле 30 сентября 1830 г. поставил в известность Паласиоса о том, что, «признав в принципе независимость Колумбии», правительство Франции «готово заключить с ней договор о дружбе, торговле и навигации» ⁴³⁷. Так завершился сложный и трудный этап становления колумбийско-французских отношений. Весть о признании достигла Боготы, когда страна переживала глубокий кризис и Великая Колумбия находилась на грани распада.

---

⁴³⁴ [434] Bolivar y Europa... – P. 284

⁴³⁵ [435] Bolivar S. – Vol. 11. – P. 299

⁴³⁶ [436] См. Mier J. M. de Op. cit. – T. 5. – P. 1608-1609

⁴³⁷ [437] Цит. по Gil Fortoul J. Op. cit. – Vol. 1. – P. 512

ПОИСКИ КОНКОРДАТА С ВАТИКАНОМ

Боливар мысленно часто возвращался к первому и единственному в его жизни визиту к папе римскому. Немногим простым смертным доводилось удостоиваться такой чести, и в памяти запечатлелись все детали посещения Ватикана, этого особого города-государства. Мощные стены отгораживали Ватикан от остального Рима, и входы в этот мир охраняли швейцарские гвардейцы-наемники, облаченные в средневековые доспехи. Боливар в сопровождении кардинала шествовал через нескончаемую анфиладу залов папского дворца, воздвигнутого выдающимися зодчими Италии. Поражали красота фресок и витражей, неземная роспись Сикстинской капеллы кисти Рафаэля, где при закрытых дверях творилось таинство избрания конклавом кардиналов святого владыки. Из окон папского дворца Боливар видел легендарные сады Ватикана – ковер подстриженных газонов, шаровидные деревья, голубые водопады. Этот сад казался раем, в котором вечно благоухают цветы и плодоносят деревья.

Официальные титулы папы римского подчеркивали его ведущую роль в христианском мире: «Римский епископ, викарий Иисуса Христа, преемник князя апостолов, верховный первосвященник вселенской церкви, патриарх Запада, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, монарх государства Ватикан». Могущество папы римского обеспечивали не вооруженные силы, а многомиллионная армия верующих, огромные богатства, стекавшиеся в руки верховного владыки Ватикана со всего света, строгая иерархическая система управления католической церковью. Почти все население колоний Испании и Португалии в Америке исповедовало католицизм. Накануне войны за независимость «армия» папы римского в испанской Америке располагала 7 архиепископствами, 35 епископствами, 4 тыс. монастырями и примерно 40 тыс. священнослужителей⁴³⁸. Католической церкви принадлежали обширные земли, недвижимое имущество, ростовщический капитал. Для миллионов верующих слово священнослужителей с церковного амвона или в исповедалине означало «глас божий».

Боливар прекрасно понимал: от правильного решения сложнейшей проблемы «испаноамериканская революция и католическая церковь» зависело окончательное торжество дела патриотов. Ошибки же чреваты тяжелейшими осложнениями. Разрубить этот «гордиев узел» одним ударом было невозможно. Требовалось проявлять твердость в сочетании с выдержкой и терпением, последовательно идти к цели и умело маневрировать, прибегать к умной и тонкой дипломатии.

Вопросы взаимоотношений патриотов с католической церковью имели два взаимосвязанных и тесно переплетавшихся аспекта: внутривластный и международный. В первом случае речь шла о нейтрализации или завоевании на свою сторону новой государственной властью массы глубоко религиозных людей и местной католической иерархии. Во втором – о нормализации отношений с Ватиканом. Для этого предстояло урегулировать вопрос о праве патроната (назначения на церковные должности), получить дипломатическое признание Ватикана и заключить с папой конкордат. Только после этого Святой Престол мог направить папского нунция (посла) к патриотам, а они получали возможность аккредитовать своего дипломатического представителя в Ватикане. Главная трудность состояла в том, что с незапамятных времен Ватикан являлся оплотом консерватизма, и краеугольным камнем его внешней политики служил союз с католическими монархами Европы.

Постфактум, то есть после завершения войны за независимость, клерикалы сотворили миф о союзе католической церкви с патриотами. Венесуэльский епископ Н. Наварро в одном из своих сочинений писал: «Церковь всегда восхваляла Симона Боливара, и весьма заслуженно, так как в его делах и жизни много поступков, которые религия может считать

---

⁴³⁸ [438] Григулевич И. Р. Церковь и олигархия в Латинской Америке. 1810- 1959. – М., 1981. – С. 10

достоинными божественного одобрения»⁴³⁹. В действительности отношения между патриотами и католической церковью складывались в годы войны за независимость далеко не безоблачно. Ряд священнослужителей в испанской Америке были пламенными патриотами, руководителями и известными участниками освободительного движения – Идальго, Мадариага, Морелос, Монтеагудо и др. Но не они определяли политику католической церкви, которая их отторгла и подвергла осуждению.

Церковники, особенно высший эшелон католической иерархии, в Венесуэле, Колумбии и в других бывших колониях выступали противниками дела независимости, служили идейной и политической опорой роялистов, поддерживали испанских карателей. Участие священников-фанатиков в мятежах против властей патриотов, подстрекательские проповеди, отказ подчиняться указаниям республиканских правительств, отлучение от церкви и предание патриотов анафеме побудили Освободителя заявить в Картахенском манифесте: «Клерикальная партия всегда оказывала поддержку деспотизму и была его союзницей»⁴⁴⁰. Боливар критически относился к религиозным предрассудкам, видел в клерикалах неизбежное зло, но этот влиятельный институт следовало использовать для освобождения от колониального гнета. В письме архиепископу Каракаса Н. Коль-и-Прату он требовал, чтобы все священнослужители объясняли прихожанам справедливые принципы американской эмансипации, убеждали их не поддаваться провокациям врагов венесуэльской республики и защищать ее всеми средствами. «Тех же священников, которые не будут выполнять этих указаний, – писал Боливар, – епископу следует отстранять от должности»⁴⁴¹. Такую политику Боливар проводил до последних дней своей политической деятельности.

Известный советский историк И. Р. Григулевич причислял Боливару и многих других участников патриотической борьбы к либеральным католикам⁴⁴². Оставаясь формально в лоне церкви и не ставя публично под сомнение постулаты католической веры, они ограничивали права и привилегии духовенства, добивались секуляризации имущества церкви, утверждали приоритет светской республиканской власти над церковной и отделение церкви от государства. Эти революционные для своего времени принципы получили закрепление в Конституции Боливии, разработанной Освободителем. Боливар считал правительства патриотов наследниками прав патроната, принадлежавших испанской короне, и стремился добиться нормализации отношений со Святым Престолом, заключения конкордата с Ватиканом.

В первые годы войны за независимость Ватикан не реагировал на события в испанской Америке. Папа Пий VII, как и королевское семейство Испании, являлся пленником Наполеона и томился в заточении в Фонтенбло. Находясь в Париже в 1813 году, дипломатический посланец патриотов Мануэль Паласиос-Фахардо добивался встречи с главой Ватикана. Революционные власти в испанской Америке произвели назначение нескольких епископов на вакантные посты и хотели получить санкцию Пия VII. Тогда вступить в контакт с пленником не удалось.

Освободившись из заточения после падения Наполеона, Пий VII обрушил громы и молнии на головы испаноамериканцев, осмелившихся восстать против помазанника божьего Фердинанда VII. В январе 1816 года папа римский обратился с энцикликой «Этси лонгиссимо» («Хотя огромные») к священнослужителям и верующим в Америке,

---

⁴³⁹ [439] Navarro N. E. La cristiana muerte del Libertador. – Caracas, 1955. – P. 69

⁴⁴⁰ [440] Bolivar S. – Vol. III. – P. 546

⁴⁴¹ [441] Ibid. – Vol. I. – P. 60

⁴⁴² [442] См. Григулевич И. Р. Церковь и олигархия в Латинской Америке. – С. 45

«находящейся под властью католического короля Испании». Папа призывал достопочтенных братьев и возлюбленных детей своих «не жалеть усилий, чтобы выкорчевать и полностью истребить гибельное сплетение бунтов и мятежей, развязанных врагами в этих странах». У верующих не может быть более высокого долга, чем «с радостью повиноваться нашему любимейшему сыну во Христе, Фердинанду» 443.

Это папское послание, как справедливо считал известный венесуэльский дипломат и историк Армандо Рохас, представляло собой сильнейший удар по испано-американской революции 444. И нанесен он был в самый трудный момент для патриотов, когда они повсеместно терпели поражения. Энциклика Пия VII вызвала резкое обострение отношений между борцами за независимость и католической иерархией. Ссылаясь на нее, роялисты убеждали правоверных католиков порвать с «еретиками и безбожниками», прекратить сопротивление испанским карателям. Временный глава архиепископства Каракаса Хуан Висенте де Майа выступал одним из наиболее яростных проповедников «Этси лонгиссимо». С этой целью он опубликовал в мае 1817 года в «Газета де Каракас» специальное пасторское послание. В печатном органе патриотов «Коррео де Ориноко» с ответом выступил Хуан Херман Россио, блестящий знаток теологии и яркий полемист. Высказывался, в частности, довод о том, что энциклика была силой или хитростью вырвана у папы испанским послом в Ватикане Верхарой Лагуной при содействии кардинала Консалви, отвечавшего за внешние дела Святого Престола.

Для нейтрализации враждебного выступления Пия VII Боливар и его сторонники требовали от священнослужителей публичных заявлений в поддержку республиканских учреждений. Освободитель писал Сантандеру в 1819 году: «Хватит шуток, пора ясно говорить с отцом Куэрво (архиепископ Боготы. – Авт.) и со всеми другими отцами... Бог с ужасом смотрит на преступления тирании, узурпировавшей власть. Бог одобряет создание правительства, цель которого – общественное благо... Об этом пусть многократно говорят служители Бога, к тому же вдохновенно, с благоговением, как и свойственно церковному стилю» 445. Отказ церковных деятелей от сотрудничества с республиканскими властями или же их участие в антиправительственных мятежах вынуждали патриотов смещать наиболее агрессивных защитников Фердинанда VII и высылать их в Испанию.

Поворот от конфронтации к диалогу в отношениях между церковью и патриотами наметился после выдающихся побед освободительных армий под командованием Боливара, Паэса, Сантандера над испанскими войсками. Сказалось также влияние буржуазной революции 1820 года в Испании. Испанские кортесы приняли ряд антиклерикальных законов, что привело к конфликту с Ватиканом и высылке из Мадрида папского нунция. Боливар посчитал момент подходящим для установления прямого контакта со Святым Престолом. Эта ответственная дипломатическая миссия была доверена венесуэльцу Ф. Пеньялверу и новогранадцу Э. Вергаре. Им предстояло, обосновавшись в Лондоне, попытаться вступить в переговоры с Ватиканом в целях получения утверждения папой назначения новых епископов в Великой Колумбии и заключения конкордата, закрепляющего право патроната за колумбийским правительством. В Лондоне с помощью выдающегося гуманиста Андреса Бельо ими на латинском языке было подготовлено обращение к папе римскому, направленное в марте 1820 года в Ватикан через папского нунция в Париже. Верный себе, Пий VII не ответил на этот жест доброй воли 446.

---

443 [443] Цит. по Leturia P. Relaciones entre la Santa Sede e Hispanoamerica. – Vol. II (Epoca de Bolivar. 1800-1835). – Caracas, 1959. – P. 111 – 112

444 [444] См. Rojas A. Op. cit. – P. 81

445 [445] Bolivar S. – Vol. I. – P. 400

446 [446] См. Bierck Harold A. Jr. Op. cit. – P. 176

Тогда Боливар предпринял тонкий дипломатический маневр. Он решил использовать выработанную многовековым опытом способность католической церкви учитывать реалии жизни и адаптироваться к изменениям, отказываясь, если необходимо, от догм. В марте 1821 года Освободитель отправился в город Трухильо на встречу с епископом Мериды Р. Лассо де ла Вега, являвшимся в то время главным действующим лицом церковной иерархии в Великой Колумбии. Еще недавно Лассо де ла Вега был в стане противников независимости. На переговорах с Боливаром он согласился признать верховенство республики и обратиться к папе, чтобы просветить его относительно истинного положения дел в стране и ущерба, наносимого деятельности католической церкви отсутствием благословения святого отца. На этот раз Пий VII ответил.

Папское послание епископу Мериды прибыло в феврале 1823 года. Его тональность говорила о переходе Святого Престола на позиции нейтралитета в отношении конфликта между Испанией и ее бывшими колониями. Папа сообщал о своем горячем желании «взять на себя заботу о потребностях верующих в этих американских регионах»⁴⁴⁷. В Великой Колумбии, а также в Перу и Чили папское послание вызвало всеобщий вздох облегчения. Ознакомившись с его текстом, Боливар писал Лассо де ла Вега: «Ответ Его Преосвященства вселяет в нас большую надежду на скорое возвращение в отеческое лоно Святого Престола. Отныне наши враги не будут заявлять, что папа исключает нас из сообщества верующих»⁴⁴⁸. Как правительственные круги, так и верующие усматривали в новом послании Пия VII молчаливое аннулирование энциклики 1816 года. Но до окончательного примирения было еще далеко.

После смерти Пия VII Святой Престол занял Лев XII. Его энциклика «Этси иам деи» («Хотя нам»), преданная гласности в феврале 1825 года, вновь осуждала «еретиков-бунтовщиков» в Америке. Чрезвычайный и полномочный посланник И. С. Техада, направленный Боливаром в Рим в 1826 году для решения вопроса о дипломатическом признании, не смог получить аудиенцию у Льва XII, и ему пришлось покинуть Ватикан. Вскоре, однако, новый папа осознал разумность политики своего предшественника. В 1827 году Лев XII утвердил назначения на вакантные епархии в Великой Колумбии всех епископов, представленных совместно колумбийским правительством и главой местной церкви, из числа креолов, а не испанцев, как ранее. Боливар приветствовал это решение папы и считал его большой победой дела независимости. В ноябре 1828 года он обратился к Льву XII с благодарственным письмом. Дипломатическое признание Ватиканом латиноамериканских стран произошло только спустя шесть лет, уже при папе Григории XVI.

БОЛИВАР И РОССИЯ

Советские латиноамериканисты в начале 70-х годов обнаружили несколько подлинных документов С. Боливара, ранее не известных исторической науке. Речь идет о письме Освободителя французскому публицисту и ученому аббату Прадту, найденном в одном из московских архивов, и двух приказах о воинских назначениях, хранившихся в бумагах жителя России польского происхождения Михаля (Мигеля) Роли-Скибицкого. В 1824 году он отправился в Южную Америку сражаться за свободу под знаменем Боливара и находился там до конца 1832 года⁴⁴⁹. Хотя эти находки не принадлежат к числу сенсационных открытий, в корне меняющих представления о выдающихся событиях давно минувших дней,

---

⁴⁴⁷ [447] Цит. по Leturia P. Op. cit. – P. 176

⁴⁴⁸ [448] Bolivar S. – Vol. I. – P. 765

⁴⁴⁹ [449] См. Presencia de Miranda, Bolivar y Paez en los archivos de la URSS. – Moscu, 1976. – P. 49-51

они привлекли внимание специалистов в СССР и за рубежом. Найденные документы добавляют еще один мазок в своеобразную картину точек соприкосновения исторических судеб России и революционного потока борьбы за независимость, во главе которого стоял Боливар.

Могучая северная российская империя не могла не привлекать внимания Боливара, когда он оказался в эпицентре революционных бурь в своей стране. Престиж России уже в начале XIX века был необычайно высок. После наполеоновских войн ей принадлежала одна из решающих ролей в европейской и мировой политике. Точно не известно, как формировались представления молодого Боливара о далекой России. Однако можно высказать следующую гипотезу. Для Боливара одним из важнейших источников сведений о русском обществе, царствующем доме и внешней политике России являлся Миранда. Он пробыл в России 12 месяцев, лично общался с императрицей Екатериной II и ее царедворцами, а после отъезда пять лет, вплоть до вступления в 1792 году добровольцем в армию революционной Франции, находился в контакте с русскими дипломатами за границей и пользовался их покровительством. Мог ли Миранда не поделиться своим «русским опытом» с Боливаром в ходе их многодневного общения и бесед в Лондоне или позднее, в период первой венесуэльской республики? Так или иначе, но «следы» внимания к России можно заметить в дипломатии Боливара периода 1810-1815 годов.

Летом 1811 года в Россию прибыл американский гражданин К. Л. Паркер, который несколько лет жил в Каракасе и имел полномочия от имени Венесуэлы вступить в контакт с правительством России. На основании информации Паркера американский консул в Санкт-Петербурге Л. Харрис в августе 1811 года поставил в известность министра иностранных дел (канцлера) Н. П. Румянцева об отделении провинций Каракас, Венесуэла и вице-королевства Санта-Фе от метрополии, создании там временных правительств, открытии их портов для торговли со всеми дружественными странами и желании установить прямой торговый обмен с Россией ⁴⁵⁰. После этого Румянцев дважды встречался с Паркером и получил от него специальную ноту с детальной характеристикой обстановки в Венесуэле. К ноте был приложен даже список венесуэльских экспортных товаров с указанием цен на них в 1800-1810 годах. Можно ли считать случайной первую попытку венесуэльских патриотов установить отношения с Петербургом? Был ли этот демарш предпринят наобум или же основывался на трезвом учете международной конъюнктуры?

В западной историографии именно политика России в отношении борьбы за независимость испанских и португальских колоний в Америке чаще всего подвергалась односторонней трактовке. Американские историки Д. Перкинс и У. Робертсон в своих исследованиях ограничивались только эпохой «Священного союза». Р. Бартли увидел в политике России прежде всего имперскую экспансию и геополитические замыслы, охватывавшие все Западное полушарие ⁴⁵¹. Сказывалось подчас недостаточное знание документальных источников, и особенно архивных материалов России. Просматривается также влияние идеологизированных подходов. На фоне окрашенной в доминирующий черный цвет легитимистской позиции России в южноамериканском вопросе более благоприятно предстает политика других держав мирового концерта.

Многотомные публикации документов царского правительства в 70-х – 80-х годах и архивные исследования советских ученых позволили более объективно представить внешнеполитический курс России той эпохи, увидеть многообразие интересов великой державы, определявших ее роль в международных делах и корректировавших

---

⁴⁵⁰ [450] См. Исторический архив. – 1962. – № 3. – С. 147

⁴⁵¹ [451] См. Bartley R. H. *Imperial Russia and the Struggle for Latin America Independence. 1808-1830.* – Austin, 1978; Perkins D. *Russia and the Spanish Colonies. 1817- 1818//The American Historical Review.* – Vol. 28. – 1923. – July. – No 4. – P. 656-672; Robertson W. S. *Russia and the Emancipation of Spanish America. 1816-1826//The Hispanic American Historical Review.* – Vol. 21. – 1941.- May. – No 2.- P. 196-221

легитимистские симпатии Александра I.

Так, в 1810-1812 годах, то есть в период от начала борьбы за независимость в испанской Америке и до Отечественной войны русского народа против Наполеона, царское правительство проявляло заинтересованность в установлении контактов с патриотами и налаживании с ними взаимовыгодной торговли. Таким путем оно надеялось смягчить тяжелые последствия для национального хозяйства вынужденного участия России в политике континентальной блокады, проводившейся Наполеоном. Политического табу для отношений с испанской Америкой у Александра I тогда не было. Россия после Тильзита являлась союзницей Наполеона, и, поскольку против французов в Испании велась война, Александр I не считал необходимым поддерживать право испанской монархии на колонии.

Значительная часть русского общества с пониманием относилась к стремлению испанской Америки обрести независимость. «Южная испанская Америка пошла по стопам Северной, – сообщал «Исторический журнал» в 1811 году, – и отпала от твердой земли, коей расстроенное состояние способствовало отважным преднамерениям пылких жителей оной богатой части света» ⁴⁵². Русскому посланнику в Португалии графу Ф. П. Палену Александр I предписывал в августе 1811 года: «Не исключено, что некоторые сторонники независимости колоний будут делать Вам предложения относительно установления связей с Россией... Вы не должны отказываться выслушать их, ограничиваясь, однако, общими заверениями...» ⁴⁵³. Российский император утвердил положение о торговле на 1811 год, допускавшее фактически свободный ввоз колониальных товаров на нейтральных судах. Льготные тарифы предоставлялись для торговцев США и Бразилии.

Дипломатический представитель борющейся Венесуэлы в Лондоне Лопес-Мендес, получив достоверную информацию о принятом Петербургом решении, направил в январе 1812 года, также при посредничестве американского консула Л. Харриса, послание канцлеру Н. П. Румянцеву, в котором содержались просьба о дипломатическом признании Венесуэлы и предложение о взаимном открытии портов для прямого торгового обмена ⁴⁵⁴.

Через три месяца Харрис сообщил Лопес-Мендесу ответ Румянцева. Позиция России к этому времени определилась. В октябре 1811 года по указанию Александра I вопрос об установлении отношений с испанской Америкой рассматривался в Государственном совете России. 21 голосом против 4 было решено воздержаться от такого шага до прояснения обстановки в Новом Свете. Харрис в письме к Лопес-Мендесу излагал заявление Румянцева: царь «проявляет глубокую заинтересованность в прогрессе в направлении самоуправления, который происходит в Южной Америке», но «в настоящее время признание независимости этих провинций... не может получить официальной санкции императора Александра... После того как независимость провинций Южной Америки будет признана Великобританией, он (император России. – Авт.) не колеблясь последует столь достойному примеру» ⁴⁵⁵. Россия находилась на пороге разрыва союза с Францией и в напряженной международной обстановке отдала предпочтение позиции благожелательного нейтралитета.

В годы борьбы с нашествием Наполеона и похода русской армии в Западную Европу России было не до испанской Америки. Заключение союза с Мадридом означало признание прав Испании на ее заморские владения. Но на этом этапе (1812-1816 гг.) Александр I претендовал на лавры просвещенного и либерального монарха, и поэтому

---

⁴⁵² [452] Исторический журнал. – 1811. – Апр. – С. 19-20

⁴⁵³ [453] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. – Серия первая. – Т. VI. – М., 1980. – С. 159

⁴⁵⁴ [454] См. Bolivar y Europa...- P. 941; Rivas R. Op. cit. – P. 35

⁴⁵⁵ [455] Исторический архив. – 1962. – № 3. – С. 129

испаноамериканские патриоты не считали русскую дверь закрытой для них. Вопрос об отношениях с Россией оставался в поле зрения Боливара.

Когда Освободитель в мае 1814 года решил послать в Лондон дипломатических представителей второй венесуэльской республики – Лино де Клементе и Хуана Робертсона, им было предписано по завершении миссии в Англии направиться в другие страны Европы, «наиболее склонные признать и защищать нашу независимость». В инструкциях, в частности, говорилось: «Особенно рекомендуется иметь в виду царский двор России. Его сегодняшние связи с Великобританией и отношения с США могут облегчить решение Вашей задачи и быстро получить результат»⁴⁵⁶. Так в дипломатических документах Боливара впервые появилась далекая Московия, как тогда называли Россию венесуэльцы. Однако напряженность обстановки в Карибах не позволила Клементе и Робертсону добраться даже до Лондона.

В дальнейшем Россия явилась учредительницей «Священного союза» и выступала на международной арене защитницей реакционной монархической системы. Все симпатии Александра I были на стороне Фердинанда VII, а не патриотов. В 1816 году император повелел не допускать ни под каким видом в пределы России дипломатических эмиссаров «мятежников» из Нового Света. Александр I отклонил предложение государственного секретаря США Дж. К. Адамса рассмотреть вопрос о признании главными европейскими державами в подходящей для них форме независимости освободившихся колоний. Российский самодержец усмотрел несоответствие такой акции устоям «великой европейской конфедерации»⁴⁵⁷. Петербург оставил без ответа манифест Сеа. Более того, министр иностранных дел К. В. Нессельроде поспешил успокоить поверенного в делах Испании в Санкт-Петербурге Аргансу и 13 июня 1822 г. заверил его в том, что Россия не собирается признавать независимость испанских колоний в Америке⁴⁵⁸.

Как далеко был готов Александр I идти в защите «законных прав» испанского монарха? Политика России в южноамериканском вопросе складывалась как равнодействующая многих факторов. Помимо легитимизма учитывались интересы русских владений в Северной Америке, англо-русское соперничество в Европе и на Ближнем Востоке, борьба с Францией за влияние в Мадриде, противоречия с Австрией и Пруссией, реальное положение дел в Испании и ее владениях за океаном и т. д. Царское правительство не собиралось ломать копыта за других. Здесь уместно привести документально обоснованный вывод советского историка Л. Ю. Слезкина, посвятившего свой труд исследованию позиции России в отношении борющейся испанской Америки: «Правительство России ни разу не проявляло каких-либо агрессивных намерений в отношении патриотов и не ставило вопросов о вооруженной интервенции европейских держав»⁴⁵⁹. Легитимистский проект Александра I предусматривал помощь Фердинанду VII для сохранения его номинальных прав на колонии путем организации посредничества европейских держав в конфликте между Испанией и ее бывшими колониями. Русские дипломаты того времени были единодушны в оценке бесперспективности притязаний испанского двора восстановить силой старые порядки в отделившихся американских колониях. В депешах русских послов встречаются весьма нелестные оценки личности Фердинанда VII и его политики⁴⁶⁰. Эти депеши из главных

---

⁴⁵⁶ [456] O'Leary D. Op. cit. – Vol. 13. – P. 462

⁴⁵⁷ [457] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. – Серия вторая (1815- 1830 гг.). -Т. III (XI). -М., 1979.- С. 150

⁴⁵⁸ [458] Там же. – Т. IV (XII). – М., 1980. – С. 532

⁴⁵⁹ [459] Слезкин Л. Ю. Указ. соч. – С. 335

⁴⁶⁰ [460] См. Русские дипломаты о войне за независимость в Латинской Америке (Публикация документов

столиц читал не только министр иностранных дел, но и император.

Дипломатические «кухни» России и «Священного союза» были окутаны покровом тайны: встречи монархов «с глазу на глаз», совещания в узком составе «при закрытых дверях», секретная переписка. Информация в ту пору о международных делах распространялась по неофициальным каналам, порождая различные слухи и мифы. Поэтому для Боливара, как и для многих других деятелей, политика российского императора полностью отождествлялась с деятельностью «Священного союза». Имидж России для них ассоциировался только с продажей в 1817 году военных кораблей Мадриду (хотя они едва держались на плаву), с так называемым секретным Веронским договором об интервенции европейских держав в испанскую Америку и удушением буржуазных революций в Италии и Испании.

В связи с неожиданной кончиной Александра I Освободитель в переписке с коллегами трижды возвращался к обсуждению международных последствий этого события. «Известия о смерти Александра подтвердились, – писал он Сантандеру в апреле 1826 года. – Я рассматриваю эту кончину как подарок судьбы для нас... В конечном счете ее последствия могут подорвать «Священный союз», так как ушел в небытие деятель, его вдохновлявший». Позднее Боливар выразил свое мнение о восшествии на российский престол Николая и его циркуляре европейским кабинетам о приверженности доктрине легитимизма. «Вся разница между двумя братьями лишь в именах»⁴⁶¹, – подчеркивал Освободитель. Его анализ подтвердился: Россия признала независимость только бразильской империи, а дипломатические отношения с испаноамериканскими республиками начала устанавливать лишь в конце XIX века.

Иным было отношение либеральной и особенно передовой революционной общественности России к борьбе народов испанской Америки за освобождение и к их руководителям. Реакционно-монархические издания смотрели на события в испанской Америке глазами Мадрида, откуда черпали всю информацию. Лучшие русские журналы – «Сын отечества», «Исторический журнал», «Московский телеграф», прорываясь сквозь цензурные ограничения, публиковали в 20-х годах на своих страницах новости и обзоры событий в Новом Свете, будившие сочувствие к патриотам и вселявшие уверенность в торжестве их справедливого дела. «Симон Боливар, Президент республики Венесуэльской и Генерал-Капитан армий сей республики и Новой Гранады, по справедливости может почитаем быть одним из необыкновенных мужей нашего времени. Мужество, соединенное с некоторым величием в его планах, привязывает к нему армию»⁴⁶², – сообщалось в «Историческом журнале».

Для передовой общественности в далекой России Боливар был «истинно великим человеком и гражданином». Его высоко ценили А. С. Пушкин и декабристы, многие видные писатели и ученые. К. А. Тимирязев говорил в конце XIX века, что Боливар «для поколения наших отцов был чем-то вроде Гарибальди для нашего». Когда в Европе торжествовала легитимистская реакция и подавлялись буржуазные революции 20-х годов, пламя свободы в испанской Америке вдохновляло русских дворянских революционеров. Они выражали восхищение подвигами патриотов и, используя эзопов язык, находили пути легальной пропаганды своей программы революционного переустройства России.

В России тогда даже вошла в моду шляпа «а ля Боливар», что символизировало приверженность к свободомыслию. Именно по этой причине пушкинский Евгений Онегин отдавал предпочтение «боливару». В одном из номеров «Московского телеграфа» на первой

из Архива внешней политики России. 1810-1826)//Новая и новейшая история. – 1966. – № 5. – С. 110- 118

⁴⁶¹ [461] Bolivar S. – Vol. II. – P. 354, 358, 419

⁴⁶² [462] Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света, на 1820 год. – 1820. – Июнь. – С. 206

странице однажды появился портрет Боливара. Его издатель Н. А. Полевой назвал Освободителя «человеком выше человеческого».

Таким образом, несмотря на огромные расстояния, разделявшие Россию и Новый Свет, свободолюбивые идеи Боливара находили отклик у лучшей части русского общества.

НЕПРИМИРИМЫЙ ФЕРДИНАНД

В европейской политике Боливара особое место занимал вопрос о мире с Испанией. Официальное прекращение состояния войны и признание Мадридом независимости бывших колоний не только укрепили бы завоеванный ими суверенитет, но и устранили бы препятствия для нормализации отношений со всеми государствами Европы. Дипломатия Боливара, налаживая связи с Англией, Францией, Голландией, Ватиканом и другими странами Старого Света, всегда помнила о Мадриде: ослабить поддержку со стороны Европы непримиримого Фердинанда VII, использовать посреднические услуги или влияние Англии, например для начала переговоров о мире с Испанией.

Победа буржуазной революции в Испании в 1820 году, казалось, открыла возможности для примирения. В 1822 году Гуаль получил конфиденциальную информацию о решении испанских кортесов послать мирную миссию в Америку. Боливар проявил огромный интерес к этому известию. «Я не сомневаюсь, что нас признают Испания и другие государства и скоро воцарится мир», – писал Боливар. Он просил Гуаля держать его полностью в курсе будущих переговоров, а Сантандеру направил указание ни на йоту не отступать от принципиальной позиции. Никаких сепаратных сделок между Мадридом и отдельными независимыми государствами региона – Испания должна признать независимость всех и одновременно 463.

Когда в конце 1822 года посланцы кортесов наконец прибыли в испанскую Америку, выяснилось, что они не имели полномочий для переговоров о мире. Мадрид предлагал заключить только соглашение о новом перемирии на 16 месяцев. В течение этого срока предполагалось начать переговоры об установлении мира. Боливар считал необходимым использовать и этот шанс 464. В частности, он выдвинул компромиссное предложение: заключить перемирие сроком на 20 лет. Восстановление французскими интервентами абсолютной монархии в Испании сорвало переговоры.

Последний период правления Фердинанда VII (1823- 1833 гг.) вошел в историю под названием «черного десятилетия». Разгул реакции достиг апогея. Сам король все больше погружался в трясину дворцовых интриг, а государственные дела вершила камарилья. Фердинанд VII отклонил последнюю попытку европейских держав сыграть роль посредников (переговоры 1823-1825 гг.). Он не хотел и слышать об уступках испанской Америке. Фердинанду VII приписывали такое изречение, сказанное в назидание министрам правительства: «Я готов отрубить свою руку, если она поднимется утвердить признание независимости колоний». В королевском дворце строились химерические планы реконкисты испаноамериканских стран. На Кубе колониальные власти по указанию Мадрида вели интенсивную подготовку военных экспедиций на континент.

Боливар внимательно следил за происками мадридского двора. Их нельзя было упускать из виду. В мае 1826 года Освободитель сообщил генералу Г. Фуэнте о том, что, по поступившим сведениям, на Кубе «продолжается концентрация испанских войск и военных кораблей с несомненной целью вторжения в Колумбию», и советовал ему быть начеку: «Что о нас будут говорить, если мы позволим испанской экспедиции застать нас врасплох?» 465.

---

463 [463] См. Bolivar S. – Vol. I. – P. 652-653, 714; O'Leary D. Op. cit. – Vol. 19. – P. 402

464 [464] См. Bolivar S. – Vol. I. – P. 802-803; O'Leary D. Op. cit. – Vol. 20. – P. 419

465 [465] Bolivar S. – Vol. II. – P. 357-358

Опасения Боливара не были беспочвенными. Позднее испанцы предприняли попытку вторгнуться с Кубы на территорию Мексики, но были быстро разгромлены.

Для укрепления единого фронта испаноамериканских государств против Фердинанда VII Освободитель предложил обсудить «испанский вопрос» на Панамском конгрессе. В случае успеха освободительной экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико он считал возможным предпринять попытку помочь братскому испанскому народу сбросить со своих плеч тирана, то есть направить освободительную экспедицию в Испанию. Единодушное одобрение такого плана Панамским конгрессом, надеялся Боливар, заставит Фердинанда VII пойти на мирные переговоры. Гуаль открыто заявлял в Панаме, что следует до такой степени напугать Мадрид, чтобы король сам запросил мира ⁴⁶⁶. В то же время Боливар отрицательно относился к обсуждавшимся неофициальным предложениям выкупить у Испании признание независимости молодых государств за 200 млн. золотых песо. «За такие огромные деньги можно завоевать всю державу Бурбонов, – говорил Освободитель. – Патриоты оплатили свою свободу пролитой кровью, и они не должны платить выкуп королю» ⁴⁶⁷.

Намерение дипломатии Боливара оказать давление на Мадрид не означало отказа от проекта освободительной экспедиции в Испанию. Собрать многотысячную армию и перебросить ее через океан испаноамериканским государствам, разоренным длительной войной, вряд ли было по силам. Но снарядить небольшую экспедицию «солдат свободы» наподобие той, которая в свое время отплыла из Гаити в Венесуэлу, и направить ее к берегам Испании, чтобы поднять народ этой страны на борьбу, было вполне возможно и отвечало традициям патриотов. Разброд среди государств региона после Панамского конгресса и нарастание внутренних трудностей не позволили приступить к реализации этих планов.

Окончательный разгром испанской королевской армии на плато Аякучо Боливар считал прологом к мирным переговорам с Мадридом. В письме к Каннингу в январе 1827 года он выражал надежду, что «окончание войны с Испанией принесет мир Америке» ⁴⁶⁸. Но Освободителю не суждено было дожить до этого часа. Только в 1836 году, три года спустя после кончины Фердинанда, испанские кортесы одобрили решение о начале переговоров с испаноамериканскими государствами с целью заключения договоров о мире и дружбе. Эти переговоры были трудными и долгими. Первой добилась признания Мадридом своей независимости Мексика (1836 г.), последним – Гондурас (1894 г.).

Последние усилия

*Независимость – единственное достижение, которого мы добились за счет всех остальных благ.
Симон Боливар*

АНДСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ: ПРОИГРАННОЕ СРАЖЕНИЕ

Боливар вернулся в Боготу в ноябре 1826 года после пятилетнего отсутствия. В манифесте к населению республики он извещал граждан о взятии на себя всей полноты президентской власти. Как быстро пролетели эти годы на отдаленном театре военных

---

⁴⁶⁶ [466] См. Webster C. K. (Ed.) Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc. – Vol. I. – P. 415

⁴⁶⁷ [467] Цит. по Acosta Saignes M. Op. cit. – P. 426

⁴⁶⁸ [468] Bolivar S. – Vol. II. – P. 541

действий и за созидательным трудом по государственному строительству в Перу и Боливии! Как много изменилось за это время в дорогой его сердцу Великой Колумбии! Нет, не случайно Сантандер и другие близкие соратники слали ему в Лиму тревожные письма и призывы скорее возвратиться домой. Страна быстро вползала в глубокий кризис.

Уже отгремели торжественные салюты по случаю победы над Испанией, и во всей своей неотвратимости встал вопрос: куда идти дальше? Для Боливара не существовало двух мнений на этот счет: «Наш выбор сделан, и отступление означает слабость и гибель для нас всех. Мы должны победить, следуя по пути революции и только этим путем»⁴⁶⁹. От этого кредо Освободитель не собирался отступать, столкнувшись с новыми сложными проблемами в условиях перехода Великой Колумбии от войны к миру. Предстояло действовать при невероятном нагромождении неблагоприятных обстоятельств.

Из всех испаноамериканских стран Великая Колумбия внесла самый весомый вклад в разгром колонизаторов, но и понесла, пожалуй, самые большие потери. При численности населения в 3,5 млн. она потеряла только убитыми около 600 тыс. А сколько осталось покалеченных и инвалидов? Огромность этих потерь можно осознать, если сравнить с потерями Франции за двадцатилетнюю эпоху наполеоновских войн – 1,2 млн. из общего числа жителей в 30 млн.⁴⁷⁰

Длительная война подорвала хозяйство Великой Колумбии: разоренные города, заброшенные плантации, почти замершая торговля. Более дешевые изделия «мастерской мира», а также США и Франции, наводнившие внутренний рынок, обрекали на банкротство ремесленников и других местных производителей. Жесточайшая нужда воцарилась в пострадавших сельских районах и бедняцких кварталах городов. Правительственная казна была пуста. Хроническая нехватка финансовых средств подрывала эффективность государственных мероприятий. В народных массах, остававшихся неграмотными и бесправными, зрел неосознанный стихийный протест – благодатная почва для разного рода демагогов и любителей разжечь националистические страсти.

Обстановка в стране накалялась также в связи с поляризацией политических сил. Размежевание началось на следующий день после победы над Испанией. Образно и глубоко выразил Пабло Неруда социальную драму Великой Колумбии и других молодых государств региона: «Еще не свернуты знамена, еще солдаты не уснули, свобода вдруг переделалась и собственностью обернулась»⁴⁷¹.

Между новым правящим классом и радикальным крылом патриотов возник острый антагонизм. Латифундистская олигархия, креольская аристократия, крупные торговцы и нувориши, чиновничья бюрократия уже больше не нуждались в таких деятелях, как Боливар, людях строгих правил, гражданской доблести, бескорыстной преданности высоким идеалам. Эти круги хотели пользоваться всеми благами независимости только для себя и без всяких помех. Социальное реформаторство Освободителя противоречило их практическому здравому смыслу крупных собственников. Им не было никакого дела до народного блага. Военный диктатор – каудильо, способный держать трудовой люд в узде, представлялся для них идеальным правителем. Стремления таких каудильо создать свои вотчины порождали сепаратистские настроения и центробежные тенденции в различных провинциях большого государства.

Боливар с горечью видел, что лагерь патриотов, еще недавно сплоченный исторической задачей национального освобождения, оказался расколотым на враждующие группировки. Этот процесс захватил и освободительную армию, которая в то время являлась наиболее

---

⁴⁶⁹ [469] Bolivar S. – Vol. I. – P. 444

⁴⁷⁰ [470] Simon Bolivar. Libertador de la America del Sur... – P. 296

⁴⁷¹ [471] Неруда Пабло. Собрание сочинений. – Т. 3. – М., 1979. – С. 160

организованным патриотическим институтом, опиравшимся на народную поддержку. Массы военных, увольняемых из армии в силу финансовых трудностей, оказывались без средств к существованию и распродавали за бесценок полученные за службу земельные участки, а разбогатевшие и удачливые высшие офицеры с замашками каудильо переходили на службу к новым хозяевам жизни. Еще вчера все они были товарищами по оружию и вместе делили тяготы походной жизни, а сегодня оказывались на разных ступенях социальной лестницы.

Как уже не раз случалось в истории, революционная волна откатилась и оставила на поверхности мусор: охотников за наживой, беспардонных искателей богатств, спекулянтов и политических честолюбцев, рвущихся к власти. Вспыхнувшие междоусобицы грозили развязать разрушительную стихию политической анархии.

Безрадостную картину дополняла тревожная обстановка на границах Великой Колумбии. Из Кубы поступали сообщения о подготовке испанских сил вторжения на континент. Императорская Бразилия посягала на территориальную целостность своих соседей, временно оккупируя некоторые из их провинций. Став новым центром международной активности регионального масштаба, Богота во второй половине 20-х годов привлекла особое и, как мы убедимся далее, совсем не доброжелательное внимание дипломатии великих держав.

Увиденное не поразило Боливара, подобно грому среди ясного неба, хотя всю глубину кризисных явлений он, возможно, еще до конца и не осознавал. Он продолжал верить в свою звезду. Слава его не померкла, а физические силы не были надломлены. Во всех городах, где он останавливался на пути из Лимы в Боготу, население чествовало его, как героя. Жители столицы Великой Колумбии устроили Освободителю восторженную встречу. Тем не менее если обратиться к преобразовательской деятельности Боливара в Перу и Боливии после победы на плато Аякучо (декабрь 1824 г.) и до отъезда из Лимы (сентябрь 1826 г.), то становятся очевидными два момента, тревоживших Освободителя: всплеск негативных явлений, после того как общая цель – свержение колониального гнета – была достигнута, и поиски новых путей и средств стабилизации положения.

В Боготу Боливар вернулся, уже имея продуманную программу действий. Это был план создания Андской федерации. Исходным моментом послужила неудовлетворенность Освободителя результатами Панамского конгресса. Начиная с середины 1826 года Боливар при личных контактах и в переписке с Сукре, Сантандером, Паэсом, перуанскими генералами Санта-Крусом, Фуэнте и другими активно обсуждал основополагающие принципы и конкретные пути создания Андской федерации. Изначально рассматривалась идея включить в федерацию все страны, расположенные вдоль горной цепи Анд – от Мексики до Чили. Затем появился северный вариант – союз Великой Колумбии, Центральной Америки и Мексики. Эти три страны в силу географической близости к США больше, чем другие страны региона, страдали от гегемонистских притязаний Вашингтона. В конечном счете предпочтение было отдано объединению трех государств – Великой Колумбии, Перу и Боливии, освобожденных от испанского гнета совместными усилиями их народов под руководством Боливара. Главная цель – «обеспечить свободу Америки, сплоченной на основе порядка и стабильности»⁴⁷², – говорил Боливар.

Лучше всех план Андской федерации знал его главный архитектор – Боливар, и ему следует предоставить слово. «После долгих раздумий и консультаций с очень знающими людьми, – писал он в мае 1826 года, – мы пришли к убеждению, что единственным лекарством против этого страшного зла (политической анархии. – Авт.) является учреждение общей федерации Боливии, Перу и Колумбии, более сплоченной, чем федеративное государство Соединенные Штаты. Управлять ею призваны президент и вице-президент, исходя из боливийской Конституции, которая может служить основным законом как для федерации, так и для ее составных частей при внесении необходимых для этого изменений...

---

⁴⁷² [472] Bolivar S. – Vol. II. – P. 368, 364-365, 367

Освободитель в качестве верховного главы будет ежегодно совершать поездки по департаментам объединившихся государств. Столицу следует разместить в географическом центре. Колумбии предстоит разделиться на три государства: Кундинамарку, Венесуэлу и Кито... Будут один общий флаг, единая армия и единое государство для всех».

Как видно, речь шла не о механическом слиянии трех государств, а о глубоком преобразовании их государственно-общественных учреждений и создании новой структуры. «Максимально возможное единство при федеральной форме», – пояснял Освободитель свой замысел.

План Андской федерации имел два аспекта. Первый, внутривластный, аспект предусматривал закрепление уже достигнутых завоеваний, углубление социальных реформ, создание сильных, авторитетных правительств и преодоление сепаратистских настроений при внимательном учете выявившихся объективных тенденций к национальному обособлению. Отдельные части федерации сохраняли право самостоятельно решать все вопросы экономического развития, административного управления, юридического порядка, религии и т. д.

Второй, международный, аспект отражал убежденность Боливара в необходимости предотвратить дробление испанской Америки на большое число слабых и разобщенных государств, обреченных стать игрушками в руках великих держав. Центральное правительство Андской федерации предполагалось наделить действенными полномочиями распоряжаться финансами, вести военными вопросами и выступать от имени всех на международной арене. Связанная союзными отношениями с другими крупными государствами региона (Мексикой, Чили, Ла-Платой), Андская федерация могла обрести весомый голос в мировых делах.

Строительство Андской федерации, по замыслу Освободителя, следовало начинать с Боливии и Перу, так как еще недавно они составляли единое целое, являясь двумя частями одного вице-королевства (Нижнее и Верхнее Перу), и «испытывают взаимное притяжение». В случае успеха «Колумбии не останется ничего другого, как последовать единственно возможной дорогой к спасению». При внимательном изучении всех высказываний Освободителя видно, какое большое значение он придавал использованию в Андской федерации принципов государственного устройства, заложенных в Конституции Боливии.

Проект основного закона для страны, названной в его честь, Боливар готовил в непрерывных раздумьях о трудных исторических судьбах испанской Америки. Этот документ не являлся только продуктом умозрительного кабинетного творчества. После окончания военных действий против Испании Боливар в 1825 году совершил полугодовую поездку по Нижнему и Верхнему Перу, посетив города Арекина, Куско, Ла-Пас, Потоси, Чукисака (позднее переименован в город Сукре). Повсюду на встречах с городскими властями и представителями различных слоев населения Освободитель обсуждал вопросы наилучшего государственного устройства и удовлетворения народных чаяний. При посещении высокогорного озера Титикака, считающегося священным у местных жителей, Боливар беседовал с делегацией индейцев. Ее глава вождь Чокеуанка поведал ему о положении коренного населения страны. Учредительный конгресс Боливии, созданный после ее освобождения армией Сукре, по инициативе Боливара одобрил законы об освобождении индейцев от принудительной трудовой повинности и подушного налога, о предоставлении им равных гражданских прав с креолами и т. д.

В проекте конституции Боливии Освободитель отразил свой политический опыт последнего десятилетия и сформулировал ряд новых принципов построения просвещенного, социально справедливого, авторитетного государства, адресованных не только Боливии, но и другим странам региона, вовлеченным в интеграционный процесс. Обратимся к этому документу и пояснениям, данным Боливаром в его послании к Учредительному конгрессу Боливии от 25 мая 1826 г. Сильную власть олицетворял пожизненный президент с правом избрания своего преемника – «высшее проявление, – по словам Боливара, – республиканских

порядков»⁴⁷³. Гарантией против превращения этого института в тиранию был призван служить трехпалатный конгресс, особенно его палата цензоров, наделенных политической и моральной властью контроля за соблюдением конституции и других законов. Учреждалась также особая «избирательная власть» для более полного волеизъявления народа. Такая система государственного устройства сможет, полагал Боливар, в латиноамериканской действительности наилучшим образом обеспечить политическую стабильность и претворить в жизнь принципы равенства и социальной защиты от олигархии широких масс населения. «Я оставил в неприкосновенности закон законов – равенство, потому что без него мертвы все гарантии, все права. Во имя равенства мы должны соглашаться на жертвы»⁴⁷⁴, – подчеркивал он.

Эксплуататорская верхушка встретила в штыки намерения Освободителя идти дальше по пути углубления преобразований и ограничения ее политического господства. В лагере патриотов далеко не все видели смысл и необходимость в новых законодательных начинаниях Боливара. Некоторые считали, что эти проекты исходили не из реальности, а из абстрактных идеалов гуманизма, свободы и равенства и являлись, следовательно, социальной утопией. Другие участники борьбы за независимость усматривали в них новое издание идей «просвещенного абсолютизма», когда узкая элита думает и правит от имени народа, но без его участия. Ведь по боливийской Конституции неграмотные не получали избирательных прав, а это означало отстранение от политической жизни 95 % всего населения. Можно ли было таким путем создать реальные рычаги народовластия?

Но не будем строго судить Боливара. Народ мало что знал в те времена о преобразованиях Освободителя и его благородных, бескорыстных устремлениях. С помощью демагогии, пробуждая религиозный фанатизм, олигархическим кругам не раз удавалось использовать темноту и политическую неразвитость масс в своих интересах. Поэтому трудно было рассчитывать на конструктивное давление на власть снизу, со стороны миллионов рядовых латиноамериканцев. Боливар знал о препятствиях и сопротивлении. Но он имел поддержку тех, кто боролся за свободу под его знаменем, и надеялся выиграть битву за создание Андской федерации.

Учредительный конгресс Боливии в октябре 1826 года одобрил конституционный проект Освободителя и избрал президентом Сукре, оваянного славой «маршала Аякучо». Вскоре, 15 ноября 1826 г., представители Боливии и Перу скрепили своими подписями договор об объединении двух стран на принципах федерации, которому позднее, однако, не суждено было успешно пройти процесс ратификации. Первый барьер был преодолен. Но в Перу Боливар не успел полностью осуществить задуманное. Уезжая из Лимы, он поручил своим сторонникам довести дело до конца. Через месяц после возвращения в Колумбию Освободитель получил обрадовавшее его известие: перуанский конгресс 9 декабря 1826 г. принял в качестве основного закона страны боливийскую Конституцию, внося в нее лишь некоторые изменения. Теперь предстояло взять третий, последний и, пожалуй, самый трудный барьер. За время его пятилетнего отсутствия «партия Сантандера» укрепила свое влияние в Колумбии. Сторонники вице-президента выступали под лозунгами сивилизма, то есть за гражданские и демократические формы правления по образцу США. Это делало их принципиальными противниками политического проекта Боливара и плана Андской федерации. Предстояла непростая борьба. В этот момент Освободитель получил удар в спину: развитие Событий в Перу и Боливии приняло непредвиденный оборот.

После волнений, вспыхнувших в частях колумбийской армии, расквартированных в районе Лимы, и их отъезда на родину в марте 1827 года в Перу резко активизировались противники Боливара. Они настояли на проведении новых выборов, созвали так называемый

---

⁴⁷³ [473] Боливар С. Указ. соч. – С. 142

⁴⁷⁴ [474] Bolivar S. – Vol. III. – P. 764

второй независимый конгресс и провели на нем решение об отмене Конституции. Вместо нее был принят временный Основной закон и проведены выборы президента. Этот пост занял генерал Ла-Мар, типичный представитель лагеря попутчиков освободительного движения, весьма многочисленных в Перу и Боливии. Хосе де Ла-Мар-и-Кортасар (таково его полное имя) родился в провинции Кито и долгие годы служил в испанской королевской армии, был комендантом крепости Кальяо в Перу. Только в 1821 году он перешел на сторону патриотов и участвовал в битве при Аякучо, командуя отрядом перуанцев. По свидетельству перуанских историков, его отличали «зависть к авторитету и славе Сукре и ненависть к колумбийцам»⁴⁷⁵. Добившись поста президента Перу, Ла-Мар решил, что пробил его час.

Первым делом он двинул 5-тысячную перуанскую армию к границам Боливии. Ее командующий генерал А. Гамарра также принадлежал к числу попутчиков. Он с готовностью выполнил поручение Ла-Мара потребовать от боливийского конгресса переизбрания президента и принятия новой конституции. В мае 1828 года перуанские войска вторглись на территорию Боливии. В Чукисаке вспыхнули волнения в столичном гарнизоне. Все это вынудило Сукре оставить президентский пост и уехать на родину. В январе 1829 года президентом Боливии стал генерал А. Санта-Крус, участвовавший вместе с Ла-Маром в антиболиварской кампании в Перу.

Успех вскружил Ла-Мару голову. Временный президент Перу решил погреть руки на старом перуано-колумбийском территориальном споре и выдвинул претензии на южные провинции Великой Колумбии и Гуаякиль. Он рассчитывал на легкий успех, поскольку в Великой Колумбии обострилась внутривластная обстановка, а заодно надеялся укрепить свою власть, разжигая шовинистические настроения. Колумбийский посланник в Лиме К. Армеро был обвинен в антиправительственном заговоре и в июне 1827 года выслан из Перу. Перуанский посланник в Боготе Х. Вилья, ссылаясь на отсутствие инструкций, блокировал все попытки обсудить возникшие проблемы. Правительство Великой Колумбии не видело смысла в его дальнейшем пребывании в Боготе и вручило Вилье его паспорт. Отъезд перуанского посланника означал окончательный разрыв дипломатических отношений между двумя странами.

Аргентина, Чили и США предложили свои посреднические услуги для урегулирования конфликта. Их усилия не принесли плодов. Между Колумбией и Перу началась «холодная война» – обмен правительственными заявлениями, в которых и с той, и с другой стороны допускались ненужные переხлесты. В последний момент Боливар направил для переговоров в Лиму своего адъютанта О'Лири, не раз успешно выполнявшего сложные дипломатические поручения, но тот не успел добраться до столицы Перу. В июне 1828 года «холодная война» между Перу и Великой Колумбией переросла в вооруженный конфликт. В своем манифесте к народу колумбийское правительство заявило: «Колумбия вовлечена в войну против своей воли. Ей не нужна победа, добытая пролитием американской крови. Она будет избегать военных действий столь долго, как это окажется возможным, и всегда будет готова выслушать предложения о мире, совместимом с честью и достоинством ее народа»⁴⁷⁶. И этот призыв к миру остался без ответа.

Война приняла нешуточный характер. Используя временное превосходство в силах, Ла-Мар во главе 4-тысячной армии занял эквадорскую провинцию Лоха. В январе 1829 года комбинированным ударом с моря и суши перуанцы овладели Гуаякилем. Боливару пришлось направить для руководства колумбийскими войсками маршала Сукре. «Этот генерал сумеет обеспечить нам мир или победу»⁴⁷⁷, – говорил он. Показательно, что в своем высказывании

---

⁴⁷⁵ [475] Valcarse D. y otros autores. Historia general de los peruanos. – Vol. 3. – Lima, 1973. – P. 103

⁴⁷⁶ [476] O'Leary D. Op. cit. – Vol. 26. – P. 345-346

⁴⁷⁷ [477] Bolivar S. – Vol. III. – P. 43

Освободитель на первое место поставил не победу, а мир. Сукре пытался уладить конфликт мирным путем, но Ла-Мар оставался непреклонным. В феврале 1829 года меньшая по численности колумбийская армия под командованием Сукре в сражении при Тарки разгромила войско Ла-Мара. Не желая продолжения войны, Сукре предложил великодушные условия примирения. Перуанцы должны были возвратить Гуаякиль и другие оккупированные территории, выплатить 150 тыс. песо возмещения и передать Колумбии один военный корабль – корвет «Пичинча». Ла-Мар принял эти условия. Окончательный мирный договор был подписан в октябре 1829 года. Стороны согласились установить границу по линии, разделявшей две страны до начала борьбы за независимость в 1809 году⁴⁷⁸.

В братоубийственной перуано-колумбийской войне не было победителей. Военная авантюра стоила Ла-Мару президентского кресла, с которого он был смещен своими генералами. Боливар и Сукре не испытывали радости. Война явилась последним звеном в цепи событий в Перу и Боливии, взорвавших проект Андской федерации. Политическое поражение Освободителя эхом отозвалось в Великой Колумбии, ускорило ее крушение.

РАСПАД РЕСПУБЛИКИ ВЕЛИКАЯ КОЛУМБИЯ

Усиление сепаратистских тенденций, прежде всего в Каракасе и Кито, и вмешательство иностранных держав во внутренние дела Великой Колумбии породили острый политический кризис в республике. Во всех трех составных частях Великой Колумбии оформились свои национальные течения и «партии». На севере действовали венесуэльские сепаратисты во главе с Паэсом, в центре – сторонники Сантандера и на юге – эквадорские поборники самостоятельности Кито, не говоря уже о различного рода каудильо провинциального масштаба. Каждое из этих течений имело своего лидера и свои политические ориентиры, где преобладали местнические интересы и личностные амбиции. Их было трудно, если не невозможно, примирить. Роднило их только одно – борьба против Боливара и радикального крыла патриотического лагеря, выступавших носителями идеалов единства, социальных преобразований и государственной целостности Великой Колумбии. Персонифицированным проявлением глубинных противоречий явилась конфронтация в «треугольнике» Боливар-Паэс-Сантандер. Эти три деятеля оказались в то же время в силовом поле другого «треугольника», который образовали соперничавшие друг с другом Вашингтон, Лондон и Париж. В отличие от эпохи войны за независимость США, Англия и Франция уже не играли роль сторонних наблюдателей событий в Великой Колумбии. Каждая из этих держав имела здесь свои «ставки». Французская миссия Ч. Брессона в Боготу, визит английского адмирала К. Э. Флеминга в Венесуэлу и необычная «активность» американского посланника У. Гаррисона вышли далеко за рамки нормальной дипломатической деятельности, что послужило основанием для историков выдвинуть версию об «иностранном заговоре» против Великой Колумбии.

Цепную реакцию внутривнутриполитических осложнений вызвало открытое неповиновение Паэса центральному правительству Великой Колумбии. Накануне возвращения Боливара Богота посчитала действия Паэса в Венесуэле по пресечению междоусобиц и невыполнение им указаний центра нарушением Конституции. Сантандер, замещавший Боливара, потребовал от Паэса явиться в Боготу и представить объяснения. Паэс отказался⁴⁷⁹.

Выдающийся представитель следующего поколения латиноамериканских революционеров – Хосе Марти назвал Паэса «самым отчаянным и, пожалуй, самым

---

⁴⁷⁸ [478] См. *Historia extensa de Colombia*. – Vol. XII. – Bogota, 1965. – P. 291-292

⁴⁷⁹ [479] См. Paez J. A. *Op. cit.* – P. 328-329

необыкновенным из героев борьбы за независимость»⁴⁸⁰. Смелый до безрассудства вожак льянерос из неграмотных пеонов выдвинулся в крупные военачальники и своим вкладом в разгром испанских колонизаторов на территории Венесуэлы завоевал немалую популярность. Так и не выучившись грамоте, Паэс стал заметной политической фигурой в Венесуэле, лидером местных сил, бросавших вызов руководству Боготы. Логика возникшего конфликта с Сантандером вела Паэса дальше по пути сепаратизма. Он отказался признавать Конституцию Великой Колумбии, принятую в Кукуте в 1821 году, ввиду ее «устарелости». В ноябре 1826 года его сторонники обнародовали манифест, провозгласивший Венесуэлу самостоятельным государством. Созванная ими Национальная ассамблея объявила Паэса верховным главой гражданских и военных властей Венесуэлы. Действия сепаратистов не встретили всеобщего одобрения. Из семи провинций Венесуэлы только Карабобо, Каракас и Апуре поддержали Паэса. Многие известные политические деятели, Х. Б. Арисменди, Х. Ф. Бермудес, П. Брисеньо-Мендес и другие, остались верными центральному правительству. Паэс оказался перед перспективой борьбы на два фронта: против Боготы и сторонников Боливара в Венесуэле.

После возвращения в Боготу у Боливара не было времени для долгих раздумий. Сантандеристы требовали соблюдения законности и наказания отступников, посягнувших на Конституцию 1821 года. Паэс в своих посланиях Боливару возлагал всю ответственность за конфликт на Сантандера. В считанные дни Освободитель принял самые неотложные меры для укрепления администрации и упорядочения финансов и 25 ноября 1826 г. выехал в Венесуэлу, вновь доверив полномочия главы государства

Сантандеру, уже не скрывавшему своего настороженного отношения к намерениям Боливара. Оправданным ли было это компромиссное решение? Ведь всего лишь несколько дней назад при обсуждении в правительстве плана создания Андской федерации дороги президента и вице-президента, пожалуй, впервые открыто разошлись. Несмотря на возражения Сантандера, предложение Боливара получило одобрение правительства. Не здесь ли «служитель Закона», как нередко называли Сантандера, принял окончательное решение возглавить в Колумбии борьбу против проекта Боливара, усмотрев в нем мину против «либеральной демократии» колумбийского государства?

По пути в Маракайбо Боливар провел все необходимые приготовления на случай военного конфликта с Каракасом, но он не хотел пролития братской крови. Из Маракайбо он проследовал в Пуэрто-Кабельо. Этой крепостью командовал один из его самых преданных последователей – генерал Брисеньо-Мендес. Под защитой неприступных крепостных стен Освободитель провел бессонную ночь, обдумывая свое решение. Каково было отношение Боливара к кумиру сепаратистов в Венесуэле? «Генерал Паэс, мой друг, – высказался однажды Освободитель в узком кругу, – является самым честолюбивым и самым тщеславным человеком в мире... Его ослепляет гордость от неведения. Он всегда будет игрушкой в руках своих советников»⁴⁸¹. Здесь Боливар явно заблуждался. Паэс не был столь ординарной личностью. В этом очень противоречивом человеке под покровом политических амбиций таились недюжинные способности. Если бы оценка Боливара была верной, вряд ли Паэсу удалось бы в 1830-1863 годах трижды занимать президентское кресло в Венесуэле, содействовать экономическому развитию страны, осуществить некоторые антиклерикальные преобразования. Правда, к концу своей жизни Паэс оказался в лагере ярых консерваторов.

Не с недооценки ли Паэса как политического противника началась, как считают многие историки, цепь политических злоключений Боливара, завершившихся трагическим финалом? 1 января 1827 г. Освободитель объявил амнистию всем участникам сепаратистского

---

⁴⁸⁰ [480] Marti J. Obras completas. – Т. 5. – La Habana, 1963. – P. 281

⁴⁸¹ [481] Peru de Lacroix L. Op. cit. – P. 75

движения в Венесуэле. Паэсу он предложил компромисс: герой льянос признает верховенство президента и Освободителя, торжественно обязуется в будущем выполнять все распоряжения Боготы. При этом он сохраняет вместе с титулом верховного руководителя всю полноту гражданской и военной власти в Венесуэле. Примирение состоялось, и все облегченно вздохнули: призрак гражданской войны отступил. При личной встрече Боливар и Паэс дружески обнялись. В прокламации к колумбийцам 3 января 1827 г. Освободитель возвестил «конец господства зла» и пришествие «праздника свободы, мира и счастья» 482.

Праздник действительно наступил. Каракас, родной город Боливара, встречал его торжественно и пышно. Украшенные гирляндами цветов арки на улицах, приветственные возгласы горожан, запрудивших улицы, банкеты и блестящие балы, хвалебные речи. Сбросив тяжкий груз с плеч, Боливар искренне радовался, купался в лучах славы и с наслаждением, как в молодые годы, танцевал. В эти дни состоялась свадьба одной из племянниц Освободителя, на которой веселился весь Каракас. Предчувствовал ли Боливар, что краткий праздник был последним в его жизни? В один из торжественных моментов Освободитель преподнес Паэсу в дар свою шпагу. Герой льянос ответил пылкой клятвой: «Сограждане! Шпага Боливара в моих руках. Ради вас и Освободителя я пронесу ее в вечность» 483. Как известно из истории, такие клятвы так же легко нарушаются, как и даются.

Боливар пробыл в Каракасе полгода. Радостное настроение долго не покидало его, и он весь ушел в бурную административную деятельность по наведению порядка на своей родине. Понятно стремление Освободителя укрепить свой тыл. Но порой возникало и такое ощущение, что, не признаваясь самому себе, он инстинктивно откладывал отъезд в Боготу, где его ждали новые испытания. Может быть, сквозь магический кристалл подсознания Боливар уже тогда различал за завесой будущего свою Голгофу?

Когда прошла эйфория примирения, многие в окружении Освободителя заговорили о чрезмерно высокой цене компромисса. Паэс в 1826 году еще не имел на своей стороне большинства политических сил Венесуэлы, и его положение было уязвимым. Авторитет же Боливара оставался очень высоким. Стоило ли во всем уступать Паэсу? Но даже не это ставили в упрек Освободителю. Боливар, хотя бы морально, не осудил венесуэльских сепаратистов. Более того, он объявил Паэса «спасителем Республики». Тем самым, считали его критики, Освободитель приоткрыл крышку страшного ящика Пандоры.

Иностранные дипломаты, находившиеся в то время в Боготе, пессимистически оценивали перспективы политических судеб Великой Колумбии. Поверенный в делах США в Боготе Б. Уаттс в донесении государственному секретарю Г. Клею в июне 1827 года сообщал: «Наиболее вероятный исход – отделение крупных провинций Кито, Кундинамарки и Венесуэлы и превращение их в самостоятельные государства» 484. Такой же прогноз, и, видимо, не сговариваясь, шифрованной депешей направили в Лондон Каннингу английские представители. Следует подчеркнуть, что эти дипломаты не принадлежали к стану противников Боливара. Освободитель им доверял и поддерживал с ними дружественные отношения, информировал их о своих планах.

Боливар был намерен противостоять центробежным тенденциям решительно и до конца. «Я не собираюсь... председательствовать на похоронах Великой Колумбии» 485, – говорил он. Вернувшись в Боготу в сентябре 1827 года, он стал добиваться созыва

---

482 [482] Bolivar S. – Vol. III. – P. 779

483 [483] Paez J. A. Op. cit. – P. 374

484 [484] Manning W. R. (Ed.) Op. cit. – Vol. II. – P. 1319

485 [485] Bolivar S. – Vol. II. – P. 491

Национального конвента для пересмотра Конституции 1821 года и создания новых государственных институтов в духе боливийской Конституции. Таким виделся Освободителю путь к преодолению политического кризиса и обеспечению национального примирения.

В это время произошел окончательный разрыв между Боливаром и Сантандером. Идеи и политические противоречия переросли в открытую конфронтацию. Полярность характеров придала взаимоотношениям двух деятелей окраску непримиримости, а занимаемое ими высокое положение в государстве превратило их конфликт в фактор не только внутривластной, но и международной жизни. До сих пор продолжаются споры о причинах разрыва между первым и вторым лицами Великой Колумбии и его влиянии на исторические судьбы страны. Для одних исследователей это трагическая дуэль двух политических лидеров-соперников. Находясь вдали друг от друга, они успешно сотрудничали, а оказавшись вместе, не смогли найти общего языка. Другие видят в этих событиях столкновение между либеральной демократией и единоличной диктатурой. Глубокая пропасть разделяет также точки зрения относительно «вины» обоих деятелей, высказываемые, с одной стороны, приверженцами Боливара, а с другой – поклонниками Сантандера. И очень редко историки обращаются к глубинным причинам столкновения двух выдающихся деятелей. А такие причины существовали. Борьба велась за различные альтернативы общественного развития молодых государств. Боливар олицетворял самобытный путь развития, основанный на осуществлении радикальных реформ и опоре на народные силы пробудившихся к жизни наций. Сантандер выступал за следование иностранным образцам и постепенную капиталистическую модернизацию при согласии с олигархией и поддержке северного соседа.

Сторонники Сантандера благодаря действовавшему избирательному регламенту получили большинство мест в Конвенте, заседавшем в Оканье в апреле-июне 1828 года. Не желая оказывать давление на его работу, Боливар терпеливо ждал решений, удалившись на краткий отдых в Букарамангу. Воспользовавшись этим, сантандеристы фактически провалили предложенную Освободителем программу преобразований, воспротивились созданию сильного и авторитетного правительства, необходимого для стабилизации политической обстановки и продолжения преобразований в социальной области. Тогда Боливар, следуя традициям эпохи борьбы за независимость, созвал в Боготе Народную ассамблею и с ее одобрения взял в свои руки всю полноту политической власти. В обращении к колумбийцам 27 августа 1828 г. Освободитель объяснял необходимость такого шага чрезвычайными обстоятельствами и провалом работы Конвента в Оканье.

Мы никогда не узнаем, вдохновлялся ли в те часы Боливар учением о революционной диктатуре своего идейного наставника Руссо, изложенным в «Общественном договоре», или же следовал неумолимой логике жесткой идейно-политической конфронтации. «Вся история учит, что политическая гангрена не лечится паллиативами»⁴⁸⁶, – писал Боливар, находясь в Букараманге. Согласно точке зрения авторитетного венесуэльского историка наших дней Х. Сальседо-Бастардо, Освободитель прибег к крайнему средству и временно принял на себя диктаторские полномочия в отчаянной попытке «дать новый импульс революции и сделать ощутимыми ее результаты»⁴⁸⁷. Действительно, последний период пребывания у власти Боливара отмечен рядом важных социальных декретов. Но при принятии чрезвычайных, во многом крайних мер были, конечно, и неправильные и даже трагически ошибочные решения, особенно те, что вели к дальнейшему сужению массовой опоры радикального крыла патриотов, превращению вчерашних союзников и попутчиков в явных или скрытых противников. Боливар вплотную столкнулся с трудноразрешимой дилеммой: каким путем

---

⁴⁸⁶ [486] Ibid. – P. 820

⁴⁸⁷ [487] Salsedo Bastardo J, L. Historia fundamental de Venezuela. – Caracas, 1976. – P. 379-380

резко повысить политическое сознание народа и можно ли перебороть инерцию отсталого общества?

В этой напряженной обстановке после провала мятежа адмирала Х. Падильи созрел заговор против Боливара. Глубокой сентябрьской ночью 1828 года в президентском дворце «Сан-Карлос» неожиданно возник шум. Любящее чуткое сердце Мануэли почувствовало опасность: она разбудила Боливара. Полуодетый Симон успел выпрыгнуть из окна и скрыться раньше, чем в их спальню ворвались вооруженные заговорщики с горящими факелами. Убить Боливара и передать власть вице-президенту Сантандеру не удалось. Верные Освободителю части воинского гарнизона подавили в зародыше попытку государственного переворота. Его организаторы и исполнители предстали перед судом. Специальный трибунал в составе четырех судей и четырех офицеров под председательством генерала Р. Урданеты приговорил восьмерых участников заговора к смертной казни. Своим решением Боливар заменил Сантандеру расстрел на изгнание за пределы страны. В отношении остальных, включая адмирала Падилью, приговор был приведен в исполнение. После завершения судебного процесса Освободитель в целях национального примирения объявил амнистию всем причастным к попытке государственного переворота. Покушение на его жизнь морально ранило Боливара. Он верил в добрые чувства народа к нему, в преданность соратников по борьбе и никогда в мирное время не пользовался охраной и не носил с собой оружия.

Обострение внутривнутриполитического кризиса в Великой Колумбии и драматические события в Боготе вызвали неоднозначную реакцию за границей, прежде всего в США, Англии и Франции. Друзья Боливара поздравляли его со счастливым спасением, желали успешно преодолеть трудности. Противники и враги обрушивали на Освободителя хулу и обвинения в предательстве идеалов свободы и намерениях по примеру Наполеона водрузить на свою голову императорскую корону. В их лагерь переметнулись многие буржуазные либералы, ранее восторгавшиеся Боливаром и его подвигами. Во Франции антиболиварскую кампанию возглавил идеолог французского либерализма Бенжамен Констан, в Англии такую роль взял на себя создатель философской теории утилитаризма Иеремия Бентам⁴⁸⁸. Оба деятеля пользовались в то время широкой известностью. Их обвинения в адрес Боливара в узурпации власти и монархических замыслах вызвали немалый международный резонанс, усилили позиции противников Освободителя в Великой Колумбии.

Боливар дал аргументированный отпор буржуазным либералам, искажавшим его деятельность, и клеветническим нападениям врагов. «Достоин всяческого сожаления, – писал Боливар, – что господин Констан берет на себя смелость судить о моих поступках, не располагая никакими данными, не зная мотивов моих поступков»⁴⁸⁹. Он распорядился опубликовать во Франции и других европейских странах все документы, касавшиеся установления временного режима диктатуры. Вскоре в Боготе должен был начать работу Учредительный конгресс, призванный окончательно решить вопросы государственного устройства Великой Колумбии. В защиту Боливара возвысили свой голос Лафайет, аббат Прадт и другие, но антиболиварская кампания нарастала. Сам факт настойчивой циркуляции версий и слухов о монархическом проекте Боливара, несмотря на его многочисленные опровержения, свидетельствовал о направленных усилиях по международной дискредитации Освободителя. В частности, Сантандер, обосновавшись в Европе, постоянно путешествовал по городам Германии, Бельгии, Франции, Англии, Италии и везде подливал масла в огонь⁴⁹⁰. Североамериканская пресса, обрушиваясь с критикой на Боливара, постоянно

---

⁴⁸⁸ [488] См. Bolivar y Europa... – P. 310-343; 445-460.

⁴⁸⁹ [489] Bolivar S. – Vol. 111. – P. 261

⁴⁹⁰ [490] См. Bolivar y Europa... – P. 361-378

противопоставляла ему «несчастную жертву» и защитника конституционных свобод Сантандера.

В силу различных побуждений, но почти одновременно Вашингтон, Париж и Лондон вмешались во внутривосточные дела Великой Колумбии. Их не устраивала перспектива создания сильного правительства в этом ключевом государстве Южной Америки. В октябре 1828 года государственный секретарь США направил Боливару письмо, получившее широкую известность. В нем Клей выражал свою обеспокоенность судьбой «свободных институтов» в Латинской Америке и высказывал Освободителю ряд «дружеских советов». Клей убеждал его отказаться от диктаторских полномочий, восстановить либеральную конституцию, распустить освободительную армию, и тогда, по его мнению, в этой части мира наступит «новый триумф дела человеческой свободы»⁴⁹¹. Письмо Клея явилось замаскированным объявлением войны Боливару. Это стало очевидным, когда в Боготу в феврале 1829 года прибыл новый посланник Вашингтона – генерал У. Гаррисон, назначенный на этот пост по настоянию Клея.

Загородная резиденция Гаррисона под Боготой служила местом проведения регулярных встреч местных деятелей и иностранцев, настроенных враждебно к правительству. Посланник США оказался причастным к мятежу генерала Кордобы в сентябре 1829 года, закончившемуся провалом. Гаррисон, агрессивный и несдержанный и не стеснявшийся в выборе средств герой англо-американской войны из-за Канады, навязчиво поучал Боливару, какого политического курса тому следует придерживаться. Совершенно несовместимым со статусом иностранного дипломата было письмо Гаррисона, направленное президенту Великой Колумбии в конце его пребывания в стране, 7 сентября 1829 г. Один из историков справедливо задавал вопрос в связи с поведением Гаррисона: «Что бы сказали в США о колумбийском посланнике, вздумай он поучать Вашингтон, как тому следует вершить политические дела? Возможно, он оказался бы в сумасшедшем доме»⁴⁹². Кроме того, Гаррисон всячески подогревал антиболиварскую настроенность Вашингтона. В своих зашифрованных депешах государственному секретарю он постоянно твердил, что не сегодня, так завтра в Великой Колумбии будет установлена монархия во главе с Боливаром. После энергичных протестов колумбийского министра иностранных дел Э. Вергары Белый дом вынужден был отозвать своего посланника. Вернувшись в США, Гаррисон продолжал кампанию против Боливару. Он опубликовал брошюру, содержащую полный текст его письма к Боливару, и другие подобного рода заявления. Избранный президентом США в 1840 году Гаррисон скончался через месяц после вступления в Белый дом.

Вмешательство Франции также негативно отразилось на судьбе Великой Колумбии. В середине 1828 года Париж направил в испанскую Америку дипломатическую миссию из трех человек во главе с Ч. Брессоном. Формально ей поручалось ознакомиться с обстановкой в молодых независимых государствах ввиду намерения Карла X завязать с ними отношения. На деле главная цель этой «деликатной» миссии, как ее именуют в документах, заключалась в том, чтобы попытаться продвинуть в жизнь французский план создания в испанской Америке конституционных монархий под эгидой Парижа⁴⁹³.

Миссия Брессона прибыла в Боготу в апреле 1829 года. В это время Боливар находился за тысячу километров от столицы, на юге Великой Колумбии. Ему пришлось отправиться туда вслед за Сукре в связи с мятежами в южных провинциях и начавшейся войной с Перу. В отсутствие Освободителя президент Правительственного совета Х. М. Кастильо и министры

---

⁴⁹¹ [491] The Papers of Henry Clay. – Vol. 7. – Lexington (Kentucky), 1982. – P. 517-518

⁴⁹² [492] Цит. по Urrutia F. J. Paginas de historia diplomatica P. 338-339

⁴⁹³ [493] См. Bolivar y su epoca. – Vol. 2. – P. 257, 269-270; Robertson W. S. France and Latin-American Independence. – Baltimore, 1939. – P. 497- 501

Э. Вергара (иностранных дел), Р. Урданета (военный) и Х. Рестрепо (внутренних дел) после нескольких конфиденциальных встреч с Брессоном решили дать ход монархическому проекту. Они собрали секретное заседание совета нотаблей (представителей городской знати) и, получив его поддержку, перешли к действиям, не дождавшись ответа Боливара на свое послание к нему. Все они искренне верили, что монархический проект спасет Великую Колумбию от политической анархии.

С согласия Правительственного совета министр иностранных дел Вергара в сентябре 1829 года дал официальное указание колумбийским представителям в Лондоне и Париже добиваться поддержки Англией и Францией плана создания конституционной монархии на колумбийской земле ⁴⁹⁴.

Боливар, получив информацию о действиях Правительственного совета, решительно и категорически отмежевался от монархического проекта. В письме к адъютанту О'Лири (13 сентября 1829 г.) и в обращениях к членам правительства (ноябрь 1829 г.) Освободитель заявил, что он не примет корону, даже если его об этом будут просить все жители Великой Колумбии ⁴⁹⁵. Боливар дал указание прекратить всякие переговоры с иностранными державами по этому вопросу. Но огромное расстояние и отсутствие связи с Боготой сыграли злую шутку. Решение Освободителя стало известно в Боготе слишком поздно. Маховик разрушительной международной интриги уже набрал силу. В игру вступил Лондон. Министр иностранных дел Великобритании лорд Д. Г. Абердин поставил в известность колумбийского посланника об отрицательном отношении Англии к перспективе воцарения французских принцев в испанской Америке. Английское правительство решило ускорить распад Великой Колумбии, чтобы окончательно пустить на дно монархический проект. В апреле 1829 года в Ла-Гуайру прибыл вице-адмирал Флеминг, командующий английским военно-морским флотом в Карибах. В Каракасе состоялись переговоры между Флемингом и Паэсом. Иностранные консулы сообщали своим правительствам о поддержке Англией венесуэльских сепаратистов и обещании Флеминга предоставить Паэсу в случае конфликта с Боготой финансовую помощь в 200 тыс. долл. и поддержку английской эскадры из пяти кораблей, стоявшей на рейде Ла-Гуайры ⁴⁹⁶. Вскоре Венесуэла объявила об окончательном разрыве с центральным правительством Великой Колумбии.

Боливар вернулся в Боготу в январе 1830 года. За год отсутствия Освободитель сильно изменился. Он как-то вдруг и сразу постарел. Не столько годы, сколько неурядицы последнего периода надломили его здоровье. Казавшаяся поначалу обычной простуда в Гуаякиле обернулась тяжелой болезнью. После долгой и трудной дороги он не смог председательствовать на заседаниях Учредительного конгресса, начавшего свою работу, и его заменил Сукре. Боливар задумал одним ударом покончить с порочившими его слухами о скорой коронации. Он сложил с себя временные диктаторские полномочия и подал в отставку со всех постов, предоставив Учредительному конгрессу возможность по своему усмотрению распорядиться властью. Решение Освободителя было окончательным. В последние месяцы жизни он отклонял неоднократные призывы вновь возглавить правительство. Предательское убийство Сукре острой болью отозвалось в его сердце. Силы Боливара угасали.

Оставшись без своего лидера, поредевшее радикальное крыло патриотов сдавало противникам одну позицию за другой, а отстраненный от политики народ, уставший от неурядиц, безмолвствовал. При рассмотрении в конгрессе вопроса о пенсии Освободителю враги Боливара добились одобрения постановления, предписывавшего ему покинуть

---

⁴⁹⁴ [494] См. Rivas R. Op. cit. – P. 166-167

⁴⁹⁵ [495] См. Bolivar S. – Vol. 111. – P. 315, 367

⁴⁹⁶ [496] См. Bolivar y su epoca. – Vol. 2. – P. 882-883

пределы страны. Еще раньше венесуэльский конгресс объявил его вне закона. 17 декабря 1830 г. по пути в изгнание Боливар скончался. Его последние слова были обращены к народу: «Колумбийцы! В предсмертный час я думаю о благе родины. Если моя смерть будет способствовать прекращению раздоров и укреплению единства, я без ропота сойду в могилу»⁴⁹⁷. После смерти Освободителя республика Великая Колумбия окончательно распалась на три самостоятельных государства – Венесуэлу, Новую Гранаду (с 1863 г. – Колумбия) и Эквадор.

Послесловие

Героями истории, истинными историческими личностями, вождями человечества есть и будут лишь те, кто осуществляет свободу, в свободе видит силу человека, народа и государства.

Василий Гроссман

Время – лучший судья историческим героям и их свершениям. Неподкупно строгой мерой оно воздает всем по заслугам и каждому отводит соответствующее место. Боливар умирал изгоем в забытом богом местечке Сан-Педро-Алехандро в окружении лишь нескольких самых преданных друзей. Погребальным аккомпанементом звучали крики торжествующей черни. «Боливар, гений зла, факел анархии, угнетатель своей родины, перестал существовать»⁴⁹⁸, – возвестил губернатор венесуэльской провинции Маракаибо. Двенадцать лет прах Освободителя покоился на чужбине. Только в 1842 году родственники Боливара осмелились перевезти его останки на родину, исполнив тем самым его последнюю волю, высказанную в завещании, и захоронить их в кафедральном соборе Каракаса. И лишь спустя многие годы прах Боливара был перенесен в Национальный пантеон, где покоятся выдающиеся герои борьбы за независимость. Двухсотлетие со дня рождения великого венесуэльца широко отмечалось во всем мире.

В чем же заключается подлинное величие Симона Боливара, признанное сегодня человеческим сообществом? На наш взгляд, заслуживают внимания в первую очередь два момента. С одной стороны, объективные результаты его многоплановой деятельности полководца, главы государства, социального реформатора и дипломата помогли народам континента совершить прорыв на более высокий виток общественного развития в переломную эпоху перехода от старого феодального мира к новой, более прогрессивной буржуазной формации. С другой стороны, в боливарском наследии содержится «послание будущему». Иными словами, в своих идейных поисках и устремлениях Боливар сражался за благородный идеал, к которому продолжает стремиться человечество и сегодня, – свободу, социальную справедливость, равноправие всех рас и национальностей, дружественное сотрудничество государств и народов.

Время выявляет в «послании будущему» Освободителя революционную романтику, смелый интернациональный пафос, бескорыстное самопожертвование и провидческое предчувствие наступления эры верховенства общечеловеческих ценностей. Наверное, не будет столь уж большим преувеличением усмотреть в самобытных мировоззренческих представлениях Боливара о «равновесии во Вселенной» ростки нового планетарного политического мышления. И все это согрето страстной человеческой личностью, сотканной из противоречий, осознающей трагическую невозможность вырваться за рамки своего времени и не желающей мириться с низостями жизни.

Во главе народных масс и вместе с ними Боливар сокрушил огромную колониальную

---

⁴⁹⁷ [497] Bolivar S. – Vol. III. – P. 824

⁴⁹⁸ [498] Цит. по Masur G. Op. cit. – P. 578

империю, существовавшую более трех столетий. Тот факт, что испанская Америка смогла породить исторического деятеля такого масштаба, послужил одним из слагаемых победы. Конечно, Боливар сам не творил чудеса, как сказочный герой. Он лишь смело использовал объективные процессы и обстоятельства, чутко улавливал импульсы, идущие от народа, и, как могучий резонатор, усиливал их, выражал их в лозунгах и идеях. Овладевая массами, они становились непобедимыми. В конечном счете от чужеземного гнета были освобождены территории с населением около 16 млн., в несколько раз превышавшие размеры 13 английских колоний в Северной Америке. Тем самым народы континента сделали важный шаг, чтобы стать творцами своей собственной судьбы и активными участниками всемирной истории. Эти события раздвинули рамки действия законов капитализма, ускорили темпы мирового исторического прогресса в XIX веке и вызвали существенные сдвиги в мировой политике. В международную жизнь включилась большая группа новых суверенных государств, и в первой четверти XIX века не было ни одной великой державы, не вовлеченной так или иначе во взаимоотношения с ними.

Завоевание национальной самостоятельности не ограничивалось для Боливара только разрывом уз рабской подчиненности метрополии. Судя по мыслям и делам Освободителя, для него это был многосторонний процесс, включавший неразрывную триаду: обретение нацией суверенитета, построение наиболее прогрессивных форм общественно-государственного устройства, достижение народами испанской Америки равноправия на международной арене. Таким образом, дипломатия национального освобождения не только была призвана служить инструментом завоевания политической независимости, но и являлась важнейшим компонентом нового, преобразованного общества в Южной Америке.

Боливар был одним из крупнейших революционеров своей эпохи, человеком активного действия. Свое жизненное призвание он видел в осуществлении передовых идей на практике. Сказанное полностью относится к дипломатии. В этой области, как и в других делах, он шел непроторенной дорогой. У него не было возможности опереться на позитивный опыт предшественников, если не считать Франсиско Миранды, именовавшего себя в годы вынужденных скитаний «полномочным представителем народов и городов испанской Америки». Это обстоятельство также подчеркивает весомость вклада Боливара в теорию и практику международных отношений. Дипломатия Боливара прошла стадию становления, точнее – «ученичества», совпадающую по времени в основном с первым этапом войны за независимость. На втором, заключительном этапе столица Великой Колумбии уже играла роль нового важного центра международной активности. Дипломатические инициативы, начинания и проекты Боливара заставляли интенсивнее функционировать министерства иностранных дел всех великих держав.

Деятельность боливарской дипломатии развивалась по трем основным направлениям. Условно их можно назвать северным – отношения с США, восточным – европейская политика и южным – дружественные связи со странами, ранее бывшими колониями. На каждом из них решались свои особые конкретные задачи. Нет необходимости перечислять их, этому посвящена вся книга. Вместе с тем на всех трех направлениях происходило формирование «кирпичей» и «блоков», из которых возводилось здание внешней политики Боливара, объемлющее ее философию, цели и ценности, мораль и нравственность. Многие несущие опоры этого здания, находясь на почве реальной действительности той эпохи, были устремлены в будущее.

Освободитель прозорливо предвидел негативные последствия для исторических судеб народов континента политического дробления испанской Америки на большое число мелких государств. Он считал, что молодые независимые государства, если они останутся разобщенными и слабыми, окажутся объектами колониалистских притязаний европейских великих держав и северного соседа. Поэтому столь страстно Освободитель всю свою жизнь добивался создания конфедерации латиноамериканских республик от Мексики до Аргентины.

На протяжении всей предшествующей истории союзы государств создавались в целях войны, для захвата чужих территорий и богатств, овладения колониями. Анфикион Боливара представлял собой принципиально новый тип внешнеполитического союза. Выражаясь современным языком, речь шла о построении латиноамериканского «общего дома», то есть о попытке сплотить молодые независимые государства для защиты своей системы ценностей, а именно эффективного народного суверенитета, республиканизма, социального равенства, солидарности, патриотизма и братского сотрудничества. Фундаментальное значение интеграции подтвердил весь последующий опыт человечества. Дипломатическая дуэль Боливара со «Священным союзом» преследовала прежде всего конкретные цели – получить дипломатическое признание Европы, изолировать Фердинанда VII, отклонявшего все мирные предложения. Одновременно это была борьба против реакционного легитимизма, за утверждение в международных отношениях такого универсального общечеловеческого принципа, как свобода выбора народами своего пути развития.

Подведение итогов будет неполным, если не сказать о личном вкладе Боливара. Руководство вооруженной борьбой и государственное строительство, естественно, ограничивали его возможности повседневного участия в делах внешней политики. Но и в таких объективно непростых условиях оно было очень значительным. Вокруг Боливара выросла целая плеяда талантливых дипломатов, способных стать вровень с выдающимися профессионалами международных отношений той эпохи. Но среди них вряд ли кто-нибудь может подняться до величия новаторских и необычайно смелых внешнеполитических проектов Боливара, нередко опережавших свое время. Он решительно отверг господствовавшие в его эпоху методы «монархической дипломатии» и одним из первых в истории стал добиваться демократизации международных отношений, широко использовал обращения через головы правителей к общественности зарубежных государств в целях завоевания их на сторону справедливой борьбы народов Латинской

Америки. В отличие от министров иностранных дел и послов монархических государств, руководители внешнеполитической службы и дипломатические представители Боливара за рубежом не обладали громкими аристократическими титулами герцогов, лордов, графов, баронов.

Максимально обобщенная оценка дипломатии Боливара однозначна. Его внешняя политика была успешной, помогла победе над Испанией, отстояла и обеспечила независимое национальное государственное существование испаноамериканских государств. Но такой оценкой не исчерпывается вся суть явления. На внешней политике Освободителя также лежит печать трагического исхода. Два самых грандиозных проекта, которым он отдал много лет неустанных трудов, не оправдали возлагавшихся на них надежд. Не стал реальностью внешнеполитический союз латиноамериканских стран. Дорогая сердцу Боливара республика Великая Колумбия не пережила своего создателя и распалась. Обозревая руины, он с горечью говорил незадолго до смерти: «вспахивали море» 499.

Однако личная трагедия Боливара не могла зачеркнуть историческое значение его свершений. Героические дела Освободителя, идейно-политическое наследие, динамизм его личности и одержимость идеями свободы и равноправия, суверенного равенства всех государств вдохновляли и продолжают вдохновлять последующие поколения борцов за свободу и социальный прогресс в Латинской Америке и за ее пределами.

В Латинской Америке после смерти Боливара развернулась острая идеологическая борьба вокруг его наследия. Она не утихает и донныне. Позицию прогрессивных сил в этой борьбе исчерпывающе выразил Хосе Марта, национальный герой кубинского народа: «То, что не сделал Боливар, еще предстоит осуществить в Америке» 500.

---

499 [499] См. Bolivar S. – Vol. III. – P. 501

500 [500] Marti J. Nuestra America. – La Habana, 1964. – P. 212

Далеко не все в наследии Боливара выдержало проверку временем. Но образ Освободителя сохраняет нетленную притягательную силу, а многие его воззрения созвучны императивам нашего времени. В столице Венесуэлы в 1983 году проходил международный конгресс, посвященный латиноамериканской политической мысли. Его участники в одобренной Декларации Каракаса заявили: «Латиноамериканский проект Боливара, который он именовал «братское сообщество республик», приобретает историческое значение наиболее адекватной гарантии развития, экономического освобождения, подлинной политической независимости и защиты бесценной культурной самобытности»⁵⁰¹, Это лишь один из многочисленных примеров обращения в наши дни к наследию Боливара. Выдвинутые Боливаром внешнеполитические концепции, его идеи о латиноамериканском сотрудничестве и солидарности, о самостоятельной внешней политике занимают видное место в дипломатическом арсенале государств региона, выступающих активными участниками международной жизни. И сегодня имя Боливара-Освободителя поднимают на своих знаменах в Латинской Америке подлинные наследники его патриотических идеалов – поборники социального обновления общества, мира и дружбы между народами.

---

501 [501] Nweihed K. Op. cit. – P. 273